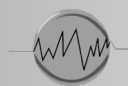

ISSN 2223–2982

**СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№ 12 2018 (ДЕКАБРЬ)

Учредитель журнала

Общество с ограниченной ответственностью

«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Редакционный совет

В.Л. Степанов — д.и.н., профессор, Институт экономики РАН
Ю.Б. Миндлин — к.э.н., доцент, МГАВМиБ им. К.И. Скрябина
П.В. Акулишин — д.и.н., проф., РГУ им. С.А. Есенина
Э.Н. Алиева — д.филол.н., доцент, независимый эксперт
А.Ю. Ватлин — д.и.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
Г.И. Воронина — д.п.н., проф., Гуманитарно-социальный институт
Е.Е. Вяземский — д.п.н., проф., МПГУ
Н.А. Герасименко — д.филол.н., проф., МГОУ
Е.Б. Евладова — д.п.н., г.н.с., ИИДЦВ РАО
А.Э. Котов — д.и.н., доцент, С-Петербургский ГУ
С.К. Лебедев — д.и.н., С-Петербургский институт истории РАН
П.В. Лизунов — д.и.н., проф., Сев. [Арктический] Федеральный университет им. М.В. Ломоносова
А.П. Миньяр-Белоручева — д. филол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
М.В. Михайлова — д. филол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
Я.М. Нейматов — д.п.н., проф., Президент фонда развития инновационных технологий РФ
Н.О. Осипова — д. филол.н., проф., Московский гум. университет
В.В. Петрусинский — д.п.н., проф., РАНХ и ГС при Президенте РФ
Т.А. Печенёва — д.п.н., Белорусский ГУ
Н.Л. Пушкарева — д.и.н., проф., Институт этнологии и антропологии РАН
А.Н. Рыжов — д.п.н., проф., МПГУ
А.И. Савостьянов — д.п.н., проф., МПГУ
А.С. Сенявский — д.и.н., главный научный сотрудник Института экономики РАН
М.Ю. Сидорова — д.филол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
А.М. Сморгачев — д.и.н., проф., РГГУ
О.Ю. Стрелова — д.п.н., проф., Хабаровский краевой институт развития образования
В.И. Тюпа — д. филол.н., проф., Институт филол. и истории РГГУ
Н.М. Щедрина — д. филол.н., проф., МГОУ
С.Н. Ханбалаева — д. филол.н., преподаватель, МГИМО МИД РФ
Н.В. Юдина — д. филол.н., проф., ректор Владимирского филиала Финансового университета при Правительстве РФ

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью

«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:

109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10

Тел/факс: 8(495) 755-1913

E-mail: redaktor@nauteh.ru

<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

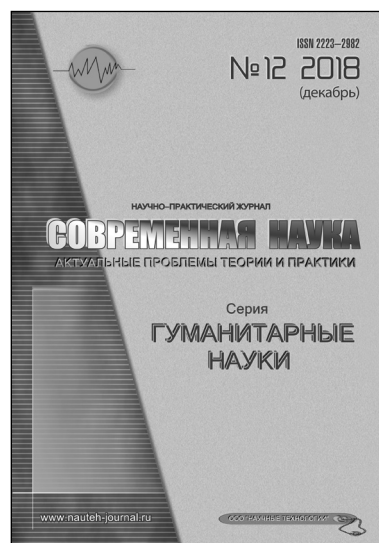
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44913 от 04.05.2011 г.

Серия: Гуманитарные науки № 12 декабрь 2018 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(БАК - 07.00.00, 10.00.00, 13.00.00)

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор

В.Л. Степанов

Выпускающий редактор

Ю.Б. Миндлин

Верстка

А.В. Романов

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 80015

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал

«Современная наука:

Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии

ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296

Подписано в печать 20.12.2018 г. Формат 84x108 1/16

Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2982

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

История

Александров А. П., Габдулхаков Р. Б. — История Вольно-Киевской общины евангельских христиан в Башкирии

Aleksandrov A., Gabdulkhakov R. — History of the Volyno-Kiev community of evangelical Christians in Bashkiria5

Быстрова Ю. М., Ковалева Д. Н. — Русское литературное присутствие во Франции в конце XIX – начале XX в. и его роль в развитии диалога культур (исторический аспект)

Bystrova Yu., Kovaleva D. — Russian literary presence in France in the late XIX-early XX century and its role in the development of the dialogue of cultures (historical aspect)9

Веремейчик А. Е. — Первый ректор белорусского государственного университета В.И. Пичета как исследователь истории формирования дворянских имений на территории Беларуси: историографический обзор

Veremeichik A. — The first rector of the Belarusian state university V.I. Picheta as a researcher of the history of the formation of noble estates on the territory of Belarus: a historiographical overview15

Жевалов С. А. — Поступления шерсти в СССР в предвоенные годы и во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг

Zhevalov S. — Receipts of wool in the USSR in the prewar years and during the Great Patriotic war of 1941–1945 20

Журов А. Н., Шингарева Н. В. — Обеспечение дорожной безопасности как направление деятельности городской полиции Российской империи в XVIII в. (к 300-летию российской полиции)

Zhurov A., Shingareva N. — Ensuring road safety as the direction of the city police of the Russian Empire in the XVIII century (to the 300th anniversary of the Russian police) 25

Запарий В. В. — Территориально-производственные комплексы по производству танков на Урале в 1945–1950 гг.: проблемы трансформации и конверсии

Zapariy V. — Territorial production complexes for the manufacture of tanks in the Urals in 1945–1950: problems of transformation and conversion 28

Зубарев В. Г., Смекалов С. Л., Ярцев С. В. — Магниторазведка на археологических памятниках в округе античного городища «Белинское» (Восточный Крым) в 2018 г.

Zubarev V., Smekalov S., Yartsev S. — Magnetic prospecting on the archaeological monuments in the district of antique hillfort «Belinskoye» (East Crimea) in 2018 34

Казамбиева П. М. — Вклад аварского ханства в разгроме Надир шаха и в ослаблении влияния порты на Кавказ

Kazambieva P. — The contribution of the Avar khanate in the defeat of Nadir Shah and weakening effects of the ports on the Caucasus 46

Киселев С. Б. — Особенности современного природопользования кочевого населения северной части полуострова Ямал

Kiselev S. — Features of nomadic population modern economy of the northern part of the Yamal Peninsula 51

Сагинадзе Э. О. — «Курорты суть источники народного национального обогащения»: правительственная политика Российской Империи по развитию рекреационных ресурсов Кавказских минеральных вод (1894–1917)

Saginadze E. — «Resorts are the sources of people's national enrichment»: the government policy of the Russian Empire for the development of recreational resources of the Caucasian mineral waters (1894–1917) 56

Степанов В. Л. — Государственное регулирование кавказской нефтяной промышленности в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.)

Stepanov V. — State regulation of Caucasian oil industry in the First World War (1914 – february 1917) ... 63

- Чочиев В. Ю.** — К 40-летию системной организации отечественной добычи нефти на морском шельфе
Chochiev V. — To the 40th anniversary of the system organization of petroleum oil production on the marine shelf. 69
- Янченко Д. Г., Овсянников Д. В., Шорохов В. А.** — Восстание в Туркестане 1916 года и реакция на него государственной думы: историография вопроса и истоки конфликта
Yanchenko D., Ovsyannikov D., Shorokhov V. — Uprising in Turkestan in 1916 and reaction of the state дума: historiography of the issue and the origins of conflict 73
- Педагогика
- Башилова Е. И.** — Методы аудирования в процессе обучения английскому языку
Bashilova E. — The methods of auding in proses of learning English. 81
- Ефремов А. А.** — Инновационный и социокультурный аспекты правовой подготовки военных медицинских специалистов в рамках дополнительного профессионального образования
Efremov A. — Innovative and socio-cultural aspects of legal training of military medical professionals in the framework of additional professional education 85
- Капустин Е. С.** — К вопросу совершенствования физической подготовленности учащихся начальной школы на основе теории формирования умственных действий
Kapustin E. — To the question of improvement of physical fitness of primary school students based on the theory of formation of mental actions 90
- Макарова Т. Г., Грузинцева И. М.** — Преподавание LSP (язык для специальных целей) в магистратуре экономического профиля в условиях нового педагогического дискурса
Makarova T., Gruzintseva I. — Teaching LSP (language for special purposes) in the master's degree programme of economic profile under the conditions of new pedagogical discourse 95
- Соловьева Н. М.** — Педагогическая поддержка гуманизации обучения физике в старшей школе
Soloveva N. — Pedagogical support of humanization of teaching physics in high school 98
- Сун Юй** — Философия образовательных концепций
Song Yu — Philosophy of educational concepts 102
- Тутушкина В. Г.** — Влияние оздоровительных видов фитнеса на опорно-двигательную систему студентов
Tutushkina V. — The impact of recreational types of fitness on the musculoskeletal system of students 108
- Федоров Г. М.** — Учебные пособия для школ севера, формирующие гражданскую, региональную и этническую идентичности
Fedorov G. — Teaching aids for schools in the north, forming civil, regional and ethnic identities 112
- Филология
- Абдулжалилова Х. И.** — Особенности указательно-выделительных прилагательных в аварском и русском языках
Abdulzhalilova Kh.I. — Features of indicative and adjectives in Avar and Russian 119
- Абдулхалимова Р. О.** — Ударение в латинских медицинских терминах, заимствованных из греческого языка
Abdulkhaliyeva R. — Impact in Latin medical terms, borrowed from the Greek language 122
- Агаева В. С.** — Этап академика Тофика Гаджиева в истории исследования памятника «Китаби-Деде Коркут»
Agayeva V. — The stage of the academician Tofik Hajiyev in the history of the researching the monument of "Kitabi- -Dede Korkut" 125
- Ангалева М. А.** — Армейская субкультура США экстралингвистическом ракурсе (на материале английского языка)
Angaleva M. — The U.S. military subculture from extralinguistic prospective (as exemplified in English) 129
- Базанова А. Е., Попова Е. О.** — Разговорная лексика как источник формирования лексического состава современного российского экономического медиатекста
Bazanova A., Popova E. — Colloquial lexicon as source of formation of lexical structure of the modern Russian economic media text. 132

Джамалудинова А. Г. — Словосочетания аварского языка с зависимым существительным в дательном падеже и их соответствия в английском	Олехнович О. Г. — Денотативно-семантические корреляции при формировании русской фитонимической лексики (на примере «Документов Аптекарского Приказа» XVII в.)
<i>Dzhamaludinova A.</i> — Avar phrases with a dependent noun in the dative case and their correspondence in English. 138	<i>Olekhnovich O.</i> — Denotative-semantic correlations in the formation phytonymic vocabulary (on the example of the documents of the pharmaceutical order of the 17th century). 174
Джебраилов Г. Х. — Предметность и его средства выражения в тюркских языках огузской группы	Тан Цзин — Литераторская традиция французских символистов в творчестве Ф. Сологуба
<i>Jabrayilov G.</i> — Objectivity and its means of expression in the Turkic languages of the Oguz group 141	<i>Tang Jing</i> — The literary tradition of the French Symbolists in the works of F. Sologub. 180
Дякина А. А., Кравченко А. А. — Литературные портреты в ранней публицистике И. А. Бунина	Тан Цзин — Попытки классификации рассказов Ф. Сологуба
<i>Dyakina A., Kravchenko A.</i> — Literary portraits in early journalism of I. A. Bunin. 146	<i>Tang Jing</i> — Attempts to classify stories F. Sologub. 183
Карнюшина В. В. — Коммуникативные функции этикетных клише, штампов, стереотипов и разговорных формул: к вопросу о разграничении понятий	Хусиханов Ш. А. — Особенности перевода немецких идиоматических выражений на русский язык
<i>Karnyushina V.</i> — Communicative functions of etiquette clichés, speech stamps, stereotypes and conversational formulas: on the question of the notions delimitation 151	<i>Khusikhanov Sh.</i> — Features of the translation of the German idiomatic expressions into Russian. 186
Кичеева К. В. — Прошедшее время на -(п)чатхан в хакасском языке	Хусиханов Ш. А. — Проблема межкультурного взаимопонимания с точки зрения идиоматики (к вопросу о специфике формирования концепта «еда» в русской и немецкой культурах)
<i>Kicheeva K.</i> — Past tense with — (p) chathan in Khakas language 158	<i>Khusikhanov Sh.</i> — Problem of cross-cultural mutual understanding from the point sight of idiomatics (to a question of specifics of formation of a concept «food» in the Russian and German cultures). 191
Конунов А. А. — Сказительское искусство алтайцев в условиях глобализации	Хэ Ли — Новые медиа России и Китая на современном этапе
<i>Konunov A.</i> — Socialisme the art of the Altai in the context of globalization. 162	<i>He Li</i> — New media of Russia and China at the modern stage. 195
Куприянова М. Е., Ильина А. Ю., Рубина Н. Б. — Структурная и функциональная дифференциация английского языка в Карибском регионе	
<i>Kupriyanova M., Ilina A., Rubina N.</i> — Structural and functional differentiation of the English language in the Caribbean region 167	
Магомедова М. А. — Принципы классификации синонимов в современной лингвистике	
<i>Magomedova M.</i> — Principles of synonyms classification in modern linguistics. 171	
	Информация
	Наши авторы. Our Authors. 199
	Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 201

ИСТОРИЯ ВОЛЫНО-КИЕВСКОЙ ОБЩИНЫ ЕВАНГЕЛЬСКИХ ХРИСТИАН В БАШКИРИИ

HISTORY OF THE VOLYNO-KIEV COMMUNITY OF EVANGELICAL CHRISTIANS IN BASHKIRIA

**A. Aleksandrov
R. Gabdulkhakov**

Summary. The article deals with the history of the emergence of the Volyn-Kiev community of Evangelical Christians — one of the Protestant communities of Evangelical Christians of Bashkiria, formed from among Ukrainian migrants. Analyzed age and gender, social characteristics of believers. The main milestones of the repressive policy of the Soviet state regarding the leadership of this community are considered. The conclusion is made about the tragic role of repression for the continued existence of the community.

Keywords: Christianity, Ufa province, evangelical Christians, repression. On the existence of the community.

Александров Алексей Павлович

*К.и.н., доцент, Бирский филиал Башкирского
государственного университета (г. Бирск)
alexei.a.p20@rambler.ru*

Габдулхаков Рамзиль Борисович

*Д.и.н., профессор, Бирский филиал Башкирского
государственного университета (г. Бирск)
ramzill@rambler.ru*

Аннотация. В статье рассматривается история возникновения Волыно-Киевской общины евангельских христиан — одной из протестантских общин евангельских христиан Башкирии, сформировавшихся из числа украинских переселенцев. Анализируются половозрастные, социальные характеристики верующих. Рассматриваются основные вехи репрессивной политики советского государства в отношении руководства этой общины. Делается вывод о трагической роли репрессий для дальнейшего существования общины.

Ключевые слова: христианство, Уфимская губерния, евангельские христиане, репрессии.

Конец XIX — начало XX века стало временем существенных изменений в религиозном ландшафте Уфимской губернии. Реформы 60–70-х гг., земельная политика царского правительства, привели к тому, что Уфимская губерния в конце XIX — начале XX века была одним из центров притяжения крестьян — переселенцев из других регионов. В их числе были и представители протестантских религиозных конфессий, прежде всего баптистов и евангельских христиан.

Первые известные нам упоминания о появлении баптизма в Уфимской губернии относятся к 1894 г. — к приезду латышских переселенцев (семья Озолиных), которые на тот момент были уже баптистами. Кроме того, имеется неясное упоминание в текущем архиве Совета по делам религий при Правительстве РБ о миссионерской деятельности немецкого проповедника Бинбаума в деревне Соновке Белебеевского уезда в 1899 году [1, С. 14].

По данным первой Всероссийской переписи населения 1897 г., в Уфимской губернии уже насчитывалось 78 баптистов. Из них: 45 — русские, 11 — украинцы, 17 — латыши, 5 — немцы [2, С. 43].

Помимо переселенцев из Прибалтики, в Уфимскую губернию прибывало немало выходцев из Украины.

Среди них в 1915 году появилась Волыно-Киевская община евангельских христиан [3, л. 53]. Название общины предполагает, что основной состав вновь образованной церкви были выходцами из Малороссии. По истории данной общины в нашем распоряжении имеется сравнительно мало исторических источников. К ним относятся, прежде всего, документы органов власти советского периода.

В советских органах власти Волыно-Киевская община евангельских христиан была зарегистрирована 23 марта 1923 г. Заявление на регистрацию было подано 16 июля того же года. Представленный для регистрации список общины включал 51 человек. Из них: 18 мужчин, 32 женщины (1 чел из-за неразборчивой записи в документе, в дальнейших подсчетах также не учитывается). Территориально община размещалась следующим образом: 22 человека — на Киево-волыно-григорьевском хуторе, 10 человек — в Ново-подольском поселке, 3 чел. — на Никитовском хуторе, 2 чел. — в с. Сергеевка, 1 чел. — на Ореховском хуторе Улу-Телякской волости Златоустовского уезда, на Аша — Балашовском заводе — 10 человек, в пос. Улу-Теляк — 2 человека (всего 7 населенных пунктов). По роду занятий большинство были хлебопашцы — 27 человек. Остальные распределялись следующим образом: чернорабочие — 10 человек, же-

лезнодорожные рабочие — 2 человека, сапожники — 5 человек, 2 пчеловода, 1 учитель, 1 служащий, 2 швеи. По социальному происхождению большинство составляли крестьяне (47 человек), 2 человека — промышленники, 1 мещанин. По имущественному состоянию 51 — бедняки, 2 — середняки (пчеловоды). По времени присоединения к общине они распределялись следующим образом: 5 человек присоединились в первое десятилетие XX века, 4 человека — с 1910 по 1916 гг., 19 человек — с 1917 по 1919 гг., 22 человека — с 1920 по 1923 гг. По национальности подавляющее большинство составляли украинцы и русские [4, л.9–15]. Таким образом, в основе церкви были бедняки — крестьяне, занимающиеся хлебопашеством, в основном славянской национальности. Половой состав вполне соответствует общепротестантской тенденции (преобладание женщин). Закономерным является также тот факт, что большинство членов общины присоединилось с 1917 по 1923 г., то есть на момент регистрации община переживала миссионерский бум, продолжавшийся 7 лет.

Дата фактического начала формирования общины, скорее всего, соответствует дате обращения первых представителей общины (1907 г.). Более конкретных данных, к сожалению, пока не найдено. Пресвитером общины был Арсений Карпович Чубатов, бедняк-крестьянин, проживавший на Киево-волынском хуторе (стал верующим в 1917 г.). Был помощником П. Н. Качинского в курении церковью Урала [5, л.148].

Совет церкви состоял из 5 человек. Кроме пресвитера, это были Андрей Семенович Вождаев, Степан Филиппович Чубатов, Панкрат Филиппович Чубатов, Никита Яковлевич Пранчук (он же председатель совета) [4, л.11–12].

Следует заметить, что председателем совета был не пресвитер. Это указывает на определенную коллегиальность церковного управления. Вот что говорит о Совете церкви Устав общины: «Делами общины управляет братский совет, в состав которого входят не менее пяти человек. Совет избирается общим собранием членов на три года, но каждый член совета может быть отозван по постановлению общего собрания. Совет избирается в составе председателя, его товарища, казначея, секретаря, которые составляют президиум совета, имеющий право кооптировать нужных ему членов (но все кооптированные представляются на утверждение ближайшего общего собрания). Совет собирается еженедельно, где и составляет план работы в общине на всю неделю, в частности, совет назначает руководителей молитвенных собраний и их помощников в каждом районе. Кроме братского совета всей общины, могут быть избраны районные советы для наилучшего выяснения местных нужд» [4, л.17].

Высшим органом правления церкви было общее собрание членов. Вот что о нем говорит Устав: «Общее собрание членов общины созывается не менее 4 раз в год. Время и место общего собрания объявляется на молитвенном собрании по возможности за две недели. Ведению общего собрания подлежит избрание и утверждение членов братского совета, пресвитеров, диаконов, диаконис, ревизионной комиссии (не менее 3 человек), прием и исключение членов, наблюдение за общим ходом работы духовной и хозяйственной жизни, как всей общины, так и каждого члена в отдельности» [4, л.17об].

Следует отметить, что Устав этой общины — самый продуманный из всех уставов церквей Башкирии. Он наиболее полно представляет порядок функционирования церкви, ее структуру. Вместе с тем он в наименьшей степени соответствует шаблону, который был установлен Инструкцией Наркомата юстиции от 14.05.1923 г. [3, л.84об].

Цель деятельности Устав характеризует следующим образом: «3. Цель общины — удовлетворение духовных потребностей верующих, объединившихся на основании евангельского учения для взаимного назидания и проповеди Евангелия... 4. Устраивает молитвенные собрания, собеседования, чтения и разборы Библии, христианские вечера, братские общения, евангельские пения и т.д... 8. Участвует в Съездах евангельских христиан и сродных общин. 9. Содержит библейские курсы для подготовки своих духовных работников и для дальнейшего углубления в Слово Божие. 10. Издает периодический духовный журнал евангельского направления, духовные гимны, а также книги по вопросам своего духовного вероучения. 11. Заботится о снабжении своих братьев Библиями и литературой духовного содержания» [4, л.16]. Нам неизвестно, в какой степени община реализовывала все задекларированные права в 20-е гг.

Известны биографические данные некоторых членов руководства общины.

Проповедник и член Совета церкви Андрей Семенович Вождаев (сын первого пресвитера Уфимской общины евангельских христиан) родился 1 ноября 1895 г. в д. Купоярово Белебеевского района в семье крестьян. По национальности русский. Образование низшее. Основным занятием было хлебопашество, имел середняцкое хозяйство: 24 десятины земли, 2 лошади, крупный и мелкий скот. Проживал в Киево-волынском земледельческом обществе. Верующим стал в 1915 году в селе Шаровка. Семья состояла из 9 человек: жена Евгения Карповна, 1901 года рождения (стала верующей в 1918 г.), сыновья: Всеволод, 1923 года рождения, Василий, 1927 года рождения, Леонтий, 1928 года рождения,

Александр, 1930 года рождения, Николай — 1932 года рождения, Роман, 1934 года рождения; дочери: Нина, 1921 года рождения, Надежда, 1925 года рождения. Евангельское христианство Андрей Семенович принял в 1915 г. в Шаровке [5, л.35–50; 6, л.201].

Двоюродный брат пресвитера член Совета церкви Степан Филлипович Чубатов родился в 1891 г. в Украине, по национальности русский. Происходил из семьи крестьян, имел середняцкое хозяйство, владел кузнечным ремеслом. Семья состояла из шести человек: жена Ольга Никифоровна, 1891 года рождения (приняла евангельское христианство в 1918 г.), сыновья: Вениамин, 1928 года рождения, Валентин, 1931 года рождения; дочери: Любовь, 1915 года рождения, Людмила, 1923 года рождения, Зинаида, 1926 года рождения, Лилия, 1934 года рождения [5, л.138–154; 6, л.207].

Председатель Совета церкви Никита Яковлевич Пранчук стал христианином в 1918 г. Конкретных данных о его служении в распоряжении не имеется, однако, в показаниях по уголовным делам 30-х годов он представляется как активный проповедник [5, л.460б].

В конце 20-х-30-е гг. по евангельским церквям СССР был нанесен мощный репрессивный удар, который не просто ошеломил церкви. По сути, он навсегда изменил облик всего российского протестантизма. Не избежали репрессий и евангельские общины Башкирии. В этой связи весьма важно проследить историю репрессий, изменения, которые они повлекли за собой.

О репрессиях в отношении Волыно-Киевской общины евангельских христиан известно сравнительно немного. Единственное известное нам уголовное дело, в котором фигурируют представители этой общины, датируется 1936 г. Это члены совета церкви Степан Филлипович Чубатов и Андрей Семенович Вожаев. Они были арестованы и привлечены к ответственности совместно с представителями баптистской общины, располагавшейся неподалеку, на территории Надеждинского сельсовета Нуримановского района, а также с представителями Балтийской баптистской общины. Всего по данному уголовному делу привлечено к ответственности девять членов евангельских церквей.

Суть обвинения заключалась в следующем. «В марте месяце 1936 г. в СПО УГБ УНКВД Башкирии поступили сведения о том, что проживающие в Нуримановском районе БАССР бывшие проповедники сектантской общины баптистов Вожаев Андрей, Федоров Дмитрий и другие, ведут широкую агитацию против Соввласти и предпринимают энергичные меры к восстановлению распущенной в 1930 г. баптистской общины, и организационно оформляют ее в контрреволюционную группу

для противодействия колхозному строю и мероприятиям Соввласти» (из обвинительного заключения по делу) [6, л.179].

Против каждого из фигурантов дела были выдвинуты стандартные обвинения:

1. систематическая контрреволюционная агитация на нелегальных собраниях против колхозов;
2. разжигание религиозного фанатизма и враждебного отношения к Советской власти как власти «антихриста» и «сатаны»;
3. антивоенная и пораженческая агитация среди сектантской низовки;
4. активная антисоветская сектантская работа среди молодежи;
5. организация нелегальных собраний, проповедь антисоветских воззрений и предстоящей гибели Советской власти» [6, л.182–184].

Приводим некоторые биографические сведения о других представителях евангельского христианства Башкирии, привлеченных по этому делу, наряду с членами Волыно-Киевской общины евангельских христиан.

Роман Прокопьевич Люкевич 1883 года рождения происходил из крестьян середняков Гродненской губернии, по национальности белорус, на момент ареста проживал в Ауструмском сельсовете Иглинского района, вел самостоятельное хозяйство. Состоял членом Балтийской баптистской общины (с 1921 г.). В Америке проживала его сестра Варвара [5, л.11–12].

Дмитрий Федорович Федоров — 1884 года рождения, происходил из крестьян середняков Псковской губернии, по национальности русский, проживал в Ауструмском сельсовете Иглинского района, вел самостоятельное хозяйство, имел семью в составе жены и пятерых детей, был проповедником Балтийской общины баптистов [5, л.22,28].

Денис Евстигнеевич Ковалев — 1888 года рождения, происходил из крестьян середняков Гомельской губернии, по национальности белорус, проживал в Надеждинском сельсовете Нуримановского района, вел самостоятельное хозяйство, имел семью в составе жены и семерых детей, с 1933 г. был проповедником Нуримановской общины баптистов [5, л.51,60].

Семен Фомич Жедик — 1888 года рождения, происходил из крестьян середняков Гродненской губернии, по национальности белорус, проживал в Надеждинском сельсовете Нуримановского района, на момент ареста вел самостоятельное хозяйство. Семья состояла из четырех человек: жена и трое детей. С 1930 г. состоял членом Нуримановской общины баптистов [5, л.73,78].

Петр Юшкевич 1905 года рождения, из крестьян середняков Уфимской губернии, по национальности белорус, проживал в Ауструмском сельсовете Иглинского района. На момент ареста имел самостоятельное хозяйство. Его семья состояла из семи человек: жена и шестеро детей. Состоял членом Балтийской общины баптистов [5, л.95].

Борис Егорович Наливайко — 1884 года рождения, происходил из крестьян середняков бывшей Могилевской губернии. С 1914 г. проживал на территории Надеждинского сельсовета Нуримановского района. На момент ареста вел самостоятельное хозяйство. Имел семью в составе жены и троих детей. Был членом Нуримановской баптистской общины [5, л.102,111].

Петр Тимофеевич Горенчук — 1864 года рождения, происходил из крестьян середняков бывшей Гродненской губернии, по национальности белорус, проживал в Надеждинском сельсовете Нуримановского района, вел самостоятельное хозяйство, имел семью в составе жены и дочери. Состоял членом Нуримановской общины баптистов [5, л.156,161].

Решением Особого Совещания при НКВД СССР 15 сентября 1936 г. по ст. 58 п. 10, 11 УК РСФСР были осуждены: Р.П. Люкевич, Д. Ф. Федоров, А. С. Вожаев, Д. Е. Ковалев, С. Ф. Жедик, П. Ф. Юшкевич, Б. Е. Наливайко, С. Ф. Чубатов к трем годам заключения в исправительно-трудовом лагере; П. Т. Горинчук был отдан под негласный надзор сроком на один год [6, л.199–208].

Как и во многих других подобных случаях, семьи осужденных немного знали о судьбе родственников. Короткий срок заключения не означал скорого освобождения. Косвенным подтверждением того, что никто из осужденных не смог возвратиться живым, является отсутствие каких-либо сведений о них в последующие годы существования евангельского христианства в Башкирии. Достоверным является то, что в 1958 г., во время «оттепели», супруга Д.Е. Ковалева написала заявление в прокуратуру с просьбой сообщить о судьбе мужа, о котором ничего не знала с момента этапирования в исправительно-трудовой лагерь [5, л.215–216].

Постановлением Президиума Верховного Суда БАС-СР от 18 сентября 1959 г. все осужденные по данному делу были реабилитированы [5, л.300].

Таким образом, в начале XX века на территории Уфимской губернии сложилась община евангельских христиан. Ее костяк составили представители украинских переселенцев. Активный численный рост общины был прерван политикой жесточайших репрессий, которым подверглись представители общины. Некоторые члены церкви, преимущественно служители, были приговорены к разным срокам заключения. Репрессивная политика в конечном итоге привела к исчезновению данной общины с конфессиональной карты региона. В источниках последующих десятилетий о существовании данной общины каких-либо сведений мы не встречаем.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Сергеев Ю. Н. Баптизм в Башкирии. Очерки истории (конец XIX–XX вв.). — Уфа, 1998.
2. Население Башкортостана: XIX — XXI века: статистический сборник. — Уфа, 2008.
3. НА РБ. Р-251. Оп.1. Д.238.
4. НА РБ. Р-251. Оп.1. Д.124
5. Архив УФСБ РФ по РБ. ВФ 6531. Т. 1.
6. Архив УФСБ РФ по РБ. ВФ 6531. Т. 2.

РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИСУТСТВИЕ ВО ФРАНЦИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В. И ЕГО РОЛЬ В РАЗВИТИИ ДИАЛОГА КУЛЬТУР (ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

RUSSIAN LITERARY PRESENCE IN FRANCE IN THE LATE XIX-EARLY XX CENTURY AND ITS ROLE IN THE DEVELOPMENT OF THE DIALOGUE OF CULTURES (HISTORICAL ASPECT)

Yu. Bystrova
D. Kovaleva

Summary. The article is devoted to one of the most important aspects of Russian-French cultural relations — the problem of the spread of Russian literature in France. The French public perception of classical Russian literature of the late XIX– early XX century is analysed. Various aspects of relating to it on many levels are considered. The role of individual enthusiasts of French origin, such as E. de Vogüé, in the process of popularization of Russian culture is identified and the significant impact of their activities associated with the peculiarities of Russian prose, the undoubted skill of the authors, the novelty of artistic techniques and with the “exotic” subjects of Russian life are defined. The evolution of public interest to and criticism of I. S. Turgenev and L. N. Tolstoy’s works is traced. Some examples show the attention of the French literary elite to innovative trends in Russian writers’ works on the one hand, and the vision of proximity to the traditions of the French artistic word on the other. It is shown that Russian authors have influence on the minds of the French, which leads to the clarity and common use of the definition of “Littérature russe” among wide reading audience.

Keywords: Russian-French cultural relations, translated literature, international relations, Dialogue of cultures, Russian culture. French culture, Russian history, literary contacts.

Быстрова Юлия Михайловна

*К.и.н., Доцент, Саратовский государственный
технический университет им. Гагарина Ю. А*
bystrovau@yandex.ru

Ковалева Дарья Николаевна

*К.и.н., Доцент, Саратовский государственный
технический университет им. Гагарина Ю. А*
dasha1109@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена одному из наиболее значимых аспектов русско-французских культурных связей — проблеме распространения русской литературы во Франции. Анализируется восприятие русской классической литературы французской публикой конца XIX– начала XX в. Рассматриваются различные стороны отношения к ней на многих уровнях. Выявляется роль отдельных энтузиастов французского происхождения, таких как Э. де Вогюэ, в процессе популяризации русской культуры и значительных эффект от их деятельности, связанный с особенностями русской прозы, несомненным мастерством авторов, новизной художественных приемов и «экзотичностью» сюжетов русской жизни. Прослеживается эволюция интереса у публики и критики к произведениям И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого. На отдельных примерах показывается внимание французской литературной элиты к новаторским тенденциям в творчестве русских писателей с одной стороны, и видение близости традициям французского художественного слова с другой. Показывается влияние русских авторов на умы французов, которое приводит к понятности и «общеупотребимости» дефиниции «Littérature russe» среди широкой читающей аудитории.

Ключевые слова: русско-французские культурные связи, переводная литература, международные отношения, диалог культур, русская культура, французская культура, история России, литературные контакты.

Последняя треть XIX в.— начала XX в.— период, когда «русское присутствие» стало частью жизни французского общества. Это было связано с разными аспектами франко-русских отношений. Особое значение имело сближение двух стран, продиктованное геополитическим и экономическими интересами, результатом которых стало заключение взаимобязывающих двусторонних договоренностей 1891–1894 гг., фиксировавших заключение франко-русского союза активизировавшего контакты всех уровней. Частью этого процесса были встречи лидеров государств, проходившие как официальные визиты на территории страны-союзницы. На фоне политического сотрудничества

развивались тесные экономические контакты, стимулировавшие взаимодействие в производстве, торговле, финансовой сфере.

Все вышеописанные факторы не могли не стимулировать неуклонно нараставший интерес к русской культуре. Любое крупное сочинение энциклопедического характера во Франции, начиная с середины XIX в., не обходилось без раздела, посвященного России. Отдельные издания представляли информацию поверхностно, в то время как другие, вполне авторитетные (например, десятый том Всеобщей истории Э. Лависса и А. Рамбо), включали довольно основательные обзор

ры и пользовались признанием у широкой публики и специалистов [1, с. 69]. Постепенно начали появляться труды, посвященные непосредственно России и русской литературе таких авторов, как Луи Леже, А. Рамбо, А. Леруа-Болье, Э. М. де Вогюэ. Деятельность последнего сыграла особую роль в развитии русско-французских литературных связей.

Эжен Мельхтор де Вогюэ, французский аристократ, дипломат, в течение семи лет (1876–1883 гг.) служивший секретарем французского посольства в Санкт-Петербурге. Он выучил русский язык, женился на русской, а с середины 70-х годов стал печатать на страницах одного из самых популярных французских литературных журналов — «Revue des Deux Mondes», свои путевые заметки, а потом и статьи о русских романистах. В 80-х годах XIX века стали появляться его этюды о русских писателях, которые вошли потом в его книгу «Le Roman Russe» («Русский роман») [2]. Книга вызвала живую реакцию как специалистов, так и широкой читающей аудитории. В небольшой статье о нем в одном из наиболее авторитетных справочных изданий Франции — «Grand Larousse», наибольший акцент сделан именно на эту работу [3 р.1027]. Ее по достоинству оценили не только во Франции, но и в России. А. Н. Пыпин отмечал, что: «... автор может считаться одним из наиболее компетентных писателей» [4, с. 305], и указывая на некоторые моменты, довольно странные для русского читателя, отмечал, что Вогюэ несомненно «хорошо изучил своих писателей, ... особенно Гоголя, Тургенева, Достоевского и Толстого» [4, с. 306]. Похожую оценку давала критику З. Венгерова в своей статье, вышедшей более чем через десять лет с момента опубликования труда Вогюэ: «Это своего рода историческая книга, написанная умно и смело, хотя и переполненная неверными, иногда вполне неосновательными суждениями, открыла русскую литературу для французов...» [5, с. 720], но: «Менее всего можно сказать, что Вогюэ не понял русской литературы и ее типичных представителей. Напротив того, у него встречаются неоспоримо верные суждения об отдельных явлениях, и есть несомненная правда в его общем взгляде на русскую культуру» [5, с. 722–723]. Она дает достаточно высокую оценку автору, так как он, несмотря на все особенности осмысления произведений русских литераторов, по существу «оказался очень проницательным критиком; он понимал в совершенстве если не русскую литературу, то во всяком случае французскую действительность» [5, с. 720]. Ключевую оценку работе Вогюэ дал С. В. Соловьев: «... появилась во Франции книга, которая расширила литературные горизонты французов... «Le Roman Russe»..., сказавший потомкам Ансело, что наша литература не только не подражательна, но что идеи, пересоздающие Европу, исходят уже не из французской души» [6, с. 23]. Исключительно высоко оценил это сочине-

ние постоянно проживавший во Франции переводчик на французский язык произведений русских писателей И. Д. Гальперин-Каминский, отмечавший, что Вогюэ открыл мир русской литературы в «новом ослепительном блеске» [7, с. 36]. Положительную реакцию книга вызвала и у представителей французской литературной среды. Писатель и критик П. Бурже, пользовавшийся к тому времени большой популярностью у русской публики [8, 14, 17] назвал эту книгу «Литературным событием года», и даже более того — «датой в истории интеллекта и морали нашего времени» [9, р.215]. Эти отзывы вполне наглядно показывают впечатление на французскую публику, открыв Западу совершенно иную Россию, которую до этого они фактически не воспринимали как страну высокой культуры.

Ориентируясь на сочинения Вогюэ, полемику в русской и французской прессе изучаемого периода, а также на обширный пласт современной научной литературы, мы можем выделить наиболее яркие образы, имевшие особое значение для развития русско-французских литературных контактов. И, прежде всего, это классики русской литературы И. С. Тургенев и Л. Н. Толстой, чьи произведения получили в указанный период наибольшее распространение и, несомненно, оказали значительное влияние на литературную жизнь Франции.

И. С. Тургенев раньше стал популярен во Франции, в частности потому что практически постоянно проживал в этой стране и тесно общался самыми востребованными французскими литераторами своего времени, тесно контактировал с братьями Гонкур, называвшими его «очаровательным русским колоссом», «нежным гигантом с белыми волосами» [11], дружил с Мопассаном и Флобером. Несомненно, что эти контакты способствовали тому, что во Франции его произведения стали известны сравнительно рано. Так, перевод «Записок охотника» был опубликован всего через два года после публикации в России (в 1854 г.) [12] и почти сразу был переиздан два раза [13, с. 712]. Тургенева широко публиковали во французской периодической печати, особенно в «Revue des Deux Mondes». Одним из главных пропагандистов произведений Тургенева стал Проспер Мериме [13]. Еще одним аспектом, способствовавшим его популярности, была стилистическая и эстетическая близость к современной ему французской литературной школе, и, исходя из этого, понятность французскому читателю. Вогюэ называет его писателем, который «сумел быть русским не порывая с Западом» [10; 3, р.146]. Тургенев стал «своим человеком» в среде французских литераторов. Он являлся постоянным участником «обедов пяти» (Тургенев, Флобер, Э. Гонкур, Золя, Доде) [15, с. 140; 16]. Через некоторое время отдельные произведения писателя стали появляться во французских изданиях даже раньше, чем в России.

В 1878 г. Тургенев был единодушно избран вице-президентом первого литературного международного конгресса в Париже, который возглавил В. Гюго [18, с. 874–876]. В своем выступлении русский писатель подчеркнул тот факт, что «двести лет тому назад, еще не очень понимая вас, мы уже тянулись к вам, сто лет назад мы были вашими учениками, теперь вы нас принимаете как своих товарищей» [19, с. 55–56], подтвердив тем самым многовековую преемственность русской литературы от французской. Однако его собственный пример позволяет наблюдать изменения тенденции развития взаимоотношений стран. С 1880-х годов тургеневский термин «нигилизм» стал весьма распространенным и модным во французской литературе. «Наша литература еще не вошла в моду в Париже, а по случаю нигилизма много писали о России», — заявляла переводчица произведений Толстого на французский язык О. Н. Смирнова [20, с. 154]. В библиографическом бюллетене «Revue des Deux Mondes» в августе 1885 г. утверждалось, что «почитатели Ивана Тургенева во Франции не менее многочисленны, чем в России, и, хотя, может быть по другим мотивам, его любят и чувствуют здесь не меньше, чем у себя на родине» [15, с. 147].

Деятели и исследователи французской культуры относились к писателю ревниво, подчеркивая его к ним расположение. Так, например, Брандес, пытаясь анализировать отношение Тургенева к Франции и Германии, естественно в пользу первой, отмечал: «Уже в силу старых русских традиций он (Тургенев — Ю. Б.) стоял ближе к Франции, чем к Германии. ...как почти во всех русских романах немцы выводились в сатирическом и местами даже ненавистном свете. С другой стороны, хотя он конечно сознавал недостатки французской природы и французской культуры, но он легче уживался с ними. Он был вполне понят и оценен в Париже, где обыкновенно так недоверчиво относятся ко всему чужеземному; у него были горячие поклонники и между старейшими писателями (Мериме), и между писателями позднейшего поколения (Ожье, Тэн, Флобер, Гонкур), и, наконец, между самыми современными (Золя, Додэ, Мопассан). С кружком писателей, собиравшихся у Флобера, он стоял на короткой дружеской ноге, как ни с кем другим из иностранных писателей» [21, с. 62–63]. Э. М. де Вогюэ в одном из своих очерков в начале 80-х гг. писал: «...мы приняли Тургенева и сроднились с ним, как будто он принадлежал к нашей семье; ни одного иностранца не читали так в Париже, ни одним не упивались так, как Тургеневым. Эта великая слава обращена была одной стороной к Франции» [21, с. 68]. П. Бурже включил статью о Тургеневе в свои «Очерки современной психологии. Этюды о выдающихся писателях нашего времени»: «Тургенев, очень долгое время живший среди нас и очень близко знакомый с нашей новейшей литературой, усвоил себе многие из наших воззрений, но при этом изменил

и истолковал их согласно своему оригинальному складу ума. Этот русский дворянин, придя в соприкосновение с разными учениями Запада и, в значительной мере, подчинившись им, сделался как бы созданным случаем опытным полем, на котором могла бы производиться проверка наших современных теорий» [22, с. 281–282]. Кроме того, Тургеневу принадлежала роль активного пропагандиста русской литературы на Западе. Он способствовал изданию на французском языке произведений Пушкина и Лермонтова. Таким образом, мы видим, что к 90-м годам XIX века имя и произведения Тургенева стали уже неотъемлемой принадлежностью культурной жизни французского общества Э. Оман писал, что благодаря Тургеневу «Россия завоевала для себя неотъемлемое место в интеллектуальной жизни Европы» [13, с. 44].

Но, пожалуй, наиболее популярным среди французской публики все же было имя Л. Н. Толстого, чьи произведения завоевали широкие слои общества, особенно с 1886 г., после выхода в свет книги Э. М. Вогюэ, который называл Толстого величайшим художником современности. Роман «Война и мир», переведенный на французский язык И. И. Паскевич и изданный в 1879 г. в Петербурге, был завезен в Париж, а отдельные экземпляры, стараниями Тургенева, были разосланы некоторым французским писателям, среди которых были Флобер, Золя, Додэ [23, с. 205, 206, 133,]. Но, как утверждал Гальперин–Каминский, это издание прошло незамеченным, во всяком случае для большинства деятелей французской культуры. «Завоевание... шло медленно. Пятьсот первых экземпляров еще не были распроданы, когда через пять лет после издания, в июле 1884 г. появилась в «Revue des Deux Mondes» статья Вогюэ. В тот же год тысячи экземпляров объемистого «chef d'oeuvre» распространились по всему свету. Это был успех, неслыханный для французского перевода какого бы то ни было современного романа, и им мы целиком обязаны могучему вмешательству автора книги «Русский роман» [7, с. 37].

Изданный в Париже в 1884 году [19, с. 136] роман Толстого был затем многократно переиздан [24]. Именно этот перевод читали Флобер, Золя, Додэ, братья Гонкуры, Мопассан, А. Франс, Ромен Роллан. С французского текста И. И. Паскевич были выполнены первые переводы «Войны и мира» на английский, венгерский, голландский, польский, турецкий языки. Этот перевод оставался до начала XX века единственным французским текстом «Войны и мира» [25, с. 23–24]. Он продолжал переиздаваться и после того, как стали появляться другие переводы. Октав Мирбо писал Толстому: «Кое-кто из гордых писателей моей родины заявлял, что Вы многим обязаны Франции. Они хотели бы видеть в Вас питомца французской революции и Стендаля. Я же утверждаю, что Франция сама Ваша должница, Вы возбудили в ее многовековом гении новую жизнь» [26, с. 981]. П. Д. Боборыкин вспоминал:

«Когда вышел в Париже первоначальный французский перевод «Войны и мира»... Мопассан и мне, и, вероятно, многим другим повторял часто фразу: «Нам всем следует учиться у графа Толстого, автора «Войны и мира» [27, с. 200]. Незадолго до своей болезни, прочитав «Смерть Ивана Ильича», этот уже признанный французский писатель сказал одному французскому критику: «Я вижу, что вся моя деятельность была ни к чему, что все мои десятки томов ничего не стоят» [28, с. 504].

Успех Толстого во Франции был настолько велик, что критик Теодор де Визева в статье «Русское нашествие во французской литературе» (1886) заявлял, что французский читатель знает Толстого в такой же мере, если даже не лучше, как и наиболее знаменитых отечественных романистов: «Читателям, которые еще недавно объявляли непомерно длинными романы Гонкуров, — писал он, — предлагают теперь 1200 страниц убористого текста «Войны и мира». Они проглатывают 1200 страниц, и вот их рты снова раскрыты» [29, с. 280].

Оценка творчества Толстого была дана в 1889 году известным французским критиком Эмилем Эннекеном в одном из его этюдов, вошедших в книгу «Ecrivains francisés» («Офранцузенные писатели»), посвященную творчеству Диккенса, Г. Гейне, Тургенева, Эдгара По, Достоевского и Льва Толстого. «Еще два года назад имя графа Толстого было неизвестно во Франции: сейчас мы перестали игнорировать славу этого автора, одного из наиболее великих из живущих в настоящее время...», «Толстой принадлежит к числу самых великих писателей-творцов...» [30, р.185, 193].

Но оценка публицистических произведений Толстого не всегда вызывала восторженные отклики. Например, публикация трактата «Что такое искусство» во французском переводе в 1898 г. вызвала неоднозначное, и даже возмущенное отношение литературного Парижа (в 1899 г. журнал «Grande Revue» опубликовал ответы Толстому более сорока французских писателей) [31]. Хотя даже в этом случае, пострадавший от пера Толстого французский поэт С. Малларме все же отзывался о писателе в превосходной степени: «Суждения Толстого о сегодняшней литературе представляются мне принадлежащими именно к тому роду суждений, которые приходится принимать от этого гения, многогранного и простого...» [32, р.338].

Известный писатель Леон Гандеракс в ответ на запрос редактора «Gil Blas» о Флобере писал: «Вы запрашиваете меня о Флобере, меня, француза, да еще в 1890 году! Почему бы ему не запросить меня о Толстом? Я бы тогда, между прочим, упомянул бы о Флобере, что бы с похвалой, беспристрастно, принести в жертву русскому натурализму натурализм французский» [33, с. LXVII].

Морис Баррес в статье под говорящим названием «Русская мода», появившейся в журнале «La Revue illustrée» в 1886 году, писал: «Всем известно, что за последние два месяца у людей осведомленных и обладающих вкусом стало обычаем восклицать при встрече со знакомыми, после первых приветствий: «Ах! Читаете ли вы этих русских?» Вы отступаете на шаг и говорите: «О! Этот Толстой!» Другой, наступая на вас, вторит: «Достоевский!» Именно так в 1886 году принято доказывать изысканность своего вкуса... А поборники чистого искусства идут еще дальше: «Ах! — говорят они с горькой усмешкой. — Запад уже стар! Конец приходит латинским расам!»... Достаточно было кому-то перевести русские романы и еще кому-то перелистать их — и вот уже нам заявляют, что наша литература повержена в прах... Эти русские — настоящее спасение для иных глубокомысленных людей, которые могут спать только в объятиях собственного энтузиазма» [25, с. 187]. Таким образом, хоть и в ироничном и язвительном ключе, но мы видим в статье М. Барреса картину отношения к русской литературе во Франции в конце XIX века.

В феврале 1902 года в «Revue des Deux Mondes» была опубликована статья А. Бретона «Жалость общества в романе», проводя параллель между «Отверженными» Гюго и «Воскресеньем» Л. Толстого [34, 39]. Бретон отмечал, что равным самому «могучему» французскому XIX века может быть только русская литература в лице Достоевского и Толстого [35, с. 419]. Русский публицист Н. Кудрин писал в своей статье о лекции, посвященной «Воскресению» Л. Толстого: «...зала необыкновенно чутко и правильно оценивает, поощряет, подчеркивает языком и ладонями наилучшие места из «Воскресения»... и, когда лектор закончил чтение цитаты, зал аплодисментов и бурные крики «браво, браво», «великолепно», «это душу пронизывает»... потрясли залу» [36, с. 57; 37, с. 218–219]. В 1910 году в одной из своих статей Эмиль Фаге, говоря о воздействии на умы французов философии Толстого, писал, что увлечение им было огромно, его вполне можно сравнить с тем впечатлением, которое в XVIII веке вызвал Руссо. Появилось необычайное количество толстовцев: «стало лучшим тоном быть парижано-анархо-русским» [38, с. 253].

О том, каково было отношение к Толстому интеллигентской молодежи Франции в конце XIX — нач. XX вв. писал также Ж.—Р. Блок (в будущем, известный французский писатель и драматург) и другие радикальные французские писатели и публицисты, такие как, Р. Роллан, Ш. Пеги и др. [39, с. 113, 116, 121]. Толстого постоянно сравнивали с различными западными писателями, например, Руссо, о чем уже было сказано выше, и некоторыми другими [38, с. 252]. «То, что создала античная Греция согласным творческим порывом городов и веков — Гомера, в России природа сотворила сразу, произ-

ведя на свет Толстого, душу и голос громадного народа, поток, из которого будут утолять жажду в течении веков дети, мужи и пастыри человечества», — писал А. Франс [40].

Французской критикой отмечалось воздействие сочинений Толстого на новое «идеалистическое» направление, выразившееся в произведениях таких его представителей, как Э. Род, Т. де Визева, и на самом комментаторе русского романа Э. М. де Воюэ [7, с. 41].

Известность и популярность как произведений Толстого, так и его личности можно определить по его деловой корреспонденции. Его приглашали принять участие в работе конгресса общества французских писателей в 1889 г. В 1890 г. группа учащихся Безансона, организовавшая кружок памяти В. Гюго, сообщала Толстому, «имя которого более всего популярно во Франции», об избрании его членом кружка. 19 января 1901 г. Юге написал Толстому, что молодежь Дижона организовала общество «Union Tolstoi» и избрала его почетным председателем. Среди просьб о сотрудничестве от газет и журналов, поступавших писателю, были предложения таких известных французских периодических изданий, как, например, «Revue des Revue» (в будущем «La Revue»), «Echo de Paris», «La Revue Blanche» и многих других [26, с. 1017].

В Яснополянской библиотеке Толстого около тысячи названий книг, принадлежащих французским авторам. Из них 120 присланы Толстому авторами с собственноручными надписями. Среди них О. Мирбо, П. и В. Мар-

герит, М. Прево, А. Жид, Р. Роллан, Ш. Морис, Ж. Легра, Э. Род, А. Франс, Т. Кан, А. Форе и т.д. [26, с. 1006] С многими из них Толстой активно переписывался, например, с Р. Ролланом [41]. Отметим, что наибольший объем официальной переписки с французами приходился на начало 1900-х годов [26, с. 1007]. «Усыновление» Толстого Францией, литературные мнения откуда расходились во все концы мира, послужило прочной основой и международной славы писателя» [20, с. 141–142], — писал один из советских исследователей его творчества.

Представленный анализ отзывов представителей французской и русской культурной элиты позволяет утверждать, что произведения Тургенева и Толстого в указанный период времени пользовались беспрецедентным успехом у французской читающей публики. И хотя популярность Тургенева падает начиная с 90-х гг. XIX в., он несомненно остался одним из наиболее востребованных иностранных писателей и фактически был принят французской литературой «за своего». Феномен Толстого прежде всего в том, что его популярность оставалась на неизменной высоте на протяжении всего изучаемого периода и продолжала возрастать. Оба писателя открыли дорогу для развития интереса к другим явлениям в русской литературе и к России как стране, которая может удивлять, поражать и восхищать даже столь искушенную в культурном отношении державу, как Франция. С этого времени понятие «Littérature russe» в его «превосходном» значении стало понятным и общепотребимым не только для французской элиты, но для любого читающего француза из глубинки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Любина Г. И. Россия и Франция. История научного сотрудничества. М., 1996.
2. Vogué E.-M. Le Roman Russe. P., 1886.
3. Grand Dictionnaire universel du XIX siècle (par Pierre Larousse). P. 1866–1876. V. 6.
4. Пыпин А. Н. Русский роман за границей // Вестник Европы. 1886. № 9. С. 301–344.
5. Венгерова З. Русский роман во Франции // Вестник Европы. 1899. № 2. С. 719–750.
6. Соловьев С. В. Современное положение русского языка и литературы во Франции // Вестник Харьковского Историко-филологического общества. 1912. Вып. 2. 8 с.
7. Гальперин–Каминский И. Д. Русоведение во Франции // Русская мысль. 1894. № 9. С. 28–42.
8. С.Л. Поль Бурже // Русская мысль. 1894. № 9. С. 77).
9. Histoire de la France de 1852 à nos jours. Paris, 1987.
10. Vogué E.-M. Le Roman Russe.
11. ГАРФ. Ф. 6846. Оп. 1. Д. 15. Статьи о столетии со дня рождения И. С. Тургенева и по истории тургеневской библиотеки.
12. Ощепков А. Р. Восприятие творчества Тургенева во Франции и Англии XIX века // Культурные константы. 2008. № 3. С. 41–46.
13. Клеман М. И. С. Тургенев и Проспер Мериме // Литературное наследство. М., 1937. Т. 31–32. С. 707–752.
14. Фридлиндер Г. Достоевский и мировая литература. Л., 1985. С. 292–302;
15. Манфред А. З. Традиции дружбы и сотрудничества: из истории русско-французских и советско-французских связей. М., 1967.
16. Неизданные письма И. С. Тургенева к Дю Кану, Флоберу и Э. Д. Гонкуру // Литературное наследство. М., 1937. Т. 31–32. С. 663–706
17. Михаленко Э. Психологические и философские связи романов Поля Бурже и Ф. М. Достоевского // Проблемы русской литературы. М., 1973. С. 86–99.
18. Алексеев П. М. Виктор Гюго и его русские знакомства // Литературное наследство. М., 1937. Т. 31–32. С. 777–932.
19. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в 28 т.: письма в 13 т. М; Л., 1960–1968. Л., 1968. Т. 15.

20. Прийма Ф. Я. Русская литература на Западе. Л., 1970.
21. Иностранские критики о Тургеневе. М., 1884.
22. Бурже П. Очерки современной психологии. Этюды о выдающихся писателях своего времени. СПб., 1888.
23. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в 28 т.: письма в 13 т. М.; Л., 1960–1968. Т. 12: Письма. 1879–1880: Кн. 2. 1967. 9 января 1880 г.
24. Bibliographie des oeuvres littéraires russes traduits en française: Tolstoi, Tourgeneff, Dostoevski. Paris, Messages. 1949.
25. Мотылева Т.Л. «Война и мир» за рубежом. М., 1978.
26. Чистякова М. Лев Толстой и Франция // Лит. насл. М., 1937. Т. 31–32. С. 981–1025.
27. Боборыкин П. Д. Столицы мира. Тридцать лет воспоминаний // Воспоминания. В 2-х тт. Т. 2. М., 1965.
28. Горбачев Н. В. История писания и печатания предисловия к сочинениям Г. де Мопассана // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений в 90-тт. М., 1951. Т. 30. С. 504.
29. Wizewa Téodor de. Ecrivains étrangers. Deuxième série. Paris. 1897.
30. Hennequin E. Ecrivains francisés. P., 1889.
31. Нике М. Пеладан и Толстой «Что такое искусство?» // URL: <http://parij.free.fr/06-Philosophie/articles/05-philos.htm>
32. Doubrovkine R. Лев Толстой, Малларме и болезнь времени // Revue des études slaves. 1999. Vol. 71. № 71–2. P. 333–358.
33. Берков П. Изучение русской литературы во Франции // Литературное наследство. М., 1939. Т. 33–34. С. 721–768.
34. Breton A. La pitié social dans le roman // La revue de deux mondes. 1902.
35. Из общественной жизни // Вестник Европы. 1902. № 3. С. 419.
36. Кудрин Н. Народные университеты во Франции // Русское богатство. 1900. № 5. С. 57–59.
37. Из русских изданий // Книжки недели. 1900. № 7. С. 218–219
38. Песис Б. Франция и Толстой // Новый мир. 1929. № 1. С. 249–254.
39. Горная В. З. Зарубежные современники Л. Н. Толстого о романе «Воскресение» // Роман Л. Н. Толстого «Воскресение»: Историко-функциональное исследование / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1991. С. 100–165.
40. Мотылева Т.Л. Толстой и современные зарубежные писатели \ Т. Мотылева. О мировом значении Л. Н. Толстого. М., «Советский писатель», 1957. [Электронный ресурс]. — URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/kritika-o-tolstom/motyleva-tolstoj-i-sovremennye-zarubezhnye-pisateli.htm>.
41. Rollan R. La vie de Tolstoi. P., 1911.
42. Горная В. З. Зарубежные современники Л. Н. Толстого о романе «Воскресение» // Роман Л. Н. Толстого «Воскресение»: Историко-функциональное исследование. М., 1991. С. 100–165.

© Быстрова Юлия Михайловна (bystrovau@yandex.ru), Ковалева Дарья Николаевна (dasha1109@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю. А

ПЕРВЫЙ РЕКТОР БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В.И. ПИЧЕТА КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ДВОРЯНСКИХ ИМЕНЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

THE FIRST RECTOR OF THE BELARUSIAN
STATE UNIVERSITY V. I. PICHETA
AS A RESEARCHER OF THE HISTORY
OF THE FORMATION OF NOBLE ESTATES
ON THE TERRITORY OF BELARUS:
A HISTORIOGRAPHICAL OVERVIEW

A. Veremeichik

Summary. The problematic field of the history of private land ownership and its legal registration in the Belarussian lands is one of the most controversial in modern Russian science. For a long time, historiography did not provide comprehensive coverage of the issues of formation, legal status, management of private property in Belarus from the time of the first state formations in the IX century to the revolutionary events of the early XX century.

At the same time, historical science has a number of works of an earlier period devoted to the evolution of feudal land ownership in the Belarussian lands, without which modern achievements, analysis and conclusions of Russian historiography would be impossible.

Keywords: studies, historiography, Russian historiography.

Веремейчик Алина Евгеньевна

К.и.н., Старший преподаватель, Белорусский
государственный университет (БГУ)
arh-muz@mail.ru

Аннотация. Проблемное поле истории частного земельного владения и его правового оформления на белорусских землях является одним из самым дискуссионных в современной отечественной науке. Долгое время в историографии не получали комплексного освещения вопросы формирования, правового положения, управления частными владениями на территории Беларуси от времен первых государственных образований в IX в. до революционных событий начала XX в.

В то же время историческая наука располагает рядом работ более раннего периода, посвященных эволюции феодального землевладения на белорусских землях, без которых современные достижения, анализ и выводы отечественной историографии были бы невозможны.

Ключевые слова: исследования, историческая наука, отечественная историография.

Самыми емкими и научно проанализированными в области частных владений среди публикаций дореволюционного и межвоенного периода являются работы первого ректора Белорусского государственного университета историка В.И. Пичеты. Ученый, первый в историографии, обратился к изучению проблематики формирования и развития частной земельной собственности как неотъемлемой части истории феодализма на белорусских землях.

Научный путь В.И. Пичеты, его творческие поиски с самого начала были связаны с выбором темы исследований. Не все они касались истории восточных славян, и, в частности, белорусских земель, рассмотрения научной проблемы развития феодализма и форм собственности на землю. Однако в целом в историографии дореволюционное время обозначалось как начало исследования истории Беларуси, которое оказало влияние на формирование научных интересов В.И. Пичеты.

В дореволюционное время история восточных славян впервые была представлена в монографии О.В. Турчиновича. Она стала работой общего характера и охватывала содержанием период от скифов и будинов до вхождения Беларуси в состав Российской империи [49, с. 168]. Авторству ученого принадлежит и первая работа в области наследования земельной собственности у восточных славян [50, с. 58].

Напечатанные в 1889 г. «Очерки по истории Белоруссии» представляют собой отрывок из монографии М.В. Довнар-Запольского «Очерки истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столетия» [17, с. 170]. «Кароткая гісторыя Беларусі» Власта, вышедшая в 1910 г., не выделялась глубиной исследования, но внесла свой вклад в рост интереса к истории белорусских земель [31, с. 104].

Изучением истории Великого княжества Литовского (далее — ВКЛ) занимался М.К. Любавский, который

утверждал, что в основе государства лежала литовско-русская этнооснова [33, с. 232]. При этом автор акцентировал, что русское влияние в нем играло доминирующую роль. М.И. Лаппо придерживался другой точки зрения. В трудах ученые утверждали, что ВКЛ вошло в состав Речи Посполитой на федеративной основе [29, с. 624; 30, с. 162].

В конце XIX — начале XX вв. М.К. Любавский [34, с. 884; 35, с. 376], М.В. Довнар-Запольский [14, с. 807] и Е.Ф. Карский [24; 26, с. 32] опубликовали работы о социально-экономической истории ВКЛ. М.В. Довнар-Запольский издал законодательные документы ВКЛ [18, с. 258]. Впоследствии В.И. Пичета использует методологию исследований ученых.

Упомянутые выше работы представляют собой обобщающие труды исследователей об истории восточных славян, составной частью которых являются и белорусские земли. В них ученые пусть фрагментарно, но впервые в исторической науке обращаются к вопросу формирования собственности на землю, сословной и имущественной дифференциации населения.

Первые исследования, в которых нашли отражение некоторые аспекты истории частных земельных владений на территории Беларуси, появились в конце XIX в. — начале XX в. В работах М.О. Без-Корниловича [4, с. 355], В.К. Стукалича [47, с. 62], П.Д. Брянцева [6, с. 150], А.П. Смородского [46, с. 90] и в материалах, собранных офицерами Генерального штаба П.О. Бобровским [5], И.И. Зеленским [22], А.К. Корево [8, с. 804], были опубликованы краткие исторические очерки о городах и местечках, охарактеризованы основные виды их хозяйственной деятельности.

Экономическое положение городов и местечек было описано в трудах М.В. Владимирского-Буданова [10, с. 302; 11, с. 52], В.Б. Антоновича [1, с. 351], М.С. Грушевского [12, с. 240; 13, с. 688]. Авторы впервые привели статистические данные об объемах продукции и показали ведущую роль товаров легкой промышленности и сельскохозяйственного производства в экономике Российской империи.

Сведения о социальной структуре населения периода феодализма на белорусских землях нашли отражение в работах П.М. Шпилевского [51, с. 250]. В начале XX в. Минское дворянское депутатское собрание и Управление Виленского учебного округа опубликовали сводные статистические данные о площади имений и городов Российской империи, включив данные и о территории Беларуси [2, с. 162; 3, с. 375].

Первые публикации В.И. Пичеты вышли в 1909–1912 гг. В его работах впервые появляются исследования

истории частной земельной собственности на территории восточных славян. Публикации историка вошли в сборники и книги: «Великая реформа: Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем» (1911) [7, с. 263], «Крепостное право в России и реформа 19 февраля» (1911) [27, с. 399], «Отечественная война и русское общество. 1812–1912» (1911–1912) [36], «Три века. Россия от смуты до нашего времени» (1912) [48, с. 828]. В них историк уделяет внимание проблемам внешней политики Московского, а позже Российского государства, торговле, хозяйственной деятельности и быту в XVII–XIX вв.

Несмотря на то, что в упомянутых выше работах не уделялось внимание только истории Беларуси, и ее феодальное право рассматривалось с точки зрения составной части восточнославянской истории, труды ученого стали первой попыткой научного анализа истории феодальных отношений на белорусских землях.

Данные о частной земельной собственности фрагментарно появляются и в трудах В.И. Пичеты накануне Первой мировой войны: «Литовско-польские унии и отношение к ним литовско-польской шляхты» [45, с. 625] и «Литовско-Русское государство» [44, с. 359].

Крупнейшим исследованием В.И. Пичеты, написанным им в дореволюционный период, в котором отчетливо прослеживается обращение к вопросам формирования, распределения и хозяйственной деятельности в земельных владениях на территории Беларуси, является «Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве» [38, с. 135].

До ученого об аграрной реформе 1557 г. фрагментарно упоминали М.К. Любавский [33, с. 232], М.В. Довнар-Запольский [14, с. 807; 16, с. 67]. М.К. Любавский называл это мероприятие «померой», М.В. Довнар-Запольский — «реформой». Однако В.И. Пичета в трудах стал применять название «реформа», расширив и уточнив понятие [38, с. 5]. Именно термин, введенный В.И. Пичетой, продолжает употребляться учеными в современной отечественной историографии.

В феврале 1918 г. В.И. Пичете за первый том труда «Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве» была присуждена степень магистра, а в марте 1918 г. за вторую часть — степень доктора истории.

Работа не утратила своей актуальности и для современной исторической науки. Аграрная реформа середины XVI в. повлияла на социально-экономическое развитие белорусских земель, в том числе в частновладельческих владениях, в XVI–XVIII вв, поэтому к ее изу-

чению обращались и будут обращаться исследователи, которые занимаются социально-экономической историей Беларуси.

Таким образом, характерная черта всех дореволюционных исследований в области частной земельной собственности — фрагментарность сведений и слабая источниковая база. Историки не акцентировали внимания на существовании на территории Беларуси частной земельной собственности. В большинстве публикации представляли этнографические и историко-экономические очерки с описанием основных видов хозяйственной деятельности населения. Однако, несмотря на отсутствие глубоких научных исследований в области истории Беларуси и, в частности, форм собственности на землю, нельзя сказать, что заявленная научная проблема оставалась неизвестной и мало освоенной. Самыми крупными исследованиями данного периода, которые ввели понятийный аппарат и отличались анализом источников по вопросу помещичьей земельной собственности, стали труды В. И. Пичеты.

В послереволюционное время для изучения истории белорусских земель в Москве было создано Белорусское научно-культурное общество. Его основателями стали В. И. Пичета, Н. А. Янчук, Д. Г. Коновалов и др., почетными членами — Е. Ф. Карский, М. К. Любавский, П. Н. Жукович, М. В. Довнар-Запольский и А. П. Сапунов. Однако активностью оно не отличалось.

В 1918 г. организацией был издан доклад М. К. Любавского «Основные моменты истории Белоруссии», который ученый прочитал на первом публичном заседании общества [35а, с. 15]. Основное внимание в нем было уделено истории белорусских земель до ВКЛ включительно [35а, с. 16].

В 1918 г. в Москве начал работать Белорусский народный университет. Ведущим лектором в нем стал В. И. Пичета. Лекции университета были изданы отдельной книгой под названием «Курс белорусоведения» [28, с. 303] и посвящены различной проблематике. В основном в них акцентировалось внимание на территориальном формировании этнических белорусских земель и краеведении.

В «Курс белорусоведения» вошел цикл лекций В. И. Пичеты общим объёмом 82 страницы, разделённые на 20 тем. [28, с. 32]. Самыми информативными блоками в области изучения частной собственности на землю являются пятый и шестнадцатый очерки труда, где автор изложил события Кревской унии, суть волочной поме-ры середины XVI в., положение шляхты и мещан в XVI—XVIII вв., правовое положение шляхты в последние годы существования Речи Посполитой, отношение шляхты

к разделам Речи Посполитой, вхождению белорусских земель в состав Российской империи, к восстанию Т. Костюшко и к войне с императором Наполеоном в 1812 г.

В межвоенное время В. И. Пичета опубликовал работы обобщающего характера о развитии экономической деятельности в ВКЛ, где проанализировал роль сельскохозяйственной продукции в экономике ВКЛ. Автор утверждал, что выход зерновой продукции на европейские рынки способствовал увеличению доходов владельцев имений XVI—XVII вв. [37, с. 19; 39, с. 135; 40, с. 812; 41, с. 179; 42, с. 7] В его работах рассмотрено развитие земледелия и скотоводства, увеличение дополнительных наделов и посевных площадей в частновладельческих имениях ВКЛ.

В. И. Пичета был не единственным ученым в 20-е гг. XX в., кто обратился к истории социально-экономических отношений белорусских земель. Историк Ф. И. Забелло проанализировал влияние крепостного права на характер экономических отношений в имениях ВКЛ [20, с. 152; 21, с. 22]. В своих трудах автор использовал и наработки ученого Н. А. Рожкова, который занимался изучением феодального хозяйства [43, с. 450]. Ученый на основании инвентарей частновладельческих земель исследовал развитие сельского хозяйства во второй половине XVIII в., не используя данные реестров Несвижской ординации. Таким образом, в советской историографии 20-х гг. XX в. сведения о частном землевладении давались косвенно и не затрагивали глубоко проблемы экономического и социального развития земель. Основными вопросами исследований стали: закрепощение крестьян, сельское хозяйство в деревнях, ремесло и торговля в городах. В публикациях наблюдается критика феодальных и капиталистических форм производства. Однако труды В. И. Пичеты выделялись анализом процесса реформирования земельных отношений, унификации и дифференциации ремесленного производства в городах, а также заложили основу дальнейшего изучения социально-экономических отношений на белорусских землях.

В 1930 г. В. И. Пичета был арестован по «академическому делу» и в 1931 г. выслан в Вятку. В сентябре 1934 г. В. И. Пичету перевели в Воронеж, где он работал профессором Воронежского педагогического института и читал курс истории СССР. Ученый отошел от исследования белорусской истории и не издавал с этого время трудов о развитии феодальных отношений на белорусских землях. Основная часть его работ была связана с исследованием истории Украины, южных и западных славян и международной политики.

С уходом ученого из проблемного поля белорусской истории в 30-х гг. прекратились работы в изуче-

нии социально-экономических отношений и развития феодализма на территории Беларуси. Первые работы в данной области появились только в послевоенное время.

В монографиях исследователей послевоенного периода расширился круг изучаемых проблем и привлекаемых источников. В историографии сохранилась тенденция к изучению ремесла и сельскохозяйственного производства. Особо глубокое освещение получило развитие внутренней и внешней торговли на белорусских землях. Наибольшее внимание было уделено экономическому развитию городов, мануфактурному производству. В то же время не был проведен анализ социальной структуры населения. В исследованиях не рассматривались особенности экономической деятельности в госу-

дарственных и частновладельческих имениях и ее правовое регулирование.

Основной задачей современной белорусской историографии стало рассмотрение более широкого диапазона вопросов о частном землевладении, которое заложило основы для объективного анализа проблематики. Историки обратились к более детальному изучению социально-экономических аспектов в истории белорусских земель. Однако исследования ученых по заявленной проблематике, среди которых свое главное место по праву занимают работы В. И. Пичеты, стали отправной точкой в изучении вопроса о формировании и функционировании частной земельной собственности, ее правового оформления и включенности в социально-экономического развития белорусских земель.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонович, В. Б. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России / В. Б. Антонович. — Киев: Тип. Е. Я. Федорова, 1885.
2. Алфавитный список дворянским родам Минской губернии, внесенным в дворянскую родословную книгу по 1-е июля 1903 года: [с прил. списка губерн. и уезд. предводителям и депутатам дворянства]. — Минск: Губерн. тип., 1903.
3. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при Управлении Виленского учебного округа: [в 14 т.]. — Вильна: Печатня Губерн. правления, 1867–1904. — Т. 7: [док. 1433–1791 гг.] / собр. в Несвиже и изд. П. Гильтебрандтом и А. Миротворцевым. — 1870.
4. Без-Корнилович, М. О. Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии с присовокуплением и других сведений, к ней же относящихся / М. О. Без-Корнилович. — СПб.: Тип. III Отд. Собств. Е.И.В. канцелярии, 1855.
5. Бобровский, П. Гродненская губерния: в 2 ч. / сост. чл. Императ. Рус. геогр. о-ва Генер. штаба подполковник П. Бобровский. — СПб.: Тип. департамента Генер. штаба, 1863. — 2 ч. — (Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба).
6. Брянцев, П. Д. Очерк древней Литвы и Западной России / П. Д. Брянцев. — Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1891.
7. Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Т. 1 / Историческая комиссия учебного отдела. О.Р.Т.З.; ред.: А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичета. — Москва: Издание Т-ва И. Д. Сытина, 1911.
8. Виленская губерния / составил Генерального штаба капитан А. Корево. — Санкт-Петербург: в Типографии Иосафата Огризко, 1861.
9. Витебская старина / Сост. А. П. Сапунов. В 5 т. — Витебск: Типография губернского правления, 1883–1888.
10. Владимирский-Буданов, В. М. Немецкое право в Польше и Литве / М. Ф. Владимирский-Буданов. — СПб.: [б. и.], 1868.
11. Владимирский-Буданов, В. М. Очерки из истории литовско-русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов. — Киев: Тип. В. И. Завадзкого, 1889.
12. Грушевский, М. С. Города Великого княжества Литовского в XIV–XVI вв.: старина и борьба за старину / М. С. Грушевский. — Киев: [б. и.], 1918.
13. Грушевський, М. Історія України–Руси: в 11 т. / М. Грушевський. — Київ: Наук. думка, 1994. — Т. 5: Суспільно-політичний і церковний устрій і відносини в українсько-руських землях XIV–XVII вв.
14. Довнар-Запольский, М. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах / М. Довнар-Запольский. — Киев: Тип. Императ. ун-та св. Владимира, 1901. — Т. 1.
15. Довнар-Запольский, М. Очерки по организации западнорусского крестьянства в XVI веке / М. Довнар-Запольский. — Киев: Киев. 1-я артель печ. дела, 1905.
16. Довнар-Запольский, М. В. Страница из истории крепостного права в XVIII–XIX вв. / М. В. Довнар-Запольский. — М.: Т-ва И. Д. Сытина, 1906.
17. Довнар-Запольский, М. В. Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столетия / М. Довнара-Запольского. — Киев: Типолитография Товарищества И. Н. Кушнерев и К° в Москве, Киевское отделение, 1891.
18. Довнар-Запольский, М. В. Акты Литовско-русского государства, изданные М. Довнар-Запольским. Вып. 1. (1390–1529 г.). — М.: Унив. тип., 1899.
19. Доўнар-Запольскі, М. В. Гісторыя Беларусі / М. В. Доўнар-Запольскі. — Мінск: Беларус. энцыкл., 1994.
20. Забела, Т. Панская гаспадарка на Беларусі ў другой палове XVIII веку і быт падданага сялянства / Т. Забела. — Мінск: Ін-т беларус. культуры, 1928.
21. Забела, Т. І. Земляўласнік і земляроб на Статуце літоўскаму 1588 г. / Т. І. Забела. — Мінск: Беларус. дзярж. ун-т, 1928.
22. Зеленский, И. Минская губерния: в 2 ч. / сост. Генер. штаба подполковник И. Зеленский. — СПб.: Воен. тип., 1864. — Ч. 2. — (Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба).
23. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в Центральном архиве в Витебске и изданные под редакцией архивариуса сего архива Созонова: [в 32 вып.]. — Витебск: Тип. Губерн. правления, 1871–1906. — Вып. 27–1898.
24. Карский, Е. Ф. Белоруссы. Т. 1–3. / Е. Ф. Карский. — Варшава: тип. Варшавского учеб. округа, 1903–1921. — Т. 1–3.

25. Карский, Е. Ф. К вопросу об этнографической карте белорусского племени / Е. Ф. Карский. — Санкт-Петербург, 1902.
26. Карский, Е. Ф. Этнографическая карта белорусского племени / ординарного академика Е. Ф. Карского. — Петроград: Белорусский областной комитет при Всероссийском совете крестьянских депутатов, 1917.
27. Крепостное право в России и реформа 19 февраля / Историческая комис. Учеб. отдела ОРТЗ Редакция А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова и В. И. Пичета. — М.: [И. Д. Сытин], 1911.
28. Курс белорусоведения: лекции, читанные в Белорусском народном университете в Москве летом 1918 года: с библиографическим указателем по каждому вопросу и с приложением этнографической карты белорусского племени акад. Е. Ф. Карского / Белорусский подотдел Отдела просвещения национальных меньшинств НКП. — Москва, 1918–1920. Содерж.: Турук Ф. Предисловие (с. I–IV); Пичета В. И. История белорусского народа (с. 1–86); Анучин Д. Н. К вопросу о белорусской территории (с. 87–100); Силинич И. П. Географический очерк Белоруссии (с. 101–125); Фортунатов А. Ф. Из сельскохозяйственной статистики пяти белорусских губерний (с. 126–244); Чепурковский Е. М. Антропология белорусов (с. 145–151); Янчук Н. А. Этнографический очерк Белоруссии (с. 152–184); Расторгуев П. А. Белорусская речь в ее современном и прошлом состоянии (с. 185–253); Жилунович Д. Ф. Белорусская литература (с. 258–288); Силищенский М. И. К вопросу о методике родиноведения (с. 294–304); Акад. Карский Е. Ф. Этнографическая карта белорусского племени.
29. Лаппо, И. И. Великое княжество Литовское во второй половине XVI в.: литовско-русский повет и его сеймик / И. И. Лаппо. — Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1911.
30. Лаппо, И. И. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569–1586): опыт исследования политического и общественного строя / И. И. Лаппо. — СПб.: Тип. Алфавитный список дворянским родам Минской губернии, внесенным в дворянскую родословную книгу по 1-е июля 1903 года: [с прил. списка губерн. и уезд. предводителям и депутатам дворянства]. — Минск: Губерн. тип., 1903.
31. Ластойскі, В. Ю. Кароткая гісторыя Беларусі: з 40 рысункамі / Власт. — Вільня: Друкарня М. Кухты, 1910.
32. Литовский статут 1529, 1566 и 1588 гг. М.: Изд. Московского О-ва истории и древностей российских, 1854–1855.
33. Любавский, М. К. Литовско-русский сейм: опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства / Матвея Любавского. — Москва, 1900.
34. Любавский, М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского Статута: исторические очерки / Матвея Любавского. — Москва: Университетская типография, 1892.
35. Любавский, М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно: с приложением текста хартий, выданных Великому князю Литовскому и его областям / М. К. Любавский. — Москва: издание Императорского Общества истории и древностей российских, 1910.
36. 35 а. Любавский М. К. Основные моменты истории Белоруссии: доклад, читанный на 1-м публичном заседании Белорусского научно-культурного общества в Москве 1/14 июля 1918 года / М. К. Любавский. — Москва, 1918.
37. Отечественная война и русское общество: [в 7 т.] / Историческая комиссия учебного отдела О. Р. Т. 3. — Юбилейное изд. (1812–1912). — Москва: издание Т-ва И. Д. Сытина, 1911–1912.
38. Пічэта, У. Гаспадарскія (вялікакняжскія) двары ў заходніх воласцях Беларусі пасля рэформы Жыгімонта-Аўгуста / У. Пічэта. — Минск: Ін-т беларус. культуры, 1927.
39. Пичета, В. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государств: в 2 т. / В. Пичета. — М.: Синод. тип., 1915–1917. — 2 т.
40. Пичета, В. Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии / В. Пичета. — М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1940.
41. Пичета, В. И. Белоруссия и Литва XV–XVI вв.: исследования по истории социально-экономического, политического и культурного развития / В. И. Пичета; Акад. наук СССР, Ин-т славяноведения; под ред. З. Ю. Копыцкого [и др.]. — М.: Изд-во АН СССР, 1961.
42. Пичета, В. И. История сельского хозяйства и землевладения в Белоруссии / В. И. Пичета; Нар. комиссариат земледелия Белорус. ССР. — Минск: Наркомзем, 1927. — Ч. 1: До конца XVI в.
43. Пичета, В. И. Крестьяне тяглые во второй половине XVI века в Великом княжестве Литовском / В. И. Пичета. — [Б. м., б. г.].
44. Рожков, Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении / Н. А. Рожков. Т. 1: Первобытное общество; Диакри; Варвары; Феодальная революция. — [1919].
45. Русская история в очерках и статьях / Сост. при участии профессоров и преподавателей под ред. проф. М. В. Довнар-Запольского. — Изд. 2-е. — [М.]: Моск. учеб. кн-во, 1909.
46. Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню тридцатилетия его профессорской деятельности в Московском университете: (5 декабря 1879–5 декабря 1909 года): с тремя портретами В. О. Ключевского, исполненными фототипией и гелиографией, и приложением списка трудов его / участвуют: Я. Л. Барсков [и др.]. — Москва: Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1909.
47. Смородский, А. П. Столетие Минской губернии, 1793–1893: ист.-стат. зап. / сост. секретарь Мин. губерн. стат. ком. А. П. Смородский. — 2-е изд., испр. и доп. — Минск: Типолитограф. Р. Дворжец, 1893.
48. Стукалич, В. К. Белоруссия и Литва: очерки из истории городов в Белоруссии / В. К. Стукалич. — Витебск: Губерн. тип., 1894.
49. Три века. Россия от смуты до нашего времени: Исторический сборник / Под ред. [и с предисл.] В. В. Каллаша. — М.: т-во И. Д. Сытина, [1912]
50. Турчинович, О. В. История сельского хозяйства России, от времен исторических до 1850 года / соч. О. Турчиновича. — СПб.: В. П. Поляков, 1854.
51. Турчинович, О. В. О поземельной собственности и наследстве в древней Руси / Соч. О. Турчиновича. — Санкт-Петербург: тип. Э. Веймара, 1853.
52. Шпилевский, П. М. Путешествие по Полесью и белорусскому краю / П. М. Шпилевский; предисл., текстол. подгот., примеч. и коммент. С. И. Кузнецовой. — Минск: Беларусь, 2004.

ПОСТУПЛЕНИЯ ШЕРСТИ В СССР В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ И ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 ГГ

RECEIPTS OF WOOL IN THE USSR IN THE PREWAR YEARS AND DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945

S. Zhevalov

Summary. The article analyzes the problem of internal wool supply in the Soviet Union in the prewar period and during the Great Patriotic war. The materials contained in the funds of the Russian state archive of Economics, which are first introduced into scientific circulation, formed the basis of this article. From documentary archival data the total quantity of wool which arrived on all sources of receipts in the USSR in the last pre-war years and during war is defined. The relevance of the article is caused by constantly reviving discussions about the importance of the contribution to the Great Victory of domestic supplies of the Soviet collective and state farm peasantry. The author comes to the conclusion that the collective-state farm management system in the village was able to provide the Red Army with the necessary amount of warm clothes and shoes.

Keywords: Soviet Union; Great Patriotic war of 1941–1945; Soviet collective farm-state farm village; preparations; wool.

Жевалов Сергей Анатольевич

*Соискатель, ФГБОУ ВО «Московский педагогический
государственный университет»
szhevalov@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируется проблема внутренних поступлений шерсти в Советском Союзе в предвоенное время и в период Великой Отечественной войны. Материалы, содержащиеся в фондах Российского государственного архива экономики (РГАЭ), которые впервые вводятся в научный оборот, легли в основу настоящей статьи. Из документальных архивных сведений определяется общее количество шерсти, поступившее по всем источникам поступлений в Союзе ССР в последние предвоенные годы и во время войны. Актуальность изложенной статьи обусловлена постоянно возрождающимися обсуждениями о значимости вклада в Великую Победу отечественных поставок советского колхозно-совхозного крестьянства. Автор приходит к выводу, что колхозно-совхозная система хозяйствования в деревне смогла обеспечить Красную Армию необходимым количеством теплой одежды и обуви.

Ключевые слова: Советский Союз; Великая Отечественная война 1941–1945 гг.; советская колхозно-совхозная деревня; заготовки; шерсть.

Исследование военного опыта имеет не только большое научное, но и практическое значение. Во время войны в нашей стране были изысканы и осуществлены необходимые пути и методы правильного использования внутренних резервов Советского Союза, и этот опыт занял важное место в богатом арсенале исторического прошлого государства.

История Великой Отечественной войны привлекает к себе внимание многих историков, экономистов, публицистов, участников, свидетелей и очевидцев. События военной истории, различные аспекты деятельности колхозно-совхозной советской деревни, в том числе и в области решения проблемы заготовок сельскохозяйственных продуктов, нашли отражение в опубликованных работах.

Историография этой проблемы берет свое начало в годы самой войны. В это время появляются работы, написанные советскими и партийными руководителями государства.

Одним из первых исследований этой проблемы выступила книга Н. А. Вознесенского «Военная экономика

СССР в период Отечественной войны» [3]. В указанной базисной работе по данной проблеме была представлена экономическая жизнь воюющего Союза ССР во всей своей целостности и многогранности.

Самым знаменитым трудом 1960-х гг. предстает «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945» [6]. В этом 6-томнике, наряду с военными событиями войны, довольно подробно освещена экономика советского государства, в том числе и экономическая сельскохозяйственная жизнь советского крестьянства.

В 1963 году Ю. В. Арутюнян опубликовал, а в 1970 году вышло второе издание исследования «Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны» [1]. В отличие от авторов прежних лет, которые на единичных примерах демонстрировали расширение сельскохозяйственного производства в СССР в период войны, автор доказал, что в 1941–1943 гг. в сельском хозяйстве нашей страны происходил спад. Перелом начался в 1944 году.

Книга «Советская экономика в период Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.» [10] была составле-

Таблица 1. Заготовка и закупка шерсти по СССР (в тоннах).

Годы	Обязат. поставка	Колхозы	Индивид. сектор	Совхозы	Закупка	Итого	В% к 1936 г.
1933	21,4	7,9	13,5	11,4	5,5	38,3	54
1934	23,4	10,7	12,7	14,5	4,6	42,5	60
1935	24,4	16,9	7,5	18,2	10,5	53,1	75
1936	28,6	20,3	8,3	21,4	21,2	71,2	100
1937	31,4	23,5	7,9	20,0	27,5	78,9	111
1938	38,0	28,0	10,0	20,7	35,8	94,5	133
1939	44,7	33,1	11,6	21,5	40,7	106,9	150
1940	53,3	40,7	12,6	21,9	43,4	118,6	167

Источник: [9, д. 1461, л. 28].

на коллективом авторов в 1970 году. В работе уделено большое внимание сельскохозяйственному производству и показана динамика суммарных поступлений продуктов питания.

В 5-томном фундаментальном коллективном труде «История крестьянства СССР. История Советского крестьянства» [7] продовольственная проблема в годы Великой Отечественной войны рассматривается и анализируется в третьем томе.

Работа Я. Е. Чадаева «Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» [13], как и книга Н. А. Вознесенского, стала важным источником темы, так как автор был непосредственным очевидцем событий и опубликовал первичные документы и собственные наблюдения.

К 70-летию Великой Победы вышло в свет исследование «Великая Отечественная война 1941–1945 годов» [2]. Седьмой том этой работы охватывает экономические и оборонные возможности Советского Союза, а также нацистской Германии.

В 2018 году Институтом всеобщей истории Российской академии наук и Институтом истории Национальной академии наук Беларуси опубликованы второй и третий тома международного труда «Страна в огне. Коренной перелом. 1942–1943» [11] и «Страна в огне. Освобождение. 1944–1945» [12]. Первый том «1941 год. Страна в огне» увидел свет в 2011 году. Несмотря на то, что основная часть этих книг посвящена исследованию боевых действий, в них уделено место рассмотрению состояния общей экономики Советского Союза, а также экономики сельскохозяйственного производства.

Анализ литературы с учетом работы, проделанной исследователями в предшествующее время, позволяет выявить вопросы, которые нуждаются в более детальном изучении. Рассекреченные архивные материалы

позволяют уточнить изученные вопросы, расширить и углубить ранее исследованные темы, а также неизученные вопросы.

Прежде, чем рассматривать поступления шерсти в СССР во время войны, обратим внимание на довоенные заготовки этого сельскохозяйственного продукта.

В опубликованном источнике есть сведения, что государственные заготовки и закупки шерсти в годы третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР достигли в среднем за год в 1938–1940 гг.— 106 тыс. т, а за годы второй пятилетки в 1933–1937 гг.— 57 тыс. т [7, с. 91].

В фондах архива находятся документы, уточняющие эти цифры. Общее количество шерсти, полученное Советским государством по обязательным поставкам в 1933–1940 гг. отразим в **табл. 1**.

По архивным материалам, представленным в таблице 1 среднегодовой объем заготовок и закупок шерсти в 1938–1940 гг. достиг 106,7 тыс. тонн. Этот показатель выше, чем в «Истории крестьянства СССР» на 0,7 тыс. тонн. В 1933–1937 гг. по документам РГАЭ поступления шерсти в среднем за год были те же 57 тыс. тонн, как и в 5-томном издании.

В опубликованном исследовании есть также таблица, в которой приведены цифры сдачи колхозами продуктов сельского хозяйства государству в 1933–1937 гг. Воспроизведем эти сведения и сравним представленные величины с архивными показателями.

По таблице 2 видно, что показатели за 1933 год совпадают у двух источников. Величины за 1934–1935 гг. незначительно разнятся. Цифры заготовок колхозами шерсти за 1936–1937 гг. в 5-томнике и архивные сведения сильно расходятся. Документ Российского государственного архива экономики составлен не ранее

Таблица 2. Сдача колхозами шерсти (в тыс. тонн).

Источник	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.
История крестьянства СССР	7,9	10,6	16,7	19,6	23
РГАЭ	7,9	10,7	16,9	20,3	23,5

Источники: [7, с. 359; 9, д. 1461, л. 28].

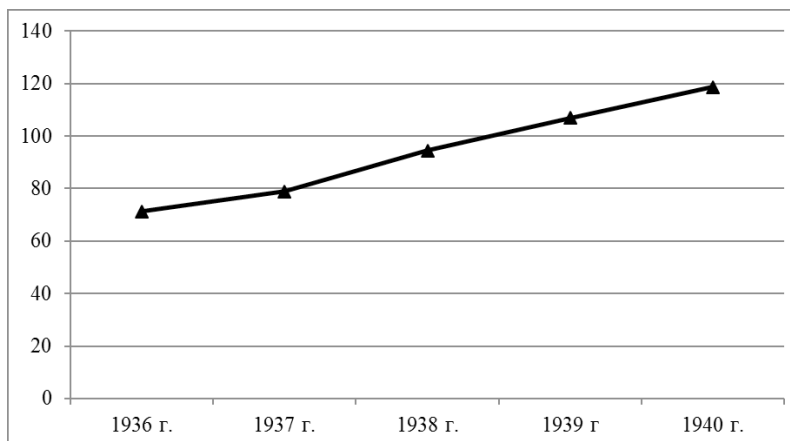

Диаграмма 1. Поступления шерсти в 1936–1940 гг., в тыс. тонн.

1944 года, значит, в нем величины за предвоенные годы уточненные и окончательные.

Я. Е. Чадаев сообщает, что советские совхозы сдали государству в 1934 году 14 тыс. тонн шерсти, а в 1940 году — 22 тыс. тонн [13, с. 64].

Таблица 1. показывает почти те же цифры, что и у Чадаева. В 1934 году совхозы поставили 14,5 тыс. тонн шерсти, а в 1940 году — 21,9 тыс. тонн.

Продемонстрируем поставки шерсти в 1936–1940 гг. на **диаграмме 1**.

Диаграмма 1 по заготовкам шерсти представляет собой практически прямую линию. По ней видно, что поступления шерсти в Союз ССР в 1936–1940 гг. неуклонно росли из года в год. Количество заготовленной шерсти увеличилось в 1937 году на 11% в сравнении с 1936 годом. В 1938 году на 1/3, в 1939 году в 1,5 раза в сравнении с 1936 годом. В 1940 году заготовки шерсти составили 118,6 тыс. тонн, что превышает поставки шерсти в 1936 году на 2/3.

С началом войны заготовки и закупки этого сельскохозяйственного продукта стали снижаться.

Воспользуемся сведениями из 6-томного издания «История Великой Отечественной войны Советского Со-

юза 1941–1945» и статистического сборника «Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и составим **табл. 3**.

По величинам таблицы 3 определяем общее количество шерсти, заготовленной Союзом ССР в 1941–1945 гг. и получаем 396 тыс. тонн.

В фондах РГАЭ находятся документы, показывающие несколько иные цифры. Общее количество шерсти, полученное Советским государством по всем источникам поступления в 1940–1944 гг. отразим в **табл. 4**.

По таблице 4 вычисляем суммарное количество шерсти, сданное колхозно-совхозным крестьянством стране в 1941–1944 гг. и получаем 318,6 тыс. тонн. Эта цифра общих поступлений шерсти в 1941–1944 гг. сравнима с показателем из опубликованных источников (329 тыс. тонн).

Отразим поставки шерсти в 1941–1944 гг. на **диаграмме 2**.

Величины диаграммы 2 наглядно иллюстрируют, что в первый год войны поступления шерсти практически не изменились в сравнении с 1940 годом. С 1942 по 1944 год заготовки шерсти падают. В 1942 году поставки этого сельхозпродукта по всем источникам снизились до 60% против последнего предвоенного года, а в 1943

Таблица 3. Поставки шерсти (в тыс. тонн).

Годы	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Шерсть	120	119	80	65	65	67
В% к 1940 г.	—	99,2	67	54	54	56

Источники: [6, с. 69; 8, с. 91]

Таблица 4. Поступления шерсти по СССР (в тыс. тонн).

Годы	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Шерсть	118,6	118,3	72,8	64,3	63,2	н/св.
В% к 1940 г.	100	99,8	61,4	54,3	53,3	

Источник: [9, д. 1461, л. 26, 28]

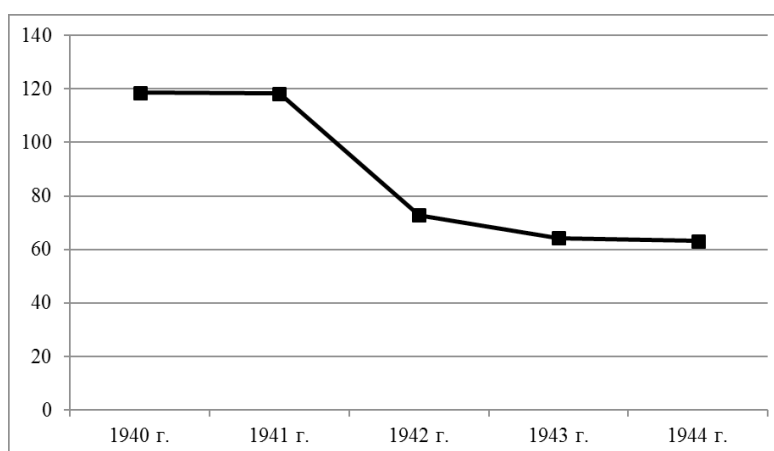

Диаграмма 2. Заготовки шерсти в 1940–1944 гг., в тыс. тонн.

и 1944 годах колхозно-совхозное крестьянство поставило государству шерсти почти на 50% меньше против заготовок и закупок 1940 года.

Итак, по материалам РГАЭ за 1941–1944 гг. сельскохозяйственным труженикам Союза ССР удалось сдать государству 318,6 тыс. тонн шерсти. Много это или мало? Если сравнить с рекордным на тот момент 1940-м годом, то это, безусловно, очень мало. Но, если сопоставить заготовки шерсти в военный период с поставками от крестьян в 1928 году, то мы увидим, что поступления этого сельскохозяйственного продукта в военные годы были выше как минимум на 55%. Это ясно показывает и доказывает преимущество колхозно-совхозного способа крестьянского хозяйствования, который доминировал в советской деревне в предвоенные и военные годы в сравнении с единоличным способом крестьянского хозяйствования, который был основным до 1928 года.

Сравним заготовки шерсти по СССР в 1941–1944 гг., с поступлениями этого сельскохозяйственного продукта

в 1923–1927 гг., 1928–1932 гг. и в 1933–1937 гг. Для этого составим табл. 5.

По цифрам таблицы 5 констатируем, что в 1941–1944 гг. заготовки шерсти увеличились более чем в 3 раза против поступлений этого сельскохозяйственного продукта в 1923–1927 гг., оказались больше в 1,4 раза относительно поставок шерсти в 1928–1932 гг., а также превосходили на 12% заготовки и закупки шерсти в период 1933–1937 гг.

Следовательно, согласно архивным данным, за 4 года войны государство получило шерсти почти в 9 раз больше, чем во время Гражданской войны (в 1919–1922 гг. суммарные поставки шерсти составили 37,2 тыс. тонн [9, д. 1461, л. 26]), в 3 раза выше, чем в период расцвета НЭПа. Во времена первой и второй пятилеток развития народного хозяйства Союза ССР заготовки шерсти также оказались ниже, чем в военный период.

Германский генерал Г. Гудериан сравнивает обеспеченность солдат вермахта и Красной Армии про-

Таблица 5. Сравнение поступлений шерсти (в тыс. тонн).

Годы	Поставки	Годы	Поставки	Годы	Поставки	Годы	Поставки
1923	14,0	1928	40,8	1933	38,3	1941	118,3
1924	17,3	1929	45,0	1934	42,5	1942	72,8
1925	20,0	1930	51,9	1935	53,1	1943	64,3
1926	22,6	1931	49,0	1936	71,2	1944	63,2
1927	29,5	1932	40,6	1937	78,9	1945	н/д
Итого	103,4		227,3		284,0		318,6

Источник: [9, д. 1461, л. 26].

довольствием и обмундированием в ходе битвы под Москвой:

«...лишь тот, кто часами ехал по ничейной территории для того, чтобы увидеть в конце пути холодный домик с тонкими стенами, внутри которого сидят полуголодные солдаты в тонкой одежде, лишь тот, кто видел наряду с ними сытых, тепло одетых и неутомленных сибиряков, имеющих все необходимое для зимней военной кампании,— лишь тот, кто все это испытал, может верно судить обо всем произошедшем» [4, с. 278].

Маршал Победы Г.К. Жуков свидетельствует: «Да, гитлеровцы кутались в теплые вещи, отобранные у населения, ходили в уродливых самодельных соломенных калошах. Полушубки, валенки, телогрейки, теплое бе-

лье — все это тоже оружие. Наша страна одевала и согревала своих солдат. А гитлеровские войска не были подготовлены к зиме» [5, с. 36].

Таким образом, основным итогом трудовой деятельности колхозно-совхозной деревни в годы Великой Отечественной войны было сверхтрудное, но в целом удавшееся решение проблемы обеспечения бойцов и командиров Красной Армии теплым обмундированием и обувью. В основном за счет своих сил, за счет героического труда и самопожертвования трудящихся женщин, стариков и детей. Благодаря высоким мобилизационным возможностям колхозно-совхозной системы Советскому Союзу, несмотря на все трудности, удалось сосредоточить в своих руках огромные массы товарной продукции, изготовленной из шерсти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. — М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. — 460 с.
2. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. — М.: Кучково поле, 2014. Т. 7. — 864 с.
3. Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1947. — 192 с.
4. Гудериан Г. Воспоминания немецкого генерала. Танковые войска Германии во Второй мировой войне. 1939–1945 / Пер. с англ. Д. А. Лихачева. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2009. — 574 с.
5. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 2 т. Т. 2 / Г. К. Жуков. М.: Вече, 2015. — 480 с.
6. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. В 6-ти томах. — М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1960–1965. Т. 6. — 624 с.
7. История крестьянства СССР. История Советского крестьянства. В пяти томах. — М.: Наука, 1986–1988. Т. 3. — 448 с.
8. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Статистический сборник. — М.: Информационно-издательский центр, 1990. — 236 с.
9. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8040. Оп. 3.
10. Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / ред. И. А. Гладков. — М.: Наука, 1970. — 504 с.
11. Страна в огне: В 3 т. Т. 2. Коренной перелом. 1942–1943: В 2 кн. / Отв. ред. Литвин А. М., Никифоров Ю. А. — М.: «Абрис», 2018. — 734 с.
12. Страна в огне: В 3 т. Т. 3. Освобождение. 1944–1945: В 2 кн. / Отв. ред. Литвин А. М., Мягков М. Ю. — М.: «Абрис», 2018. — 717 с.
13. Чадаев Я. Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Я. Е. Чадаев. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Мысль, 1985. — 494 с.

© Жевалов Сергей Анатольевич (szhevalov@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОРОЖНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОРОДСКОЙ ПОЛИЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII В. (К 300-ЛЕТИЮ РОССИЙСКОЙ ПОЛИЦИИ)

**ENSURING ROAD SAFETY
AS THE DIRECTION OF THE CITY POLICE
OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE XVIII
CENTURY (TO THE 300TH ANNIVERSARY
OF THE RUSSIAN POLICE)**

**A. Zhurov
N. Shingareva**

Summary. The article is devoted to the legal regulation of road safety in the cities of the Russian empire in the XVIII century, as one of the functions of the domestic city police. It provides an overview and analysis of regulatory legal acts in this area, examines the competences of police officials, highlights the system of penalties imposed by Russian legislation for traffic violations in cities.

Keywords: city police, road safety, general master of police, horse-drawn transport, police station.

Журов Андрей Николаевич

*К.и.н., доцент, Московский университет МВД России
имени В. Я. Кикотя;
zhurov67@mail.ru*

Шингарева Наталья Викторовна

*К.ю.н., доцент, Московский университет МВД России
имени В. Я. Кикотя;
shingareva@list.ru*

Аннотация. Статья посвящена правовому регулированию обеспечения дорожной безопасности в городах Российской империи в XVIII в., как одной из функций отечественной городской полиции. В ней дается обзор и анализ нормативных правовых актов в этой сфере, рассматриваются компетенции полицейских чиновников, освещается система наказаний, установленных российским законодательством за нарушения правил движения в городах.

Ключевые слова: городская полиция, безопасность дорожного движения, генерал-полицмейстер, гужевого транспорт, полицмейстерская канцелярия, «скорая езда».

Полиция Российской империи, образованная указом Петра I 25 мая 1718 г. в Санкт-Петербурге (300-летие создания которой наша страна отметила в 2018 г.), осуществляла разнородные функции, связанные не только с охраной правопорядка, борьбой с преступностью, но и с организацией и деятельностью в целом всего сложного городского хозяйства. Можно сказать, что уже на заре своего появления полицейским в городах отечественного государства вменялась обязанность контролировать безопасностью дорожного движения в городской черте.

Такое внимание властей к порядку на городских улицах вызвано тем, что приблизительно с конца XVII в. мы можем наблюдать расширение отечественных городов, увеличение численности городского населения, активизацию торговой деятельности. Это приводило к увеличению количества гужевого транспорта, повышению интенсивности движения по городским улицам. Данная сфера также начинает регламентироваться правовыми актами. Следует согласиться с мнением И.В. Питеркина, что одним из первых документов в этой сфере стал Именной Указ с Боярским приговором от 20 октября 1676 г. [1, с. 31] Основное внимание уделялось ограничению въезда в Кремль как резиденцию верховной государственной власти. С этого периода начинается нормативное регулирование количества транспортных

средств в столице. До конца XVII в. принимается ряд правовых актов, установивших определенные ограничения и запреты в транспортном движении Москвы. К таким документам можно отнести указ царя Федора Алексеевича от 28 декабря 1681 г. [2, с. 367], указ от 3 января 1683 г., [3, с. 490–491], указ от 19 января 1694 г. [4, с. 172] и другие. Эти документы устанавливали наказания за нарушения предписаний, преимущественно, в виде денежных штрафов. Хотя в исключительных случаях, возможно было применение даже ссылки в Сибирь.

Однако, в конце XVII в. в России еще не существовало государственной службы, осуществлявшей охрану правопорядка. Полицейские функции выполнялись тогда караулами Стрелецкого приказа. Положение изменяется во втором десятилетии XVIII в. с образованием в новой столице Российского государства — Санкт-Петербурге регулярной полиции.

Обеспечение дорожной безопасности в Санкт-Петербурге в период преобразований Петра I было возложено на полицмейстерскую канцелярию под управлением Генерал-полицмейстера А.М. Девиера. Деятельный руководитель нового регулярного государственного органа — полиции, он занялся наведением порядка в столице, в том числе и в сфере упорядочения дорожного движения. Так, 24 января 1719 г. им объявляется имен-

ной указ о «делании... по концам улиц шлагбаумов» [5, с. 120–121], а 16 ноября 1720 г. указ, ограничивший свободу передвижения по городу на невзнузданных лошадях, Устанавливался запрет на быструю езду в столице, т.к. «...от многолюдства по улицам тем беганием чинится многим повреждение» [6, с. 264]. При этом, власти прекрасно понимали тягу русского человека к быстрой езде, которая вошла в народные поговорки, поэтому указ отнюдь не возбранял «бегать на резвых лошадях в запуски или в заклад... выезжая в ямскую слободу или по рекам, где мало людей ходит». Кроме этого, так как в строящийся город со всей страны свозились товары, в том числе и гужевым транспортом, чтобы не допускать стеснения и беспорядка на улицах, извозчикам гужевых повозок под угрозой штрафных санкций предписывалось ставить свои транспортные средства в строго установленных местах.

Быстрый рост населения Санкт-Петербурга в первой половине XVIII в. привел к значительному увеличению численности экипажей, гужевых повозок, наездников, что повлияло на интенсификацию дорожного движения. Отсутствие четкой регламентации дорожного движения и соответствующего контроля приводили к многочисленным нарушениям, оканчивавшихся зачастую физическими увечьями и смертью участников движения. Одним из наиболее частых нарушений был быстрая езда. Понятно, что в то время было достаточно трудно предложить четкие критерии организации скоростного режима перемещения по городским улицам. Поэтому, в нормативных документах использовался достаточно расплывчатый термин «скорая езда», который был зафиксирован, например, в указе от 6 февраля 1737 г. [7, с. 42–43]. Было установлено, что нарушители скоростного режима должны доставляться в полицию, где к ним применялись соответствующие санкции: к кучерам — телесные наказания, к владельцам экипажей — денежные штрафы.

Однако, несмотря на издаваемые правовые акты и достаточно строгие наказания за их нарушение, меры, направленные на обеспечение безопасности на улицах столицы серьезных положительных результатов не давали. Инициаторами неправомерной «скорой езды» выступали как сами владельцы экипажей, так и лица, арендовавшие транспорт. Зачастую, в порыве азарта, они приказывали своим извозчикам (либо, стимулируя их определенной денежной суммой) нарушать скоростной режим, что приводило к многочисленным столкновениям экипажей и человеческим жертвам. В определенной степени этому способствовала и безнаказанность самих извозчиков, определить и найти нарушителя в их среде было чрезвычайно затруднительно.

Все это было обусловлено также и малочисленностью городской полиции и, как следствие, слабым контролем

с ее стороны за дорожным движением. Поэтому, на помощь полиции в этом деле, как впрочем, и в реализации других полицейских функций, в первой половине XVIII в. активно привлекалось местное городское население, из которого составлялись отдельные караулы для охраны порядка на улицах, действовавшие в дневное время. Основной обязанностью таких обывательских караулов, в соответствии с указом от 4 декабря 1738 г. было задержание нарушителей порядка движения на улицах и доставление их в полицию [8, с. 660].

Правовые нормы, регулирующие дорожное движение на улицах Санкт-Петербурга, вскоре были распространены и на Москву [9, с. 588–589], а впоследствии и на другие крупные города империи. В соответствии с нормативными актами определяющую роль в обеспечении безопасности дорожного движения должна была играть городская полиция. Интересен и способ доведения до жителей властных предписаний: зачастую использовалось индивидуальное извещение под соответствующую подписку. Производство этих действий также возлагалось на городских полицейских.

Как указано выше, основными видами наказаний в случае нарушений порядка на городских улицах были штрафы для «благородных» сословий и телесные наказания для «подлых». В исключительных случаях к нарушителю могла быть применена ссылка на каторгу. В 1742 г. в соответствии с императорским указом была введена конфискация лошадей в пользу императорских конюшен [10, с. 13–14].

27 декабря 1752 г. генерал-полициестером Татищевым был объявлен императорский указ, в очередной раз требовавший от участников городского движения «нескорой езды». Т.к. выезды знатных особ сопровождались обычно верховыми лакеями, которые практически перекрывали движение на улицах, активно используя для этого плети, данные действия также были запрещены под угрозой телесного наказания и отсылки лакеев в рекруты «без зачета» [11, с. 759]. Кроме этого, документ фактически устанавливал приоритет движения, закрепляя обязанность уступать дорогу встречному транспорту. Правда, из сути акта не было понятно, кому будет принадлежать этот приоритет, что порождало почву для конфликтов на дорогах.

Другой, значительный нормативный акт екатеринской эпохи, — «Грамота на права и выгоды городам Российской империи», принятая в 1785 г. завершает регламентацию использования экипажей жителями городов в соответствии с социальным статусом их владельца [14, с. 368–369]. Здесь было рассмотрено использование экипажей горожанами, не являвшимися дворянами. Таким образом, приоритет движения на городских улицах

Российской империи определялся во многом по сословному принципу.

В период правления Екатерины II издается ряд нормативных актов, направленных на упорядочение владения транспортными средствами. Строго иерархичное, сословное общество требовало регулирования вопросов личного престижа, который определялся, в частности, и размером экипажа, количеством запряженных лошадей, богатством ливрей сопровождавших слуг. 1775 г. был издан манифест «Об экипажах и ливреях, какие разных классов чиновникам дозволяется иметь». Документ определял тип экипажа и разрешенное число лошадей для чиновников различных классов. Так, «3-му, 4-му, 5-му классу дозволяем ездить по городам шестернею», а «дворянам не имеющим обер-офицерского запрещается ездить по городам инако, как летом верхом или на одноколке на одной лошади» [12. с. 101]. Вопрос приоритетов был во многом решен. Также было предписано красить наемные кареты в желтый цвет [13. с. 102], что позволяло в ряде случаев идентифицировать участников и виновников дорожно-транспортных происшествий.

Во второй половине XVIII в. в крупных городах Российской империи начинается разделение транспортных и пешеходных потоков, что представляло собой новый элемент в организации дорожного движения. Это обязывало, в частности, участников транспортного движения «на улицах становиться карета за каретою, а рядом двух

карет отнюдь не становиться», для хождения пешеходов подле домов положены большие камни, то на иных камнях отнюдь не становиться ж, дабы тем не мешать ходить пешим» [15. с. 45].

В 1794 г. извозчикам Санкт-Петербурга стали выдаваться специальные жетоны, на которых было указано два номера: один обозначал принадлежность извозчика к конкретному району города, а другой являлся его личным номером. Это позволило полиции лучше идентифицировать участников движения, более оперативно разыскивать виновников дорожных происшествий. Кроме этого, за полицией были закреплены полномочия по проверке технического состояния и исправности экипажей [10. с. 16].

В целом, за XVIII в. было принято более 30 нормативных актов, так или иначе связанных с регулированием дорожного движения в городах Российской империи. Хотя, необходимо отметить, что издаваемые в этот период правовые документы в этой сфере, носили в целом бессистемный и нерегулярный характер. К концу XVIII — началу XIX вв. вызревает необходимость более масштабного и подробного правового регулирования сферы дорожного движения и обеспечения порядка, и безопасности на городских улицах. Это было реализовано уже в 1812 г. изданием Наставления старостам извозничьим и извозчикам, которое по справедливому утверждению Г.П. Рифицкого, стало предтечей современных Правил дорожного движения [10. с. 21].

ЛИТЕРАТУРА

1. Питеркин И. В. Организация уличного движения и безопасности в Санкт-Петербурге (Ленинграде) в XVIII — первой трети XX вв. Историко-правовой аспект. Дисс. . . канд. юрид. наук. С.-Пб., 1997.
2. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года: [Собрание 1-е.]. (далее ПСЗ). Т. 2. СПб., 1830. № 902.
3. ПСЗ. Собр. 1. Т. 2. СПб., 1830. № 984.
4. ПСЗ. Собр. 1. Т. 3. СПб., 1830. № 1482.
5. ПСЗ. Собр. 1. Т. 6. СПб., 1830. № 3494.
6. ПСЗ. Собр. 1. Т. 6. СПб., 1830. № 3676.
7. ПСЗ. Собр. 1. Т. 10. СПб., 1830. № 7170.
8. ПСЗ. Собр. 1. Т. 10. СПб., 1830. № 7695.
9. ПСЗ. Собр. 1. Т. 11. СПб., 1830. № 8530.
10. Рифицкий Г. П. Безопасность дорожного движения в России: история и современность: учебно-практическое пособие. М., 2005.
11. ПСЗ. Собр. 1. Т. 13. СПб., 1830. № 10065.
12. ПСЗ. Собр. 1. Т. 13. СПб., 1830. № 14290.
13. ПСЗ. Собр. 1. Т. 13. СПб., 1830. № 14291.
14. ПСЗ. Собр. 1. Т. 22. СПб., 1830. № 16188.
15. Рифицкий Г. П. Автомобильно-дорожный комплекс России и безопасность движения. Часть I, 1917–1935 гг. М., 1997 г.

© Шингарева Наталья Викторовна (shingareva@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ КОМПЛЕКСЫ ПО ПРОИЗВОДСТВУ ТАНКОВ НА УРАЛЕ В 1945–1950 ГГ.: ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ И КОНВЕРСИИ¹

TERRITORIAL PRODUCTION COMPLEXES FOR THE MANUFACTURE OF TANKS IN THE URALS IN 1945–1950: PROBLEMS OF TRANSFORMATION AND CONVERSION

V. Zapariy

Summary. The article is devoted to the main consequences of conversion in the tank industry in the post-war period. The tank industry is viewed from the point of view of the allocation of large structures into which the main industries were integrated. Considering the realities of the Soviet command economy of that time, and based on the theory of clusters in the Urals, it is possible to single out the territorial production complexes (TPC) for the production of heavy and medium tanks.

Keywords: Military economy, tank industry, public administration, conversion.

Запарий Василий Владимирович

К.и.н., доцент, Уральский федеральный университет
им. Первого президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург)
pantera.zap@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена последствиям конверсии в танковой промышленности СССР в послевоенный период. Она рассматривается с позиции выделения крупных структур, в которые были интегрированы основные производства. Учитывая реалии советской командной экономики того времени, и опираясь на теорию кластеров, на Урале можно выделить территориально-производственные комплексы (ТПК) по выпуску тяжелых и средних танков.

Ключевые слова: военная экономика, танковая промышленность, публичное администрирование, конверсия.

Победоносное завершение Великой Отечественной войны, поставило танкостроительную отрасль Уральского региона, сложившуюся и получившую ускоренное развитие в 1941–1945 гг., в новые условия функционирования. Мобилизационные методы управления и комплекс ресурсно-технологических, логистических, энергетических и кадровых ограничений, лежавших в основе ее работы в военное время, требовали от соответствующих структур государства принятия срочных мер по реорганизации ее управления. Тем более что к концу Великой Отечественной войны в рамках НКТП было сосредоточено большинство крупнейших машиностроительных заводов региона, имевших передовой производственно-технический потенциал. Исторические исследования послевоенного развития танковой промышленности Урала и СССР немногочисленны, поскольку «теряются» на фоне знаковых свершений военных лет. Современные публикации практически не рассматривают танкостроение с позиций сложных форм организации и взаимодействия, таких как кластерная теория, и т.д. [14, с. 55–58; 6, с. 25–35; 18; 17; 19; 3; 4, с. 35–39]. Практически не отражена тема и в зарубежных

публикациях, исключение составляют труды шведского историка Л. Самуэльсона, работавшего в архивах Челябинска в 2000-е гг. [21]

За годы войны в рамках Свердловской и Челябинской областей сформировались и успешно функционировали два территориально-производственных комплекса (протокластера) по выпуску тяжелых и средних танков и САУ (самоходно-артиллерийских установок) на их базе, вовлеченные в разветвленную систему взаимной кооперации и связанные с другими отраслями промышленности. В ходе эвакуации на Урале появилось броневое и двигательное производство, был налажен выпуск танковой артиллерии и других групп комплектующих. К концу Великой Отечественной войны танковая промышленность региона, сосредоточившая свои основные мощности в рамках двух крупных (ТПК) «протокластеров» в целом успешно завершила переход к поточно-конвейерной организации производства, на основе так называемой «автотракторной технологии». Это переворот окончательно произошел в 1943–1944 гг., позволив улучшить в целом не высокое качество выпуска-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского Фонда фундаментальных исследований, проект № 16–32–01081.

емых танков, а главное, обеспечить стабильную работу по выполнению планов. Отрасли удалось приспособиться к работе в условиях нехватки квалифицированных кадров, специального оборудования и иных технологических ограничений производственной базы. Трудовая мобилизация, командные методы управления и сверхцентрализация показали свою эффективность в военное время, обеспечив предсказуемость и устойчивость процесса управления.

В научной литературе можно найти достаточно определений таких понятий, как «кластер» и «промышленный кластер». Этот термин ввел в научный оборот американский экономист Майкл Портер. Он определял их как «сконцентрированные по географическому принципу группы взаимосвязанных компаний». По замыслу Портера они одновременно и конкурируют, и ведут совместную работу [20, р. 77–90]. Базовым критерием выступала географическая близость предприятий и их контрагентов. Проведенный Л. С. Макаровым в 2005 г. анализ трактовок термина показал, что именно географическая локализация участников оставалась главным отличительным признаком кластера [2, с. 79]. В современной отечественной литературе имеется ряд определений промышленного кластера [5; 1; 15], здесь так же преобладает стремление перенести акцент на конкретную территорию локализации предприятий внутри кластера. Эти предприятия составляют производственные цепи, направленные на создание конечного продукта и, как правило, концентрируются вокруг крупного базового завода-ядра. Кластер выступает как индустриальный комплекс на базе территориальной концентрации разветвленной сети производителей, потребителей, поставщиков, в рамках единой технологической платформы.

Основополагающие признаки кластера выражаются следующим образом. 1) концентрация производства; 2) взаимодействие и кооперация в определенной сфере; 3) конкурентоспособность системы, продукция должна пользоваться спросом за пределами локализации кластера. Ряд современных исследователей в России отмечают, что кластеры в нынешней трактовке не являются чем-то принципиально новым. Довольно очевидным является сравнение кластера и территориально-промышленного комплекса (ТПК). И. В. Филиппенко отмечает, что модель кластера и ТКП соответствует каждой своей общественно-экономической системе: кластер — рыночной, а ТКП — планово-мобилизационной [10, с. 152–155]. Кластеры и иные регионально-экономические формы организации производства проходят стадии жизненного цикла, зарождаются, расширяются, стагнируют, распадаются. С учетом вышесказанного, в развитии уральской танковой промышленности периода Великой Отечественной войны можно проследить формирование двух

крупных ТКП по выпуску средних танков и САУ (самоходно-артиллерийских орудий) на их базе в условных границах Свердловской и Челябинской областей.

После разгрома немецкой группы армий «Центр» летом 1944 г. исход войны стал для руководства СССР очевиден, что заставило задуматься о послевоенном устройстве государства. Этот процесс не обошел стороной и танкостроительную отрасль. Нарком танковой промышленности Союза ССР В. М. Малышев, а также ряд наиболее инициативных руководителей крупнейших Уральских предприятий, такие как Б. Г. Музруков (УЗТМ, г. Свердловск) и Е. Ю. Максарев (УТЗ № 183 им. Сталина, г. Нижний Тагил) приступили к разработке планов освоения гражданской продукции. Высокопоставленные «командиры производства» ориентировались на полученный их заводами в ходе войны опыт поточно-конвейерного производства. УЗТМ удалось быстро подготовить базу для выпуска установок глубокого бурения и нефтедобычи (ранее импортируемых), а УТЗ № 183 — для возобновления вагонного производства. В Нижнем Тагиле планировалось оснастить вагоностроительные участки новыми поточными линиями, на основе высокопроизводительного оборудования [3, с. 318].

Руководство Челябинского Кировского завода (ЧКЗ), составлявшего ядро расположенного на территории Челябинской области ТКП («протокластера») по выпуску тяжелых танков (и САУ на их базе), очевидно рассчитывая по инерции вернуться к тракторному производству, не проявило должной активности в стратегическом планировании. По-видимому, именно поэтому Кировский завод, находившийся под началом бывшего наркома танковой промышленности И. М. Зальцмана, приступил к реконструкции цехов только в конце 1945 г., потеряв около полугода, когда кадры и оборудование не были сильно загружены. Уже в сентябре 1945 г. военно-политическое руководство страны упразднило ГКО как верховный чрезвычайный орган государственного управления в годы Великой Отечественной войны, все его функции передавались Совету народных комиссаров (СНК). Отменялись законы военного времени и сверхурочные работы, был восстановлен 8 часовой рабочий день и ежегодные оплачиваемые отпуска. Основные военные заводы переводились на приоритетный выпуск гражданской продукции. Практически одновременно было решено ликвидировать Наркомат танковой промышленности (НКТП), что и произошло согласно указу Президиума Верховного Совета СССР от 14 октября 1945 г. Согласно документу на месте НКТП создавался Наркомат транспортного машиностроения (НКТМ) [7, л. 1].

Несмотря на то, что В. М. Малышеву удалось сохранить за собой кресло наркома и в новой структуре,

его возможности лоббирования интересов танковой промышленности оказались заметно ограниченными. В структуре нового наркомата, (а потом министерства) был создан специальный главк «Главтанк», ответственный за производство танков, но при этом он не являлся доминирующим, с заметно урезанным финансированием. Масштабные планы конверсии и значительно возрастающая нагрузка в виде гражданских заказов, вызвала обеспокоенность руководителей танкостроительной отрасли. Более того, начался процесс возврата ряда предприятий, включенных в состав НКТП в ходе войны, их прежним владельцам, т.е. прочим машиностроительным наркоматам. В частности, Наркомтяжмаш потребовал передать в его распоряжение УЗТМ и завод № 76 в Свердловске, а НКПС — завод № 183, с расчетом полностью перевести его на выпуск вагонов. В сентябре-октябре 1946 г. нарком В.А. Малышев и начальник ГАБТУ Я.Н. Федоренко пытались убедить И.В. Сталина сохранить минимально приемлемые для них мощности танкового производства [3, с. 336]. Позицию В.А. Малышева легко понять, ведь он стремился сохранить все танковые, дизельные и бронекорпусные заводы в одном наркомате для обеспечения единого технического руководства отраслью.

Тем не менее, государством было принято решение о полном прекращении на УЗТМ со второго квартала 1946 г. производства бронекорпусов для тяжелых танков и САУСУ-100. Однако, танковое производство на площадке бывшего УВЗ удалось сохранить, а сам УЗТ № 183 сохранить в структуре наркомата транспортного машиностроения. В данном случае мы имеем дело, скорее всего, с ведомственным компромиссом. Руководство бывших заводов НКТП в каткий временной промежуток оказались в совершенно новых для себя условиях, не имея возможности решать свои производственные задачи в чрезвычайном порядке, как это практиковалось ранее. Большинство бывших заводов НКТП не смогли справиться с новым государственным заданием, в силу все той же ограниченности кадровых ресурсов и технологических особенностей производства, имевших место в период войны. Тем не менее, государство не собиралось совершенно отказываться от производства бронетехники, т.к. несмотря на поэтапную демобилизацию, требовалось поддерживать армию в необходимой степени боеспособности. В результате, заводы министерства в 1946 г. выполнили план спецпроизводства (т.е. военного) на 83%, а в 1947 г. — всего лишь на 65% [13, с. 199].

В 1947 г. завершился выпуск бронетехники, принятой на вооружение в период войны. Одновременно был поспешно организован выпуск танков первого послевоенного поколения. Так, УЗТ № 183 выпустил первые 22 серийных танка Т-54, а ЧЗК — 52 танка ИС-4. Всего с сентября 1945 г. по январь 1948 г. предприятия Ми-

нистерства транспортного машиностроения произвели 8879 танков и САУ образца военного времени [16, с. 11]. Производственная программа «Главтанка» на 1946–1947 гг. не была выполнена, в 1948 г. показатели понизились вновь, по причине развивающегося кризиса отрасли, который удалось преодолеть только в начале 1950-х гг. В результате этого кризиса, танковое производство на Кировском заводе в Челябинске прекратилось, а территориально-производственный комплекс по выпуску тяжелых танков фактически распался. При этом входившие в него структурные единицы продолжили, пусть и в меньшем объеме, участие в процессе разработки и изготовления бронетанковой техники послевоенного поколения.

В то же время, второй территориально-производственный комплекс, с центром в Нижнем Тагиле, претерпев структурные и организационные трансформации (потеря Уралмашзавода и сворачивание работ по САУ), сумел к концу 1940-х гг. выполнить свою задачу и развернул массовое производство танков Т-54/Т-55. При этом руководству завода удалось решить ряд важнейших производственно-технических и социальных проблем, значительно осложнявших работу УЗТ № 183 в годы войны. Новые условия, безусловно, потребовали новых подходов в управлении и администрировании на производстве. В процессе конверсии на всех уральских заводах, входивших в территориально-производственные комплексы по выпуску танков, произошел отход от массового выпуска изделий, изменилась их номенклатура, что потребовало переквалификации значительной части рабочих кадров. Созданные с учетом опыта Великой Отечественной войны, на основе более высоких эксплуатационных характеристик и параметров качества, конструкции послевоенных танков оказались значительно более трудоемкими и сложными в производстве. Директора ряда заводов, вместо того, чтобы навести порядок в нормировании и организации труда, традиционно (со времен войны) пытались идти по наиболее легкому пути — требовали от Наркомата дополнительную рабочую силу, по инерции мышления рассчитывая действовать мобилизационными методами. В таком случае, большое количество рабочих было занято непроизводственным трудом: транспортировкой, погрузочными, подсобными и ручными работами. Это тормозило процесс трансформации производства и повышения его качества.

Условно локализованный на территории Свердловской области ТПК по изготовлению средних танков и САУ на их базе, в составе двух центров концентрации производства (предприятий-ядер) в составе Уральского танкового завода № 183 им. Сталина (танки Т-34) и Уралмашзавода (САУ на базе Т-34) в прежнем своем виде прекратил существование. На завод № 183 была возложена

задача обеспечения народного хозяйства железнодорожными платформами и комплектующими для них. Сдача заказчику танков Т-34/85 в феврале 1946 г. было прекращена. Параллельно дирекция начала проводить, утвержденную наркоматом реконструкцию УТЗ № 183 под вагонное производство и выпуск новых танков Т-54 [8, л. 5–6]. Уралмашзавод прекратил работу в рамках танковой промышленности. Гигант тяжелого машиностроения завершил подачу бронекорпусов для нужд танковой промышленности и был переориентирован в интересах гражданского сектора. Завод № 50, ранее выпускавший элементы трансмиссии и ходовой части танков и САУ, перешел к сборке угле- и породопогрузочных машин, комплектующих для паровозостроения. Завод № 76, ранее поставлявший танковые дизели для программы УЗТМ и завода № 112 (г. Горький), также прекратил их выпуск (единственным их производителем в регионе остался ЧКЗ). Свердловский завод № 9 сохранил свое значение как центра производства танковой артиллерии в Уральском регионе.

В рамках Челябинской области, поначалу удалось сохранить основные предприятия, входившие в территориально-производственный комплекс по выпуску тяжелых танков. Но в силу значительного отвлечения производственных и кадровых ресурсов на нужды зарождающегося атомного проекта и необходимости возрождения тракторостроения, на Кировском заводе начались серьезные затруднения. Неспособность дирекции поднять качество оперативного управления на самом заводе осложнялось получением от государства заведомо невыполнимых планов как гражданского, так и (военного) спецпроизводства. К началу 1950 г. Министерство транспортного машиностроения (МТМ) было вынуждено снять с Кировского завода программу выпуска тяжелых танков, в связи крайней технической ненадежностью тяжелых танков ИС-4, ИС-5 и высоким уровнем брака. Постановление Совмина СССР № 4753–1833 от 15 декабря 1949 г. возложило ответственность за систематическое невыполнение установленных им графиков на директора ЧКЗ И.М. Зальцмана и ряд его помощников и заместителей. Главными причинами срыва программы были названы: несвоевременная подача на производство заготовок и деталей танка по вине дирекции, плохая подготовка танкового производства на заводе, а также высокий уровень брака среди танковых башен, изготовленных на заводе № 200 [11, л. 8].

В ряду главных причин провала сроков доработки тяжелых танков, действительно имели место управленческие просчеты руководства Кировского завода. Однако это не отменяет недоработок как со стороны аппарата Министерства транспортного машиностроения и дирекции завода № 200, которым не удалось организовать нормальное взаимодействие и производственную ко-

операцию с ЧКЗ. В итоге, директор И.М. Зальцман был объявлен главным виновником случившегося, и снят с должности директора Кировского завода [18, с. 151–152]. Однако кадровые перестановки не смогли значительно улучшить качество танков. Кроме того, руководство Советской армии постепенно стало отказываться от тяжелых и ненадежных челябинских танков в сторону более универсальных машин типа — Т-54 и Т-55.

Несмотря на общий негативный фон деятельности Челябинского Кировского завода по военному спецпроизводству, в течение 1949 г., на предприятии удалось добиться улучшения показателей качества работы, особенно в сравнении с предыдущим периодом. Это хорошо видно в отношении дизельного производства. К концу 1949 г. без каких-либо дефектов прошли испытания 73,5% моторов, в то время как в 1948 г. только 45,4%. Дизельное производство Кировского завода также обеспечивало программу УТЗ № 183, оставшись после войны единственным производителем танковых силовых агрегатов в регионе [11, л. 22]. Как и в период Великой Отечественной войны, самым слабым звеном внутри челябинского танкостроительного центра, традиционно, оставался завод № 2~<00. Он выполнял возложенную на него функцию снабжения бронекорпусами программы Кировского завода (и частично — УТЗ № 183) с большими перебоями и значительным процентом брака. Так, в декабре 1949 г. по вине завода № 200 был сорван план выпуска танка Т-54 на УТЗ № 183, ввиду несвоевременной подачи им башен [12, л. 12]. Технологическая дисциплина здесь долго не могла перейти в удовлетворительное состояние, особенно в отношении выплавки броневой стали, формовки и термической обработки. Руководство Главтанка никак не могло добиться от дирекции завода № 200 стабильной и качественной работы.

Помимо этих негативных моментов, большие проблемы наблюдались в опытном производстве Кировского завода. В результате неспособности завода выполнить программу тяжелых танков, необходимость устранения конструктивных недостатков, и, как следствие, больших потерь выделенных государством фондов на переделку производственной оснастки, у ЧКЗ не оказалось ресурсов для проведения полноценных опытно-конструкторских работ. Наличные мощности опытного производства СКБ-2 (Специальное конструкторское бюро № 2) вместо экспериментальных работ по танкам пришлось использовать в основном для проверки серийных тракторов. СКБ-75 по моторостроению не имело своих отдельных производственных мощностей, а опытные образцы танковых двигателей и их узлы собирались в основных производственных цехах, ориентированных сборку тракторов. Руководство серийных цехов считало опытное производство помехой и менее всего заботилось о его нуждах. Такая практика привела Кировский завод к по-

тере лидирующих позиций в отрасли уже к началу 1950-х гг.

Даже после назначения в 1947 г. на место главного конструктора ЧКЗ М.Ф. Балжи, опытного организатора и талантливого инженера, создать адекватно работающее опытное производство на Кировском заводе долго не получалось [9, л. 50–59]. Перечисленные обстоятельства только иллюстрируют закат танкового производства в Челябинской области и фактически распад территориально-производственного комплекса по выпуску тяжелых танков. В Нижнем Тагиле к 1949 г., тем не менее, удалось успешно преодолеть большую часть производственных трудностей и, после серьезных доработок, обеспечить выпуск танка Т-54. И все же реконструкция завода для вагонного производства, переход к мирному времени и усложнение технологических процессов заметно снизили показатели УТЗ № 183. Однако более высокое качество управления со стороны дирекции позволила более удачно распорядиться ресурсами и кадрами.

На протяжении 1946 г. продолжалась испытания прототипа нового танка Т-54, начатые еще в 1945 г. Спешка высших руководителей страны, министерства и завода с началом его серийного производства стоила дорого. Первые же испытания Т-54 заставили изготовителей пересмотреть подавляющее большинство готовых к запуску технологических процессов [8, л. 38]. В ходе освоения танка заводу № 183 пришлось перейти на выпуск брони средней твердости больших толщин, что вызвало резкое понижение качества продукции металлургических цехов и увеличение процента брака. Перманентная реорганизация технологии танкового производства на заводе продолжались около пяти лет, значительная часть капиталовложений, затраченных для переоснащения танковых цехов, оказались израсходованы не достаточно эффективно.

В 1947 г. году планировалось выпустить 400 танков Т-54 на трех заводах (250 — в Н. Тагиле, 100 — в Харькове и 50 — в Омске). Реально изготовили только 22 машины, причем все — на заводе № 183 [16, с. 34]. В 1948–1949 гг. по требованию заказчика внедрялись многочисленные изменения в конструкцию машины. В декабре 1949 г. по итогам испытаний на вооружение Советской Армии принимается новая модификация «Т-54 образца 1949 г.» с иной конструкцией башни, улучшенным воздухоочистителем и рядом других изменений. В 1950 г. началось массовое производство Т-54. Несмотря на очередную модернизацию в 1951 г. (исчез обратный скос в кормовой части башни), в Нижнем Тагиле собрали более 800 танков [17, с. 77]. К концу 1940-х гг. завершаются послевоенные преобразования в области руководства танковой промышленностью в связи с отказом от чрезвычайных методов военного времени. Увеличение производствен-

ной нагрузки на танковые заводы и их кооператоров, объединенных в рамках двух территориально-производственных комплексов («протокластеров») по выпуску средних и тяжелых танков в рамках Свердловской и Челябинской областей, привело к широкому спектру кризисных явлений.

Государство стремилось экономить, навязывая уральским танкостроительным предприятиям масштабные планы гражданской и военной продукции одновременно. Их руководители не смогли своевременно наладить работу в новых условиях, сохраняя прежние принципы руководства, и не смогли улучшить качество управления. При этом, созданная в чрезвычайных обстоятельствах военного времени, танковая промышленность региона вынуждена была действовать в условиях недостатка квалифицированных кадров, специализированного оборудования, сырья и энергии. Требования к надежности новых танков послевоенного поколения возросли многократно. Низкое качество социально-бытовой инфраструктуры осложняло формирование трудовых коллективов на основе постоянно работающих высококвалифицированных кадров. В условиях нараставшего с 1945 г. военно-политического противостояния с бывшими западными союзниками, переросшего в так называемую «холодную войну», создание в кратчайший срок ядерного оружия стало важнейшей задачей для СССР. Поэтому на ее решение были брошены лучшие силы и специалисты. Танкостроение, оказавшись одной из наиболее высокоорганизованных и технически оснащенных отраслей советской экономики, было в значительной степени вовлечено в ее решение [18, с. 150–154].

Только с начала 1950-х гг., благодаря осознанию представителями высшего партийно-государственного руководства СССР значимости танкостроения в условиях нарастающих противоречий с западными союзниками, отрасли удалось постепенно выйти из кризиса. С увеличением ассигнований удалось решить полностью или частично ряд технико-технологических и социальных проблем танкостроения. С 1950 г. в Нижнем Тагиле стартовал выпуск переработанной версии танка Т-54, на окончательную отработку которой у коллектива УТЗ им. Сталина ушло более 4 лет. Челябинский Кировский завод, в силу стечения обстоятельств (снижения роли тяжелых танков на поле боя, управленческих ошибок на уровне дирекции завода и непоследовательности государственной политики) утратил свое значение как центр крупносерийного танкового производства. Роль завода № 183 как основного производителя бронетехники на Урале заметно возросла.

Объективным итогом развития отрасли в 1945–1949 гг. является приспособление танковой промышленности к новым условиям послевоенной экономики СССР,

выразившееся в постепенном повышении качества управления на уровне отдельных заводов, усложнении технологии сборки и др. Тем не менее, произошел фактический распад территориально-производственного комплекса по выпуску тяжелых танков в Челябинске, с последующей переориентацией его производственных мощностей на продолжающий функционировать центр в Нижнем Тагиле. На его основе был создан единый

территориально-производственный комплекс по выпуску танков Т-54, в общих чертах существующий на Урале и в наши дни. Медленное улучшение материально-бытового положения трудящихся танковой промышленности региона и уменьшение количества выпускаемой боевой техники, способствовали стабилизации кадрового состава крупнейших предприятий, вовлеченных в производство танков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисова Н. А. Развитие теории кластеров: типовая модель и примеры применения. М.: БИБЛИО-ГЛОБУС, 2014. 84 с.
2. Берсенева В. Л. Кластеры как инструмент повышения страновой и региональной конкурентоспособности // Панорама конкуренции. 2008. № 3. С. 78–82.
3. Ермолов А. Ю. Государственное управление военной промышленностью в 1940-е годы: танковая промышленность. СПб.: Алетейя, 2013. 408 с.
4. Заец А. Р. Производство бронетанковой техники на Урале в послевоенный период // Урал в военной истории России: традиции и современность. Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2003. С. 35–39.
5. Лаврикова Ю. Л. Кластеры: стратегия формирования и развития в экономическом пространстве региона. Екатеринбург: Изд-во Ин-та экономики УрО РАН, 2008. 232 с.
6. Михеев М. В. Проблемы демилитаризации уральской промышленности после Великой Отечественной войны // Genesis: исторические исследования. 2016. № 6. С. 25–35.
7. Нижнетагильский городской исторический архив. Ф. Р-417. Оп. 1. Д. 345.
8. Нижнетагильский городской исторический архив. Ф. Р-417. Оп. 1. Д. 411.
9. Объединенный государственный архив Челябинской области Ф. 124. Оп. 1. Д. 794.
10. Пилипенко И. В. Конкурентоспособность стран и регионов в мировом хозяйстве: теория, опыт малых стран Западной и Северной Европы. Смоленск: Ойкумена, 2005. 495 с.
11. Российский государственный архив экономики. Ф. 8798. Оп. 4. Д. 247.
12. Российский государственный архив экономики. Ф. 8798. Оп. 4. Д. 232.
13. Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е гг. М.: РОССПЭН, 1996. 336 с.
14. Сперанский А. В. Танковое производство на Урале в XX веке как фактор развития военно-промышленного комплекса СССР // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2013. Т. 13. № 2. С. 55–58.
15. Томашевская Ю. Н., Корчагина Н. А. Международный опыт выявления кластеров: перспективы использования в условиях РФ // Научные труды ИИП РАН. М.: Макс-Пресс, 2010. С. 727–742.
16. Устьянцев С. В. Уралвагонзавод: Элита российской индустрии. Екатеринбург: Старт, 2010. 239 с.
17. Устьянцев С. В., Колмаков Д. Г. Т-54/Т-55. Нижний Тагил: Медиа-Принт, 2006. 200 с.
18. Шубарина Л. В. Оборонно-промышленный комплекс на Урале: региональный опыт развития 1945–1965 гг. Челябинск: Уральская Академия, 2011. 280 с.
19. Щит и меч Отчизны. Оружие Урала с древнейших времен до наших дней. Екатеринбург: Раритет, 2008. 466 с.
20. Porter M. Clusters and the new economics of competitiveness // Harvard Business Review. 1998. November — December. P. 77–90.
21. Samuelson L. Tankograd: den ryska hemmafrontens dolda historia. 1917–1953. Stockholm: SNS, 2007. 368 p.

© Запарий Василий Владимирович (pantera.zap@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МАГНИТОРАЗВЕДКА НА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ В ОКРУГЕ АНТИЧНОГО ГОРОДИЩА «БЕЛИНСКОЕ» (ВОСТОЧНЫЙ КРЫМ) В 2018 Г.¹

MAGNETIC PROSPECTING ON THE ARCHAEOLOGICAL MONUMENTS IN THE DISTRICT OF ANTIQUE HILLFORT "BELINSKOYE" (EAST CRIMEA) IN 2018.

V. Zubarev
S. Smekalov
S. Yartsev

Summary. The publication presents the results of geophysical studies (magnetic prospecting) conducted on the archaeological sites Adzhiel 1, Adzhiel 2 and "Veselov 432", located about 30 km west of the city of Kerch near one of the large ancient hillfort "Belinskoye". Magnetic surveys were carried out in places of the highest concentration of fragments of ancient ceramic, or assumed locations of the remains of buildings. No specific remnants of building structures were identified during the course of the research. However, the results indicate the presence on the monuments Adzhiel 2 and "Veselov 432" of the objects that are economic pits, which was confirmed by digging on Adzhiel 2.

Keywords: archeology, antiquity, Crimea, Bosphorus kingdom, hillfort "Belinskoye", magnetic prospecting.

Зубарев Виктор Геннадьевич

Д.и.н., профессор, ТГПУ им. Л. Н. Толстого, г. Тула, Россия
parosta@mail.ru

Смекалов Сергей Львович

К.и.н., с.н.с., ТГПУ им. Л. Н. Толстого, г. Тула, Россия
slsmek@mail.ru

Ярцев Сергей Владимирович

Д.и.н., ТГПУ им. Л. Н. Толстого, г. Тула, Россия
s-yartsev@yandex.ru

Аннотация. В публикации приводятся результаты геофизических исследований (магнитная съемка), проведенных на археологических памятниках Аджиэль 1, Аджиэль 2 и «Веселов 432», расположенных примерно в 30 км западнее г. Керчь, вблизи крупного античного городища «Белинское». Магнитная съемка проводилась в местах наибольшей концентрации фрагментов античной керамики, либо предполагаемых местах нахождения остатков строений. Каких-либо определенных остатков строительных структур в ходе исследований не выявлено. Однако полученные результаты свидетельствуют о наличии на памятниках Аджиэль 2 и «Веселов 432» объектов, которые являются хозяйственными ямами, что было подтверждено шурфовкой на памятнике Аджиэль 2.

Ключевые слова: археология, античность, Крым, Боспорское царство, городище «Белинское», магнитная разведка.

Целью магнитной разведки в 2018 г. было продолжение работ по выявлению подземной структуры ранее обнаруженных археологических памятников близ античного городища «Белинское». Эта территория, вероятно, играла стратегическую роль в системе обороны Боспорского Царства. Силами находившегося в городище «Белинское» гарнизона могли контролироваться наиболее проходимые места, в равнинной северо-западной части Керченского полуострова, где в древности шли, по-видимому, кратчайшие пути миграции населения от материка через Крым на Тамань. Возможно, что воины гарнизона несли дежурство на оборонительных башнях крупнейшего древнего фортификационного сооружения Крыма Узунларского вала, расположенного всего в 2 км западнее городища. Вероятно также, что гарнизон «Белинского» был в тесном взаимодействии с гарнизоном небольшой, но занимающей стратегически

важное положение укрепленной усадьбы Ново-Отрадное 1. Усадьба расположена в 4,5 км севернее городища близ берега Азовского моря и синхронна по основному времени существования II в. до н.э.— III в.н.э. со временем существования городища [6, с.113–116].

Расположение памятников, на которых проводилась магнитная разведка и участков магнитной съемки на топографических картах показано на рис. 1 и 2.

Памятники Аджиэль 1 и «Веселов 432» были выявлены в 2015 г., а памятник Аджиэль 2 в 2016 г. при проведении археологических разведок экспедицией Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого в рамках работ по НИР «Структурно-пространственное изучение памятников как парадигма археологического исследования истории

¹ Работа выполнена в рамках НИР «Археологические и геофизические изыскания на археологических памятниках Аджиэльской балки для проверки гипотез о характере антропогенного воздействия в период голоцена» в Тульском государственном педагогическом университете им. Л. Н. Толстого (задание Минобрнауки России, № 33.6496.2017/8.9).

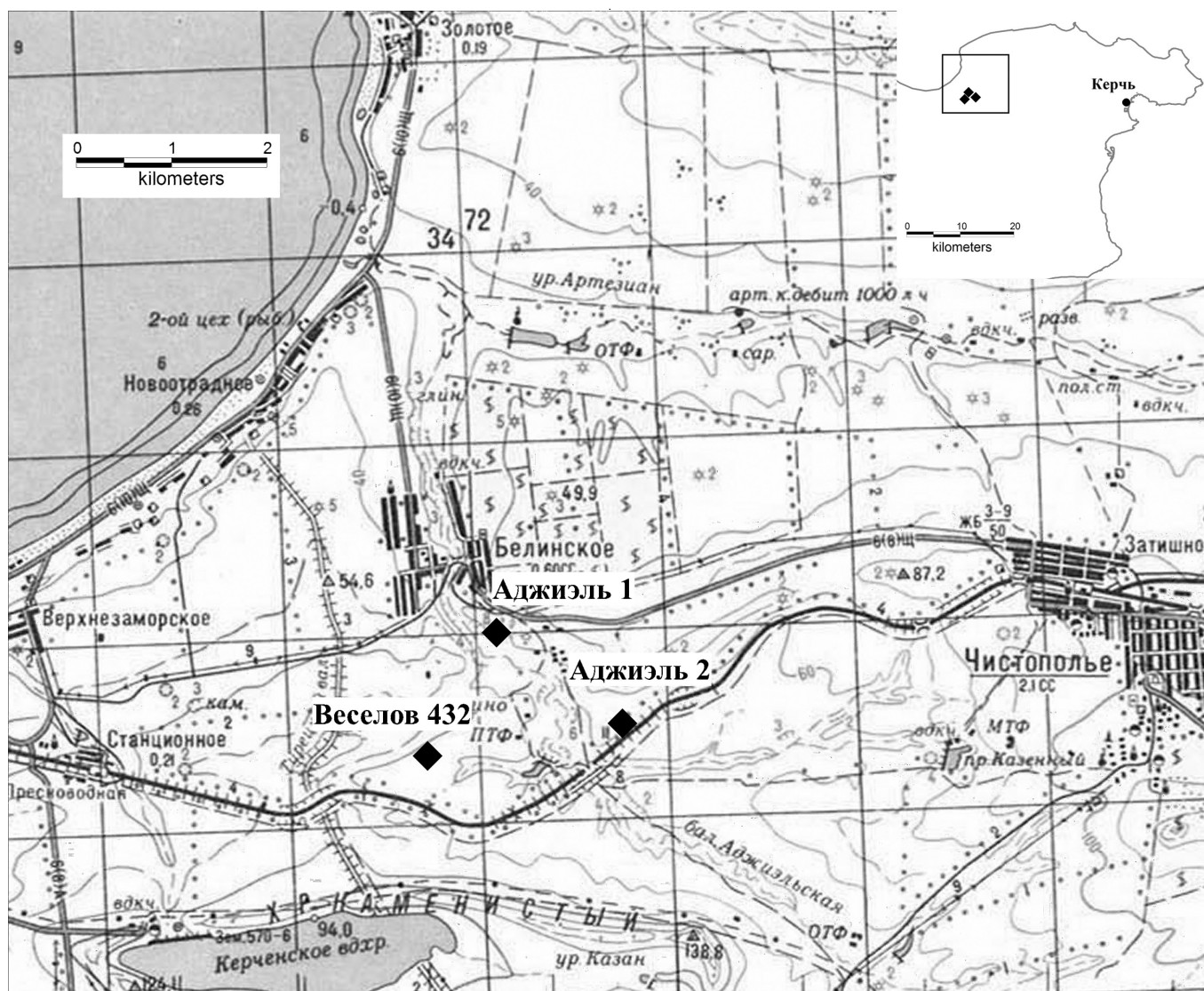

Рис. 1. Расположение археологических памятников Аджиэль 1, Аджиэль 2 и «Веселов 432» на карте масштаба 1:100000 [3].

конкретного региона (на примере урочища «Аджиэль» и городища «Белинское»), задание № 2014/389 Минобрнауки России, № НИР 1799). Объекты Аджиэль 1 и Аджиэль 2 открыты авторами публикации, т.к. в известных авторам архивных и литературных материалах нет сведений об археологических памятниках, расположенных в местах нахождения Аджиэль 1 и Аджиэль 2. Объект «Веселов 432», вероятно соответствует археологическому памятнику, примерное положение которого указано в работе В. В. Веселова [1, с. 60, с. 152, № 432].

Методика проведения работ по магниторазведке.

Проведение раскопок на всей предполагаемой территории, занимаемой тем или иным археологическим

памятником, во многих случаях оказывается невозможным за разумный период исследований в силу причин как экономического, так и организационно-методического характера. В этой связи выявление мест расположения погребенных антропогенных структур геофизическими методами позволяет проводить раскопки лишь на территориях, где такие объекты выявлены, и отказаться от проведения полных раскопок в местах, где данные геофизических исследований не указывают на наличие археологических объектов и это подтверждено выборочными шурфовками.

Предварительное обследование территории геофизическими методами, шурфовка в местах аномалий для подтверждения результатов геофизических исследований и выбор на основании результатов «геофизики»

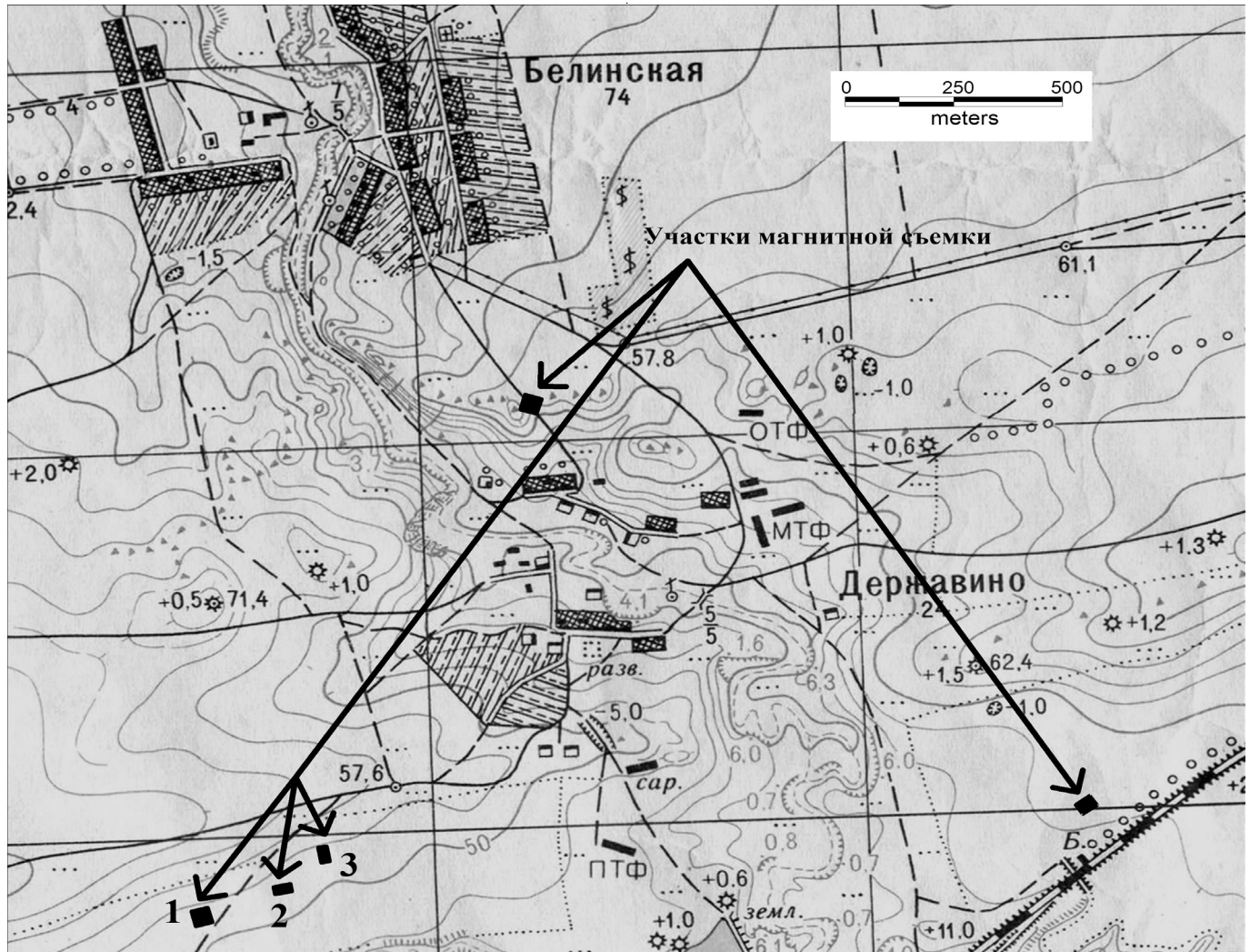

Рис. 2. Расположение участков магнитной съемки на памятниках Аджиэль 1, Аджиэль 2 и «Веселов 432» на карте масштаба 1:25000 [4].

и шурфовок мест для проведения далее полномасштабных раскопок приняты повсеместно в мировой практика и рекомендуются действующими нормативными документами по археологии [7].

Суть метода магниторазведки состоит в выявлении объектов, магнитные свойства которых отличаются от магнитных свойств окружающей среды. Абсолютная величина среднего значения модуля вектора индукции магнитного поля Земли увеличивается от экватора к каждому из полюсов в пределах, примерно, от 35000 до 70000 нТл (нано Тесла). Объекты, расположенные вблизи поверхности, обладают различными собственными магнитными свойствами и влияют на формирование локального магнитного поля, т.е. создают так называемые «магнитные аномалии». Значение поля в области аномалии может отличаться от среднего значения в данной местности на величины от долей нТл до тысяч нТл.

Способ применения магниторазведки для выявления приповерхностных объектов заключается в измерении магнитного поля в точках регулярной сети при близком расположении датчика к поверхности. На основании интерпретации получаемых карт магнитного поля можно делать выводы о наличии под землей тех или иных структур как геологического, так и антропогенного характера [8]. Поскольку одинаковые по величине и форме аномалии могут создаваться различными физическими объектами, данные выводы принципиально не могут быть однозначными и носят вероятностный характер.

Магниторазведка является эффективным, неразрушающим и скоростным методом получения информации о подземных объектах. Современные приборы для измерения магнитного поля (магнитометры) позволяют определять его величину с точностью до сотых долей нТл за доли секунды.

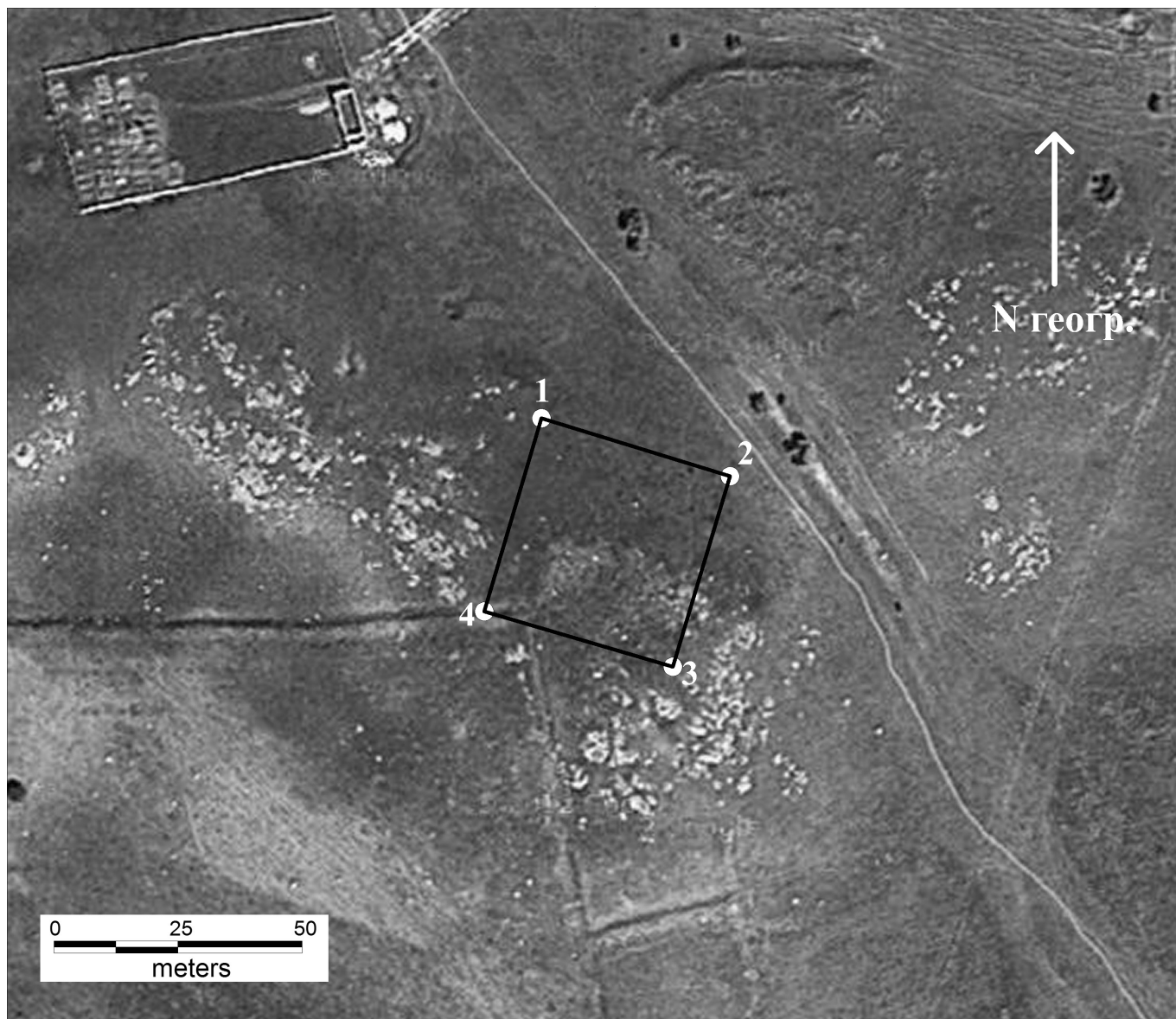

Рис. 3. Положение участка магнитной съемки на археологическом памятнике Аджиэль 1 на космическом снимке Google Earth.

Работы выполнялись двумя квантовыми магнитометрами ПКМ-1, производства ФГУ НПП «Геологоразведка» (Санкт-Петербург, Россия), один из которых работал в режиме магнитовариационной станции, фиксирующей временные вариации магнитного поля в контрольной точке с интервалом в 10 секунд (временными вариациями называют естественные изменения значения магнитного поля в течение суток, связанные, главным образом, с солнечной активностью). Измерения проводились вдоль профилей длиной 40 м, расстояние между которыми составляло 0,75 м с шагом 0,5 м между пикетами вдоль профиля. Разметка участка была проведена перед началом работы при помощи инструментальной съемки. Датчик магнитометра находился на расстоянии 20–30 см от поверхности земли.

Далее при помощи программы Surfer (Golden Software Inc, США, version 8) были построены карты распределения значений индукции магнитного поля с учетом временных вариаций. При построении карт в качестве нулевого уровня поля принималось его медианное значение на каждом из участков съемки.

Полученные результаты

Аджиэль 1

Памятник расположен на вершине холма и был обнаружен по многочисленным фрагментам керамики эллинистического времени на южном склоне холма и его

Таблица 1 Координаты угловых точек участков магнитной съемки на участках магнитной съемки 2018 г. (система координат WGS-84).

N	Памятник	Широта, град с.ш.	Долгота, град.в.д.
1	Аджиэль 1	45.368485	36.091211
2		45.368380	36.091697
3		45.368036	36.091549
4		45.368136	36.091064
5	Аджиэль 2	45.359168	36.107802
6		45.358945	36.108025
7		45.358734	36.107608
8		45.358955	36.107387
9	«Веселов 432» Участок 1	45.356473	36.081396
10		45.356570	36.081887
11		45.356224	36.082024
12		45.356125	36.081533
13	«Веселов 432» Участок 2	45.357047	36.083813
14		45.357116	36.084315
15		45.356939	36.084359
16	«Веселов 432» Участок 3	45.356870	36.083857
17		45.357966	36.085128
18		45.357992	36.085381
19		45.357637	36.085469
20		45.357607	36.085217

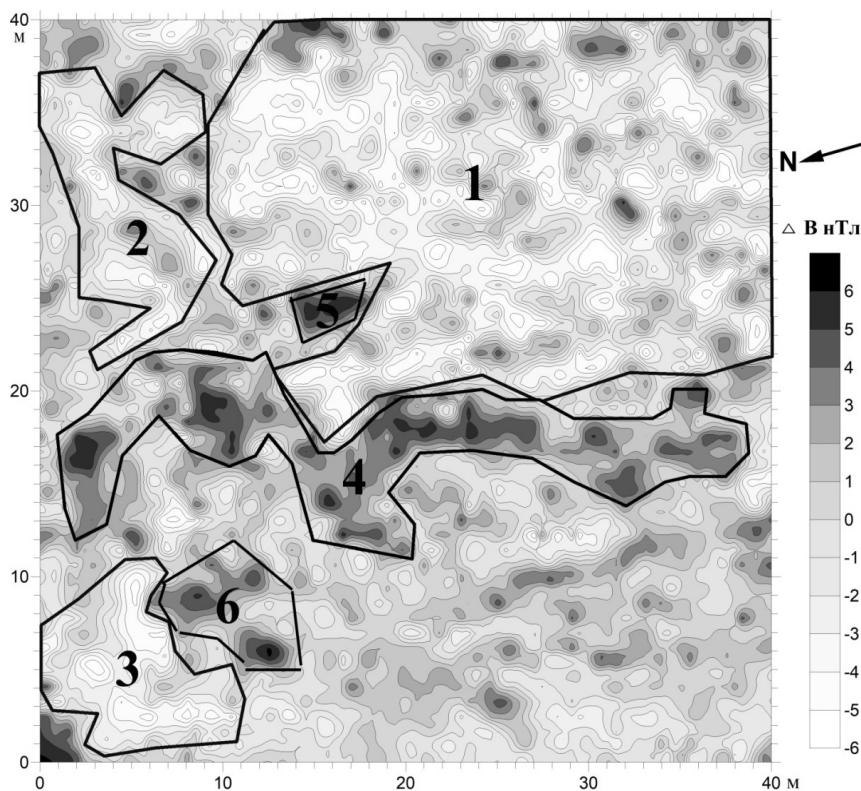

Рис. 4. Карты аномалий индукции магнитного поля на памятнике Аджиэль 1 Шаг изолиний 1 нТл.

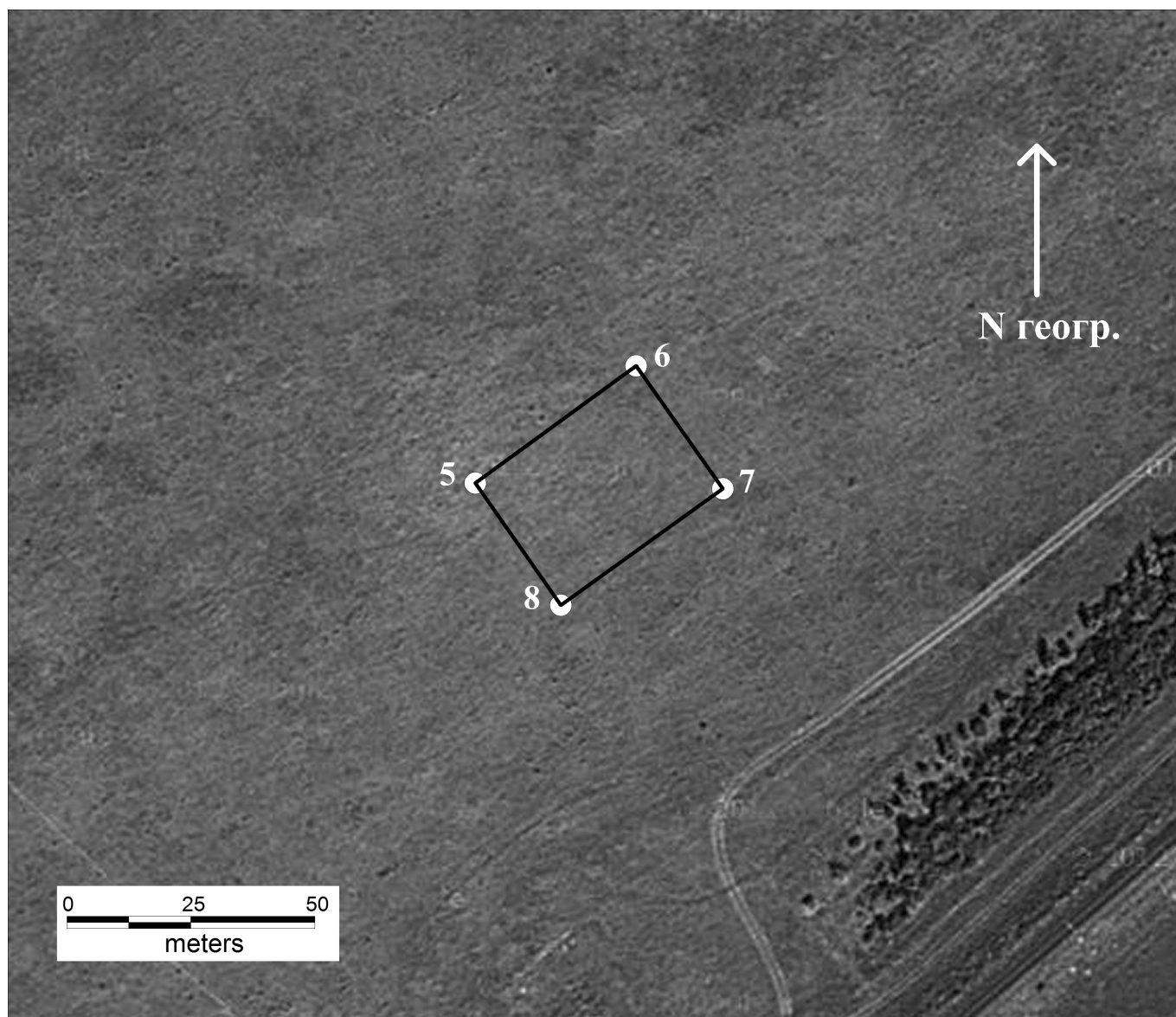

Рис. 5. Положение участка магнитной съемки на археологическом памятнике Аджиэль на космическом снимке Google Earth.

вершине. Магнитная съемка проводилась на участке памятника, прилегающем к южному склону. На момент проведения измерений поверхность участка была покрыта невысокой травянистой растительностью. Положение участка магнитной съемки на космическом снимке Google Earth. показано на рис. 3. Координаты угловых точек участков съемки на Аджиэль 1 и на других объектах приведены в табл. 1.

Результаты магнитной съемки на памятнике Аджиэль 1 представлены на рис. 4. Аномалии магнитного поля на участке не превышают, в основном, ± 10 нТл. Однозначно выделить какие-либо строительные остатки по геометрической форме аномалий не представляется

возможным. Вместе с тем небольшие отрицательные аномалии в зонах 1, 2 и 3 (рис. 4) могут быть связаны с сильно разрушенными остатками каких-то строений. Определенные заключения нельзя сделать еще и потому, что известняковый скальный массив, образующий холм перекрыт лишь тонким слоем почвы, а в качестве строительного материала могли использоваться известняковые камни, которые практически не создают магнитных аномалий на фоне скалы при малой толщине грунта, заполняющего пространство между строительными остатками. Небольшая по величине протяженная положительная аномалия в правой части зоны 4 может быть связана с неглубокой засыпанной траншеей, а локальные положительные аномалии в зоне 4, как и локальные

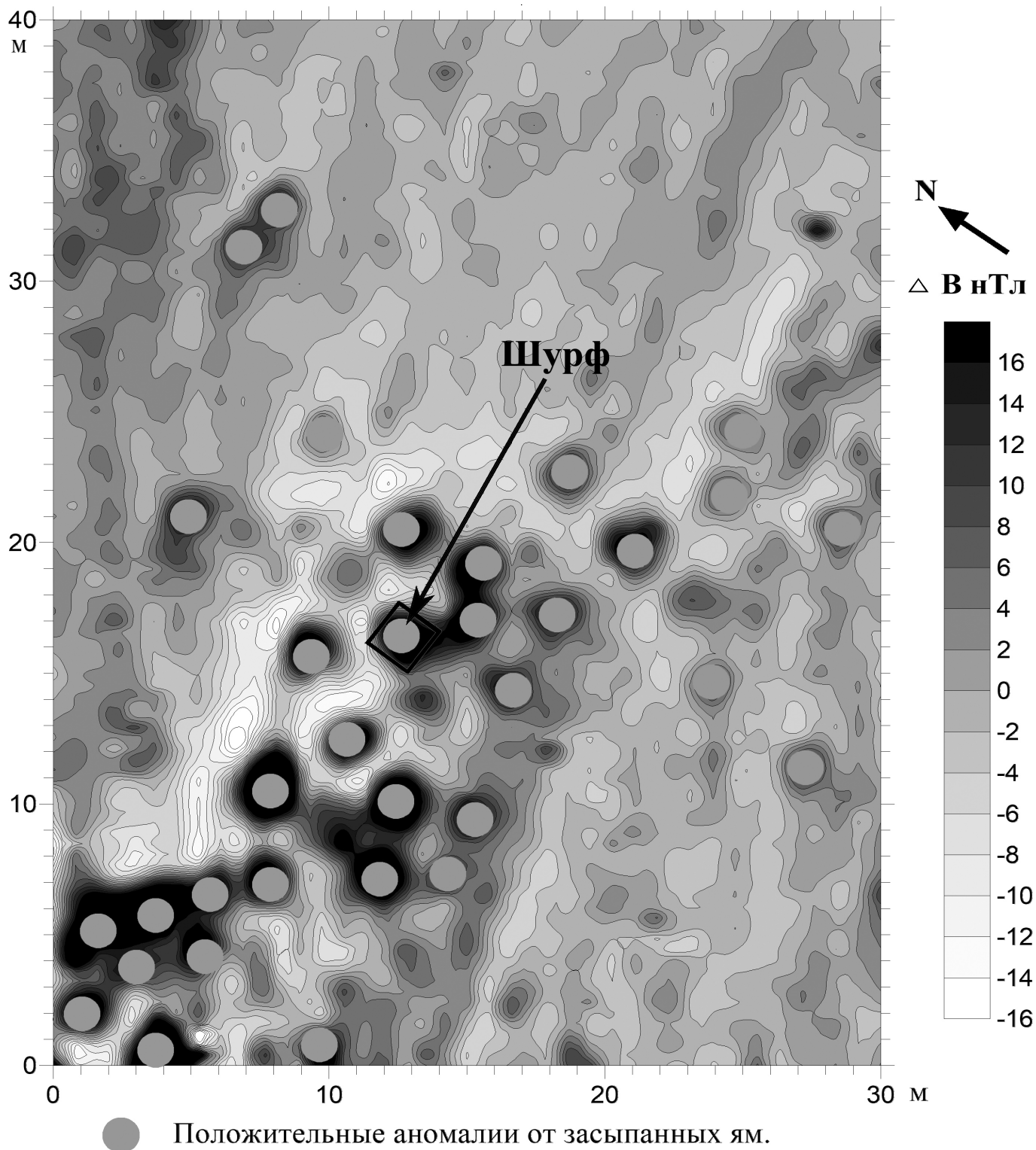

Рис. 6. Карта аномалий индукции магнитного поля на памятнике Аджиэль 2. Шаг изолиний 2 нТл.

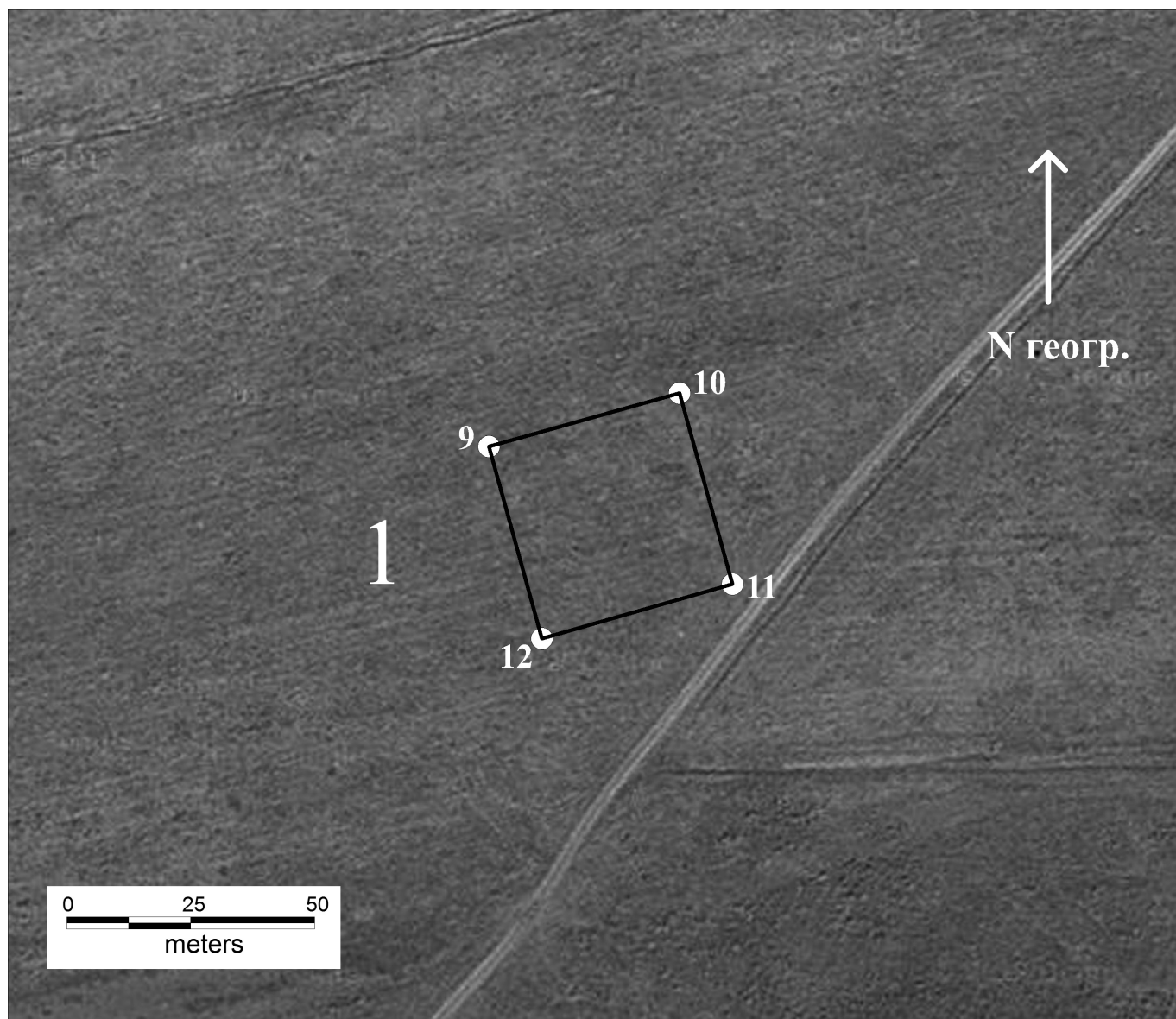

Рис. 7. Положение участка магнитной съемки 1 на археологическом памятнике «Веселов 432» на космическом снимке Google Earth.

положительные аномалии, в отдельно выделенных зонах 5 и 6 — связаны с неглубокими засыпанными ямами.

Аджиэль 2

Памятник расположен на поле, примыкающем с севера к железной дороге. Положение участка магнитной съемки на космическом снимке Google Earth. показано на рис. 5.

Магнитная разведка на памятнике Аджиэль 2, уже проводилась в 2017 г [2] практически в том же месте на участке несколько большей площади (40x40 м в 2017 г. и 30x40 м в 2018 г.). Проведение повторной магнитной

съемки было связано с двумя обстоятельствами. Первое — территория памятника была после съемки 2017 г. распаханна, а координаты участка магнитной съемки 2017 г. фиксировались по GPS-Глонасс навигатору, точность которого составляет 3–5 метров на местности. Физические реперы — стержни из стальной арматуры, установленные на угловых точках участка, съемки были уничтожены вспашкой, и было необходимо восстановить точные места положения аномалий для их исследования. Второе — как повлияла вспашка, ее глубина, вероятно, составляла не более 20 см на картину магнитного поля.

Результаты магнитной съемки 2018 г. на памятнике Аджиэль 2 представлены на рис. 6. Карта магнитной

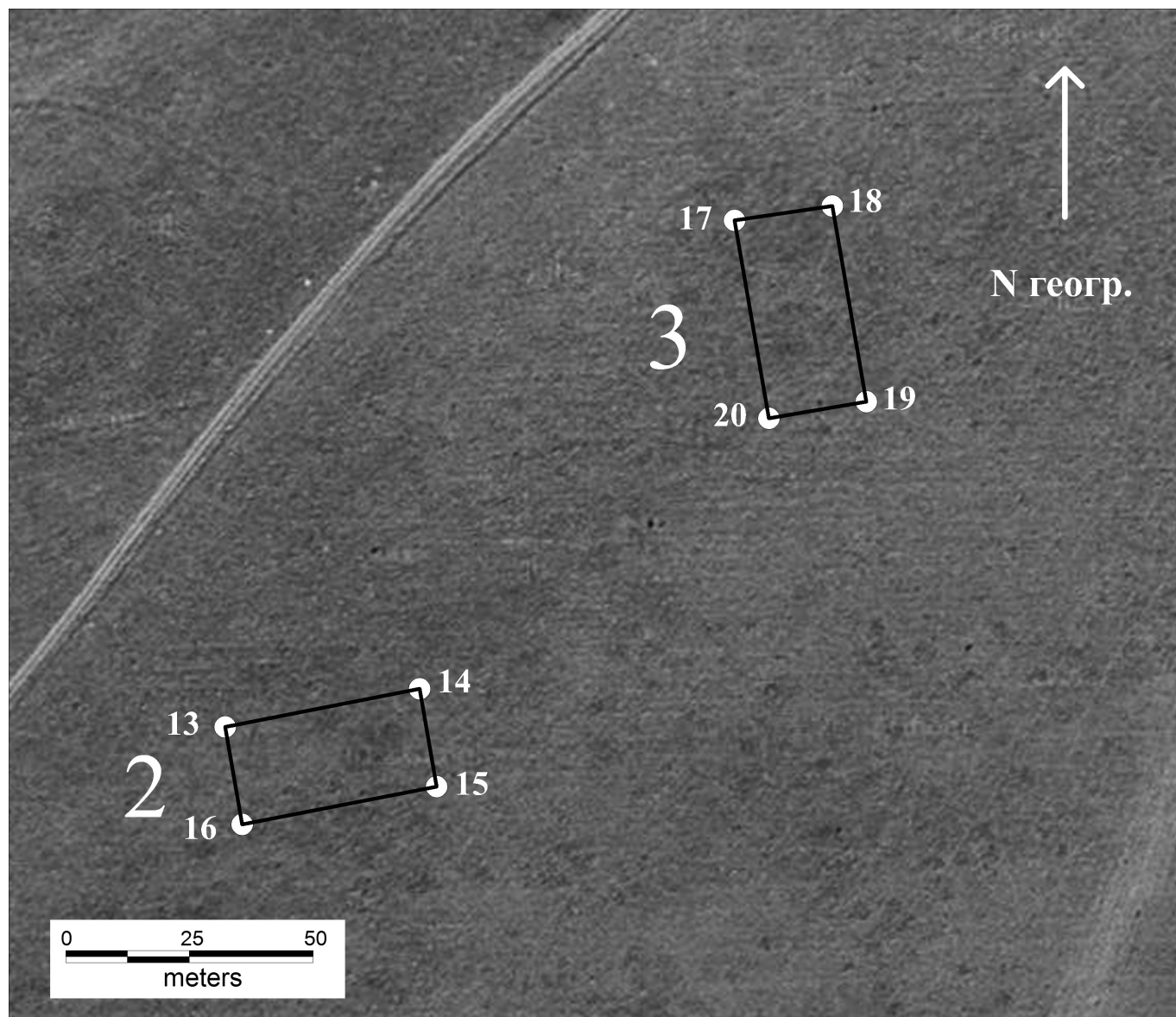

Рис. 8. Положение участков магнитной съемки 2 и 3 на археологическом памятнике «Веселов 432» на космическом снимке Google Earth.

съемки практически полностью повторяет результаты магнитной съемки 2017 г., которая представлена в публикации [2]. Это позволило сделать заключение, что источники аномалий находятся ниже поверхностного слоя, поврежденного вспашкой.

На фоне общего спокойного поля, меняющегося на большей части участка в пределах ± 2 нТл, выделяется значительное число положительных аномалий амплитудой до 30 нТл и размерами 2–2,5 м. Такие аномалии могут создаваться ямами, заполненными со временем поверхностным грунтом. Теоретические расчеты подобных аномалий от хозяйственных представленные, например, в работе [5, с. 67–70] показывают, что

аномалии имеют положительную и отрицательную части. Положительная часть расположена к югу и по форме соответствует форме ямы, а по размерам на уровне 0,5 амплитудного значения, примерно, соответствует размерам ямы. Амплитуда положительной части аномалии может достигать для типовых значений магнитной восприимчивости обычных для данной местности грунтов нескольких десятков нТл и в несколько раз превышает амплитуду отрицательной части, составляющей единицы нТл и расположенной к северу. Таким образом, на результирующей карте магнитного поля, где отражаются так же различные случайные ошибки измерений, мелкие неровности рельефа, будет заметна, главным образом, положительная часть аномалии,

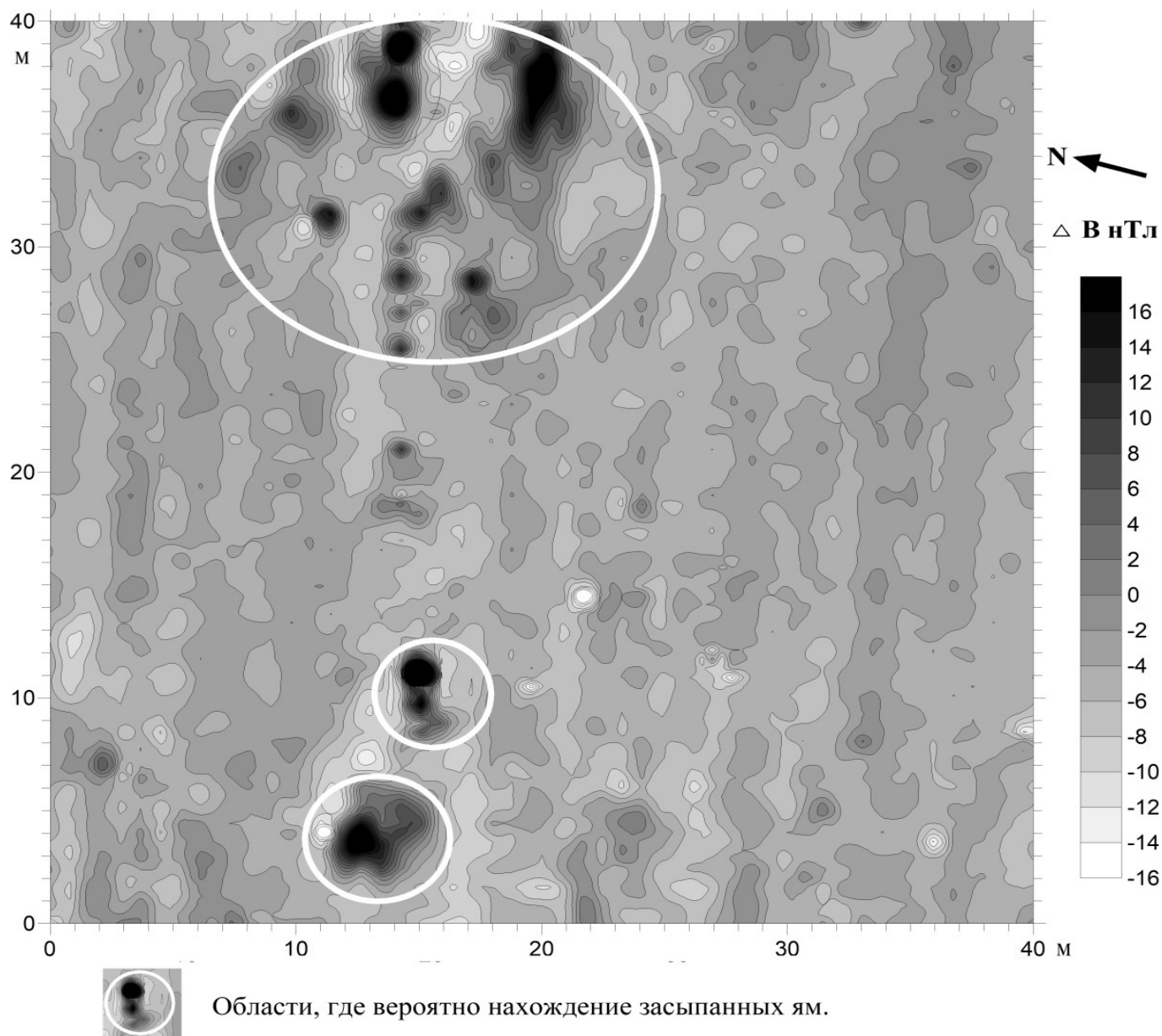

Рис. 9. Карта аномалий индукции магнитного поля на участке 1 памятника «Веселов 432». Шаг изолиний 2 нТл.

а отрицательная может быть мало различима на фоне случайных факторов.

Для проверки наличия хозяйственных ям в районе одной из аномалий был заложен шурф размером 2х2 м (рис. 6). Под поверхностным слоем почвы глубиной 20 см располагался слой желто-коричневого суглинка глубиной 20 см. Далее в материковой глине была выявлена яма цилиндрической формы с плоским дном диаметром 1,25 м и глубиной 0,8 м. Яма была заполнена желто-коричневым суглинком и там были обнаружены 39 фрагментов керамики (ручки, стенки амфор, ножки)

производства Гераклеи, Фасоса, Менды, в том числе 2 фрагмента с клеймами.

«Веселов 432»

Памятник расположен на поле, на расстоянии около 800 м к северу от железной дороге на невозделываемом поле, покрытом на момент съемки невысокой травяной растительностью. Положение участков магнитной съемки на космическом снимке Google Earth. показано на рис. 7 и 8. Результаты магнитной съемки на приведены на рис. 9–11.

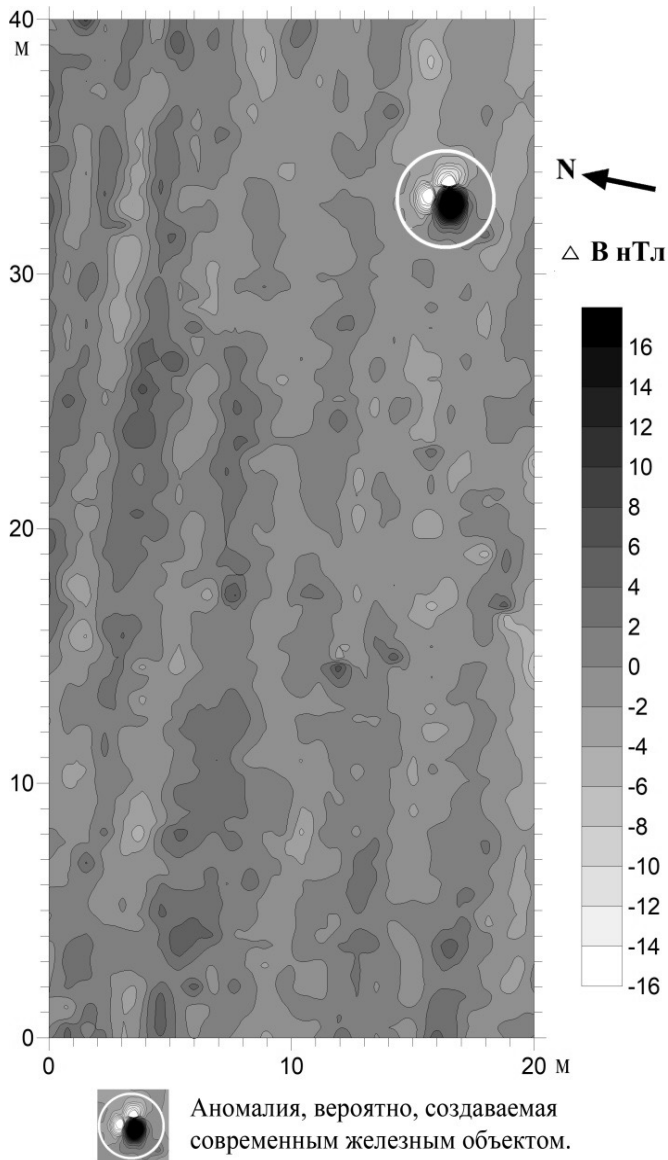

Рис. 10. Карта аномалий индукции магнитного поля на участке 2 памятника «Веселов 432». Шаг изолиний 2 нТл.

Карта аномалий магнитного поля на участке 1 памятника «Веселов 432» не дает оснований предполагать о наличии каких-либо строительных остатков, однако в областях, отмеченных на рис. 8 возможно наличие хозяйственных ям, аналогичных ямам на памятнике. Аджиэль 2.

На карте участка 2 можно отметить лишь одну аномалию, связанную, скорее всего с современным железным предметом. Незначительные линейные аномалии (2–4 нТл), имеющие наклон по часовой стрелке и идущие с интервалом 3–5 м вдоль всего участка связаны, возможно, с предыдущей распашкой поля.

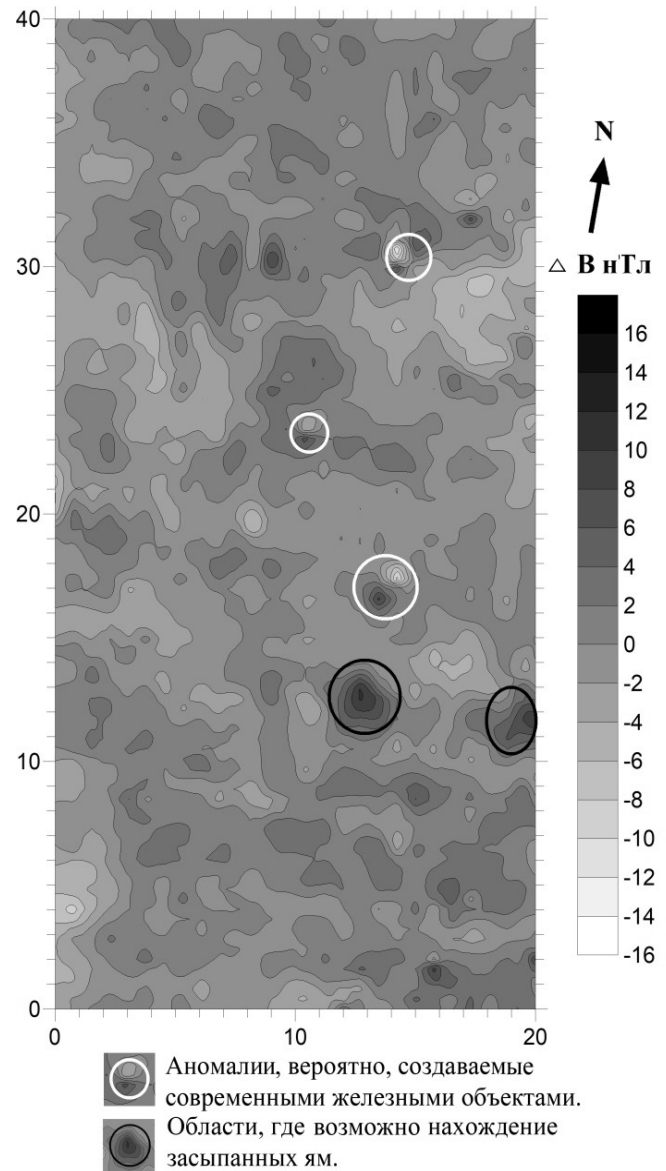

Рис. 11. Карта аномалий индукции магнитного поля на участке 3 памятника «Веселов 432». Шаг изолиний 2 нТл.

Карта аномалий магнитного поля на участке 2 также не показывает наличия остатков каких-либо строений. Здесь можно отметить лишь 2 аномалии, вызванные вероятно ямами и 3 аномалии, создаваемых железными предметами.

Обобщение результатов магнитной разведки позволяет сделать следующие рекомендации для дальнейших исследований. На памятнике Аджиэль 1 следует провести шуршровку на участках максимальных отрицательных аномалий в зоне 1 и максимальных положительных в зоне 4. На памятнике Аджиэль 2 необходимо проведение полномасштабных археоло-

гических раскопок и продолжение магниторазведки для выявления мест расположения остатков строительных конструкций. На памятнике «Веселов 432» следует выполнить шурфовку в местах возможного

нахождения хозяйственных ям и продолжить магнитную съемку на большей территории. Авторы надеются, что эти работы будут проведены в ближайшие годы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Веселов В. В. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. // Древности Боспора (Suppl. II.). М.: Тула: ИПП Гриф и К, 2005. 266 с.
2. Зубарев В. Г., Смекалов С. Л., Ярцев С. В. Магнитная разведка на античных поселениях в урочище аджиэль в 2017 г. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9. № 5–1. С. 69–75 г. DOI: 10.17748/2075–9908–2017–9–5/1–69–75
3. Карта масштаба 1:100000. Лист L-37–85. Керчь. Генеральный Штаб. 1989.
4. Карта масштаба 1:25000. Лист L-37–85-В-в. Ново-Отрадное. Генеральный Штаб. 1957.
5. Кошелев И. Н. Магнитная разведка археологических памятников. Киев: Изд-во Библ. Им. В. И. Вернадского. 2005. 313 с.
6. Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука, 1975. 300 с.
7. Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчётной документации о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчётной документации Институт археологии РАН. М. 2018.
8. Смекалов С. Л., Смекалова Т. Н., Федоров Д. Л. Распознавание подповерхностных объектов по аномалиям Земного магнитного поля // Информация и Космос. 2004. № 4. С. 37–42.

© Зубарев Виктор Геннадьевич (parosta@mail.ru), Смекалов Сергей Львович (slsmek@mail.ru),

Ярцев Сергей Владимирович (s-yartsev@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТГПУ им. Л. Н. Толстого

ВКЛАД АВАРСКОГО ХАНСТВА В РАЗГРОМЕ НАДИР ШАХА И В ОСЛАБЛЕНИИ ВЛИЯНИЯ ПОРТЫ НА КАВКАЗ

THE CONTRIBUTION OF THE AVAR KHANATE IN THE DEFEAT OF NADIR SHAH AND WEAKENING EFFECTS OF THE PORTS ON THE CAUCASUS

P. Kazambieva

Summary. This article attempts to reveal the political role and influence of the Avar rulers in the defeat of the powerful Qajar army. It should be noted that the second half of the XVIII century for nacelle was a time of steady rise of the power of the state. Might it prevailed, because the area of the Accident was one of the all feudal estates of Dagestan and the unions of rural communities, which experienced minor losses from the invasion of Nadir Shah. The Shah and his immediate entourage were sure that the highlanders were unable to resist the strong onslaught of their large army. The cruelty of the conquerors knew no bounds. The soldiers of the Shah broke into the house defenseless highlanders, collected the last possessions. Despite the fact that Nadir Shah made several attempts to conquer the highlanders with his repeated invasions, everything was to no avail.

Avar oculista, being one of the possessions of Dagestan and the unions of rural communities, have suffered large losses from the invasion of Nadir Shah. You also need to appreciate the important role of the Avar oculista in the defeat of the Shah of Iran, which has raised the prestige and the rulers of the Accident. It is no exaggeration to say that the final defeat of the "invincible" army of Nadir Shah took place in Nagorny Dagestan-the Accident, thanks to the unity, mutual support, heroism, dedication, love and devotion to the native land of the people, who made a decisive contribution to the destruction of Iranian rule in Dagestan and in the Caucasus as a whole.

Keywords: Dzharskaja area, Nadir Shah, Kazi-Kumukh, Surkhay Khan, Andalal, qizilbash, Avar nucalstvo, qajars, antiiranskie performances.

Казамбиева Патимат Магомедхабибовна
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный педагогический университет» (г. Махачкала)
patimat-kazambieva@yandex.ru

Аннотация. В данной статье предпринята попытка раскрыть политическую роль и влияние аварских правителей в разгроме могущественной армии каджаров. Следует отметить, что вторая половина XVIII в. для нуцальства был временем подъема неуклонной мощи государства. Могуществом преобладала она, потому что территория Аварии была одной из всех феодальных владений Дагестана и союзов сельских общин, которая претерпела незначительные убытки от нашествия Надир-шаха. Шах и его ближайшее окружение были уверены, что горцы не в силах сопротивляться сильному натиску со стороны их многочисленной армии. Жестокость завоевателей не знала предела. Воины шаха врываются в дома беззащитных горцев, отбирали последние пожитки. Несмотря на то, что было предпринято Надир-шахом несколько попыток своими неоднократными вторжениями покорить горцев, все было безрезультатно.

Аварское нуцальство, являясь одной из владений Дагестана и союзов сельских общин, перенесла крупные убытки от нашествия Надир-шаха. Необходимо также оценить немаловажную роль Аварского нуцальства в разгроме иранского шаха, благодаря которому поднялся вес и престиж правителей Аварии. Без преувеличения можно утверждать, что окончательный разгром «непобедимой» армии Надир-шаха произошел в Нагорном Дагестане — Аварии, благодаря единству, взаимной поддержке, героизму, самоотверженности, любви и преданности родному краю народа, внесший решающий вклад в уничтожение иранского владычества в Дагестане и в целом на Кавказе.

Ключевые слова: Джарская область, Надир-шах, Казимух, Сурхай-хан, Андалал, кызылбаши, Аварское нуцальство, каджары, антииранские выступления.

На протяжении последних нескольких столетий Кавказ неизменно служил камнем преткновения трех сильных держав: Турции, Ирана и России. Большинство войн и конфликтов на Кавказе можно охарактеризовать как освободительные, что и стало для Кавказа испытанием на прочность, а может быть и судьбоносным.

Во второй половине XVIII в. в период своего наивысшего взлета и могущества Аварское нуцальство, являясь одной из владений Дагестана и союзов сельских общин, выдержала крупные убытки от нашествия Надир-шаха.

Следует отметить, что в XVIII в. положение Аварского ханства было связано с различными политическими процессами. Размахистость антииранских движений в Армении, Азербайджане и Дагестане в 1711 г. послужили причиной резкого обострения в начале XVIII века ситуации на Кавказе. Дагестанские горцы организовали восстание против ставленников иранского шаха с целью изгнать их со своих земель.

В 1738 году встали на борьбу за независимость шесть Джаро-белоканских вольных обществ и была освобождена Джарская область от тюрок [10; С. 321].

Руками джарцев был убит Ибрагим-хан, кроме того, из Дагестана и Азербайджана исходили беспокойные вести. Все это поставило Надира перед необходимостью совершить в 1741 году новый поход на Кавказ. Большая по величине полчища Надир-шаха, есть сведения, что она состояла из нескольких десятков тысяч человек [2; С. 256.], была отброшена к Дербенту. Надир-шах был убежден, что этими действиями можно вызвать страх дагестанцев и добиться полного господства над ними. Ожидания его не были оправданы. Увидев, что в дагестанцах нет готовности к смирению и «повиновению», Надир «приказал» своим полчищам «учинить на них нападение» [2; С. 212].

Используя свое искусство ведения боевых операций, Надир-шах свою армию разбил на две колонны. Согласно заранее продуманному плану одна колонна, под подчинением Латиф-Али-хана, Гайдар-бека и Фет-Али-хана, должна была направляться из Дербента через Кайтаг и шамхальство Тарковское на столицу Мехтулинского ханства — Дженгутай. Другая колонна под командованием самого шаха двигалась в сторону Кази-Кумуха.

Войска Надир-шаха перемещались во внутренние области Дагестана со сражениями, справляясь с отпором союзов сельских обществ одним за другим. Ему удалось устроить тут бесчеловечное растерзание, руша, превращая в развалины и сметая все живое на своем пути. Часто Надир-шах проворачивал деяния трепещущие душу и рассудок человеческий «шах-хирманы» — «собрали жителей, которые попались им в руки, уложили на току и пускали по ним быков с молотильными досками» [3; С. 145].

Существенную роль в боевой подготовке и мобилизации народных масс исполнили алимь, а так же местные духовные лидеры. Хаджи-Ибрагим из сел. Урада Гидатлинского общества, лично от себя и гидатлинского общества послал обществу Карата следующее письмо: «нам стыдно перед Аллахом и людьми, стыдно находиться со своими женами и детьми после разговора с нашим высоким гостем Каплан-Гиреем. Как нам не впасть в стыд перед Аллахом и людьми, если наш гость, прибыв к нам, предпринимает все усилия для нашего спасения от врагов, стоящих у наших ворот. Имеем ли мы право в столь тревожное время отсиживаться по своим домам? Или мы уже не мужчины? Каждый, кто это известие получил, обязан выступить. Мы выступили! Мы ждем вас, надеемся и верим, что вы последуете нашему примеру» [8; С. 19].

Это время армия захватчиков двигалась к Кази-Кумуху, уничтожая и руша все на своем пути. Несмотря на неотступное, самоотверженное безысходное сопротивление дагестанских горцев в борьбе за свою неза-

висимость и свободу, полчища Надир-шаха были близки к своей цели. Остановить натиск врага горцам было не под силу. В начале августа 1741 г. Надир-шах вошел в Кази-Кумухское ханство и потребовал от Сурхай-хана безропотной покорности [3; С. 149].

В этой безвыходной ситуации Сурхай-хан отправил письмо Надиру с предложением мира. Письмо это Надир-шах демонстративно порвал и ответил, что не желает тратить время и чернила на ответ, а повелевает посланцам передать своему хану: «Если Сурхай действительно желает мира, то он, Надир-шах, подпишет его в Кази-Кумухе на груди супруги казикумухского хана» [3; С. 150]. Население Дагестана начало готовиться к битве с кзылбашами. Над чем Надир насмеялся и послал письмо к Сурхай-хану, как бы в издевку, с предложением «мира». Это Сурхай-хан воспринял мучительно и в озлобленном состоянии убил посланника шаха. В ожесточенном сражении население Кази-Кумуха было разбито и разгромлено. Сам Сурхай-хан попал в плен к Надиру и проявил ему смиренность. Вслед за ним покорность выразили шаху уцмий и шамхал [3; С. 150].

Смиренность Надир-шаху не проявили два сына Сурхай-хана — Муртазали и Магомедхан, а также их приверженцы, снаряженное ими войско из 5 тыс. человек, аварские вольные общества и Аварское нуцальство. «Пока Авария оставалась независимой, ключ к Дагестану оставался вне досягаемости Надир-шаха» [3; С. 152].

В это время, сыновья Сурхай-хана Муртазали и Магомедхан со своим и с присоединившимся к ним конным отрядом даргинцев [10; С. 147] направились к союзу сельских обществ Андалал [3; С. 152], чтобы подготовиться к новому сражению.

Слух о прибытии сыновей Сурхай-хана «разнеслась в Андалале с быстротой молнии. Во все села поскакали конные с приглашением на борьбу» [10; С. 149]. Горцы начали оживленно вести подготовку к новой битве и действовали при этом очень осмотрительно и осторожно, чтобы враг не отведал об этом ничего. А Надир-шах тем временем, не располагав этими сведениями, довольный своими военными успехами, рассчитывал на то, что все остальные дагестанцы сами придут к нему, выражая ему покорность [3; С. 153].

Дагестанские горцы приступили к партизанской войне с отрядами кзылбашей. Горцы участвовали в ночных внезапных нападениях на каджарские отряды, сопровождаемые грабежами, разбоями и угонами скота и продовольствия.

Последние события и неприятные вести из Аварии, которые дошли до Надира, поторопили его выступить

походом из Кази-Кумуха. В начале сентября 1741 г. Надир-шах дал приказ своему отряду под руководством Латиф-Али-хана и Гайдар-бека двинуться в Аварию по дороге, которое ведет через Аймакинское ущелье. В его планах было таким образом окружить Аварию, потом разгромить по частям и истребить горцев [3; С. 15]. Горцам удалось раскусить замысловатую тактику Надир-шаха и начали действовать решительно и стойко. Горцы, провернув засаду, разбили 20-тысячное войско Хасбулат-шамхала и Латиф-Али-хана и были полностью уничтожены [15]. Остатки войск Надир-шаха обратились в беспорядочное бегство, преследуемые горцами.

Надир-шах не положил конец на этом своим военным действиям и принял решение 12 сентября 1741 г., возглавив основной военный отряд с численностью более 52 тыс. войск [3; С. 153], тронуться из Кази-Кумуха в сторону Андалала. Ведая этой информацией, Муртазали, надеясь на помощь нуцальства, отправился в Хунзах, где его Магомед-нуцал встретил высоким почетом и заявил: «Раз шах не хочет по-хорошему освободить Лакию, мы заставим его это сделать». Нуцал Аварии предоставил Муртазали отряд под командованием своего сына. Таким образом, возложив большие надежды на аварского хана, Муртазали покинул Аварию. В сказании говорится, что тухумы Дайтилал и Угузилал проявили большую охоту объединиться и сформировать ополчение для решающего сражения у сел. Согратль [11; С. 153].

Огромная армия Надир-шаха, потратив 15 дней в пути, с тяжелыми препятствиями, добралась до Андалала. Надир-шах как месту своего расположения отдал предпочтение горе Турчидаг, а основные силы расставил на «Турчи» [5; С. 153]. По приказу Надир-шаха войсковое соединение тронулось вперед к решающему сражению с горцами [3; С. 157].

Как мы видим, кадjarы к решающему сражению готовились уже давно. Во все концы Дагестана были отправлены гонцы с призывами, «зовущую на войну прославленных героев. Кто хочет победы над врагом отчизны, тот пусть прибудет в долину Согратля [3; С. 153]» Обеспокоенные этой тревожной вестью, народы многонационального Дагестана сплотились для победы над врагом [3; С. 157]. Колоссальную работу по единению дагестанских народов проделали местное духовенство и алимы. В поучениях, наставлениях духовных деятелей, обращенных к горцам, призывали население к священной войне против Надир-шаха. Вот что пишет Ибрагим-Гаджи чарадинцам: «До каких пор вы будете осторожничать и не выйдете врагу навстречу. Вы что, думаете, что вас оставят спать в своих постелях, если кызылбаши завоюют остальной Дагестан. Если у вас хоть зерно совести, то выходите и спешите...и передайте наш призыв окружающим». Подобными были обращения и «гумбетовцам,

ботлихцам и ансалтинцам, багулалам, каралал, ахваццам, гидатлинцам [3; С. 163]».

До начала решающего сражения представители горцев, чтобы не допустить кровопролития, к Надир-шаху отправили парламентариев предложением мира. Шах убил всех членов делегации, что еще сильнее разозлило дагестанцев. Тревожная весть быстро дошла до Согратля и горцы приняли решение «будем воевать и уничтожим вторгшегося врага [10; С. 41]. Горцы запланировали заранее, чтобы вечером накануне сражения подкрасться к стоянке шахских войск, убить часовых, порезать у лошадей сухожилия, а большую часть оставшихся лошадей угнали в лагерь [9; С. 61]. Таким образом, Надир-шах из своей неосмотрительности и опрометчивости потерял значительное число лошадей, а прекратить военные действия тоже не мог, так как было положено начало сражению. Надир-шах и его ближайшее окружение были уверены, что горцы не в силах сопротивляться сильному натиску со стороны многочисленных воинов шаха.

Легенда гласит о том, как накануне сражения Надир-шах послал своего воина к дагестанским горцам с меркой пшена. Это действие шаха говорило о величии иранской армии, что войско шаха так же многочисленно, сколько зерен в мерке и понапрасну они ведут сопротивление. Горцы, в свою очередь, мерку с зерном вернули вместе с общипанным несъеденным петухом, который на глазах жестокого завоевателя в одно мгновение склевал пшено, таким же образом и население Дагестана уничтожит и разнесет бесчисленное войско шаха [11]. Армия иранцев не последовала трезвому совету горцев и вступила в бой. Начался решительный и самый важный бой. Изначально, в ходе вооруженных боев горцев с кызылбаши, гласит легенда, богатыри гор одерживали победу. Вслед за этим, армии встретились на поле беспощадного, безжалостного и кровопролитного боя. В этой битве горцы сражались героически и самоотверженно. Со всех сторон горцы налетели на кадjarов, причиняя им чувственные удары. Несмотря на все эти старания горцев, на пятый день сражения у многочисленного войска персов получилось отжать горцев у селения Обох, «войти в селение Мегеб и подойти к селению Согратль [5; С. 113].

Горское население всеми силами героически и самоотверженно вели оборону селения Согратль. Они кое-как задерживали продвижение ожесточенных персов вперед. Но в некоторых местах кадjarам удавалось прорывать героическую оборону горцев. Горцы оказались в трагической обстановке. Молва о сложившейся ситуации и о горести горцев с невиданной скоростью пронеслась по ближайшим селам Андалала. В напряженный и тяжелый для горцев момент, неясно, по чьей инициативе и под чьим командованием, собрались женщины

с ближайших аулов и хуторов вооруженные, чем попало, и с таким натиском обрушились на каджаров. Это привело в растерянность иранцев от неожиданности и внезапности, поэтому они были оттеснены [3; С. 169]. Это событие оживило горцев и послужило основанием для начала нового сражения. От нанесенных сильных ударов дагестанцев иранцы начали отходить.

Было решено приостановить вечером бой, чтобы на следующий день приступить с новой свежей силой. За одну эту ночь горцы приняли, а затем и осуществили свежий замысловатый план. Дагестанцы решили переодеть женщин в мужское одеяние, вооружили и поставили их впереди основных отрядов. Не ведая ничего об этом плане, каджары главные свои боевые силы устремили именно на них. Отряд переодетых в мужскую одежду женщин начал отступать, а когда персы достигли определенной границы, горцы обрушились на них с тыла и нанесли сокрушительный удар, который разгромил и уничтожил отряды каджаров. Непобедимая и величественная армия шаха, до этого таких поражений не знавшая, начала отступать. Ни разу не проигравшее войско Надира было разгромлено целиком и полностью. Хаотично разлетелись в разные стороны и остатки его армии. Сам Надир-шах решил отправиться в Дербент через Кюри, забравши при этом с собой Сурхай-хана.

Жуткое поражение в Андалале повлияло на дальнейшие методы и способы достижения намеченной цели Надира по отношению горцев. Он решил уже расположить и склонить в свою сторону предводителей гор деньгами, подарками и всякими обещаниями. Хан Аварии, Муртазали Сурхай, мехтулинский хан, уцмий Кайтага и др. владельцы не приняли предложение Надира. Надир от аварского хана получил письмо: «Ты упрекаешь меня в том, что я не явился к тебе на поклон. Я воздержался от этого потому, что ожидал твоего прибытия к себе, чтобы принять и проводить по нашему горскому обычаю. Я слышал, что между тобою и нашими пастухами произошла драка. Уверяю тебе, что наши добрые воины не участвовали в этом и я не мог бы допустить этого, ибо драться с пастушьим сыном (намек на незнатное происхождение Надира) подобает лишь пастухам. Именно поэтому, увидев, что в руках наших пастухов огромное количество «персидских баб», плешивых верблюдов, мулл, лошадей и драгоценностей, наши добрые воины обвиняют меня в том, что им ничего не досталось. Для чего ты пришел к нам в горы? Я советую тебе идти скорее назад в Иран и больше не приходи к нам, а то мы пошлем тебя в пекло, чтобы ты смог там найти своего брата (намек на убитого Ибрагим-хана). Правда мы слышали о твоих великих делах и вначале опасались тебя. Но твоя слава миновала. Теперь тебе самому видно, что не такой страшный ты, чтобы нельзя было справиться с тобой» [7; С. 364].

Турецкое правительство стремилось к обессиливанию державы Надир-шаха и с этой целью помогало дагестанским горцам в борьбе с Надир-шахом, чтобы тот развязал военные действия на территории Дагестана. Не напрасно, в 1744 г. турецкий султан отправил в Дагестан полным-полно «сокровищ» для правителя Цахура, кайтагскому уцмию, мехтулинскому владельцу Ахмедхану и хунзахскому Мухаммад-нуцалу, сыну Умма-нуцала. Все перечисленные правители получили эти дорогие и богатые подарки [6; С. 89–90]. Летом в 1744 г. аварский Мухаммад-нуцал, голодинцы, уцмий Кайтага Ахмадхан, Казикумухский Мухаммад-хан, сын Сурхая получили письма из столицы Турции, в которых было сказано о безвыходной и критической ситуации Надира-шаха и призывали всех дагестанских владельцев убивать каджаров «где бы их ни встретили» [6; С. 87–89].

В письме приводились подтверждения и доводы безжалостной войны с Ираном, что «Надир-шах и его войска не верны четырем мазхабам и религии ислам», т.е. задувались религиозные конфликты между дагестанцами-суннитами и иранцами-шиитами [6; С. 90]. А Турция, натравляя дагестанцев к деятельной борьбе с иранцами, извлекала из этой ситуации личные интересы.

Получается, что только Надир-шах не предпринимал и не делал для покорения дагестанских горцев, но не получалось ни чего. Кроме того, в одном из генеральных сражений в долине Андалал сплоченные горцы сокрушили и разбили наголову войска шаха. Видимо, этого было для Надира не достаточно и было предпринято несколько попыток своими неоднократными вторжениями покорить горцев, но все было безрезультатно. Весной 1747 г. Надир-шах был убит. Турция решила взять под свой личный контроль сложившуюся ситуацию. Порты, видимо, даже ожидала такого поворота событий, как пишет османский историк Джевет-паша, «задумано было даже овладеть Дагестаном» [4; С. 87–89]. Для Правительства России было не выгодно тот факт, что Кавказ может оказаться в руках Османской империи. Русское командование на Северном Кавказе получило указание, чтобы дагестанских горцев «от всего охранять, а самому их ни в чем не отягощать, принимать и обходиться ласково и умеренно».

Следовательно, после поражения в войне с Россией, в 1774 г. Турецким правительством был подписан Кючук-Кайнарджинский мирный договор. Он был подписан на выгодных и подходящих для России условиях. Кроме того Кючук-Кайнарджинский мирный договор имел немаловажное, существенное значение и для населения Кавказа. Этот мир, в первую очередь, подорвал авторитет турецкого султана, послужило снованием для начала освободительной борьбы на Кавказе, ослабил влияние и воздействие Порты на исламский мир Кавказа. Мест-

ные феодальные владетели Дагестана все чаще начали обращаться к русскому правительству с желаниями и с просьбами о принятии в подданство России. Но и без того сложное международное положение еще более не усугублять, официально формальное признание в покровительстве русское правительство не предоставило.

Итак, подводя итоги, можно констатировать следующее, что первым примером массового единства, дружбы и взаимной поддержки народов Дагестана против ино-

земных завоевателей стала самоотверженная борьба против нашествий Надир-шаха, завершившаяся его сокрушительным поражением. Победа объединенных сил дагестанского народа над прославленными воинами шаха, имела высокое международное значение. В связи с тем, народы Дагестана, продемонстрировали не только единство, героизм и упорство, но и сделали политически верный внешнеполитический выбор — ориентацию на Россию, что не затрудняло качественный сдвиг в развитии русско-дагестанских и российско-кавказских отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алкадари Г. Э. Асари-Дагестан. — Махачкала, 1929. — с. 74
2. Бутков П. материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. ч. II. — Спб, 1869. — с. 256.
3. Гаджиев В. Г. Разгром Надир-шаха в Дагестане. Махачкала, 1996. — с. 155
4. Джевдет-паша. Описание событий в Грузии и Черкесии по отношению к Османской империи от 1192 по 1202 г.х. (1778–1788р.х.) — РА. 1889, кн. 1, с. 372.
5. Из истории памятных записей // Восточные источники по истории Дагестана. — Махачкала, 1980. — с 113
6. История войн закавказских аварцев. Подготовлена к изданию Айтберовым Т. М. — Махачкала, 1996 (на аварском языке) — с. 89–90.
7. История Дагестана. — М., 1967. — с. 364
8. Каяев И. А. Разгром Надир-шаха в Дагестане // Наш Дагестан. № 161. 1992. — с. 19.
9. Магомедов Р. М. Легенды и факты о Дагестане. — Махачкала, 1962. — с. 61.
10. Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII–нач. XIX в. — Махачкала. 1957. — с. 321.
11. Полевой материал за 1993 г. в Хунзахском районе.
12. Тамай А. И. Провал захватнических планов Надир-шаха в Дагестане. // Рук. фонд ИИЯЛ, ф. 3. оп. 1 д. 1746 л. 26

© Казамбиева Патимат Магомедхабибовна (patimat-kazambieva@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Дагестанский государственный педагогический университет

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ КОЧЕВОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ ПОЛУОСТРОВА ЯМАЛ

FEATURES OF NOMADIC POPULATION MODERN ECONOMY OF THE NORTHERN PART OF THE YAMAL PENINSULA

S. Kiselev

Summary. The article is devoted to the study of the main occupations of the Yamal Peninsula northern part nomadic population in the early 21st century. Features of the main branches of traditional nature management (reindeer herding, hunting, fishing and gathering) are considered in the context of transformations occurring in the nomadic economy of the region. Specificity of traditional nature management in the region is the coexistence of two organizational forms of reindeer herding: formal-organized and private. These two types of economy also have their imprint on the main characteristics of other economy branches.

Keywords: ethnology, nenets, traditional nature management, nomadic economy, reindeer husbandry.

Киселев Станислав Борисович

*Старший преподаватель, Санкт-Петербургский
государственный университет
stak0607@list.ru*

Аннотация. Статья посвящена изучению основных занятий кочевого населения северной части полуострова Ямал в начале XXI века. Особенности основных отраслей традиционного природопользования (оленьеводства, охоты, рыболовства и собирательства) рассматриваются в контексте трансформаций, происходящих в кочевом хозяйстве региона на фоне развития добывающей промышленности. Спецификой традиционного природопользования на Ямале является сосуществование двух организационных форм оленеводства: формально-организованное и частное. Эти два типа экономики накладывают свой отпечаток на основные характеристики других отраслей хозяйства.

Ключевые слова: этнология, ненцы, традиционное природопользование, кочевое хозяйство, оленеводство.

В настоящее время коренное население северной части Ямальского района Ямало-Ненецкого автономного округа, состоящее преимущественно из ненцев, осуществляет природопользование, основанное на сочетании оленеводства, охоты, рыболовства и собирательства. Такая структура основных занятий типична для всех кочевников тундр, однако, на северном Ямале она имеет свои специфические черты.

Оленеводство северного Ямала характеризуется существованием двух организационных форм: формально-организованный тип и «частный», неорганизованный тип оленеводства:

- ◆ формально-организованный тип оленеводства свойственен оленеводческим предприятиям и общинам («Валама», «Тусяда», «Хамбе-яха» и др.). Кочевание в этом случае имеет сравнительно протяженный маршрут и чаще всего осуществляется по кругу с юго-востока на северо-запад и обратно (в отличие от классических меридиональных моделей калаша);
- ◆ неструктурированное частное оленеводство. Маршруты кочевания этих групп хозяйств характеризуются сравнительно небольшой протяженностью, когда группа опромышляет пастбища в одном замкнутом локальном районе [8].

Численность поголовья оленьих стад на полуострове Ямал в конце XX — начале XXI века демонстрирует дина-

мику отличную от динамики поголовья в большей части оленеводческих регионов России. Ямальская тундра, вместе с тундрой соседнего полуострова Гыдан, является сейчас центром мирового северного оленеводства. Поголовье домашних оленей здесь начало увеличиваться в послевоенные годы и росло почти непрерывно. Если по данным Ямальской землеустроительной экспедиции 1932 года размер поголовья на полуострове насчитывал 82676 оленей [1, Л. 197 об.], то к 2010 году этот показатель увеличился более чем в 3,5 раза. В начале XXI века Ямальский район являлся абсолютным лидером по поголовью домашних оленей (на 1.01.2008 г. — 135~<260 голов общественных и 71~<000 частных оленей) не только в России, но и во всем мире [4, с. 34].

Существует мнение, что такой рост произошел по причине сочетания на Ямале двух различных, но взаимосвязанных форм оленеводческого хозяйства, которые противоположным образом реагировали на изменения социально-экономических условий: семейного (частного) оленеводства и крупных оленеводческих предприятий с государственной или общественной ответственностью на оленей. На севере Западной Сибири, а особенно — на Ямале, роль семейных (частных) кочевых хозяйств даже в годы советской власти оставалась значительной. В ямальских и гыданских тундрах в 1970–1980-е годы, в период максимального развития совхозной экономики, семейные хозяйства владели более чем 200 тыс. оленей, а в целом по ЯНАО доля личных оленей

в общем поголовье не опускалась ниже 30% [1, с. 85–98]. Причем на протяжении всего XX века в регионе сохраняется тенденция по увеличению среднего размера поголовья на одно хозяйство «частников». Средний размер стада на северном Ямале на начало 1930-х годов равнялся 145 оленям, в 2010 году этот показатель составил уже 422 головы, следствием чего стало увеличение количества средне- и крупнооленных хозяйств [8].

В настоящее время на северном Ямале преобладают среднеоленные хозяйства с размером поголовья от 151 до 500 голов (61%). Значительно меньше в регионе крупнооленных хозяйств (26%), а малооленные хозяйства являются самой незначительной по размеру группой (12%) [8].

Вместе с тем нужно отметить, что, кроме сохранения частного оленеводства, важными факторами, влияющими на развитие этой отрасли на Ямале являются: 1. политика окружных властей по поддержке оленеводства, заключающаяся в различного рода дотациях, компенсирующих оленеводам расходы на ведение кочевого хозяйства: доплата из бюджета округа за каждый килограмм реализованного мяса, компенсация расходов на транспортировку мяса, фиксированные дотации в зависимости от объема поголовья и пр. Причем именно последний вид государственной поддержки приводит к наращиванию поголовья на полуострове и в свою очередь создает признаки кризисной ситуации в отрасли, когда реальное поголовье превышает расчетную оленеемкость пастбищ; 2. реализация программ по поддержке кочевого образа жизни, куда, например, входит осуществление мероприятий по поддержке факторий, доставке товаров на фактории, обеспечению дровами тундрового населения из числа коренных малочисленных народов Севера. В частности, по этой программе на нужды кочевого населения Ямальского района из окружного бюджета ЯНАО в 2012 году было потрачено более 57 млн. руб. [7]. Реализация таких мер приводит к тому, что сейчас именно на Ямале в наибольшей степени сохраняются традиции кочевого оленеводства. По данным официальной статистики уровень кочевания в ЯНАО — самый высокий в стране, он составляет 41,8%, а в Ямальском районе — 51,6% [3, с. 52, 59, 60]; 3. поддержка оленеводства и оленеводов со стороны предприятий топливно-энергетического комплекса. Так, только размер компенсационных выплат лицам, ведущим кочевой и полукочевой образ жизни и занятых в традиционных отраслях хозяйства на Ямале в период с 2009 по 2012 гг. составил более 260 млн. рублей [6].

Низшей единицей землепользования в регионе могут являться как бригады муниципальных оленеводческих предприятий и общин, так и стойбища, объединяющие оленеводов-частников. В отличие от ситуации

на Европейском Севере, где вся земля находится в формальном владении (аренде) оленеводческих предприятий, здесь землепользование продолжает основываться на традиционном праве. Так, многие пастбища находятся в аренде у оленеводческих предприятий, но реально используются оленеводами частниками как исконные районы кочевания.

Локальный характер кочевания оленеводов Ямала является причиной специфики формирования следующего социального уровня, который составляют стойбища, кочующие по соседству в одном регионе и тяготеющие к одной фактории. В северной части Ямала это фактория Тамбей, находящаяся в средней части региона, или фактория Ягоды-Яха в северной его части. Показателем существования таких локальных групп является, например, то, что оленеводы района фактории Тамбей наделяются специфическими психологическими характеристиками своих северных соседей — они более «хитрые» и «нелюбимые» [8].

Рыболовный промысел кочевого населения северного Ямала имеет характеристики, сближающие его с рыболовством других оленеводческих регионов России. В регионе ловят рыбу преимущественно в реках, так как озера, имеющие промысловое значение есть только в средней и южной части полуострова. Морской лов рыбы в регионе не практикуется, а товарное значение промысла представляется достаточно ограниченным — локальный характер кочевания оленеводов-частников, а также небольшое количество населенных пунктов препятствуют развитию товарного рыболовства [8].

Вместе с тем лов рыбы в регионе имеет и свои специфические черты. В регионе существуют две формы организации рыболовного промысла — лов рыбы общинами КМНС с регистрацией рыбопромысловых участков и частный, потребительский лов (вылов рыбы местным населением, преимущественно для собственного потребления, без предоставления рыбопромыслового участка и без оформления специального разрешения на вылов). В недавнем прошлом существовала форма организации промысла, когда лов осуществлялся на рыболовецких участках организаций системы потребкооперации. В частности, до 2010 года существовал рыбопромысловый участок в низовьях реки Тамбей. Однако он был ликвидирован в силу своей убыточности: высокие накладные расходы на транспортировку и хранение рыбы вынуждали значительно снижать закупочные цены, что сказывалось на объеме ежегодного вылова и снижало степень рентабельности промысла.

Вылов рыбы в регионе производится в летний (с конца июня по начало июля) и зимний периоды (с ледостава до апреля). Как общинный, так и потребительский лов

рыбы для собственных нужд представители коренного и местного населения, проживающие в сельской местности, ведут постоянно. В рыболовстве до сих пор используются традиционные методы и приспособления.

Большинство жителей северного Ямала ловит рыбу для личных нужд, продажи или натурального обмена на товары широкого потребления и бензин. Для безоленных и малооленных ненцев занятие рыболовством нередко единственный источник существования. В целом для кочевых семей рыба является основой питания, а ее продажа часто становится одним из важнейших источников поступления денежных средств.

В отношении пространственной организации рыболовного промысла на северном Ямале можно выделить четыре основных зоны его ведения:

1. Северное побережье полуострова Ямал, где ведут хозяйственную деятельность исключительно хозяйства оленеводов-частников. Лов рыбы здесь осуществляется в устьях рек, впадающих в Карское море, а продукция промысла в силу отдаленности и труднодоступности района используется внутри самих хозяйств и не идет на продажу.

2. Восточное побережье северного Ямала, где расположены основные рыбопромысловые угодья региона. Сюда в позднеосенний период со всей центральной части северного Ямала съезжаются оленеводы для сезонного лова рыбы. В их число входят оленеводы-частники, члены общин и оленеводы МОП «Ямальское». Этот район — одно из немногих мест региона, где осуществляется товарный лов рыбы. Часть улова используется в хозяйствах, а часть идет на продажу. Причем периодически улов настолько велик, что прибыль от продажи рыбы составляет значительную часть дохода семей тундровиков.

3. Центральная часть северного Ямала, где лов рыбы ведется в тундровых реках и озерах. Промысел в этом районе осуществляется в основном работниками МОП «Ямальское» и членами общины «Валама», а также оленеводами-частниками, чьи маршруты калаша пролегают в центральной части региона. Лов рыбы здесь носит исключительно потребительский характер, а продукция промысла используется непосредственно в самих хозяйствах.

4. Южная часть северного Ямала. Качественные и количественные характеристики промысла в этом районе сопоставимы с характером рыболовства в центральной части северного Ямала: промысел осуществляется в тундровых озерах и реках; рыболовство имеет натуральный характер (продукция практически полностью

используется в самих хозяйствах); вылов здесь осуществляют те оленеводы, территория калаша которых расположена вдалеке от наиболее продуктивных мест лова.

Таким образом, говоря об организации рыболовного промысла на северном Ямале, можно выделить основные его черты: 1. в регионе в настоящее время распространены индивидуальный лов рыбы оленеводами-частниками, общинниками и работниками МОП «Ямальское»; 2. роль рыболовства в структуре занятий оленеводов, а также его значение для формирования бюджетов кочевых хозяйств определяется маршрутами их кочевания (продуктивность территорий и степень транспортной доступности поселков для возможного сбыта рыбы); 3. в регионе до настоящего времени существует центр промыслового рыболовства (восточное побережье северного Ямала), куда для осеннего лова рыбы приходят не только оленеводы, но и часть оседлого населения поселков региона.

Пушной промысел на северном Ямале, в отличие от других видов охоты, в настоящее время также практически потерял свое значение в структуре природопользования местного населения. Однако, традиционно, пушная охота (прежде всего охота на песца) занимала важное место в хозяйстве оленеводов.

Традиционным способом добычи песца на у ненцев северного Ямала были ловушки давящего типа («слопцы»), позднее они стали использовать — пружинные капканы. Также широко практиковалась добыча песца загоном — «таларава» [9, с. 21–22].

Основные угодья песцового промысла расположены в северной (территория МОП «Ямальское») и центральной части полуострова Ямал, примыкающей с юга и востока к районам Бованенковского и Харасавейского месторождений.

В советские времена за сезон 1–2 ямальских охотника добывали до 300–500 песцов. Кочевники-оленеводы, особенно так называемые охотники, то есть владельцы стад личных оленей, зачисленные в совхозы на ставку «охотник», вели охоту на песца повсюду совместно с выпасом оленей. Оседлые жители выезжали недалеко за пределы поселков на снегоходах. При таком промысле охотничьи угодья специально не выделялись, но охотники знали «свои» места и старались не пускать туда других. Считалось, что охота велась на всей территории оленьих пастбищ.

В начале 1990-х годов заготовки песца резко снизились. Это снижение было обусловлено как дезорганизацией промысла в период кризиса, так и резким падением расценок на пушнину.

Для охоты в каждом хозяйстве в настоящее время обычно имеется около 30 капканов, 40 петель и, как минимум, одно дробовое ружье-двустволка. Шкурки песца сдают на приемные пункты предприятия «Ямальское», национальной общины «Илебц» или выменивают на продукты у газовиков [2, с. 92].

Сейчас из-за снижения спроса пушная охота переживает период упадка. Так, среди опрошенных респондентов во время полевых исследований на полуострове Ямал в 2013 году только 10% указали в перечне своих занятий охоту на пушного зверя [8]. Эпизодически могут добываться на продажу особо ценные виды зверя (например, чернубурая лисица), а промысел песца, игравший в 1920-х годах существенную роль, практически сошел на нет [8].

Таким образом в настоящее время на севере Ямала, как, впрочем, и на всем российском Севере, охота на пушного зверя потеряла свое значение в качестве одного из основных видов промысла. В соответствии с комплексным характером экономики оленеводов-частников, из-за снижения роли пушного промысла происходило пропорциональное увеличение доли всех остальных занятий — оленеводства, рыболовства и других видов охоты.

Другим важным видом охоты на северном Ямале является охота на птицу — свыше 80% опрошенных респондентов указали этот вид охоты как одно из своих занятий [8]. Основными объектами охоты являются утки, гуси, а также белая куропатка. По сезонам охоты промысел можно разделить на два вида: весенняя и осенняя. На белую куропатку также охотятся и в зимний период. Наиболее продуктивные места охоты располагается по берегам рек. За сезон охоты каждый охотник добывает до 15 гусей. Для сохранности их также заготавливают — солят [8].

Характеризуя значимость охоты на птицу для экономики кочевого населения региона, нужно отметить, что, несмотря на изменение способов добычи птицы, этот промысел до настоящего времени сохраняет свое значение как один из важных элементов системы жизнеобеспечения.

В традиционном природопользовании кочевого населения региона в настоящее время сохраняет свое значение охота на дикого оленя. По данным полевых исследований 2013 года на полуострове Ямал, 50% опрошенных респондентов указали, что они регулярно занимаются охотой на дикого оленя. Однако такая ситуация характерна только для севера полуострова — в средней и южной его части дикого северного оленя практически не добывают [8].

Способы традиционной охоты на дикого оленя были разнообразными. Применялся, например, ныне забытый коллективный способ охоты «загоном»; до начала XX века проводилась в период гона охота с оленем-манщиком; очень эффективна была охота на переправах, так называемая поколка [5].

В настоящее время охота на дикого оленя совершается на снегоходе, что обеспечивает быстрое достижение цели. Настигая оленя, охотник бампером снегохода ударяют оленя о задние ноги, после чего последний резко теряет скорость, и охотник без проблем может его пристрелить. Осуществляется также охота на дикого оленя и летом. Она, как правило, носит более традиционный характер.

Количество оленей, которых отстреливают за один раз варьирует от 1 до 6–7 (максимально 10) на группу охотников. Если было забито оленей много, то туши разделяются и раздаются по родственникам/соседям, а также их могут отвезти в поселок в качестве «гостинца». Мясо дикого оленя иногда продается, однако зачастую это не выгодно заготовщикам мяса, т.к. олень может быть подбит так, что идет только на низкосортный разруб [8].

Промысел морского зверя в регионе также к настоящему времени практически потерял свое значение. Согласно информации, полученной в ходе полевых исследований 2014 года, всего 10% от общего числа опрошенных респондентов эпизодически занимаются добычей морского зверя. Причем это касается исключительно тех семей, которые живут в северной части полуострова — в районе пролива Малыгина, фактории Яходы-Яха и др. [8].

Собирательство на северном Ямале сохраняет до настоящего времени свое значение для местного населения. Прежде всего собирают яйца птиц, а также и дикорастущие растения.

При сборе птичьих яиц есть свои экологические правила. Яйца собирают только такое количество, которое необходимо в пищу. Забирая яйца из гнезда, как правило, оставляют одно-два. Этот промысел производится женщинами и детьми, которые обходят территорию возле чума в поисках гнезд. Преимущественно женщины и дети вовлечены также и в сбор ягод и грибов — попутные промыслы для тундрового населения, продукция которых используется в самих хозяйствах [8].

Таким образом современное природопользование кочевого населения северного Ямала характеризуется существованием двух типов: 1. «олeneводческий» тип, к которому относятся кочевые хозяйства членов общин

и муниципальных оленеводческих предприятий. Основная роль в структуре занятий отведена оленеводству, а охота и рыболовство осуществляется лишь попутно;

2. «комплексный» тип, к которому относятся хозяйства

оленеводов-частников и который основан на стратегии комплексного освоения окружающего пространства с сопоставимым значением оленеводства, охоты и рыболовства в структуре занятий.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Государственный архив Ямало-Ненецкого Автономного Округа. Ф. 12, оп. 1, д. 188а.
2. Квашнин Ю. Н. Ненецкое оленеводство в XX-начале XXI века. Тюмень-Салехард, 2009. 168 с.
3. Клоков К.Б., Хрущев С. А. Оленеводческое хозяйство коренных народов Севера России: информационно-аналитический обзор. СПб., 2004. 182 с.
4. Мартынова Е. П. Оленеводство на Ямале в начале XXI века: сохранение этнической стабильности в режиме самовывживания или стабильная работа // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. Вып. № 1 (70). Салехард, 2011. С. 32–41.
5. Общая характеристика коренных народов Севера // Губкинская Централизованная библиотечная Система. http://www.gublibrary.ru/pub/narody/nency/narody_yamala.htm.
6. Отчет об исполнении бюджета муниципального образования Ямальский район по ведомственной структуре расходов бюджета муниципального образования Ямальский район за 2009–2012 гг. // Официальный сайт МО Ямальский район. <http://mo-yamal.ru>.
7. Отчеты о выполнении мероприятий окружных целевых программ за 2009–2012 гг // Официальный сайт Департамента экономики ЯНАО www.de.gov.yanao.ru
8. Полевые материалы автора. Полевые исследования на п-ове Ямал (Ямало-Ненецкий автономный округ). Май 2014.
9. Харючи Г. П. Традиции и инновации в культуре ненецкого этноса. Томск, 2001. 225 с.
10. Хрущев С. А. Географическое исследование устойчивости этноценозов коренных народов Севера. Дисс. на соискание ученой степени кандидата географических наук. На правах рукописи. СПб., 2007. 229 с.

© Киселев Станислав Борисович (stak0607@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский государственный университет

«КУРОРТЫ СУТЬ ИСТОЧНИКИ НАРОДНОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОБОГАЩЕНИЯ»: ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПО РАЗВИТИЮ РЕКРЕАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ КАВКАЗСКИХ МИНЕРАЛЬНЫХ ВОД (1894–1917)¹

Сагинадзе Элла Отаровна

К.и.н., с.н.с., Санкт-Петербургский государственный университет
lelya-rus@mail.ru

«RESORTS ARE THE SOURCES OF PEOPLE'S NATIONAL ENRICHMENT»: THE GOVERNMENT POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE FOR THE DEVELOPMENT OF RECREATIONAL RESOURCES OF THE CAUCASIAN MINERAL WATERS (1894–1917)²

E. Saginadze

Summary. The article is concerned with the main directions of the government policy on the development of the Caucasian mineral waters's recreational potential in 1894–1917. The central administration's strategy for the development of resort and medical infrastructure in the Caucasus is characterized. Much attention is given to of high-ranking officials' discussions on the prospects for the development of Caucasian resorts, and the most effective measures for the improvement of resort region. The central administration's measures to make the Caucasian resorts competitive with the best European resorts are shown. The issues of the Caucasian resorts reforming are explored in close relation with the socio-economic situation in the region, as well as with the formulation of the legal framework in the field of resort business, the development of sanitary-hygienic and organizational-administrative legal provisions.

Keywords: Caucasian Mineral Waters, balneotherapy, Terek region, recreational resources, resorts, government policy on the outskirts.

Аннотация. В статье рассмотрены основные направления правительственной политики по развитию рекреационного потенциала Кавказских минеральных вод в 1894–1917 гг., дана характеристика стратегии столичной администрации по развитию курортно-лечебной инфраструктуры на Кавказе. Особое внимание уделяется дискуссиям высших чиновников империи о перспективах развития кавказских здравниц, наиболее эффективных мероприятиях по благоустройству курортных поселений. Автор освещает меры, с помощью которых столичные сановники стремились сделать кавказские курорты конкурентоспособными с лучшими европейскими курортами. Проблемы реформирования курортов Кавказа рассмотрены в тесной связи с социально-экономической ситуацией в регионе, а также с оформлением законодательной базы в области курортного дела, разработкой санитарно-гигиенических и организационно-административных законоположений.

Ключевые слова: Кавказские минеральные воды, бальнеотерапия, Терская область, рекреационные ресурсы, курорты, правительственная политика на окраинах.

Осенью 1896 г. врач управления Кавказских минеральных вод (далее — КМВ), доктор медицины, статский советник В.В. Святловский находился в служебной командировке в Западной Европе. Ему было поручено проанализировать, как устроено курортно-лечебное дело на лучших целебных водах Австро-Венгрии, Италии, Франции, Германии и Швейцарии. Во время по-

ездки доктор с грустью отмечал, что на некоторых курортах до 30% отдыхающих составляли состоятельные русские люди. В самом популярном из них, Карлсбаде, русские и вовсе занимали первое место среди иностранцев. Квалифицированный врач, Святловский знал, что минеральные воды и грязи России по своим целебным свойствам не уступали иностранным. КМВ в этом

¹ Статья выполнена при поддержке Российского научного фонда. Проект № 18–18–00142 «Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917).

² This research was supported by the Russian Science Foundation. Project № 18–18–00142 «The Center and the regions: state economic policy on the outskirts of the Russian Empire (1894–1917)».

отношении и вовсе не имели аналогов в мире. Однако ни по развитию курортной инфраструктуры, ни по числу отдыхающих, ни по доходности, отечественные лечебные местности не шли ни в какое сравнение с европейскими курортами.

Раздосадованный этим обстоятельством, доктор в отчете по результатам поездки восклицал: «Приглашаю ехать в свои курорты не потому, что каждый кулик своё болото хвалит, в потому что я глубоко верю, что это «болото» может и должно быть такой же зеленеющей нивой, как все эти Висбаден, Ахены, Карлсбады и Виши. <...> Геологи и врачи, которые приехали к нам [на КМВ — Э.С.] в августе этого года, ахнули при виде наших кавказских богатств, а мы остаёмся к ним равнодушными. У нас на Кавказе в одном Пятигорске сидят и Виши, и Карлсбад, и Мариенбад, и все французские Перинейские термы вместе взятые!» [12, л. 119]. Святловский, хорошо знакомый с насущными проблемами Вод, не мог не принимать их близко к сердцу.

Доктор был далеко не единственным российским чиновником на рубеже XIX — XX вв., кто сокрушался о том, что уникальные природные богатства страны лежат втуне. В этот период рекреационный потенциал Кавказских курортов привлек к себе серьёзное внимание в Петербурге и стал предметом особых забот правительства. Исключительная роль в развитии Вод принадлежала министру земледелия и государственных имуществ (МЗиГИ), статс-секретарю А.С. Ермолову. Возглавлявшего министерство в 1894–1905 гг. сановника, помимо нужд сельского хозяйства и кустарной промышленности, беспокоило состояние казенных минеральных вод и отечественных лечебных мест.

Под курортами на рубеже XIX — XX вв. понимали, прежде всего, минеральные воды и грязи. Особая культура «отдыха на водах» была неотъемлемой частью досуга как российской, так и заграничной состоятельной публики. Кроме Кавказских, в государственном ведении были еще 5 минеральных вод, но КМВ были наиболее важной и многочисленной группой целебных источников. Как и Святловский, он видел главную задачу правительства в том, чтобы поставить Воды в один ряд с лучшими мировыми аналогичными заведениями. Масштабность и амбициозность замысла согласовалась с духом экономической политики того времени, направленной на раскрытие колоссального потенциала страны.

Новый министр начал свою преобразовательную деятельность не с чистого листа. Процесс формирования курортной инфраструктуры КМВ был длительным и сложным, с переходом от казенного управления к частному контрагентству [1; 2; 7; 10; 25]. В 1884 г. Воды перешли во временное казенное управление, поскольку

ставка на предпринимательскую инициативу себя не оправдала. Курорт был подчинен МЗиГИ, имеющего в горном департаменте соответствующих специалистов [14, л. 13]. За 10 лет государственной опеки на Водах произвели ряд работ по газации минеральных и благоустройству пресных источников, постройке ванн сооружений, прокладке водопроводов. Много внимания уделялось также развитию путей сообщения в регионе. В 1875 г. была построена ветка Владикавказской железной дороги, а от станции Кумская к 4-м группам вод были проложены шоссейные дороги. В 1894 г. было открыто движение по Минераловодской ветке (от ст. Кумской до Кисловодска), объединившее группы между собой.

Летом 1894 г. Ермолов посетил КМВ, чтобы ознакомиться с положением дел и составить свое мнение. Во время визита сановник созвал две комиссии, одну — состоящую из местных врачей и техников, вторую — из чиновников Управления КМВ. В 1894–1897 г. на местах и в столице правительственные комиссии разрабатывали стратегию развития региона. Также в район КМВ из Петербурга направлялись комиссии горного департамента МЗиГИ для проведения исследований химических и физических свойств целебных источников и грязей [19]. В 1897 г. для осмотра вод по приглашению столичных властей на КМВ приехал и главный инженер популярного французского курорта Виши.

Одной из первых серьезных реформ стало изменение системы управления курортными группами. В 1895 г. в Государственный Совет был внесен проект «О временном порядке управления Кавказскими минеральными водами» (высочайше утверждён 13 марта 1896 г.), действующий до 1917 г. Вместо правительственного комиссара вновь, как и в 1845–1861 гг., во главе Вод стоял директор. Кроме него в постоянном штате были 3 горных инженера, бухгалтер, врач, архитектор и химик [18, л. 4–4 об.]. Первым директором Управления стал В. А. Башкиров (1896–1900 гг.). Затем развитием 4-х курортных групп занимались В. В. Хвоцинский (1900–1905 гг.) и С. В. Тиличьев (1907–1915 гг.). Краеугольным вопросом всех межправительственных дискуссий был порядок финансирования масштабных преобразований. В ходе совещаний в Пятигорске в 1894–1895 г. был составлен первоначальный план затрат, необходимых для полного переустройства вод. Управление оценивало стоимость работ в 4 млн. 134 тыс. руб. В Петербурге в комиссии под председательством директора горного департамента, а затем вновь на месте, при участии Ермолова, сумму уменьшили более чем на 1 млн. руб., на чем особенно настаивало Министерство финансов [6, с. 4].

Осенью 1898 г. Ермолов отправился в командировку в Европу, чтобы сравнить вводимые улучшения с теми, которые уже существовали за границей. Поездка

представлялась министру тем более необходимой, что до этого времени он почти не бывал на зарубежных водах. За короткое время Ермолов успел посетить лишь 17 курортов, но для подкрепления своего мнения он пользовался сведениями уже побывавших в Европе доктора Святловского и старшего горного инженера Управления инженера К.Ф. Ругевича [6, с. 6]. По итогам поездки министр подготовил подробную записку, которую и утвердили в качестве долгосрочной стратегии развития кавказских курортов. Этот документ представляет особый интерес, т.к. в нем были подведены итоги правительственных дискуссий, и критически проанализирован опыт лучших мировых мест отдыха. В целом знакомство с заграничными водами и беседы с руководителями курортов в Карсбаде и Баден-Бадене убедили Ермолова в том, что КМВ в техническом плане были оснащены не хуже зарубежных аналогов. Минеральные источники на Кавказе также были каптированы по всем правилам науки [6, с. 71]. Большое внимание министра привлекло грязелечение. В Карлсбаде, одном из лучших курортов, грязевые ванны комбинировались с приемом минеральных вод. На Кавказе этот набирающий популярность вид лечения почти не был развит [6, с. 80,85].

Огромное впечатление на Ермолова произвело внешнее благоустройство европейских городов: «везде канализация, водоснабжение, освещение, прекрасные мостовые, чистота на улицах и дворах» [6, с. 11]. Условия местной жизни на европейских лечебных водах резко отличались от российских реалий. До 1890-х гг. правительство заметно меньше касалось этой стороны курортного дела. На правительственных совещаниях в Петербурге усовершенствование внешних условий жизни и региональной инфраструктуры единогласно призналось приоритетным направлением развития КМВ [21, л. 9–9 об]. Отсутствие канализации, нормального водоснабжения и электрического освещения, антисанитария в жилых помещениях, пыль и грязь на улицах, — так выглядели водолечебные поселения на Кавказе. Причинами столь плачевного состояния региона были противоречия между Управлением КМВ и администрацией прилегающих территорий, а также недостаток финансирования и неразвитость частной инициативы. К 1898 г. из 4 курортных групп только Пятигорск имел статус города. Железноводск и Кисловодск были слободами, а Ессентуки — казачьей станицей. В административно-полицейском и хозяйственном отношении они были подчинены местному казачьему управлению, а также городской думе и станичным общественным властям.

Одной из причин неустройства министр считал низкий культурный уровень местного населения. У жителей не было стимула к санитарному улучшению ни территории поселений, ни своих домов, сдаваемых внаем лечащейся публике. Спрос на жилье, даже не самое ро-

скошное, в курортный сезон был стабильно высоким [6, с. 90]. Так или иначе, эта сторона курортной жизни требовала неотложных и энергичных мер: «Если по-прежнему, рядом с ванными зданиями и гидропатическими заведениями, построенным по европейским образцам и по последнему слову науки, будут продолжать своё существование те же, что и теперь, едва ли не чисто азиатские условия жизни, то об эту инертность и косность местного населения могут под конец разбиться все заботы правительства об улучшении наших курортов», — заключал свои размышления министр земледелия [6, с. 105].

Проект переустройства Вод, поданный Ермоловым, был утвержден Государственным советом 12 апреля 1899 г. Согласно документу, сумма, отпущенная на развитие КМВ, составляла 2,5 млн. руб. (300 тыс. руб. выделили Управлению ранее, в 1898 г.). Начиная с 1 января 1900 г. и в течение 6 лет на нужды курорта казна выделяла по 350 тыс. руб. ежегодно. [6, с. 4–5.] Указанные средства должны были пойти на благоустройство Вод в гидротехническом, бальнеологическом и санитарном отношении. Строительство гостиниц, а также развлечений для приезжей публики было предоставлено частной предприимчивости. Правительство ставило перед собой задачу не извлечения немедленного дохода, а планомерного и долгосрочного развития курортной индустрии на Кавказе на прочных основаниях. Несмотря на изменение первоначальной сметы, выделенные средства были значительными. По данным Министерства финансов, в 1819–1884 г., за 65 лет развития КМВ, на их устройство и ремонт существующих сооружений (каптажей, лечебниц, бюветов и т.д.) было истрачено казной 1 млн. 245 тыс. руб., в среднем по 19 тыс. руб. в год [6, с. 123].

Государственное финансирование позволило начать строительство крупных бальнеологических сооружений и научно-медицинских учреждений. В 1900 г. в Ессентуках были открыты первые на Водах химико-микроскопическая и бактериологическая лаборатории. В этом же году на Ессентукской и Пятигорской группе начали работу 2 новых капитальных ванных здания и первый на КМВ санаторий. Стал принимать больных самый лучший в империи Цандеровский институт механотерапии, где был установлен комплекс из 50 оригинальных аппаратов, способствующих лечению различных заболеваний. На 1901 г. в Кисловодске было намечено строительство крупных ванных сооружений [1; 7].

Новый импульс развитию Вод петербургская администрация придала с помощью важнейшей финансовой меры — специализации средств минеральных вод (высочайше утверждено 8 апреля 1901) [23, ст. 1830]. До этого доходы от деятельности КМВ обращались в пользу государственного казначейства, а суммы на их содержание

и потребности отпускались по сметам горного департамента МЗиГИ. Необходимость подчиняться сметным правилам на деле часто приводила к промедлениям. Теперь прибыль от эксплуатации вод (включая экспорт бутилированной воды) временно поступала в специальные средства Управления сроком на 10 лет. Все средства оставались в регионе и расходовались на поддержание и улучшение инфраструктуры Вод, а также Пятигорского лесничества. В результате годовой бюджет КМВ возрос до 2,5 млн. рублей в год. В течение последующих 8 лет только на постройку новых и ремонт уже существующих бальнеологических сооружений было израсходовано 1 млн. руб. [4, с. 107].

Большое внимание уделялось и развитию водолечебных поселений. В 1898 г. курортные группы КМВ были соединены единой телефонной сетью. В 1901 г. из 750 тыс. руб., выделенных на благоустройство Железноводска, 500 тыс. руб. предназначались для окончания строительства водопровода [1]. Проводились масштабные работы по озеленению курортов — разбивались парки, высаживались сады и рощи. В 1902 г. Управление заключило договор стоимостью в 500 тыс. руб. с фирмой «Сименс-Гальске» на строительство гидростанции и линий электропередач. В 1903 г. на реке Подкумок в Ессентуках была заложена первая в Российской империи распределенная сеть электроснабжения — Центральная Пятигорская гидроэлектростанция, позволившая обеспечить электроэнергией все 4 группы КМВ. Благодаря этому в Пятигорске в сентябре 1903 г. был пущен электрический трамвай. В г. Кисловодске в 1909 г. была сооружена первая канализация на КМВ (в 1911 г. городскую канализацию проложили и в Пятигорске) [2; 5, с. 49–57]. Одним словом, социально-экономический облик водолечебных поселений значительно усовершенствовался, а по внешнему облику Воды приближались к благоустроенным европейским курортам.

При активном содействии врачей и ученых велась законодательная работа по реорганизации вод в санитарном отношении. В 1900 г. под председательством известного врача-гигиениста лейб-медика И. В. Бертенсона к выработке мер по улучшению санитарных условий на курортах приступила специальная межправительственная комиссия из чинов МЗиГИ и МВД. В основу законов были положены материалы 1-го Всероссийского съезда деятелей по климатологии, гидрологии и бальнеологии [13, л. 125–125 об.]. Бертенсон разработал и эффективные мероприятия против эпидемий в регионе, в частности холеры.

Поскольку все курорты империи находились в ведении медицинского департамента МВД, санитарно-гигиенические нормы регулировались Врачебным уставом. По действующему уставу 1892 г. санитарная охрана

распространялась только на минеральные источники и грязи, и не касались прилегающей местности [17, л. 95]. Руководствуясь инструкциями Ермолова, комиссия разрабатывала предложения о санитарном благоустройстве русских курортов с одной стороны, и общий порядок управления местностями — с другой. Результаты законодательной деятельности властей нашли свое отражение в новой редакции Врачебного устава, изданной в 1905 г. Санитарно-административное управление КМВ теперь регламентировались ст. 300–313. Устанавливалась зона охраны, куда включалась также и прилегающая к минеральным водам и грязям территория. Согласно уставу, на КМВ учреждался врачебно-технический комитет из чиновников Управления и одного из практикующих на водах врачей (ст. 302). Все дела, касающиеся санитарного благоустройства местности, возведения построек, кроме казенных и на казенной земле в курортном районе, оставались в ведении Терского областного правления, однако рассматривались только в присутствии директора Управления (ст. 313). Врач Управления теперь осуществлял надзор за зоной охраны, и участвовал в регулярных санитарных осмотрах местности (ст. 311). В каждом водолечебном поселении учреждались специальные курортно-санитарные комиссии из представителей городов или земств, местных врачей, чинов полиции и директора, а также врача заведения [8, с. 114–117].

Принимались в Петербурге и специальные законы, направленные на административное устройство региона. В 1897 г. было реорганизовано административно-полицейское управление на всех курортных группах и введены в Железноводске и Кисловодске упрощенные городские положения [1]. В 1903 г. указом Николая II Кисловодская слобода была преобразована в город. Изменение административного статуса поселений влекло за собой возрастание налогов и сборов на благоустройство местности. Новый порядок также позволял жителям приобретать землю на правах собственности, а не аренды, как прежде.

Серьезное внимание правительство уделяло решению квартирного вопроса на водах. В апреле 1900 г. на межправительственных совещаниях обсуждались трудности, с которыми столкнулись чиновники МЗиГИ, пытаясь привлечь предпринимателей к строительству жилья для отдыхающих. Чиновники, в частности, обращались к компании, которая эксплуатировала воды Виши во Франции — они посылали на КМВ особого инженера. Затем велись переговоры с компанией Societe des Wagons lits, уже имеющей опыт сооружения гостиниц в Ницце и Алжире. В ходе обсуждений представители компании согласились построить 2 гостиницы, но при условии казенной субсидии с последующим погашением, на что министерство пойти не могло [17, л. 111 об.—

112 об.]. Эффективным способом решения проблемы стала передача дачных земельных участков частным лицам на правах собственности, утвержденная постановлением Государственного совета от 12 июня 1902 г. Это позволило, с одной стороны, дать возможность мелким и средним предпринимателям получать прибыль от сооруженных на земле жилых построек, с другой — решить вопрос с жильем в короткий срок. Ранее, 4 июня 1901 г. Государственный совет утвердил законоположение об установлении особого фонда на благоустройство дачных поселений и культурных участков. Согласно закону, средства, получаемые от аренды земельных участков, использовались для проведения дорог, устройства мостов, водоснабжения и т.п. [26, с. 106].

4 июня 1901 г. было утверждено еще одно важное положение Комитета министров, предоставляющее право МЗиГИ сдавать в оброчное содержание участки казенных земель для устройства гостиниц и развлекательных заведений на всех курортных группах без торгов сроком до 60 лет. К развитию инфраструктуры региона был широко привлечен и частный капитал, что привело к быстрым и ощутимым результатам, а также небывалому строительному буму на КМВ. В окрестностях Пятигорска, Кисловодска и Ессентуков состоятельными людьми массово скупались участки под застройку, в результате чего к началу XX в. стоимость земли увеличилась в 10–12 раз [13, с. 52]. По сведениям В.В. Хвоцинского, совместными усилиями Управления и частной инициативы за период его директорства с 1900 по 1905 г. «на всех группах выстроено 850 новых номеров, а, учитывая дачные участки, — до 2000 новых помещений». По оценкам директора, количество жилых построек вполне удовлетворяло потребностям лечащейся публики [26, с. 106]. В 1905 г. КМВ вместе с горным департаментом перешли в ведение Министерства торговли и промышленности. В апреле 1911 г. в министерстве подвели итоги первых 10 лет действия нового порядка управления курортом и специализации средств. Прежде всего, в разы выросли доходы Управления — в том числе из-за эффективно налаженного директором С.В. Тиличевым экспорта вод. К 1910 г. продажи бутилированной воды составляли 10–12 млн. бутылок в год (в 1900 г. экспорт был не более 600–700 тыс. бутылок) [13, л. 112]. Однако рост доходов и вводимые улучшения были неразрывно связаны с возрастанием расходов. Уже в первый год специализации средств операционные расходы сразу возросли на 55% [20, л. 3–4].

В качестве вспомогательной меры правительство также предоставляло Управлению дополнительные средства. По высочайше утвержденному 3 июня 1901 г. мнению Государственного совета Управление получало из Петербурга по 30 тыс. руб. ежегодной безвозвратной субсидии и один раз было ассигновано 481 тыс. 983 руб.

в качестве оборотных средств; из них к 1910 г. казне было возвращено только 120 тыс. 495 руб. На 1 января 1910 г. КМВ имели 841 тыс. 767 руб. частных долгов, большая часть которых образовалась за выкуп частных казачьих земель в казну и строительство курортных объектов. Помимо этого, у управления был долг перед казначейством в 355 тыс. 204 руб. Общая сумма задолженности к 1910 г. составляла, таким образом, более 1 млн. 200 тыс. руб. Вместе с тем, курорты демонстрировали впечатляющие результаты переустройства: за 10 лет на Водах появились новые лечебные сооружения, многие из которых, по оценке министерства, «могли бы служить украшением любого западноевропейского курорта». Заметно усовершенствовалась и региональная инфраструктура в курортных группах [20, л. 8].

Для поддержки дальнейшего стабильного развития кавказских здравниц, министерство заложило в сметы Горного департамента ссуду на 15 лет в размере 800 тыс. руб. для уплаты частных долгов. Прежние долги казначейству и возврат новой ссуды предполагалось рассрочить на 5 лет с тем, чтобы выплаты начались с 1 января 1915 г. Основываясь на анализе финансовых показателей, ведомство прогнозировало, что управление КМВ к 1920 г. сможет выполнить свои обязательства перед казначейством. Не терпело отлагательства и строительство 3 грязелечебниц в Пятигорске, Железноводске и Ессентуках. Этот вид лечения, как и предполагал Ермолов в 1898 г., стал пользоваться большой популярностью у русской публики. В целом, для полного переустройства Вод и постановления курортного дела на Кавказе на твердую почву, министерство предполагало продлить специализацию средств до 1 января 1931 г. [20, л. 42]. Государственная дума утвердила лишь отпуск из казны беспроцентного кредита управлению КМВ в 200 тыс. руб. для уплаты частных долгов. Министру торговли и промышленности было поручено в течение 1910 г. представить свои предложения о мерах по дальнейшему устройству Вод, о ликвидации числящихся долгов и о возврате казне кредитов [20, л. 52].

Программа финансирования Вод стала предметом дискуссий и на заседании Государственного совета 21 декабря 1911 г. Н.А. Зиновьев выступил с критикой финансовой стратегии развития региона. На Водах, по его мнению, построенных ванн заведений было достаточно, и они «такой обширности, каких не встретить и в Европе». Зиновьев предложил временно приостановить новые бальнеологические постройки, а высвободившиеся средства потратить на погашение частных долгов [20, л. 59]. А.И. Коновалов, товарищ министра торговли и промышленности, выступая в защиту правительственной программы, уверял, что министерство просит не дотаций, а ссуды, и в доказательство кредитоспособности КМВ представило полный финансовый план: «много сде-

лано, много продвинуто вперед, но нужно много и сделать, а для этого мы просим средств» [20, л. 59 об-60]. Председатель финансовой комиссии Государственного совета М.Д. Дмитриев и А.С. Ермолов полностью подержали ведомство, заявив, что отказ в кредите означал бы остановку курортов в развитии. К мнению министерства присоединились и другие присутствующие на заседании [20, л. 65.] Одобренным Государственным советом и Государственной думой и высочайше утвержденным 23 декабря 1911 г. законом испрашиваемые ассигнования были предоставлены, а специализация средств КМВ продлена еще на 4 года, до 1 января 1916 г. [24, ст. 23].

Число посетителей Кавказских минеральных вод росло год от года. Если в 1898 г. на 4-х группах вод за сезон отдохнули 10 тыс. 855 человек, а в 1901 г.— 17 тыс. 345 человек, то уже в 1902 г. кавказские курорты приняли 32 тыс. 107, а в 1910 г. 38 тыс. 347 пациентов [20, л. 43], т.е. посещаемость курортов за 10 лет выросла в 3 раза. Отпуск ванн благодаря возведению новых лечебных заведений тоже вырос более чем в 2 раза: с 330 тыс. в 1898 г. до 685 тыс. в 1910 г. Пик посещаемости КМВ был зафиксирован в 1913 г.— на всех 4-х группах вод в весенне-летний сезон отдохнуло 54 тыс. 638 человек [4, с. 112]. Курортный поток, конечно, нельзя было еще считать полностью установившимся: скорее эти цифры свидетельствовали о многократно возросшем интересе к кавказским курортам и росте их значимости в лечебном отношении.

Продолжалась законодательная работа над усовершенствованием санитарных положений. Главным недостатком действующего Устава, по мнению Совета министров, являлась его неполнота и «отсутствие даже минимального санитарного благополучия лечебных пунктов» [16, л. 10]. В 1912 г. Советом министров был разработан законопроект, внесенный на рассмотрение Государственной думы в 1914 г. Понятие «охраны», не определяемой ранее четко действующим законом, теперь включало в себя охрану геологическую и санитарную. На курортах были введены особые курортные сборы: с приезжающих больных, с лиц, сдающих жильё в наём, а также с владельцев увеселительных, торговых и промышленных предприятий на территории округа. 24 апреля 1914 г. положение Совета министров об установлении временных границ округов санитарной охраны КМВ было высочайше утверждено [8, с. 611–615]. Таким образом, процесс разработки и положений курортного и санитарно-гигиенического законодательства продолжался более 20 лет.

Постоянно велись научные геологические исследования минеральных источников, изучение физических свойств и химического состава вод. Управлением были

приглашены квалифицированные специалисты для изучения грязевых озер, построена первая в регионе сейсмическая станция, налажены метеорологические наблюдения для предсказания оползней, снежных лавин и наводнений. О ходе и результатах работ директор ежегодно сообщал в Петербург (имеются экземпляры отчетов за 1896–1916 гг.) [11]. На водах регулярно проводились совещания врачей для выяснения необходимых мероприятий. Постоянно действовали Русское бальнеологическое общество, Общество врачей и Общество курортного благоустройства. В район направлялись и экспедиции из центра. Так, в мае 1910 г. в командировку на КМВ отправилась 1-я научная экскурсия врачей из Москвы [3].

Вновь на повестку дня вопрос о состоянии отечественных курортов поставила Первая мировая война. О состоянии кавказских здравниц к лету 1914 г. позволяет судить записка горного инженера М.В. Сергеева, в которой он перечисляет неотложные меры к устройству курортов. Первоочередными задачами были признаны: 1) устройство канализации в Ессентуках и Кисловодске, 2) благоустройство мостовых, площадей и тротуаров, 3) введение городского положения в Ессентуках и Железноводске [введено в 1917 г.— Э.С.], 4) дальнейшее устройство водопровода и электрического освещения, 5) запуск электрического трамвая в Железнодорожке, Кисловодске и Ессентуках [15, л. 45 об.— 47]. Вместе с тем, Сергеев признавал, что правительству удалось решить жилищный вопрос: помещения для отдыхающих могли «удовлетворить самые изысканные вкусы». Строительство санаториев, гостиниц, комнат опережало спрос. Также к заслугам правительства он относил и бальнеологическое оснащение Вод по последнему слову техники [15, л. 45].

Уже в первые месяцы войны КМВ стали «лечебно-минералогической станцией» Кавказской армии, на всех 4-х группах стали работать военные госпитали и лазареты. О развитии кавказских курортов в годы первой мировой войны существуют специальные исследования [9]. В 1914–1917 гг., тем не менее, кавказские курорты по-прежнему принимали посетителей, продолжалось частное и казенное строительство. В 1914 г. открылась Пятигорская грязелечебница, в 1915 г.— крупнейшая в Европе грязелечебница в Ессентуках. На сезон 1917 г. в Кисловодске были намечены постройка очередного бальнеологического сооружения, 2 ресторанов и закладка новых участков под застройку [5, с. 59]. Совет Министров постановлением от 11 декабря 1915 г., высочайше утвержденным 2 января 1916 г., продлил специализацию средств, показавшую свою целесообразность и эффективность, до 1 января 1920 г. В документе признавалось, что, несмотря на остающиеся санитарно-гигиенические неустройства, кавказские курорты «шли по пути к достижению нормального порядка вещей» [22, л. 6].

В 1890-е гг. правительство Российской империи выработало стратегию по превращению КМВ в курорт мирового уровня. Петербургская администрация ставила перед собой задачу добиться не столько доходности Вод, столько постановки курортно-лечебного дела на Кавказе на твердую почву. Правительственная политика на окраине проводилась при активном содействии выдающихся ученых, врачей и инженеров, с использованием новейших достижений науки и техники. По оценкам сановников, к 1917 г. КМВ встали на планомерный путь развития. Несмотря на разницу в масштабах достигнутых положительных результатов на 4-х группах Вод, в процессе модернизации инфраструктуры прослеживается системность. Благодаря эффективным финансовым мерам и законодательным инициативам, удалось решить задачу по привлечению

в регион состоятельных людей и значительных частных капиталов.

Вместе с тем, законодательная база курортного дела, а также санитарно-гигиенической охраны в империи в начале XX в. только начинала формироваться. На развитие региональной инфраструктуры большое влияние оказывали слабость местного самоуправления и недостаток финансирования. Решение этих задач требовало больших усилий и времени. Так или иначе, естественный ход развития КМВ прервался начавшейся Первой мировой войной и событиями 1917 г. Превращение кавказских вод во «всесоюзную здравницу» в советское время во многих отношениях стало результатом усилий и замыслов правительства Российской империи по развитию рекреационного потенциала Кавказа на рубеже XIX — XX вв.

ЛИТЕРАТУРА:

1. «Два века КМВ»: Период с 1890 по 1909 год. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.regionkmv.ru/kmv/history04.html> (дата обращения: 10.10.2018)
2. «Два века КМВ»: Период с 1909 по 1920 год. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.regionkmv.ru/kmv/history05.html> (дата обращения: 10.10.2018)
3. 1-я научная экскурсия врачей на Кавказские минеральные воды в мае 1910 г. М.: Товарищество скоропечатни А. А. Левенсон, 1910. 73 с.
4. Анисимов С. С. Кавказский край. Путеводитель. М.; Л.: Госиздат, 1927. 414 с.
5. Артамонов А. Е. Госдачи Кавказских Минеральных Вод: тайны создания и пребывания в них на отдыхе партийной верхушки и исполкома Коминтерна: от Ленина до Хрущева. М.: Центрполиграф, 2017. 477 с.
6. К вопросу о переустройстве Кавказских минеральных вод в связи с общим положением бальнеологического дела в России и за границу: записка Министра земледелия и государственных имуществ. СПб.: [Б. и.], 1898. 150 с.
7. Кавказские Минеральные Воды. Хронология 1803–2003 / под ред. В. И. Михайленко. Ессентуки: Вестник Кавказа, 2003. 400 с.
8. Колычев Л. А. Устав врачебный, изданный 1905 г. и по продлению 1912 и 1913 гг., и узаконения по врачебно-санитарной части, дополненные постаейными разъяснениями Сената и правительственных установлений, правилами и инструкциями. Пг.: В. П. Анисимов, 1915. 660 с.
9. Краснокутский В. С. Курорты Кавказских Минеральных Вод в годы Первой мировой войны: проблемы и особенности развития. Дисс. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2010. 249 с.
10. Курорты Кавказских Минеральных Вод — национальное достояние: становление и развитие (1803–2003) / под ред. акад. РАНН Ю. Л. Шевченко, акад. РАНН О. П. Щепина. М.: [Б. и.], 2003. 183 с.
11. Отчет директора Кавказских минеральных вод за 1911 год: О работах по изучению источников и климата Кавказских минеральных вод. Пятигорск, 1913. 129 с.
12. Российский государственный исторический архив. Ф. 37. Оп. 66. Д. 2403.
13. Российский государственный исторический архив. Ф. 37. Оп. 66. Д. 2784.
14. Российский государственный исторический архив. Ф. 40. Оп. 2. Д. 111.
15. Российский государственный исторический архив. Ф. 560. Оп. 28. Д. 1190.
16. Российский государственный исторический архив. Ф. 560. Оп. 26. Д. 809.
17. Российский государственный исторический архив. Ф. 565. Оп. 6. Д. 24658.
18. Российский государственный исторический архив. Ф. 565. Оп. 7. Д. 26903.
19. Российский государственный исторический архив. Ф. 856. Оп. 2. Д. 273.
20. Российский государственный исторический архив. Ф. 1158. Оп. 1 (1911). Д. 402.
21. Российский государственный исторический архив. Ф. 1228. Оп. 1. Д. 1.
22. Российский государственный исторический архив. Ф. 1278. Оп. 7. Д. 733.
23. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1901.
24. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1913.
25. Урушадзе А. Т. Формирование и развитие курортной инфраструктуры Кавказских минеральных вод в первой половине XIX в. // Северный Кавказ — мир культуры и культура мира. 2011. № 1. С. 17–22.
26. Филатова Ж. В. Курорты Кавказских Минеральных Вод в 1900–1905 гг.: факторы устойчивого развития // Вестник экспертного совета. 2015. № 2 (2). С. 104–108.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КАВКАЗСКОЙ НЕФТЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914 — ФЕВРАЛЬ 1917 Г.)¹

Степанов Валерий Леонидович

Д.и.н., в.н.с., Институт экономики РАН (Москва)
valerij-stepanov@mail.ru

STATE REGULATION OF CAUCASIAN OIL INDUSTRY IN THE FIRST WORLD WAR (1914 — FEBRUARY 1917)²

V. Stepanov

Summary. The article analyses the policy of the Russian government regulating Caucasian oil industry in the extreme conditions of the First World War. Particular attention is paid to the functioning of the interdepartmental Special meeting on fuel (OSOTOP) which was established in 1915 and saw to the setting of fixed oil prices, the distribution of oil products and the organization of their planned transportation. The author discloses the causes of the low effectiveness of the events held by the meeting. The main among them were the resistance of large oil industrialists and the inability of the regulating organs to influence the sphere of extraction and processing of «black oil».

Keywords: First World War, economic policy, state regulation, oil, fuel.

Аннотация. В статье анализируется политика российского правительства по регулированию нефтяной промышленности Кавказа в экстремальных условиях Первой мировой войны. Особое внимание уделяется деятельности учрежденного в 1915 г. межведомственного Особого совещания по топливу (ОСОТОП), которое занималось установлением фиксированных цен на нефть, распределением нефтепродуктов и организацией их плановых перевозок. Автор раскрывает причины низкой эффективности мероприятий, проведенных совещанием, среди которых основными были противодействие крупных нефтепромышленников и неспособность регулирующих органов воздействовать на сферу добычи и переработки «черного золота».

Ключевые слова: Первая мировая война, экономическая политика, государственное регулирование, нефть, топливо.

С началом Первой мировой войны в России резко увеличился спрос на нефтепродукты со стороны промышленности, транспорта, военного и морского ведомств. Однако удовлетворить его в полном объеме было крайне сложно, так как возрастание нужд потребителей значительно превышало ежегодный небольшой прирост нефтедобычи на Бакинских и Грозненских промыслах. Количество «черного золота», получаемого из других месторождений (Майкоп, Челекен, Эмба, Фергана), было незначительным. Кроме того, положение нефтяной промышленности заметно ухудшилось под влиянием факторов военного времени — дезорганизации транспорта, утраты западных рынков сбыта, прекращения прилива капиталов, падения курса рубля, вздорожания жизни, острой нехватки металлов, нефтяного оборудования и материалов. Проявлениями регресса стали сокращение объема буровых работ, замедление темпов роста нефтедобычи, снижение выпуска продукции нефтеперерабатывающих заводов. Повышение цен

на нефть и ее транспортировку позволило крупным компаниям поставить потребителей в зависимое положение и диктовать свои цены на рынках [18, с. 99–113; 14, с. 524–528; 4, с. 193–195; 5, с. 173–176].

Государство в Российской империи обладало прочными позициями в нефтяном деле. Казне принадлежали почти все нефтеносные земли Кавказа, Закавказская железная дорога, Баку–Батумский керосинопровод, огромный парк вагонов-цистерн, множество нефтехранилищ. Государство являлось самым постоянным и платежеспособным заказчиком монополизированной нефтяной продукции. В стране действовала система вне рыночных поставок жидкого топлива частными компаниями государственным потребителям. Казна опекала и поддерживала крупнейшие нефтяные фирмы путем выдачи ссуд, предоставления различных льгот и размещения выгодных заказов. Поэтому государственный спрос во многом определял развитие нефтяной промышленности. Прави-

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда. Проект № 18–18–00142 «Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894—1917)».

² This research was supported by the Russian Science Foundation. Project № 18–18–00142 «The Center and the regions: state economic policy on the outskirts of the Russian Empire (1894—1917)».

тельство строго контролировало предпринимательскую деятельность в этой отрасли. Решение таких вопросов, как учреждение нефтяных компаний, определение сферы их деятельности, увеличение размера акционерного капитала и ряда других, происходило только с согласия министерских инстанций [4, с. 178].

Тем не менее, уже в первые месяцы войны выяснилась неспособность центральных государственных учреждений и местных властей обеспечить производство и распределение жидкого топлива. Поэтому правительство было вынуждено встать на путь еще большего расширения государственного регулирования нефтяной промышленности. Это стало проявлением общего усиления этатистских тенденций во всех воюющих странах и мобилизации экономики для нужд войны [13, с. 954]. Признаки топливного кризиса ранее всего обнаружили в Петербурге, промышленность которого работала в основном на каменном угле. Поэтому 23 июля 1914 г. при Министерстве торговли и промышленности был учрежден Центральный комитет по снабжению топливом, в который вошли также представители министерств военного и морского, от Совета съездов промышленности и торговли, Совета съезда горнопромышленников Юга России и Совета съездов горнопромышленников Урала [5, с. 176–177]. В ведение этого органа входили поиск компенсации количества угля, ранее привозимого из-за границы и из донецкого бассейна, нефтью, дровами и углем с Урала и Сибири, пересмотр цен на энергоносители, заложенных в еще довоенные договоры, сокращение непроизводительных затрат топлива на освещение улиц, витрин магазинов и др. Однако деятельность комитета не имела какого-либо существенного значения.

Указом 4 марта 1915 г. министру путей сообщения были предоставлены особые полномочия по организации снабжения топливом армии и флота, а также частных предприятий, выполняющих военные заказы [15, № 77, ст. 634]. 31 марта 1915 г. император утвердил правила, конкретизирующие деятельность министра в этой области. Он получил право запрашивать от всех казенных и частных учреждений и лиц сведения об имеющихся запасах и ожидаемых поступлениях топлива; о заключенных с поставщиками договорах; проводить ревизию запасов топлива на предприятиях и складах; передавать заготовленные энергоносители предприятиям или лицам, работающим для нужд обороны. Министр мог также налагать секвестр на деятельность промышленных объектов, проводить реквизиции топлива, разрешать казенным учреждениям приобретать его на любую сумму внутри страны и за границей. При нем создавался Комитет по распределению топлива, заменивший упраздненный Центральный комитет по снабжению топливом [15, № 110, ст. 865]. Он был более представительным по составу и включал представителей министерств пу-

тей сообщения, военного, морского, финансов, торговли и промышленности, внутренних дел, Главного управления землеустройства и земледелия, Государственного контроля, а также 3 членов от Совета съездов промышленности и торговли, советов съездов горнопромышленников, советов съездов бакинских и грозненских нефтепромышленников. Исполнительными органами комитета на местах являлись губернские комиссии во главе с губернатором, которые выясняли ежемесячные потребности в топливе и решали вопросы о его распределении между потребителями.

2 мая 1915 г. полномочия министра путей сообщения были распространены на снабжение энергоносителями вообще всех потребителей, в той или иной степени причастных к обороне государства [15, № 141, ст. 1091]. Однако дальнейшее обострение топливного кризиса заставило правительство создать более властную и авторитетную структуру государственного регулирования. 10 сентября 1915 г. комитет был упразднен, а его обязанности разделены между Управлением железных дорог Министерства путей сообщения и образованным 17 августа 1915 г. Особым совещанием по топливу (ОСОТОП) под председательством министра торговли и промышленности [15, № 231, ст. 1760; 7, с. 50–54]. Этот орган стал частью созданной общей системы особых совещаний (по обороне, топливу, продовольственному делу и перевозкам) [8]. В ОСОТОП вошло по семь членов от Государственного совета и Государственной думы, четыре места получило Министерство торговли и промышленности, по одному месту было предоставлено министерствам военному, морскому, финансов, путей сообщения, внутренних дел, Главному управлению землеустройства и земледелия и Государственному контролю, три места — Центральному военно-промышленному комитету, по одному — всероссийским союзам земств и городов. Председателю совещания разрешалось приглашать на заседания представителей центральных и отраслевых предпринимательских организаций.

ОСОТОП не было подотчетно ни одному правительственному органу или лицу и обладало широкими правами в регулировании добычи и заготовок топлива, проверке его запасов, принятии и исполнении заказов на поставки, упорядочении условий распределения между потребителями, проведении общих и частных реквизиций топлива, секвестровании предприятий, не выполнивших заказы, установлении цен на все виды топлива, изменении условий заключенных договоров с поставщиками, устранении от службы членов правлений компаний и директоров предприятий, определении размера заработной платы на топливных промыслах и заводах и др. В составе ОСОТОП были учреждены угольная, нефтяная, дровяная и торфяная секции, тепловая комиссия для решения технических вопросов,

инспекция для наблюдения за добычей и приемкой топлива, перевозочный и распорядительный отделы. Если предшествующие комитеты в основном занимались вопросами снабжения потребителей углем и дровами, то совещание впервые приступило к регулированию деятельности нефтяной отрасли. В круг обязанностей Нефтяной секции входили организация производства, установление цен, выработка условий поставок жидкого топлива, закупки его казной, реквизиции, а также выдача всякого рода ссуд нефтепромышленным предприятиям. Для обеспечения роста добычи и переработки нефти секция должна была заботиться о снабжении промыслов энергией, металлами и другими необходимыми материалами. Этой структуре надлежало заниматься также расширением площади нефтедобычи, изготовлением нефтеналивных барж и освобождением рабочих от призыва на военную службу.

11 ноября 1915 г. для исполнения своих распоряжений председатель совещания назначил в Воронеж, Киев, Москву, Одессу, Пермь, Петроград, Ростов-на-Дону, Самару и Харьков уполномоченных по заготовке, закупке и распределению топлива. Каждый из этих городов являлся центром, вокруг которого несколько губерний объединялись в районы. При уполномоченных были образованы районные совещания из представителей ведомств, общественных и торгово-промышленных организаций. Права председателя ОСОТОП постоянно расширялись и дополнялись. 22 ноября 1915 г. ему было разрешено объявлять продажу добываемого в стране твердого и жидкого минерального топлива исключительным правом казны, а также устанавливать сроки введения этой меры; определять цены на топливо, приобретаемое казной и отпускаемое потребителям [15, № 348, ст. 2565]. В январе 1916 г. при совещании был образован Временный комитет, в задачу которого входило посредничество между крупнейшими потребителями и нефте-торговыми фирмами, когда те отказывались от поставок топлива тем или другим предприятиям вследствие невыгодности сделок. 3 февраля 1916 г. глава ОСОТОП получил право требовать от населения выполнения гужевых перевозок топлива, осуществления его погрузки и выгрузки [16, № 39, ст. 216].

Еще 10 сентября 1915 г. были утверждены правила о задачах и порядке деятельности местных уполномоченных Особого совещания по обороне государства и состоявших при них районных заводских совещаниях из губернских представителей ведомств и местных военно-промышленных комитетов [15, № 262, ст. 1954]. Эти учреждения действовали в каждом из 11 районов, которые были выделены на территории страны. Наибольший интерес для ОСОТОП представлял Кавказский нефтепромышленный район. В его заводское совещание вошли представители гражданской и военной администрации

края, а также общественных организаций — уполномоченные местного отдела Союза городов, Земского союза, Закавказского областного военно-промышленного комитета. Этому органу были поручены выяснение ресурсов района для удовлетворения потребностей армии и флота, обследование заводов, работавших на военные нужды, выявление потребностей предприятий в топливе, материалах и рабочей силе, проведение ревизий торговых и промышленных заведений, наблюдение за очередностью перевозок, распределение заказов и контроль над их выполнением. Совещание сразу же приступило к обследованию состояния нефтяной промышленности и даже составило свои заключения о причинах свертывания буровых работ. Однако в реальности оно так и не осуществило каких-либо значимых мероприятий по улучшению добычи и переработки нефти. Отчасти это объяснялось тем, что нефтяные магнаты игнорировали работу заводского совещания и открыто выражали недовольство его деятельностью [4, с. 188–191].

Первоочередной задачей органов государственного регулирования была борьба с ростом цен на нефть. Обуздания «нефтяных спекулянтов» требовали как потребители в промышленности и на транспорте, так и широкая общественность. В годы войны это стало составной частью общей политики правительства по таксации цен на товары первой необходимости [1, с. 351–364]. Обсуждение вопроса в Нефтяной секции ОСОТОП затянулось, и только 31 декабря 1915 г. была установлена предельная цена сырой нефти в местах добычи в размере 45 коп. за пуд и нефтяных остатков на нефтеперерабатывающих заводах — 47 коп. за пуд [16, № 2, ст. 5; 9, с. 53; 7, с. 68–72]. 27 января 1916 г. было принято дополнительное постановление, которое вводило повышенные предельные цены на нефть и мазут в местах их распределения и потребления — в Баку, Екатеринодаре, пристанях Волги и Камы, Москве, Петрограде и др. [16, № 28, ст. 153; 10, с. 2–4; 7, с. 88–89]. 17 марта 1916 г. последовало решение о том, что при заключении договоров о поставках нефти в определенный срок предельные цены могут быть увеличены в местах добычи и при отправке жидкого топлива морем из Баку и Петровска не более чем на 1 коп. за пуд., из Красноводска — максимум на 3%, а в других пунктах распределения — не свыше 6% [16, № 76, ст. 589; 10, с. 30–32]. 5 мая 1916 г. в Баку был учрежден Комитет по определению рыночной цены нефти, в который вошли представители министерств торговли и промышленности, финансов, земледелия, Государственного контроля, местного биржевого комитета и бакинских нефтепромышленников [16, № 146, ст. 1184; 12, с. 1–8].

Нефтепромышленники встретили эти меры в штыки и засыпали совещание докладными записками, в которых доказывали невыгодность фиксированных цен и их опасность для насущных интересов страны. Они

ссылались на транспортные затруднения, нехватку вагонов, вздорожание материалов для бурения и другие причины, угрожали закрытием некоторых промыслов и снижением добычи нефти. Их позиция оказывала определенное влияние на правительственную политику. В войну усилились концентрация и централизация капитала в нефтяной промышленности, еще более возросло могущество ведущих компаний. Кроме того, далеко не все в высших эшелонах власти были уверены в целесообразности принудительных мер, которые могли иметь негативные последствия для нефтяного производства. Поэтому бакинские «короли» чувствовали себя достаточно уверенно, уклонялись от выполнения правительственных требований, срывали военные поставки по предельным ценам и требовали от ОСОТОП повышения их нормы [2, с. 406; 14, с. 529–530; 5, с. 183].

В условиях саботажа со стороны нефтепромышленников правительство стало прибегать к насильственным действиям. 23–25 апреля 1916 г. было принято решение о реквизициях невостребованного адресатами жидкого топлива в договорные сроки из-за нежелания продавца совершить сделку и его передаче потребителям [16, № 113, ст. 907; 11, с. 9–11]. 27–28 апреля 1916 г. ОСОТОП установило реквизиционную цену на 15% ниже фиксированной при изъятии жидкого топлива, не реализованного по договору [16, № 114, ст. 909]. Однако и эта мера не оказала должного воздействия на поставщиков и торговцев нефтью, которые находили всевозможные пути, чтобы обходить эти ограничения и продавать свою продукцию по рыночным ценам. В итоге 16–17 января 1917 г. предельная цена сырой нефти в местах добычи была увеличена до 60 коп. за пуд и на нефтяные остатки на нефтеперерабатывающих заводах — до 62.4 коп. за пуд [17, № 45, ст. 276]. Позднее, уже при Временном правительстве 31 августа 1917 г. последовало введение третьей предельной цены — 96 коп. за пуд сырой нефти и 99.7 коп. за нефтяные остатки [17, № 258, ст. 1856].

Другим приоритетным направлением деятельности ОСОТОП стало распределение нефтепродуктов между потребителями и организация их плановых перевозок. Несмотря на предоставление министру путей сообщения чрезвычайных полномочий, осенью 1915 г. обнаружилось серьезные проблемы в перевозках жидкого топлива и его доставке на внутренние рынки. В связи с прекращением экспорта после начала войны вся добываемая на Кавказе нефть целиком шла на удовлетворение потребностей российской экономики. Топливо транспортировалось по волжской водной артерии, затем на пристанях перегружалась в цистерны и отправлялась к местам потребления по стальным магистралям. Если речной транспорт в целом обеспечивал перевозку нефти, то железные дороги явно не справлялись с таким объемом грузов, особенно в условиях острой нехватки

вагонов-цистерн. Остатки не вывезенного из волжских портовых складов топлива достигали огромного объема. Министерство путей сообщения пыталось решить эту проблему путем усиления подвижного состава за счет заказов вагонов и паровозов за границей, строительства новых линий, повышения норм погрузочно-разгрузочных работ, сокращения пассажирского движения и др. [5, с. 193–197].

4 мая 1916 г. председатель ОСОТОП утвердил правила о распределении между потребителями нефти и нефтяных остатков [16, № 135, ст. 1049; 11, с. 26–37]. Отныне они могли получать жидкое топливо только в порядке установленной очереди в зависимости от их значимости для интересов обороны государства. Потребители были разделены на пять категорий: 1) флот, железные дороги, казенные и частные предприятия, работающие на оборону; 2) остальные частные заводы, выполняющие второстепенные военные заказы; 3) предприятия, работающие на интендантскую службу и на заказы от военно-промышленных комитетов и местных организаций всероссийских земского и городского союзов; 4) строительные организации, предприятия по производству сельскохозяйственной техники, сахарные заводы, казенные типографии; 5) остальные. При ОСОТОП учреждалась должность главноуполномоченного по снабжению нефтью и нефтяными остатками потребителей империи. Его функции заключались в распределении жидкого топлива на предстоящий год, его нормировке по месяцам и составлении общего ежемесячного наряда на вывоз по железным дорогам. При главноуполномоченном было образовано совещание из представителей управлений железных дорог и водных путей, министерств военного, морского, торговли и промышленности, нефтяных фирм, предпринимательских организаций, всероссийских земского и городского союзов. При его формировании особую активность проявили бакинские нефтепромышленники. В состав совещания вошли Э. Нобель (от Совета съездов представителей промышленности и торговли) и П. О. Гукасов (от Центрального военно-промышленного комитета). Разверстка нефти внутри каждого района в соответствии с распределительными списками возлагалась на местных уполномоченных по минеральному топливу и созданных при них совещаний. Органами главноуполномоченного на местах разливки и отправки нефтепродуктов (предприятиях, железнодорожных станциях и др.) стали контролеры по учету нефти, которые отвечали за распределение цистерн по заводам и контроль над запасами топлива на торговых и промышленных предприятиях; им также предоставлялось право проводить анализы отпускаемой продукции на заводах и замеры резервуаров [4, с. 187, 188].

С 5 сентября 1916 г. транспортировка нефтяных грузов стала производиться только по нарядам. При

Управлении железных дорог учредили Нефтяной комитет, ведавший по заданию главноуполномоченного плановыми перевозками жидкого топлива. 6 декабря 1916 г. были утверждены правила отправки керосина, бензина и смазочных масел на внутренний рынок. При ОСОТОП был образован Керосиновый комитет, на который возлагалась выработка плана годового завоза продукции в районы распределения и потребления, а также согласование предположений отдельных фирм о ее транспортировке на более короткие периоды времени. В состав комитета вошли представители министерств торговли и промышленности, морского, Управления железных дорог, Нефтяного комитета, главноуполномоченного по снабжению нефтью и нефтяными остатками, всероссийских союзов земств и городов, частных фирм по торговле керосином [16, № 352, ст. 2776].

В ОСОТОП планировался еще ряд мер, которые так и остались нереализованными. Не было проведено распределение запасов нефти на местах добычи и нефтяных остатков в соответствии с вывозными возможностями компаний. Совещание не установило надзор за нефтеперерабатывающими заводами и не определило норму производства на них продукции в зависимости от запросов первоочередных потребителей. Не был разработан также общий план транспортировки жидкого топлива по Волге, что позволило бы рационально распределить продукцию по складам на речных пристанях в соответствии с потребностями тех или иных районов [6, с. 102, 103]. Противодействие нефтяных магнатов сорвало осуществление некоторых инициатив, которые обсуждались в регулирующих органах. В июне–декабре 1916 г. в Нефтяной секции ОСОТОП и Нефтяном комитете при Управлении железных дорог рассматривался проект о предоставлении права общего пользования всеми нефтехранилищами, складами и трубопроводами, принадлежащими частным лицам. Подобное предложение учитывало интересы мелких и средних фирм-экспортеров, и его принятие могло способствовать увеличению объема перевозок жидкого топлива по волжскому пути. Однако проект покушался на права собственности крупных компаний, поэтому был признан неосуществимым. Та же судьба постигла обсуждавшиеся в ОСОТОП проекты передачи торговли нефтепродуктами в руки государства и устройства казенных нефтепромыслов на Апшеронском полуострове [4, с. 212–213; 5, с. 182–183; 7, с. 244–246].

После февральских событий 1917 г. Временное правительство некоторое время не вмешивалось в дела снабжения потребителей энергоносителями, и ОСОТОП находилось в довольно неопределенном положении. Однако нарастание катастрофического топливного кризиса заставило новую власть заняться реорганизацией этой структуры. 29 апреля 1917 г. было принято новое положение о районных уполномоченных председателя

ОСОТОП и учреждаемых при них совещаниях в 11 районах с центрами в Саратове, Баку, Киеве, Петрограде, Екатеринбурге, Москве, Харькове, Томске, Ташкенте, Иркутске, Владивостоке. 13 июня 1917 г. было утверждено положение о губернских комитетах по топливу, создававшихся для организации выполнения общего плана обеспечения района топливом. 15 августа 1917 г. была введена специальная должность уполномоченного ОСОТОП по Кавказскому району, которому поручалось обеспечение нефтедобычи на Апшеронском полуострове и отправка нефтепродуктов в центральные губернии. Временное правительство расширило также полномочия главы совещания: 5 мая 1917 г. он получил право назначать правительственных инспекторов для наблюдения за деятельностью предприятий по добыче и заготовке топлива; 7 июня 1917 г. — определять порядок и условия принудительного пользования судами на Каспийском море; 23 июня 1917 г. — устанавливать цены на все виды топлива. Вместе с тем ОСОТОП лишился своего статуса высшего государственного учреждения — он был подчинен образованному 21 июня 1917 г. при Временном правительстве Главному экономическому комитету.

Значительные изменения претерпел и состав совещания. С 5 мая 1917 г. в него вошли по два представителя от Совета рабочих и солдатских депутатов и Совета крестьянских депутатов, представители кооперативов, с 28 июня 1917 г. — по шесть представителей от Всероссийского Совета рабочих и солдатских депутатов и Всероссийского Совета крестьянских депутатов, по два — от Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и Советов Донецкого бассейна, по одному — от советов ряда районов, а также представители от Центрального бюро профессиональных союзов, министерств труда и продовольствия, Особого совещания по обороне, Особого совещания по перевозкам и ряда других органов, от нефтяных, угледобывающих и лесопромышленных компаний, металлургических заводов и частных железных дорог. В тот же день была учреждена должность заместителя председателя ОСОТОП, которую занял товарищ министра торговли и промышленности — главноуполномоченный по топливу [2, с. 486–498]. Однако в обстановке политического и экономического хаоса структурные перемены и новые назначения не смогли изменить к лучшему ситуацию с топливным снабжением. После октябрьского переворота 1917 г. ОСОТОП прекратило свое существование. 2 декабря 1917 г. декретом Совета народных комиссаров оно было подчинено Высшему совету народного хозяйства, а 30 декабря того же года упразднено с передачей всех его дел, персонала и средств в ведение отдела топлива ВСНХ [3, с. 172–174].

В итоге государственное регулирование нефтяной промышленности в годы войны не дало значимых результатов. Усилия бюрократических учреждений в прин-

ципе не могли преодолеть общее несоответствие между уровнем развития российской промышленности и растушими потребностями воюющей страны. Созданная в ходе Первой мировой войны громоздкая «пирамида» правительственных регулирующих органов с самого начала переживала организационные трудности, вызванные недостаточно четким разграничением полномочий и сфер деятельности, разобщенностью и несогласованностью действий разных ведомств. Система особых совещаний, и ОСОТОП в частности, не сумела реализовать свои широкие полномочия и решить поставленные задачи. Занимаясь регулированием ценообразования, распределения и транспортировки жидкого топлива, правительство не касалось сферы его производства и не сумело ничего сделать для расширения и увеличения нефтедобычи, снабжения промыслов оборудованием, металлами и вспомогательными материалами. Оппозиция крупных нефтяных компаний вынуждала «верхи»

идти на уступки и принимать непоследовательные решения. Таксация цен во многом имела чисто декларативное значение, поскольку правительство опасалось нанести ущерб нефтяной промышленности, а сами предприниматели, как правило, находили возможности обходить установленные ограничения. Введение предельных цен проводилось без должного учета хозяйственной конъюнктуры, так как у регулирующих органов не было твердых экономических критериев для установления их уровня. Эти цены не соотносились с общим вздорожанием товаров и, в частности, материалов, нужных для нефтяного оборудования. Контроль над отпуском и перевозками нефти сыграл некоторую положительную роль в улучшении снабжения фронта и тыла жидким топливом. Однако значительная часть нефти и нефтепродуктов оставалась неучтенной ОСОТОП и поступала на частный рынок, что открывало широкие возможности для спекуляций и обогащения частных фирм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляев С. Г. П. Л. Барк и финансовая политика России. 1914–1917 гг. СПб.: Издательство Петербургского университета, 2002. 620 с.
2. Букшпан Я. М. Военно-хозяйственная политика: формы и органы регулирования народного хозяйства за время мировой войны 1914–1918 гг. М.; Л.: РАНИОН — Институт экономики, 1929. 541 с.
3. Декреты Советской власти. Т. 1: 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. М.: Госполитиздат, 1957. 626 с.
4. Ибрагимов М. Д. Нефтяная промышленность Азербайджана в период империализма. Баку: ЭЛМ, 1984. 240 с.
5. Маевский И. В. Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. М.: Дело, 2003. 288 с.
6. Материалы по обзору деятельности Особого совещания по топливу за первый год его существования. Т. 1: Минеральное топливо. Пг.: Типография «Родник», 1917. 325 с.
7. Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. Документы и материалы. 1914–1917. Л.: Наука, 1973. 552 с.
8. Особые совещания и комитеты военного времени. Свод законов и состоявшихся в порядке статьи 87 Осн. зак. постановлений. Пг.: Государственная типография, 1917. 100 с.
9. Правила и распоряжения по Особому совещанию по топливу. Вып. 1: (Издан. со времени учреждения Особ. Совещ. и до 31 декабря 1915 г.). Пг.: Типография Министерства Путей Сообщения, 1916. 58 с.
10. Правила и распоряжения по Особому совещанию по топливу. Вып. 2: (Январь — Март 1916 г.). Пг.: Типография Министерства Путей Сообщения, 1916. 38 с.
11. Правила и распоряжения по Особому совещанию по топливу. Вып. 3: (по Май 1916 г.). Пг.: Типография Министерства Путей Сообщения, 1916. 72 с.
12. Правила и распоряжения по Особому совещанию по топливу. Вып. 4: (по Август 1916 г.). Пг.: Типография Министерства Путей Сообщения, 1916. 39 с.
13. Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / отв. ред. Ю. А. Петров. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 982 с.
14. Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М.: Наука, 1973. 655 с.
15. Собрание узаконений и постановлений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Отдел 1. Пг.: Сенатская типография, 1915.
16. Собрание узаконений и постановлений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Отдел 1. Пг.: Сенатская типография, 1916.
17. Собрание узаконений и постановлений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Отдел 1. Пг.: Сенатская типография, 1917.
18. Фролов В. И. Война и нефтяная промышленность // Война и топливо. 1914–1917 гг. М.; Л.: Госиздат, 1930. С. 91–122.

© Степанов Валерий Леонидович (valerij-stepanov@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

К 40-ЛЕТИЮ СИСТЕМНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДОБЫЧИ НЕФТИ НА МОРСКОМ ШЕЛЬФЕ

TO THE 40TH ANNIVERSARY OF THE SYSTEM ORGANIZATION OF PETROLEUM OIL PRODUCTION ON THE MARINE SHELF

Yu. Chochiev

Summary. This summer, 40 years ago the Council of Ministers of the USSR issued Resolution No. 720 of August 24, 1978, "On the Organization of Work on the Development of Oil and Gas Resources on the Continental Shelf of the USSR", which has become a boundary, from which the systemic organization of domestic oil extraction on the sea shelf, which went beyond the narrow limits of the Caspian shallows. The relevance of the study of this experience is that, in the current situation, the Russian state faced a similar problem of gradual exhaustion and a corresponding rise in the cost of production on land and the absence of domestic technologies and investments for exploration and production on the long Russian shelf. With the version of the solution we are currently implementing, we begin this article.

Keywords: oil, mining, offshore, Sakhalin.

Чочиев Вадим Юрьевич

*Соискатель, Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И. М. Губкина
1@irs.ru*

Аннотация. Летом этого года исполнилось 40 лет постановлению Совета Министров СССР от 24 августа 1978 г. № 720 «Об организации работ по освоению ресурсов нефти и газа на континентальном шельфе СССР», ставшим рубежом, от которого следует вести отсчёт системной организации отечественной добычи нефти на морском шельфе, вышедшей за узкие пределы каспийского мелководья. Актуальность исследования этого опыта в том, что в современной ситуации российское государство оказалось перед схожей проблемой постепенного истощения и соответственного удорожания добычи на суше и отсутствия отечественных технологий и инвестиций для разведки и добычи на протяженном российском шельфе. С реализуемого сегодня варианта решения проблемы мы начинаем эту статью.

Ключевые слова: нефть, добыча, морской шельф, Сахалин.

Весной 2016 г. Роснедра согласовали «Роснефти» и «Газпрому» перенос на срок от двух до двенадцати лет геологоразведки и начала добычи на 31 шельфовом месторождении нефти и газа в Арктике, а также на Дальнем Востоке, что фактически скорректировало в сторону сокращения российские планы арктической добычи нефти примерно на треть. Наибольшее число участков, на которые распространился перенос находятся в Печорском море (9), Баренцевом (8), Охотском (4), Карском (4), Черном (2), один участок — в Восточно-Сибирском море. Инициаторы переносов скупно их комментируют, но можно предположить, что они связаны с потребностью в дополнительном геологическом изучении месторождений, а также, в большей степени, с экономическими причинами, т.е. рентабельностью (текущими ценами на нефть) и санкциями.

Напомним, что ещё не разведанный ресурсный потенциал российского шельфа Арктики превышает 90% (суши — 53%). По состоянию на 2016 г. в материковой зоне российской Арктики было открыто 346 месторождений нефти и газа, а на арктическом шельфе — 19[1]. К 2035 г. совокупный объём добычи нефти на арктическом шельфе прогнозируется в пределах 31–35 млн. т. Энергетическая стратегия РФ указывает — 35–36 млн. т. в год в Арктике, а всего на россий-

ском шельфе — 50 млн. т. (+ 10% российского газа)[2]. Очевидна переориентация добычи с Сахалина (шельф Охотского моря), где в 2015 г. на шельфе было добыто 16 млн.т. (проекты «Сахалин-1» и «Сахалин-2») из всей российской шельфовой добычи — 18,8 млн. т., на арктический шельф, где в 2015 г. добыли всего 0,8 млн. т. (месторождение «Приразломная» «Газпром нефть»), а в 2017 г. — 1,6 млн. т. (+79% к 2016 г.)[3].

Из-за отсрочки освоения месторождений на шельфе добыча в Арктике к 2030 г. составит лишь 13 млн. т., что почти на треть менее плана (18 млн. т.). Таким образом, добыча нефти на арктическом шельфе в перспективе 10–15 лет не компенсирует снижение добычи на старых месторождениях суши.

Активно ведёт освоение шельфа «Роснефть», но лишь на скважинах, где участвуют иностранные партнёры. Бурение скважины на арктическом шельфе обходится в \$120–150 млн., а стоимость бурения «Университетской-1» компании «Роснефть» совместно с ExxonMobil в Карском море для разработки месторождения «Победа» превысила \$600 млн.[4] Сегодня для бурения скважины необходимо законтрактовать буровую установку, предоставление которых находится под санкциями[5].

Вероятнее всего, до 2025 г. на новых месторождениях шельфа бурения не будет. Во-первых, оно не рентабельно при ценах на нефть менее \$90, а во-вторых, для арктического бурения нет технологий, т.к. западные перекрыты санкциями. Таким образом, стоит задача замещения выпадающих объемов добычи активной геологоразведкой на суше и ростом КИН.

В правительстве считают, что вынужденная отсрочка освоения шельфа (мировая тенденция из-за относительно низких цен на нефть) выгодна России, так как имеет место отставание с формированием судостроительного кластера на Дальнем Востоке[6].

Такая ситуация возникает в российской добыче не впервые. К концу 1970 годов из совокупного объема мировой добычи нефти до 20% (3 млрд. т.) уже добывалось на шельфе, тогда как в СССР — лишь около 8 млн. т. и исключительно на Каспии, что не дотягивало до 1,5% всей добычи нефти в СССР[7]. Таким образом, на тот момент СССР далеко отстал в объемах и технологиях морской добычи и это отставание, ввиду быстрого истощения доступных месторождений на суше, необходимо было быстро наверстывать. Традиционный путь привлечения западных технологий и инвестиций сдерживался действующей на тот момент поправкой Джексона-Вэника[8]. Сегодня на её примере американцы искренне убеждены в эффективности воспитательного воздействия санкций, когда при сочетании торгового давления и морального убеждения, Россия принуждена выполнять требования американского закона[9].

До конца 1970 годов в СССР добыча на шельфе активно развивалась лишь на Каспии. В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 31 октября 1949 г. № 5030 в Министерстве нефтяной промышленности СССР было создано Главное управление по разведке и разработке морских месторождений нефти — Главморнефть во главе с заместителем министра С.А. Оруджевым. Научное и проектное сопровождение осуществлял научно-исследовательский и проектный институт «Гипроморнефть» (директор Л.А. Межлумов). Всего в 1950–1953 гг. каспийских промыслах было сооружено около 140 морских стационарных платформ[10] способных бурить скважины на глубину от 6 до 25 м.

На рубеже 1940–1950 годов интенсивность НИОКР в сфере шельфовой добычи резко упала в связи с открытием в 1948 г. огромного Ромашкинского месторождения нефти в Татарии с дешевой, качественной и относительно доступной нефтью. Позже были открыты и мощные месторождения Западной Сибири. К середине 1970-х именно этот регион вышел в лидеры нефтедобычи, а в 1977 г. — и добычи газа[11]. В начале 1980 годов месторождения Западной Сибири давали свыше поло-

вины добычи газа в СССР. В связи с этим, шельфовые проекты как дорогие и требующие затрат, были отодвинуты на второй план и ждали своей очереди, когда запасы на суше станут истощаться и себестоимость шельфовой добычи станет считаться приемлемой.

Это время наступило в конце 1970 годов. Интенсификация добычи на шельфе в СССР не могла быть реализована частной инициативой, а требовала комплекса организационных мероприятий государства. Министерство нефтяной промышленности СССР разрабатывало обоснование под новое специализированное министерство по освоению континентального шельфа[16], но инициативу перехватило Министерство газовой промышленности СССР, во главе с энтузиастом морской добычи — С.А. Оруджевым.

В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 24 августа 1978 г. № 720 «Об организации работ по освоению ресурсов нефти и газа на континентальном шельфе СССР» была создана межведомственная система управления освоением шельфовых ресурсов нефти и газа. Примечательно, что функция координации, планирования, финансирования и единой технической политики, а значит и разработчика государственной политики в сфере поиска, разведки, добычи и транспортировки шельфовых нефти и газа была возложена на Министерство газовой промышленности СССР. Оно же должно было предотвратить загрязнение моря в районах разведки и добычи, а также подготовить квалифицированные кадры для выполнения возложенных задач.

СССР на тот момент не обладал технологиями глубокого морского бурения. В то же время, судя по постановлению, освоение нефтеносного шельфа предполагалось на отечественной технологической базе, разработанной Мингазпромом СССР, министерствами судостроительной, оборонной промышленности и другими заинтересованными министерствами и ведомствами, а также кооперации со странами — членами СЭВ.

Техническое задание было распределено следующим образом. Министерство судостроительной промышленности должно было создать плавучие средства и надводные строения стационарных глубоководных платформ для бурения и добычи нефти и газа (Выборгский судостроительный завод, Астраханский ССЗ «Красные баррикады» и севастопольское ЦКБ «Коралл»). На начало 1979 г. Мингазпром имел 472 различных судна и плавсредства, но они были в основном старой постройки.

Устанавливаемые на планируемые к сооружению новые суда стационарные глубоководные платформы поручалось изготавливать Министерству монтажных

и специальных строительных работ СССР. В то же время самое ответственное подводное устьевое оборудование для бурения скважин на континентальном шельфе, которого пока не было в СССР, поручалось изготовить Министерству оборонной промышленности, которое такими проектами ранее не занималось, но имело мощную проектно-конструкторскую и опытно-промышленную базу. Таким образом, ещё в конце 1970-х годов, в последний год геополитической «разрядки», была предпринята попытка конверсии военно-промышленного комплекса. Стратегический приоритет нефти, таким образом, был выделен однозначно. Проведение геологоразведочных работ на твердые полезные ископаемые и специальных геолого-геофизических исследований на континентальном шельфе оставались за Министерством геологии СССР.

Присущие советской системе административно-мобилизационные методы, в полной мере проявились в деле организации шельфовой добычи нефти. Для руководящих и инженерно-технических работников, занятых на разведке и разработке морских месторождений нефти и газа Мингазпрому СССР разрешалось ввести форменную одежду и знаки различия. Кроме того, Мингазпрому СССР, Госкомтуду СССР, Минюсту СССР и ВЦСПС поручалось подготовить для утверждения в Совете Министров СССР проект Устава о дисциплине рабочих и служащих, занятых на работах по освоению ресурсов нефти и газа на континентальном шельфе СССР. Введение формы и дисциплинарного устава, свидетельствовало о военно-мобилизационном подходе, который был традиционным для советской системы и показал свою ограниченную эффективность.

Характерным негативным признаком работы советского планового механизма была длительность межведомственных согласований. В данном случае работы по реализации постановления также затянулись. Только Дисциплинарный устав разрабатывали и согласовывали более трех лет[12]. Иначе в той системе и не могло быть. Правительство поручило Мингазпрому СССР за полгода(!) разработать совместно с 15(!) министерствами (13) и ведомствами (2) проект постановления о мерах по развитию нефтяной и газовой промышленности на континентальном шельфе СССР на 1979–1990 годы. Вместо полугодия на подготовку согласованного межведомственного решения ушло почти пять лет[13].

Перед инициаторами шельфовой нефтедобычи стояла и традиционная проблема освоения удаленных территорий, куда всегда сложно было привлечь строителей, монтажников и персонал платформ. Учитывая особые условия работы на шельфе, ставились задачи «закрепления кадров», «повышения трудовой и технологической дисциплины». Для буровиков и персонала занятого

в сооружении, эксплуатации и обслуживании платформ предусматривались льготы и специальные выплаты[14].

Инициатором и «двигателем» принятия правительственных решений по добыче шельфа был министр газовой промышленности СССР С.А. Оруджев, который совместно с Главным управлением разведки и разработки морских месторождений нефти и газа Мингазпрома СССР вовлек в процесс лучших специалистов отрасли, геологов, НИИ и практиков. Свыше 80 тысяч человек было привлечено к разработке программ освоения нефтеносного шельфа[15].

На реализацию советских шельфовых проектов негативное влияние оказывали как уже упомянутые внутренние, так и внешние факторы. Так, новые суда для флота Мингазпрома строились как в СССР, так и заказывались на польских верфях, в Гданьске, которые в 1979–1980 годах стали центром забастовок и протестной политической активности. Таким образом, в 1981 г. суда поставлены не были, частью — задержаны, частью заказ был сокращен за счет научно-исследовательских, буровых и пассажирских судов. Часть заказов вообще была снята (баржи и модули). В этой ситуации советское правительство выделило валюту, на которую были приобретены суда из Финляндии и других стран, что заняло дополнительное время. Также негативно на темпах реализации шельфовых проектов стала смерть в 1981 г. министра и главного инициатора советской морской добычи С.А. Оруджева.

Энергичные усилия правительства СССР и Мингазпрома СССР позволили к 1984 г. сформировать флот Мингазпрома в составе более 600 судов и плавучих технических средств совокупным водоизмещением до 1 млн. т. Этот ведомственный флот занимал тогда третье место по величине после советского морского и рыбопромыслового флотов. По-прежнему большая часть его судов базировалась на Каспии, но были и на Черном, Балтийском, Баренцевом, Охотском и Японском морях.

К http://www.academia.edu/attachments/55925878/download_file?st=MTUzNTcxMTc1MSwxNzYuNTkuMjMuMTYw&s=swp-splash-header 1990 г. планировалось построить береговые базы, флот, набрать кадры, а в 2000 г. начать интенсивную морскую добычу нефти за пределами Каспия в объемах до 40 млн. т., а также газа — до 21 млрд. куб. м. Эти задачи не были выполнены. Польская «Солидарность» сорвала заказы на суда. Медленно шли альтернативные закупки. Существенные средства отвлекло сотрудничество в сфере нефтедобычи с Вьетнамом. Кроме того, мешали непрерывные реорганизации и кадровые перестановки в Мингазпроме СССР, что имело следствием хроническую корректировку планов и ранее согласованных объемов работ, ритмию производства

и штурмовщину. Не удалось обеспечить ритмичность взаимодействия министерств и ведомств, которые регулярно срывали выполнение заданий. Так, в 1988 г. Главморнефтегаз был передан из Мингазпрома СССР в Мин-

нефтепром СССР, а уже в 1993 г. передан обратно, что не могло не внести дезорганизацию. Начавшаяся «перестройка» усугубила кризисные явления в сфере морской добычи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Донской: неразведанный потенциал углеводородов Арктики достигает 91% на шельфе// ТАСС. 2016. 21 ноября. <https://tass.ru/ekonomika/3799913>
2. Энергетическая стратегия России на период до 2030 года// Министерство энергетики РФ <https://minenergo.gov.ru/node/1026>
3. «Газпром Нефть» на 79% увеличила объём добычи на Приразломном месторождении в I полугодии 2017 г.// Газпром Нефть. 2017. 24 авг. <http://shelf.gazprom-neft.ru/press-center/news/24443/>
4. «Роснефть» и Statoil нашли воду в Охотском море// Ведомости. 2016. 29 сентября <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2016/09/29/658943-rosneft-statoil>
5. Подобедова Л. Россия отказалась от планов интенсивной добычи нефти и газа на шельфе// РБК. 2016. 9 июня <https://www.rbc.ru/business/09/06/2016/57593ed59a79476c142e7256>
6. Рогозин: МЭР просрочило разработку госпрограммы развития Арктической зоны// ТАСС. 2016. 13 декабря <https://tass.ru/ekonomika/3868384>
7. Немчинов Н. М. Нефтепромысловому флоту — быть!// Вышки над волнами (к 30-летию Главморнефтегаза) / В. С. Вовк, В. Г. Османов, Ю. В. Евдошенко. — М.: ЗАО «Издательство «Нефтяное хозяйство», 2008. С. 18.
8. Brumley, Robert H. Jackson–Vanik: Hard Facts, Bad Law?// Boston University International Law Journal. 1990. № 8 (2). 363–372.
9. Ed Verona The True Cost of Jackson–Vanik. Americans will pay a steep price if Washington fails to repeal the Cold War-era Russian-trade amendment by <https://nationalinterest.org/commentary/the-true-cost-jackson-vanik-6702>
10. Оруджев С. А. Глубоководное крупноблочное основание морских буровых (метод освоения новых нефтяных месторождений Каспийского моря). М.: Гостоптехиздат, 1962.
11. Колева Г. Ю. Создание Западно-Сибирского нефтегазового комплекса в практике хозяйственного освоения Западной Сибири (1964–1989 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2007.
12. Постановление Совета Министров СССР от 16.12.1982 N1081 «Об утверждении Устава о дисциплине рабочих и служащих, занятых на работах по освоению ресурсов нефти и газа на континентальном шельфе СССР»// Свод законов СССР. 1990. Т. 2. Ст. 399.
13. Постановление Совета Министров СССР от 15.07.1983 г. N654 «О мерах по развитию нефтяной и газовой промышленности на континентальном шельфе СССР на период до 1990 года»
14. В соответствии с п. 2 постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6 февраля 1976 г. N108 «О предоставлении дополнительных льгот работникам угольной и сланцевой промышленности и шахтного строительства».
15. Вышки над волнами (к 30-летию Главморнефтегаза) / В. С. Вовк, В. Г. Османов, Ю. В. Евдошенко. М.: ЗАО «Издательство «Нефтяное хозяйство», 2008.
16. Евдошенко Ю. В. Из истории управления разведкой и разработкой морских месторождений нефти и газа в СССР // Нефтяное хозяйство. 2008. № 6. С. 75–78.

© Чочиев Вадим Юрьевич (1@irs.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВОССТАНИЕ В ТУРКЕСТАНЕ 1916 ГОДА И РЕАКЦИЯ НА НЕГО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ: ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА И ИСТОКИ КОНФЛИКТА¹

UPRISING IN TURKESTAN IN 1916 AND REACTION OF THE STATE DUMA: HISTORIOGRAPHY OF THE ISSUE AND THE ORIGINS OF CONFLICT²

D. Yanchenko
D. Ovsyannikov
V. Shorokhov

Summary. The First World War strengthened the contradictions between the indigenous people of Central Asia and the settlers from the European part of Russia. The article discusses the reaction of the Council of Ministers and the State Duma of the Russian Empire to the uprising in Turkestan in 1916, which in recent years has been attracting increasing attention of Russian and foreign researchers. The authors emphasize that in the course of the work of the commission of the members of the State Duma in Turkestan, some Petrograd politicians (among them A. F. Kerensky), increased influence, both amid the regional and the midmost elite.

Keywords: Turkestan, Islam, Uprising, the State Duma, the Council of Ministers, the Russian Empire.

Янченко Денис Геннадьевич

К.и.н., доцент, Санкт-Петербургский
государственный университет
yanchenko@spbu.ru

Овсянников Дмитрий Владиславович

К.и.н., доцент, Санкт-Петербургский
государственный университет
d.ovsiannikov@spbu.ru

Шорохов Владимир Андреевич

К.и.н., доцент, Санкт-Петербургский
государственный университет
v.shorokhov@spbu.ru

Аннотация. Тяготы Первой мировой войны обострили противоречия между коренным населением Средней Азии и переселенцами из Европейской части России. В статье рассматривается реакция Совета министров и Государственной думы Российской империи на восстание в Туркестане в 1916 г., которое последние годы привлекает повышенное внимание российских и зарубежных исследователей. Авторы особо отмечают, что в ходе работы комиссии из членов Государственной думы в Туркестане петроградские политики, и, в особенности А. Ф. Керенский, усилили свое влияние, как среди региональной, так и среди столичной элиты.

Ключевые слова: Туркестан, ислам, восстание, Государственная дума, Совет министров, Российская империя.

Трагические события восстания 1916 г. в русском Туркестане стали значимой составляющей системного кризиса Российской империи. Непосредственной причиной и историческим фоном волнений, охвативших значительную часть Средней Азии и других областей страны, была прогрессирующая иррелевантность ее управленческого аппарата вызовам, характерным для периода глобального конфликта высокой интенсивности. Однако тяготы Первой мировой войны лишь обострили десятилетиями накапливавшиеся противоречия между коренным населением региона и мигрантами из Европейской части России, прежде всего, по вопросу владения плодородными землями.

Совокупность военных операций и социально-экономических потрясений, получившая обобщенное определение — «восстание 1916 г. в Туркестане», приобрела политическое звучание с началом российской революции. Многие из участников событий устанавливали советскую власть в Средней Азии, стояли у истоков нового регионального государственного строительства. Именно они заложили основу научного изучения событий и, вместе с тем, политического мифа об их «национально-освободительном» характере. Распад СССР сопровождался формированием этноцентричных национальных идеологий. Они, в свою очередь, способствовали дальнейшей актуализации и, одновременно, сакрализации

¹ Исследование выполнено при поддержке Гранта Президента РФ для молодых кандидатов наук МК-630.2017.6 «Совет министров, Дума и политика в отношении окраин Российской империи в 1906–1917 г.».

² The study was supported by the Presidential Grant МК-630.2017.6 «Council of Ministers, Duma and Politics on the Outskirts of the Russian Empire in 1906–1917».

темы народно-освободительной борьбы. Появление многочисленных исследований в историографии на постсоветском пространстве быстро приобрело черты «освоения средств», став на службу нациестроительству. В результате оценка событий 1916 г. в Киргизии и Казахстане получила яркий идеологический окрас. В Киргизии на официальном уровне 7 августа объявлен днем памяти жертв событий августа-сентября 1916 г. При этом миграция в Китай киргизов, опасавшихся возмездия за массовое уничтожение русского населения, получила название «уркун» (массовое бегство, исход) и рассматривается как «гуманитарная катастрофа киргизов». В связи с этим представляется необходимым идеологически нейтральное исследование данной темы, которое позволит реконструировать ряд ее недостаточно изученных аспектов.

С самого начала советского периода развития исторической науки восстание в русском Туркестане 1916 г. и реакция на него Государственной думы оказались в центре внимания профессиональных исследователей, политиков и публицистов. Публикации середины 1920-х гг., приуроченные к десятилетию со времени трагических событий, задавали отнюдь не беспристрастный тон обсуждения проблемы, трактуя ее в рамках колониального дискурса и марксистской парадигмы. Таковыми были работы Т. Рыскулова [33; 34] (переизданные позже в независимой Киргизии [35]), И. Чеканинского [44], Г. И. Бройдо [3], А. Шестакова [45], Ф. Божко и П. Галузо [11], Б. Исакеева [17], публиковавшиеся как в регионах, так и столице. Восстание народов Туркестана рассматривалось как сугубо антиимпериалистическое и антикапиталистическое. Но, что еще важнее, конфликт оценивался либо как намеренно спровоцированный царской администрацией (Т. Рыскулов, Г. Бройдо), либо как неизбежный с точки зрения законов классовой борьбы. Однозначно негативные оценки имперского управления, данные исследователями 1920-х — 1930-х гг., во многом подготовили почву для политизации научной проблемы в постсоветской историографии. Сходным образом трактовалась авторами сталинской эпохи деятельность мусульманской фракции Государственной думы, связанная с расследованием причин и последствий мятежа в Туркестане [1]. Несомненным достижением науки межвоенного периода стала публикация важнейших официальных документов о восстании 1916 г. [5; 6; 7; 14].

С 1950-х гг. в СССР формируются республиканские историографические школы Средней Азии и Казахстана, в рамках которых отдельную нишу заняли исследования «антиколониального» движения в русском Туркестане [36; 38; 39; 40]. Наибольшее научное значение среди трудов этой группы, по нашему мнению, имели работы П. А. Ковалева, в которых нашла отражение деятельность комиссии IV Государственной думы по расследованию

событий [20; 21]. Кроме того, в 1960 г. вышла очередная публикация новых документов о восстании 1916 г. [8].

В 1980-е-1990-е гг. происходило формирование кластера постсоветских историографий, объединенных хорошим знанием источникового материала, советским «национально-освободительным» идеологическим багажом и ориентацией на «вхождение в мировую науку» путем переложения различных западных ориенталистских, советологических, а в ряде случаев и более архаичных концепций. Характерно что, юбилейное «совещание по переосмыслению восстания 1916 г.» было инициировано и профинансировано Американским университетом в Центральной Азии [28]. В указанном направлении интенсивно продолжил развиваться, например, сегмент киргизской историографии, дрейфующий в сторону синтеза советских оценок «колониального прошлого» с этноцентристской трактовкой конфликта русских и кочевников (вплоть до конструирования мифа о геноциде) [2; 18]. Своеобразные «отблески» этих представлений можно найти и в трудах некоторых российских авторов [27]. Среди отвечающих критериям научности новаций можно отметить некоторое расширение хронологических рамок восстания, уточнение людских потерь и публикацию новых данных об иностранном вмешательстве [10].

В России в 2000-е гг. вышло немало важных исследований по рассматриваемой проблеме. Так, Д. М. Усманова внесла весомый вклад в изучение мусульманской фракции Государственной думы [41], а благодаря усилиям Т. В. Котюковой [23; 24; 25], сложилась устойчивая группа исследователей восстания 1916 г. из бывших союзных республик, концентрирующих внимание на различных аспектах указанных событий, исследующих их в широком географическом контексте (не ограничиваясь Туркестаном и Степным краем). В этих работах аккумулируются данные о ситуации в других регионах Азиатской России, на которые распространялось «Высочайшее повеление о привлечении мужского инородческого населения Империи для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно и всяких иных, необходимых для государственной обороны работ» от 25 июня 1916 г. [9]. Западную историографию восстания 1916 г., во многом характеризует догматизм, влияние идеологических реликтов вроде концепта тюркизма, а также вторичность в источниковедческом отношении [19; 28; 48; 49; 50].

Источниковой базой данной работы является совокупность архивных материалов и опубликованных документов о Туркестанском восстании 1916 г. [7; 8; 37]. Политика центра рассматривается нами и сквозь призму «парламентских» дискуссий, нашедших отражения на страницах стенографического отчета заседаний 4-й сессии Государственной думы IV созыва [13]. При подго-

товке статьи использовались неопубликованные архивные документы из фондов Российского государственного исторического архива (РГИА), в частности фонд № 1276 («Совет министров 1905–1917 гг.») и фонд № 1292 («Управление по делам о воинской повинности МВД»).

Туркестан в составе Российской империи представлял собой крайне неоднородный регион. Административно-территориальное деление края постоянно менялось, а управление различными областями опиралось на различные законодательные акты. Так, «коренные» Самаркандская, Сырдарьинская и Ферганская области управлялись на основании Положения 1886 г. В Закаспийской же области, вошедшей в состав Туркестанского генерал-губернаторства согласно именному высочайшему указу Правительствующему сенату от 26 декабря 1897 г. действовало временное «Положение об управлении Закаспийской областью». В Семиреченской области, вышедшей, согласно упомянутому выше указу, из Степного генерал-губернаторства, действовало временное «Положение об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Тургайской и Уральской областями». Разработка единого Положения об управлении краем так и не была завершена.

Основным очагом восстания стал район Семиречья, вхождение которого в состав Российской империи имело свою специфику. Этническая неоднородность Семиречья стала отягощающим фактором в событиях 1916 г., т.к. беспорядки приняли характер межэтнической вражды. Фактически территории нынешнего севера Киргизии, будучи частью исторической области Семиречья, вошли в состав России без серьезного военного сопротивления со стороны местного населения — киргиз-кайсаков Старшего жуза и северных родов «дикокаменных» киргизов. На севере Семиречья (уезды Лепсинский, Джаркентский, Копальский, Верненский и отчасти Пишпекский) преобладали «киргизы-кайсаки», на юге (часть Пишпекского и весь Пржевальский уезды) — «дикокаменные» каракиргизы. В 1875–76 гг. М. Д. Скобелев в кокандском походе получил поддержку от киргизского манапа Шабдана Джантаева, лидера сарыбагишей. Это стало важным фактором успеха русского оружия. В своем докладе офицер, заведующий розыскным пунктом в г. Верном (ныне Алма-Ата — авт.), характеризовал данный процесс, как не завоевание, а «постепенный захват с севера из Семипалатинской области на юг» [31, л. 475].

С начала 1830-х гг. этот регион Туркестана стали заселять казаки. В 1831 г. была заложена станица Сергиопольская, а позднее Копальское укрепление. В 1854 г. экспедиция из Копала без боя заняла долину р. Или и основала укрепление Верное [31, л. 475 об.]. С 1855 г. сибирские казаки выстроили станицы вокруг Верного,

которые вошли затем в состав Алатавского округа Семипалатинской области.

Не последнюю роль в формировании этнической карты Семиречья сыграли события в соседнем Китае. Среди населения Кульджинского округа Синьцзяна преобладали этнические группы, исповедующие ислам (дунгане, илийские уйгуры или таранчинцы), а также калмыки, в то время как правящий класс составляли маньчжуры и китайцы [31, л. 476]. В ходе антицинского восстания мусульмане взяли Кульджу, изгнали китайцев и образовали ханство во главе с Абиль-Оглы. Русские поддержали его, но когда обнаружился факт укрывательства Абилем бандита, грабившего «русские пределы», то в 1871 г. русские войска заняли Кульджу, которая была возвращена Китаю в 1881 г. После Илийского кризиса из Китая в Россию потянулись мусульмане Восточного Туркестана, опасаясь расправ со стороны цинских властей. Лидер илийских уйгур Вали-Ахун Юлдашев, уйдя из Китая, получил пособие и инвентарь для хозяйственного освоения земель, отторгнутых у кочевых киргизов, в ущерб русским поселенцам [31, л. 496 об.]. Русская администрация благосклонно смотрела на переселение в Семиречье дунган как элемента, враждебного китайцам и выгодного в этом контексте для поселения на границе с Китаем [31, л. 477]. В 1883 г. из Восточного Туркестана эмигрировали около 25 тыс. киргизов.

Таким образом, инородческое население Семиреченской области состояло из оседлого и кочевого компонентов, имевших различные хозяйственно-культурный тип и экономический потенциал. Современники отмечали то, что оседлые мусульмане (дунгане и таранчинцы) с киргизами едины лишь в вере, а по характеру «злы, скрытны и мстительны». Будучи предприимчивыми и работающими, они богатели, в то время как киргизы беднели [31, л. 477]. Со второй половины XIX в. в русской имперской политике стал доминировать принцип государственного единства России, что подразумевало приобщение «инородцев» к русской культуре и государственности. В отношении ислама реализовывалась политика «ограниченной веротерпимости», допускавшая исповедание ислама, но препятствовавшая его распространению и укреплению. Так, в 1900 г. был снят запрет с паломничества в Мекку. При этом необходимо учесть, что Туркестан был регионом исламским, в котором на 1913 г. насчитывалось 6022 мектеба из 9723 в империи, а также 445 медресе из 1064 [32, с. 334].

Присоединение Туркестана к Российской империи запустило процесс модернизации края. Одной из важных вех на этом пути стал период 1905–1917 гг., на который пришлось учреждение одного из важнейших институтов гражданского общества — Государственной думы. Общности Туркестана вместе с другими народа-

ми империи выбирали своих представителей во II Государственную думу — Т. Абдухалилова [12, с. 5], Т. Аллаберганова, М. А. Гаврилова [12, с. 118], А. П. Друкаря [12, с. 173–174], Я. И. Егошкина [12, с. 183], А. Кариева, Н. Л. Колендзяна (Лось-Колендзяна) [12, с. 262], И. Е. Миронова [12, с. 377], С. А. Мухамеджанова [12, с. 388], В. П. Наливкина [12, с. 393–394], М. Нурбердыханова [12, с. 420], М. Т. Тынышпаева [12, с. 632]. Шесть из них были представителями «коренных» народов. Подробно этот вопрос уже рассматривался в отдельной статье [46]. Смягчение политики самодержавия в национальном вопросе повлияло на рост популярности движения мусульманских обновленцев (*джадидов*). Представители мусульманской интеллигенции в России, в том числе, и представители Туркестана из числа джадидов, на 1-м Всероссийском конгрессе мусульман, проводившемся 15 августа 1905 года в Нижнем Новгороде, основали «Союз мусульман России».

В результате третьеиюньского переворота 1907 г. Туркестан был лишен парламентского представительства. Однако это не уничтожило политическую активность в регионе, в том числе, в рамках исламского реформизма. Борьба части «туземной» элиты Туркестана за восстановление избирательных прав шла в форме сотрудничества с мусульманской фракцией Думы, а также конституционно-демократической партией, одним из программных требований которой было всеобщее избирательное право. Эти попытки не оказали заметного влияния на принятие решений, касавшихся как всех мусульман империи, так и Туркестана в частности. Заявления мусульманских депутатов, требовавших правового и религиозного равноправия, а также неоднократные обращения по поводу ограничения переселения крестьян из Европейской части России в Туркестан подогревали опасения правых фракций в Думе, способствовали усилению реакционных тенденций и выявляли всю глубину расхождения «парламентских» политических сил по национальному вопросу. При этом думское большинство в отношении Туркестана проявляло пассивность и, таким образом, санкционировало политику царской администрации.

В 1916 г., в условиях войны, стремясь поддержать верноподданнические чувства в Туркестане, Военное министерство профинансировало издание «Туркестанской туземной газеты», официального печатного органа на тюркском языке. Адресатами газеты должны были стать как представители туземной администрации, так и преподавательский состав (*мударрисы*) мусульманских учебных заведений (мектебов) и имамы мечетей [13, стб. 1352]. Примечательно, что в Совете министров в 30 июня 1915 г. обсуждалась возможность окончательного решения вопроса о среднеазиатской «автономии» (смещении бухарского эмира). Правительство,

в лице министра внутренних дел Н. Б. Щербатова, связывало потенциальные конфликты в большей степени с внешнеполитическими обстоятельствами. «Намечается движение в Средней Азии среди сартов и революционно-политическое и проч. в связи с волнениями в Афганистане и возможностью выступления против России. Пора убрать эмира бухарского /кровопийцу/» [47]. Однако причина видится не в личностях. В целом, военные условия способствовали усилению экономического прессинга, снижению лояльности мусульманского населения и, главное, истощению силовых ресурсов краевой администрации.

Формальным поводом к конфликту стало подписанное 25 июня 1916 г. Николаем II Высочайшее повеление «О привлечении мужского инородческого населения Империи для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных, необходимых для государственной обороны работ». По царской воле в военное время «реквизировались» мужчины от 19 до 43 лет. При этом согласно 42 статье «Устава о воинской повинности» (1914 г.) «Население Туркестанского края, а также инородческое население областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской освобождено впредь до дальнейших распоряжений от исполнения воинской повинности» [42, с. 23]. Таким образом, «Высочайшее повеление» от 25 июня 1916 г. выполняло роль «дальнейшего распоряжения», прописанного в Уставе. Этот юридический акт был призван расширить возможности призыва на фронт русских, компенсируя заменой их на предприятиях и объектах военного назначения «инородцами» Российской империи. Очевидно, что такой шаг в условиях войны казался власти более рациональным, чем массовое привлечение дешевой иностранной рабочей силы из-за рубежа, в частности, Китая [43].

Русский опыт комплектования вооруженных сил отличался от зарубежного. Классические колониальные державы в значительной степени перекладывали бремя на подвластные народы и формировали войска из представителей коренного населения своих колоний для фронтов Первой мировой войны. Наиболее ярким примером является Великобритания, где только с января по сентябрь 1915 г. из Индии на Западный фронт было отправлено свыше 200 тысяч солдат. Во французской армии также воевали призванные из колоний зуавы. В русской же армии «инородческие» вооруженные формирования комплектовались на добровольной основе (например, Кавказская туземная конная дивизия). Однако война истощала мобилизационный ресурс коренных областей империи, поэтому в определенный момент в верхах созрело убеждение, что «в военной обстановке, вызывающей величайшее напряжение всех сил госу-

дарства, указанное явление (освобождение от воинской повинности в качестве привилегии для «инородцев» — прим. авт.) представляется недопустимым» [29, л. 31].

Военное министерство, не дожидаясь согласия Туркестанской администрации, пренебрегая порядком проведения закона через Государственную думу, оформило призыв императорским повелением (которое имело силу закона) о наборе инородческого населения для прифронтовой службы в качестве рабочих. Более того, «Высочайшее повеление» было сформулировано недостаточно четко, порядок и правила призыва прописаны не были. Этот юридический просчет в дальнейшем будет активно использоваться А.Ф. Керенским. Характерно, что нарушение процедуры принятия акта не помешало ряду членов мусульманской фракции Государственной думы выступить с фактической поддержкой призыва. Председатель мусульманской фракции М.-К.Б. Тевкелев [12, с. 607] и депутат от той же фракции М.-Ю.Г. Джафаров [12, с. 162–163] обратились к председателю Совета министров с письмом. В нем, «не касаясь порядка издания настоящего акта и считаясь с ним», они высказали просьбы по льготам для призываемых и предложения по выполнению призыва, в том числе создание «инородческих комитетов для содействия администрации» [30, л. 294]. Следует учесть, что Тевкелев был потомственным дворянином, гвардии полковником в отставке, участником Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., и принадлежал «к наиболее образованным, уважаемым и влиятельным мусульманским депутатам» [12, с. 607].

В Ташкенте акт был получен 28 июня, а обнародован 1 июля 1916 г. Мнение о том, что нет оснований опасаться выступлений и эксцессов против призыва, подверг критике губернатор Ферганской области А.И. Гиппиус. Он внёс несколько предложений по организации набора, исключающих силовые методы, но они не были учтены. Исполнение призыва было возложено на волостную и сельскую администрацию. В Семиречье «Высочайшее повеление» было объявлено лично губернатором М.А. Фольбаумом 1 июля волостным старшинам, встретившим эту новость внешне спокойно.

Решение о мобилизации было неожиданным для населения, т.к. за 50 лет русской власти мусульмане никуда принудительно не призывались. Среди местного населения была очень популярна легенда о том, что свобода от воинской повинности была ему дана, по одной версии, при самом присоединении края, а по другой — ярым-падишахом (полу-царем) Кауфманом в 1876 г. на 50 лет в обмен за спокойствие местного населения. Кроме того, распространялись самые невероятные слухи об использовании мобилизованных на турецком фронте (т.е. против мусульманского халифа) и планах по уничтожению мужского населения Туркестана с целью облегчить ко-

лонизацию. За недовольством местных жителей стояли и экономические проблемы: помимо противоречий с прибывшими из европейских губерний переселенцами, указ был объявлен в разгар полевых работ.

Первые волнения вспыхнули в Ферганской долине. Наибольшую известность приобрели события 3–4 июля 1916 г. в Ходженте. Вскоре восстание перекинулось в другие уезды Самаркандской области и Ферганскую область. Наиболее крупное восстание произошло 13–21 июля в Джизаке. Вскоре беспорядки и погромы охватили обширные районы Туркестанского и Степного краев. Это не были согласованные между собой акции. Важно отметить, что события затронули не только Туркестан. Мы склонны согласиться с новейшей отечественной историографией, трактующей данное явление как «восстания в Азиатской России в 1916 г» [9]. Безусловно, это свидетельство масштабного кризиса, охватившего Туркестан, Сибирь, Кавказ. Почти повсеместно отдельными выступлениями руководили выходцы из «инородческой» среды. Местные власти в Туркестане приняли поспешные меры для подавления восстания, отправлены карательные отряды. Однако относительное успокоение наступило только в преимущественно оседлых областях. Степи продолжали сопротивление.

21 июля 1916 г. в Петрограде члены Государственной думы В.А. Виноградов, Н.В. Некрасов, В.А. Ржевский, М.-К.Б. Тевкелев обратились к военному министру Д.С. Шувалову и начальнику Штаба Верховного главнокомандующего генералу М.В. Алексееву с требованием отложить набор рабочих из «инородческих» регионов и выработать подробные условия их призыва. Стало ясно, что Дума (прежде всего кадеты и их союзники) готова использовать еще один информационный повод для критики имперской администрации в борьбе за власть. Правительство не отменило мобилизацию, но провело кадровые перестановки. Новым генерал-губернатором Туркестана 22 июля 1916 г. назначили участника покорения края генерала от инфантерии А.Н. Куропаткина. Он считал, что нельзя действовать лишь силой и необходимо обновить систему управления регионом.

В это время представители общественности Туркестана М. Чокаев (туркестанский джадид), А.А. Чайкин (редактор газеты «Туркестанский голос») и У.А. Ходжаев прибыли в Петроград с целью пригласить депутатов Думы приехать в край и на месте разобраться в происходящем, а также ходатайствовать об отмене «Высочайшего повеления». У.А. Ходжаев был известен как панисламист, на момент восстания он являлся председателем Ташкентского комитета по набору населения на тыловые работы, в г. Верный действовал З. Исабаев, менее искусный в политических интригах.

Государственная Дума решила отправить в край свою комиссию, состоявшую из главы мусульманской фракции, депутата от Уфы М.-К.Б. Тевкелева, а также представителя фракции трудовиков А.Ф. Керенского. На то, что последний стал членом думской комиссии, повлиял случай. Изначально в Туркестан как в мусульманский регион предполагалось ехать депутатам М.-К.Б. Тевкелеву и М.-Ю.Г. Джафарову. Однако беспорядки на Кавказе обусловили необходимость присутствия депутата «от Азербайджана» в родном регионе. Удивительно, но кандидатура А.Ф. Керенского была утверждена Думой в том числе и потому, что несколько лет юности будущий политик провел в Туркестане, где служил его отец. Керенский был родом из Симбирска, однако в детстве отец будущего политика, Федор Михайлович, был назначен главным инспектором народных училищ Туркестанского края. Сам Александр Федорович с отличием окончил Ташкентскую гимназию в 1899 г., и в рассматриваемый нами период сумел убедить коллег, что является сведущим специалистом в проблемах Туркестана. О большом авторитете А.Ф. Керенского среди мусульман региона упоминал уже в эмиграции А.З. Валидов (осужденный в Стамбуле за пантюркизм!), отмечая близость Керенского и джадида М. Чокаева [4, с. 109].

Прежде чем отправиться в Туркестан, А.Ф. Керенский от имени членов Государственной думы отправил (24 июля 1916 г.) телеграмму на имя генерала М.В. Алексеева, начальника Штаба Верховного главнокомандующего. В ней содержалась просьба отсрочить призыв рабочих до окончания сбора хлопка, то есть до 1 ноября, т.к. в противном случае под угрозой гибели находится значительная часть стратегически важного урожая [23, с. 112]. 30 июля 1916 г. был объявлен указ об отсрочке мобилизации. Ход работы думской комиссии освещен начальником Туркестанского районного охранного отделения полковником Волковым. 15 августа 1916 г. в Ташкент в сопровождении Ш.З. Мухамедьярова и М. Чокаева (в качестве переводчика) прибыл депутат Думы М.-К.Б. Тевкелев, а 17 августа А.Ф. Керенский [23, с. 112].

17 августа 1916 г. М.-К.Б. Тевкелев, Ш. Мухамедьяров и М. Чокаев выехали в Самарканд. 22 августа А.Ф. Керенский покинул Ташкент и прибыл 23 августа в Джизак, где был встречен группой Чокаева. В тот же день Тевкелев и Керенский отправились в Самарканд. Вечером они выехали в Андижан. По дороге к ним присоединились задержавшиеся в Джизаке Чокаев и Мухамедьяров. 24 августа все прибыли в Андижан, где пробыли до 4 часов утра 26 августа. Затем названные лица отправились в город Коканд, а М. Чокаев направился в Ташкент. А.Ф. Керенский, М.-К.Б. Тевкелев и Ш. Мухамедьяров вернулись в Ташкент из Коканда 27 августа [15, с. 207–208]. В Анди-

жане и Коканде депутаты собирали вокруг себя большое количество народа и выступали с речами. Среди прочего, харизматичный Керенский вел политическую агитацию. Так, во время посещения джума-мечети в Андижане 25 августа Керенский попросил удалиться из мечети полицейских чинов. В ходе состоявшейся беседы депутаты выслушали собравшихся мусульман. В ответном слове Керенский представил себя и Тевкелева защитниками туркестанцев [15, с. 211].

Восстания в Туркестане и других регионах Азиатской России, вызванные действиями правительства, а также системный кризис империи, обостренный войной, должны были, по «пророческому» мнению депутата, закончиться революцией и сменой власти. Новая же власть (к которой, вероятно, Керенский относил и себя), основанная на выборах началах, будет соответствовать чаяниям населения национальных окраин. О себе он говорил, что готов для них работать так же, как и для своего народа. Завершился визит в Андижан званым ужином, на который собралось порядка 70 человек. Керенский использовал представившийся случай, чтобы декларировать идею создания в Туркестане земского и городского самоуправления. Находясь в Андижане, депутаты собрали обширную подборку жалоб местного населения для отправки в Петроград.

На следующий день, в Коканде, Тевкелев с Керенским приняли в гостинице представителей местной буржуазии, с которыми беседовали о необходимости реформ управления и избирательном праве. 27 августа депутаты прибыли в Ташкент, где продолжили принимать представителей от местного населения. Председатель Ташкентского комитета по отправке мобилизованных на тыловые работы У. Ходжаев организовал 30 августа в честь депутатов банкет, который посетило свыше 100 человек. Взаимные благодарности и заверения в наилучших намерениях депутатов, посулы скорого решения назревших проблем сопровождали мероприятие. В завершение Керенский выразил надежду на то, что «туземное» население в единении с прогрессивной частью русского общества пойдет по пути завоеваний лучших условий жизни, за которые борется Дума и вся культурная Россия [26, с. 81].

1 сентября 1916 г. торжественный банкет, правда, гораздо более скромный по размаху, организовали «коллеги» А.Ф. Керенского — адвокаты Ташкента. В своем интервью газете «Туркестанский курьер» Керенский отметил, что беспорядки завершились, в том числе и благодаря действиям нового генерал-губернатора. Последствия неверно истолкованных положений Высочайшего повеления удалось, по его мнению, преодолеть. Однако, Керенский умолчал о разрастающемся пожаре в Семиречье, которое депутаты так и не посетили. Идиллия

совместных застолий несколько отличалась от реальной обстановки. Наконец, 2 сентября Керенский выехал в Петербург, а на следующий день Тевкелев отправился в Уфу.

Таким образом, посещение думской комиссией Туркестана стало неким основанием, позволявшим местным общественным деятелям надеяться на положительное решение вопроса о представительстве делегатов от Туркестанского края в Думе на предстоящей парламентской сессии. На рассмотрение нижней палаты планировалось внести проект нового Положения об управлении Туркестанским генерал-губернаторством. Напомним, что проект объединенного положения краем и штаты по его управлению были подготовлены в канцелярии генерал-губернатора ещё в 1903 г. Министерство юстиции предлагало его отвергнуть уже тогда, но к 1907 г. проект рассматривался уже реформированным Советом министров [16, с. 230] и был возвращен на доработку.

Экономические проблемы местного населения были обусловлены и слабой юридической базой. Ещё в конце XIX в. русские консервативные публицисты видели проблему в нежелании российской власти «производить ни в какой области управления, т.е. ни в суде, ни в администрации, ни в поземельном пользовании никаких крутых поворотов». «Положение об управлении Туркестанским краем» 1886 г. поставило вопрос о поиске свободных государственных земель и юридическом закреплении за «туземцами» тех земель, которыми они владели фактически» [22, с. 19]. Вместе с тем, туркестанская администрация начала борьбу с захватами и «расхищением» государственных земель.

Во время посещения депутатами Туркестана У.А. Ходжаев появлялся в публичных местах вместе с А.Ф. Керенским и М.-К.Б. Тевкелевым. Близость к гостям из Петрограда расценивалась населением как признак значимости, осведомленности политика. Вследствие этого именно Ходжаев получал на свое имя большинство прошений туркестанцев. За год до событий, в 1915 г., на одном из закрытых заседаний Думы Керенский утверждал, что Туркестан и степные области это не Тульская и Тамбовская губернии, и на них можно смотреть так же, как англичане или французы смотрят на свои колонии. В этом смысле он мало отличался от русских консерваторов конца XIX столетия [22]. Через год после восстания, в августе 1917 г., будучи уже главой Временного правительства, А.Ф. Керенский на встрече с узбекской делегацией заявил, что, веря в преданность народов Туркестана России, не потерпит сепаратизма и примет против этого самые суровые меры.

Приведенный обзор историографии создает впечатление, что тему исследования можно счесть неплохо изученной и доступной лишь для новой интерпретации на основании «свежих» теоретических подходов. Однако подобное суждение весьма далеко от реального положения дел. Среди лакун источниковой базы отметим отсутствие в распоряжении исследователей материалов, собранных комиссией Керенского-Тевкелева. Загадкой для ученых остается крайне слабая подготовка и реализация Высочайшего повеления от 25 июня 1916 г. Несмотря на пристальное внимание исследователей, нет достоверного ответа на вопрос о количестве жертв событий с обеих сторон конфликта. Учитывая это, мы полагаем, что проблематика нуждается в дальнейшем комплексном исследовании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аршаруни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М.: Безбожник, 1931. 140 с.
2. Бедельбаев А. Б. Восстание 1916 года в Кыргызстане сквозь призму периодической печати 1991 г. // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. 2016. Т. 16. № 1. С. 201–205.
3. Бройдо Г. И. Восстание киргиз в 1916 г. М.: Научная ассоциация востоковедения при ЦИК СССР, 1925. 28 с.
4. Валидов А. З. Воспоминания. Борьба мусульман Татарстана и других восточных тюрок за национальное существование и культуру / под ред. С. М. Исакова; пер. В. Б. Феофановой. М.: [б. и.], 1997. 649 с.
5. Восстание 1916 г. в Средней Азии [С предисловием П. Г. Галузо] // Красный архив: Исторический журнал. 1929. Т. 3 (34). С. 39–94.
6. Восстание 1916 г. в Средней Азии. Сборник документов под ред. П. Г. Галузо. Ташкент: Госиздат УзССР, 1932. 175 с.
7. Восстание 1916 года в Киргизстане. Документы и материалы, собранные Л. В. Лесной. Под редакцией и предисловием Т. Р. Рыскулова М.: Соцгиз, 1937. 168 с.
8. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане / под ред. А. В. Пяковского. М.: Издательство АН СССР, 1960. 794 с.
9. Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном (К 100-летию Высочайшего повеления 25 июня 1916 г.): [коллективная монография] / [ред.-сост.: Т. В. Котюкова]. М.: Русский импульс, 2017. 528 с.
10. Галиева З. Восстание 1916 г. в Кыргызстане и Центральной Азии: новые подходы и интерпретации // Международное научное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии»: Сб. ст. Бишкек: Нео-Принт, 2017. С. 33–40.
11. Восстание 1916 года в Средней Азии: Сборник статей / П. Галузо, Ф. Божко; Среднеазиатский научно-исслед. ин-т истории революции при Средазбюро ЦК ВКП(б) (САНИИР). Москва; Ташкент: Саогиз, 1932. 96 с.

12. Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2008. 735 с.
13. Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв четвертый. Сессия IV. Т. 2. СПб.: Государственная типография, 1916. 684 с.
14. Джизакское восстание 1916 г. [С предисловием А. Шестакова] // Красный архив: Исторический журнал. 1933. Т. 5 (60). С. 60–91.
15. Докладная записка начальника Туркестанского районного охранного отделения М. Н. Волкова Туркестанскому генерал-губернатору А. Н. Куропаткину от 27 августа 1916 г. // Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: сб. документов и материалов. / Сост., авт. предисл., вступ. ст. и коммент. Т. В. Котюкова. М.: Марджани, 2016. С. 207–208.
16. Институт генерал-губернаторства и наместничества в российской империи: в 2 т. / Под общей редакцией В. В. Черкесова. Т. 1 / Научные редакторы тома Д. И. Луковская, Д. И. Раскин. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. 456 с.
17. Исакеев Б. Киргизское восстание 1916 года. Фрунзе: Киргосиздат, 1932. 24 с.
18. Какеев А. Ч. Восстание 1916 г.: к проблеме историографии и источниковедения // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. 2015. Том 15. № 5. С. 200–206.
19. Каппелер А. Россия — многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М.: Традиция — Прогресс: Традиция, 2000. 344 с.
20. Ковалев П. А. Народная борьба в 1916 г. и думские депутаты в Туркестане. Ташкент: Издательство САГУ, 1953. 84 с.
21. Ковалев П. А. Революционная ситуация 1915–1917 гг. и ее проявления в Туркестане. Ташкент: Фан, 1971. 268 с.
22. Котов А. Э. Экономическая политика в Кавказском регионе, Сибири и Средней Азии глазами русских консерваторов: 1894–1899 гг. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 9. С. 16–20.
23. Котюкова Т. В. Восстание 1916 г. в Туркестане: ошибка власти или историческая закономерность? // Обозреватель-Observer. 2011. № 8. С. 98–126.
24. Котюкова Т. В. «Мусульманский вопрос» в Туркестане в начале XX в. // Вопросы истории. 2010. № 9. С. 97–112.
25. Котюкова Т. В. Украина на особом положении: Туркестан в преддверии драмы. М.: НПК, 2016. 390 с.
26. Котюкова Т. В. Восстание 1916 г.: штрихи к историческому портрету // Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: сб. документов и материалов. / Сост., авт. предисл., вступ. ст. и коммент. Т. В. Котюкова. М.: Марджани, 2016. С. 24–105.
27. Локшин А. Из истории изучения восстания в Центральной Азии в 1916 году в советской и российской историографии. Некоторые особенности и характеристики // Международное научное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии»: Сб. ст. Бишкек: Нео-Принт, 2017. С. 19–32.
28. Моррисон А. Беженцы, реабилитация и «революционное» насилие после восстания 1916 года // Международное научное совещание «переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии»: сборник статей. Бишкек: Нео-Принт, 2017. С. 144–154.
29. Российский государственный исторический архив. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1802.
30. Российский государственный исторический архив. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1916-6.
31. Российский государственный исторический архив. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933А.
32. Россия накануне Первой мировой войны. Статистико-документальный справочник. М.: Самотека, 2008. 432 с.
33. Рыскулов Т. Р. Восстание туземцев Средней Азии в 1916 году // Очерки революционного движения в Средней Азии. Сборник статей. М.: Научная ассоциация востоковедения при ЦИК СССР, 1926. С. 46–122.
34. Рыскулов Т. Р. Из истории борьбы за освобождение Востока // Красный Восток. 1924. № 6. С. 270–274.
35. Рыскулов Т. Р. Восстание киргизов и казахов в 1916 году. Бишкек: Учкун, 1991. 112 с.
36. Сапаргалиев Г. С. Карательная политика царизма в Казахстане (1905–1917 гг.). Алма-Ата: Издательство «Наука» Казахской ССР, 1966. 376 с.
37. Среднеазиатское (Туркестанское) восстание 1916 г.: история в документах / [ред. совет: Какеев А. Ч. (гл. ред.) и др.]. Т. 3. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2016. 227 с.
38. Сулейменов Б. С., Васин В. Я. Восстание 1916 года в Казахстане: Причины, характер, движущие силы. Алма-Ата: Издательство «Наука» Казахской ССР, 1977. 164 с.
39. Турсунов Х. Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Ташкент: Государственное издательство Узбекской ССР, 1962. 428 с.
40. Усенбаев К. Восстания 1916 г. в Киргизии. Фрунзе: Илим, 1967. 327 с.
41. Усманова Д. М. Мусульманские представители в российском парламенте. 1906–1916. Казань: Фэн; Академия наук РТ, 2005. 583 с.
42. Устав о воинской повинности. М.: [б. и.], 1914. 560 с.
43. Ходяков М. В., Чжао Чжицин. Трудовая миграция китайцев в Россию в годы Первой мировой войны // Новейшая история России. 2107. № 1. С. 7–30.
44. Чеканинский Ив. Восстание киргиз-казахов и каракиргиз в Джетысуйском (Семиреченском) крае в июле-сентябре 1916 года (К материалам по истории этого восстания). Кызыл-Орда: Издательство Общества изучения Казахстана, 1926. 61 с.
45. Шестаков А. Восстание в Средней Азии в 1916 г. // Историк-марксист. 1926. № 2. 1926. С. 84–114.
46. Янченко Д. Г., Андреев А. А., Шорохов В. А. Выборы депутатов — «инородцев» от Средней Азии в Первую и Вторую Думы // Клио. 2017. № 12. С. 83–95.
47. Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета. Arcadii Nikolaevich Iachontov Papers, 1914–1936. Series I. Correspondence. Box I. Рукописные записи, сделанные А. Н. Яхонтовым в 1914, 1915 и 1916 г.
48. Central Asia. 130 years of Russian Dominance. A historical overview. Edited by Edward A. Allwort. London: Duke University Press, 1994. 650 p.
49. Sokol Edward Denis. The Revolt of 1916 in Russian Central Asia. Foreword by S. Frederick Starr. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2016. 187 p.
50. Sokol Edward Denis. The revolt of 1916 in Russian Central Asia. Baltimor: Johns Hopkins University Press, 1954. 216 p.

© Янченко Денис Геннадьевич (yanchenko@spbu.ru), Овсянников Дмитрий Владиславович (d.ovsiannikov@spbu.ru),

Шорохов Владимир Андреевич (v.shorohov@spbu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕТОДЫ АУДИРОВАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

THE METHODS OF AUDING IN PROSESS OF LEARNING ENGLISH

E. Bashilova

Summary. The article examines the methods of auding such as singing in English, watching English films, listening to dialogies in the process of learning English and how these methods can improve the language knowledge.

Keywords: auding, English language, phonetics, songs, films, the process of learning.

Башилова Елена Игоревна
К.филол.н., доцент, Московский Городской
Педагогический Университет
bashiloval@mail.ru

Аннотация. В статье идёт речь о использовании компьютерных технологий и аудирования при изучении иностранного языка. Эта методика является неотъемлемой частью познания современного мира. Для учащихся — это привычный опыт получения знаний, который улучшает лингвистические и фонетические навыки, обогащает словарный запас и повышает мотивацию к изучению иностранного языка.

Ключевые слова: аудирование, фонетические навыки, процесс обучения, лексический запас, песни, английский язык, перевод.

В современном мире коммуникаций и международного общения невозможно представить себе образованного человека, не владеющего иностранным языком. По данным международных организаций, более 60 процентов населения Земли говорит на английском языке или изучает английский язык. Вопрос овладения иностранным языком и преподавания его — один из самых важных в системе образования. Издаётся много учебников, но большинство из них основываются скорее на лингвистической базе, ли чем на языковой науке. И в значительной степени людям различных возрастов — маленьким и взрослым — предлагается для изучения одно и то же моделирование языка, хотя дети и взрослые совсем по-разному усваивают языковой материал в процессе обучения. Так, при изучении грамматики бывает трудно понять, по какому признаку составляется тот или иной учебник, каждый автор компоует темы по-своему. Учащийся отдельно воспринимает теорию и грамматические упражнения на закрепление материала, а потом уже запоминает лексику. Обучаемый чаще всего заучивает отдельные фразы, идиомы и пополняет свой лексический запас, но все это не соотносится с грамматическими правилами в его голове. Именно поэтому люди иногда изучают иностранный язык многие годы, а говорят на нем неправильно. А мы помним, что развитие языка все время продолжается, и мы должны следить за всеми изменениями, и в фонетике, и в грамматическом составе, а также за введением новых сленговых выражений и заимствований из других языков.

В этом контексте хотелось бы остановиться на проблеме использования аудиоматериалов — песен, фильмов и радио в изучении языка и в формировании фонетически правильного произношения, а также рас-

ширения лексического состава языка и использования грамматических идиом.

Конечно, как тут не вспомнить, что маленькие дети сначала слушают речь вокруг себя, а потом начинают говорить и лишь затем читать и писать. И это определенный порядок в овладении языком, в том числе иностранным. Как справедливо замечает в своей статье, посвященной использованию аудирования при обучении английскому языку, Е. А. Бирюкова: «Учителя должны больше направлять свою методику обучения английскому языку в русло аудирования не только, как вида речевой, но и как учебной деятельности, применяя для этого всевозможные технологии и упражнения для формирования слухо-произносительных и ритмико-интонационных навыков на английском языке. Ведь без овладения аудированием невозможно научиться владеть языком на том уровне, который необходим на современном этапе развития общества» [4: с. 83–85].

Поэтому надо помнить именно об этих важных элементах при обучении иностранному языку (которым очень часто не придают должного значения), то есть об аудировании, включая пение и музыкальные фильмы.

Эти элементы делают процесс обучения более радостным и веселым. Хотелось бы подчеркнуть роль пения и просмотра фильмов на занятиях по английскому языку, которые проводятся с учащимися. Введение в урок музыкальных прослушиваний неизменно пользуется успехом, так как все любят музыку, тем более что большинство популярных песен написано и исполняется на английском языке. Исполнение песен на английском языке создает радостную атмосферу в аудитории

и способствует развитию хороших отношений между обучаемыми и преподавателем. Студенты чувствуют себя более комфортно, практикуя свои языковые навыки среди членов своей группы, и развивают чувство общности и сопричастности. Конечно, пение предполагает элемент повтора, но не в утомительной и однообразной манере. Пение также способствует проявлению эмоций и чувств. Песни и музыкальные фильмы, которые также очень полезны в процессе обучения иностранному языку, интересны для совершенствования других аспектов обучения, таких как обогащение словарного запаса, усвоение определенных понятий и развития речевых навыков и языковой памяти, так как студенты при просмотре фильмов не всегда знают и понимают иностранные слова, но могут догадаться об их значении в контексте диалога между героями и также быстрее усвоить те или иные лексические выражения. Характерно, что фильмы на английском языке способствуют еще и ознакомлению с традициями и историей стран изучаемого языка, расширяют не только словарный запас, но и кругозор. Это легкое и доступное современное средство обеспечивает языковое развитие студентов. Пение на английском также поддерживает интерес студентов к изучению языка.

И, конечно, пение и просмотр фильмов позволяют им прикоснуться к миру искусства.

Вот, например, просмотр английского фильма «Моя прекрасная леди» дает студенту возможность познакомиться не только с фонетическими нюансами произношения в разных районах Лондона (начиная от рабочих кварталов до высших кругов общества), но и с прекрасными примерами интонационной структуры английского языка и с примерами фонетических упражнений для усвоения звуковых особенностей произношения. Также студент знакомится с чудесной драматургией английского классика Б. Шоу и узнает особенности традиций и уклада жизни Англии конца XIX века.

Говоря об использовании музыкальных элементов на уроках английского языка, важно помнить, что студентов слишком увлекает данный вид учебной практики, поэтому нужно останавливать пение на какой-то момент, чтобы проанализировать текст песни. В общем, исполнение песен может стать неотъемлемой частью занятий по английскому языку.

Основными принципами, на которых основывается использование музыки или песен в учебных целях, являются:

- ◆ необходимость учета вкусов студентов. Следует выбирать песни, которые они знают или любят. Иногда можно предоставить выбор песен студентам;

- ◆ учет уровня знания и владения английским языком. Выбор песни и составление заданий необходимо соотносить с возможностью овладения обучающимися новой информацией (количеством и сложностью лексического и грамматического материала, сокращениями и др.) и их профессиональной направленностью (содержанием);
- ◆ задания могут включать в себя работу со словарем, культурный или исторический аспект, составление рассказа по теме песни, введение в задание или дополнение его подробной информацией относительно композитора, поэта, певца, или повторение грамматики, отработка произношения и т.д. Полезно дополнительно обсудить образец задания и необходимый глоссарий;
- ◆ музыкальное произведение должно звучать несколько раз. Повторное прослушивание должно сопровождаться дополнительным заданием, что способствует успешному овладению новым материалом и последующей его отработкой и закреплению;
- ◆ целесообразно подготовить дополнительные темы, которые основываются на уже выполненных, например, обсудить устно или написать рецензию на музыкальное произведение, дать оценку автору, исполнителю, охарактеризовать жанр исполнения;
- ◆ наличие слуха при использовании музыкальной паузы не играет роли. Этот вид учебной деятельности представляет собой определенную релаксирующую часть занятия английским языком. Вовлекая студентов в этот особый разговорный процесс, не следует заставлять их петь! Некоторые студенты сначала стесняются, однако со временем пение становится привычным желанным делом даже для «непоющих» и «немузыкальных» студентов;
- ◆ данная форма овладения языком не должна превышать отведенное ей время или становиться основным занятием в ущерб другим эффективным приемам и методам преподавания английского языка. Длительная работа с музыкальным произведением может вызвать даже потерю интереса или отрицательную реакцию студентов.

Студенты, как правило, предпочитают современную музыку. Но известные народные песни являются тем страноведческим материалом, который способствует овладению не только языком, но и национально-культурной информацией. Народные песни знакомят студентов с уникальной историей и богатыми культурными традициями англо-говорящего мира. Эта музыка создавалась народом и для народа. Некоторым из этих баллад уже не один век, и они уводят слушателей вглубь истории, открывая исторические традиции и историю

возникновения тех или иных английских идиом и выражений. По содержанию часть из них представляет собой неповторимое соотношение слов — можно сказать нелепицу — «nonsense», другие наполнены смыслом и народным юмором или наивны по своему содержанию. Но в языковом контексте они все являются необходимым когнитивным материалом.

Музыкальная пауза может решать многие задачи. Например, используя песню Johnny Cash «You Are My Sunshine», можно эффективно ввести в активный запас студентов английские идиомы, связанные с погодой. Студентам предлагается краткая история песни и ее основная тема, связанная с отношением к погоде.

Студенты вспоминают другие песни о погоде на английском и русском языках. Выписывают новые слова и выражения, определяя их значение и особенности употребления. Далее прослушивают песню и поют сами. После этого предлагаются задания типа:

Similarities (сравнения). «Sunshine comes from the sun, which is round». What else can you think of that is round?

Practice saying «the sun is round and so is the ball». Студенты должны заменить слово a ball.

«You make me happy when skies are gray». What makes you feel happy when the skies are gray?

Студенты пишут пять предложений, потом читают их остальным членам группы.

«Weather Word» idioms. Read the list of following idioms below:

To be in a fog...; to be raining cats and dogs...; a fair-weather friend...; rain or shine...; stormy weather...; How many of them do you recognize?

Студенты пишут краткое определение идиом, которые кажутся им понятными. Затем студенты находят идиомы в предложенных предложениях и определяют их значение в тексте, переведя их. В конце данного задания формы представления нового материала студенты вспоминают эпизоды своей жизни, где выученные идиомы соответствовали бы характеру тех переживаний, а далее составляют краткий рассказ (3–5 предложений) и зачитывают его перед аудиторией.

Также можно предложить студентам для дальнейшего прослушивания известную песню Steve Wonder «I just called to say I love you». Слушая эту мелодичную песню, студенты не только могут подпевать простым словам о любви, но и запоминать произношение месяцев, дней и названия праздников на английском языке:

«No New Year's Day to celebrate
No chocolate covered candy hearts to give away
No first of spring, no song to sing
In fact here's just another ordinary day...
No April rain

No flowers bloom

No wedding Saturday within the month of June...»

Занимаясь на уроках аудированием, студенты не просто слушают песни на английском языке, но и пополняют свой лексический запас, легче усваивают фонетические трудности произношения английских фраз и выражений. Это дает возможность закрепить трудные для произношения слова. Вот мнение норвежского лингвиста У. Хультена, с успехом преподававшего начинающим английский, немецкий, французский и другие языки:

«В том, что касается новичков, я уже в 1960-х годах прекратил описывать звуки, то есть объяснять их произношение с точки зрения теории. Для начинающих гораздо важнее было имитировать мое произношение, уделяя особое внимание звукам, слогам, интонации, и проверять (по магнитофонным записям) свое впечатление, слушая носителей данного языка.

Уже после первых двух-трех уроков у большинства людей произношение в общих чертах было поставлено правильно. Дальше нужно было следить только за тем, чтобы его отдельные составляющие, в первую очередь интонация, не претерпели бы изменений к худшему» [3].

Изучение иностранного языка по песням, стихам и рассказам — это эффективный и интересный метод, который также позволяет перейти к освоению письменного перевода — так от текста к тексту, от песни к песне постепенно пополняется словарный запас и отрабатывается грамматика английского языка. На протяжении долгого времени и тренировок человек осваивает письменный перевод с английского на русский достаточно легко.

Конечно, еще раз важно отметить, что большую роль при обучении фонетики играет просмотр фильмов на английском языке. У студентов повышаются ритмико-интонационные навыки произношения, развивается правильная артикуляция. Просмотр зарубежного фильма с субтитрами не только формирует навыки правильного произношения, в свою очередь он тоже увеличивает словарный запас и расширяет культурологический потенциал учащегося.

И это, безусловно, один из эффективных способов, позволяющий понять и усвоить правильную речь носителя иностранного языка.

Студенты, в большинстве своем, положительно относятся к такому виду деятельности как аудирование и пение:

«Когда я слушаю песни и пою по-английски на занятиях, я чувствую удовлетворение и радость. Мне это интересно». А. Шульгина, 2-й курс ИГНиУ МГПУ.

«Благодаря пению и фильмам я открыл, что изучать английский язык можно весело!» А. Мусатов, 2-й курс ИГНиУ МГПУ.

«Я считаю, что пение является ценным помощником в изучении и понимании живого, реального английского языка». М. Милованова, 2-й курс ИГНиУ МГПУ.

В целом, использование аудирования в том или ином виде при изучении иностранного языка дает возможность улучшить и отработать следующие аспекты:

- ◆ Мелодика речи и интонация. Так многие люди, изучающие английский без общения в среде носителей языка, переносят на иностранную речь интонацию своего родного языка. Чтобы освоить другой язык в полной мере, надо знать не только грамматическую систему, но и общие правила произношения и лексику. Очень важно освоить также эмоциональную сторону коммуникации — то есть интонацию.
- ◆ Произношение. Несмотря на то, что англо-русские словари сопровождаются транскрипцией, далеко не все нюансы произношения можно передать с помощью графического воспроизведения звуковых особенностей. Многие фонетические моменты можно понять и прочувствовать лишь на практике, слушая много раз и повторяя слова и звуки.
- ◆ Полисемия. Английские слова, зачастую, имеют много значений и вариантов употребления в контексте. Аудирование и прослушивание песен — это один из способов, который помогает понять и выучить употребление слов в конкретной ситуации и в данном примере.
- ◆ «Языковая догадка». При общении на родном языке каждый человек способен легко воспол-

нить недостающую информацию на лексическом уровне. Точно такой же навык нужно приобрести при изучении иностранного языка. Еще очень важно — уметь догадаться о значении новой и незнакомой лексической единицы или идиомы из контекста, также благодаря пониманию структуры языка.

Так использование компьютерных технологий и аудирования при изучении иностранного языка является неотъемлемой частью познания современного мира. Для учащихся — это уже привычный опыт получения знаний, в ходе которого улучшаются лингвистические и фонетические навыки, обогащается словарный запас и растет мотивация к изучению иностранного языка.

Материал для подготовки музыкальных пауз в процессе обучения английскому языку широко представлен в сети Интернет:

- ◆ Teaching Language with Music. Режим доступа: <http://gs/fanshawec.on.ca/tlwm> использование музыки в обучении языку. Содержит большое количество заданий и обширный выбор библиографических источников для преподавателей. Есть записи мелодий песен, фотографии и графические ресурсы.
- ◆ International TESL Journal. Режим доступа: <http://iteslj.org/games>—международный журнал для преподавателей английского языка как второго.
- ◆ Karen's ESL Party land. <http://www.eslpartyland.com/teachers/nov/music.htm> — страна праздников Карен. Портал предлагает идеи и способы использования музыки на занятиях.
- ◆ <http://www.lyrics.com>: www.google.com — сайты содержат слова песен и мелодии online.

ЛИТЕРАТУРА

1. Old Favorites for All Ages: Songs for Learners of American English by Anna Maria Maillkos. United States Information Agency. 2004. С. 100–101.
2. The Sky Was Yellow the Sun Was Blue: Teaching English with American Traditional Music by Thomas A. Dorgan Jr. 2002. <http://www.freeplaymusic.com/>
3. Hulthen J. (Хультен У.) "Studier I Jam for and Nynor disk Syntax" I–II, Goteborg. 1944–1948.
4. Бирюкова Е. А. «Обучение аудированию на уроках английского языка в начальной школе», Педагогический журнал, № 6, 2015. С. 83–85.

© Башилова Елена Игоревна (bashiloval@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИННОВАЦИОННЫЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ ПРАВОВОЙ ПОДГОТОВКИ ВОЕННЫХ МЕДИЦИНСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В РАМКАХ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

INNOVATIVE AND SOCIO-CULTURAL ASPECTS OF LEGAL TRAINING OF MILITARY MEDICAL PROFESSIONALS IN THE FRAMEWORK OF ADDITIONAL PROFESSIONAL EDUCATION

A. Efremov

Summary. The article deals with the problem of improving the legal training of military medical specialists in the framework of additional professional education. Particular attention is paid to the expansion of the spectrum of independent activity of students, improving the level and quality of educational self-control, the introduction of innovative methods and techniques of development of legal competence, which determine the competitiveness and optimal adaptation in society as active military medical professionals and doctors who left military service.

Keywords: legal training, military medical specialist, additional education, pedagogical innovations, competitiveness, society.

Ефремов Андрей Александрович

С.н.с., Военно-медицинская академия имени
С. М. Кирова (г. Санкт-Петербург)
efrandrew@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрена проблема совершенствования правовой подготовки военных медицинских специалистов в рамках дополнительного профессионального образования. Особое внимание уделено вопросам расширения спектра самостоятельной деятельности слушателей, повышения уровня и качества образовательного самоконтроля, внедрения таких инновационных методов и приёмов развития правовой компетентности, которые обуславливают конкурентоспособность и оптимальную адаптацию в социуме как действующих военных медицинских специалистов, так и врачей, оставивших военную службу.

Ключевые слова: правовая подготовка, военный медицинский специалист, дополнительное образование, педагогические инновации, конкурентоспособность, социум.

Проблема совершенствования правовой подготовки военных медицинских специалистов в рамках дополнительного профессионального образования актуализирована рядом государственных документов в области образовательной политики Российской Федерации, а также требованиями социума к непрерывности образования («обучение через всю жизнь» — lifelong learning) и конкурентоспособности специалистов.

В первую очередь речь идёт о единых Федеральных образовательных стандартах, связывающих военные, военно-медицинский и медицинские вузы в единую образовательную среду. Немаловажную роль играют также Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 1 июля 2013 года № 499 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по дополнительным профессиональным программам» [1], Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 11 ноября 2013 г. № 837 «Об утверждении Положения о модели отработки основных принципов непрерывного медицинского образования для врачей-терапевтов участковых,

врачей-педиатров участковых, врачей общей практики (семейных врачей) с участием общественных профессиональных организаций» [2], Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 2 июня 2016 г. № 334н «Об утверждении положения об аккредитации специалистов» [3].

В связи с этим встаёт вопрос о повышении качества правовой подготовки как части общей профессиональной компетентности военных медицинских специалистов, которую мы связываем: 1) с усвоенными правовыми знаниями, навыками, умениями, с расширением нормативно-правового поля профессиональной деятельности; 2) с формированием правового сознания личности, принятием и воспроизведением в практической деятельности морально-этических норм и ценностей правового сознания и правовой культуры; 3) с осознанной мотивацией к правовому самообразованию и саморазвитию.

Последняя компонента профессиональной компетенции соотносится нами с расширением доли, повышением уровня и качества самостоятельной работы слушателей в рамках правовой подготовки на основе

дополнительного образования. Анализ научно-педагогической литературы свидетельствует о признании большой роли самостоятельной работы слушателей в построении собственного профессионального плана, профессионально-личностного самосознания на основе корреляции личностного стремления к повышению уровня профессиональной компетентности с квалификационными требованиями (в том числе в рамках государственной аккредитации), а также с требованиями социума. В этом плане значимы идеи непрерывности педагогического образования (А.А. Вербицкий, О.С. Газман, М.Р. Гинзбург, А.В. Усова и др.); системности дополнительного профессионального образования (М.А. Арианский, Т.Н. Мальковская, С.Г. Молчанов, Н.С. Пряжников и др.); расширения спектра самообразовательной инновационной деятельности (В.И. Загвязинский, А.В. Мудрик, М.М. Поташник, С.Н. Чистякова, Т.И. Шамова и др.).

Наиболее интересными в рамках решения проблемы повышения качества правовой подготовки военных медицинских специалистов на основе дополнительного профессионального образования представляют идеи такого активно развивающегося в западной педагогике направления, как хьютагогика, или наука о самообразовании, о путях самостоятельного обучения [4]. По справедливому замечанию известного зарубежного специалиста по хьютагогике Н. Каннинга, рост самостоятельности и зрелости обучающегося органично связан с уменьшением доли «ретрансляции» знаний и контроля со стороны педагогов в образовательном процессе, с предоставлением большей свободы для осмысления и формирования собственной образовательной траектории [5].

Из отечественных исследователей наиболее близкая позиция представлена в работах И.А. Зимней, которая считает важнейшими условиями самостоятельной образовательной деятельности осознанность и самоконтроль [6]. При этом учёный называет самостоятельную работу «внутренне мотивированной деятельностью», а самоконтроль связывает с проявлением активности и ответственности обучающегося за ближайшие и отдаленные последствия выбранной траектории образовательной деятельности (в том числе, в рамках дополнительного профессионального образования).

В связи с отмеченными концептуальными положениями и идеями, рассмотрим самостоятельную деятельность военных медицинских специалистов по повышению правовой компетентности в рамках инновационного и социокультурного подходов к реализации дополнительного профессионального образования, в том числе осуществляемого на базе Военно-медицинской академии имени С.М. Кирова.

Инновационный подход к организации самостоятельной деятельности в контексте совершенствования правовой подготовки военных медицинских специалистов, на наш взгляд, связан с понятием инновационной деятельности, обуславливающей формирование продуктивных исследовательских, информационно-аналитических и практико-ориентированных творческих навыков в рамках целенаправленного самообразования. Данный подход, на наш взгляд, обуславливает обращение к потенциалу неформального обучения, использованию его элементов в образовательном процессе.

Не ставя перед собой цель глубокого анализа содержания и направлений развития неформального обучения, отметим, что в отечественном научно-педагогическом дискурсе оно выступает видом образования, которое, не будучи оформленным институционально и документально, реализуется личностью в рамках собственного образовательного плана повышения профессионального мастерства [7]. Неформальное обучение и обусловлено личной заинтересованностью человека, профессионала, в получении какой-либо дополнительной информации (в рамках исследуемой проблемы — актуальной информации правового характера), потребностью решения той или иной профессиональной задачи.

Совершенно очевидно, что именно правовые аспекты медицинской деятельности нуждаются в наиболее качественном ознакомлении с ними специалистами, в постоянной актуализации правовой информации, что может быть обеспечено использованием современных информационных систем, в том числе, обращением к электронным справочным правовым системам (к комплектам «ГАРАНТ-Классик», «Система Гарант»). Важную роль при этом играют информационные подборки, составляемые на основе важнейших нормативных актов, регулирующих деятельность военного медицинского специалиста, а также обращение к ресурсам электронных юридических библиотек, электронных журналов («Кодекс», «Правоман», электронной версии газеты «Правовая культура») и др. Использование компьютерных технологий и справочно-правовых систем мы также связываем с обеспечением межпредметных связей в рамках дополнительного профессионального образования военных медицинских специалистов, с возможностями оперативного доступа к правовой информации, необходимой для анализа проблемных ситуаций.

Не секрет, что стремительное развитие современных информационных технологий, появление телефонов и планшетов новых поколений позволяет создавать интерактивную образовательную среду, в которой реализуются возможности не только обмена информацией между обучающимися, но и возможности быстрого доступа к справочным и методическим материалам правового характера в любое удобное время и в любом месте [8].

При этом совершенствование методов и приёмов самостоятельной работы слушателей, погружение в виртуальную образовательную среду требует от них в контексте информального обучения умений целенаправленной работы с правовыми источниками. Поэтому, осуществляя дополнительное профессиональное образование военных медицинских специалистов, мы формировали умения, связанные с вдумчивым прочтением нормативно –правовых актов. В частности, был разработан алгоритм анализа информационного контента документов, представленных на правовых порталах. В онлайн-режиме слушатели выполняли ряд поэтапных действий, которые формировали осознанный подход к восприятию документа, несущего правовую информацию:

- ◆ умения корректного копирования и оформления документа, связанные с полным и точным воспроизведением его названия, вида и сроков действия;
- ◆ умения вдумчивого прочтения документа, что связано с пониманием адресности документа, его сути, с анализом структурных блоков (частей, статей, положений); вычленением основных идей документа;
- ◆ умения, свидетельствующие о понимании значения полученной правовой информации, роли нормативно-правового акта в практической профессиональной деятельности (принятая слушателем тематическая маркировка документов, умения классификации и архивирования, составление собственного мини-справочника и т.п.)

Такой подход к самостоятельному анализу нормативно-правовых актов способствует, на наш взгляд, развитию универсальных компетенций по работе с информацией: осознанному восприятию новой информации, поступающей из различных источников и в различных формах; автоматизированному осуществлению логических операций анализа, сравнения, обобщения и т.п.; усовершенствованию приёмов запоминания материала; самоконтролю периодичности обращений к актуализированной информации правового характера.

Ещё одним инновационным видом самостоятельной работы слушателей в рамках информального обучения считаем реализацию возможностей профессиональных сетевых сообществ врачей, военных медицинских специалистов в рамках обсуждения и онлайн-разбора тех или иных проблемных правовых ситуаций. Это способствует более полному обеспечению информационной поддержки; повышению эффективности использования методических и информационных ресурсов; расширению возможностей упреждения врачебных ошибок, в том числе на основе объединения усилий членов сетевого сообщества; повышению мотивации к развитию правового сознания в рамках коллективной творческой рабо-

ты (в том числе и при создании общего сетевого продукта); развитию навыков позитивной коммуникации.

Немаловажное значение также играет совместное участие в онлайн-конференциях по проблемам медицинского права, организации общественного здоровья, аккредитации медицинских специалистов, биоэтики, гуманитарных вопросов военной медицины; запись на виртуальные мастер-классы, самостоятельное онлайн-тестирование; реализация возможностей вступления в непосредственный контакт с отечественными и зарубежными специалистами, имеющими собственные сетевые странички и блоги; получения онлайн-консультаций у практикующих юристов и т.п.

Отмеченные направления реализации инновационного подхода к организации самостоятельной деятельности в контексте совершенствования правовой подготовки военных медицинских специалистов обуславливают требования к методической обеспеченности процесса со стороны преподавателей кафедр вуза, что мы связываем:

- ◆ с необходимостью поддержания актуальном состоянии информационных ресурсов, сгруппированных по наиболее важным правовым проблемам, затрагиваемым при преподавании дисциплин, обеспечиваемых кафедрой (представлено на страничке кафедре или отдельным разделом на сайте вуза);
- ◆ со своевременным представлением информации о научных конференциях по правовой и медицинской тематике, об онлайн-семинарах, о выходе статей, книг и т.п.;
- ◆ с организацией кафедрой онлайн-обсуждения проблемно-правовых вопросов;
- ◆ с разработкой материалов для самостоятельного онлайн-тестирования слушателями и др.

Большое значение имеет также подготовленность преподавателей и методистов кафедр вуза к решению вопроса развития виртуальной образовательной среды для организации самостоятельной деятельности слушателей, в том числе адаптация интерфейса и визуализация онлайн версий учебных электронных и справочных материалов под мобильную платформу, грамотная разработка удобных в пользовании электронных ресурсов: электронных книг, справочников, документов, мобильных приложений и т.п.

Ещё одним значимым подходом к организации самостоятельной деятельности военных медицинских специалистов по повышению правовой компетентности мы считаем **социокультурный подход**. Не секрет, что подлинную роль и ценность дополнительного профессионального образования учёные связывают с совершен-

ствованием профессиональной компетентности специалиста, развивающей его потенциал востребованности и конкурентоспособности на рынке труда. В этой связи уже отмеченный нами вид неформального обучения, реализуемого в рамках сетевого сообщества, выступает фактором непрекращающегося профессионально-личностного самоопределения в социуме и тех военно-медицинских специалистов, которые по тем или иным причинам оставили службу в армии (выход на пенсию, болезнь и др.). Учёными-исследователями подчёркивается, что сетевая организация совместной деятельности рассматривается на современном этапе как наиболее актуальная, оптимальная и эффективная форма самообразования для достижения целей профессиональной конкурентоспособности и социальной востребованности [9].

Ещё одним важным аспектом реализации социокультурного подхода при организации самостоятельной работы военных медицинских специалистов в рамках дополнительного профессионального образования является повышение правовой компетентности не только действующих офицеров медицинской службы, но, также, офицеров оставляющих военную службу, так как данная категория граждан, как правило, продолжает трудиться в качестве руководителей тех или иных подразделений и организаций медицинского, военного и социального профиля. Не секрет, что полученная в стенах Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова высокая профессиональная подготовка военных медицинских специалистов, сформированные личностные качества офицера и гражданина в сочетании с осознанием высокой гуманной миссии врача обуславливают их востребованность в системе организации здравоохранения, а также в других сферах управленческой деятельности.

Это ставит вопрос о введении в круг самостоятельно изучаемых (на основе неформального обучения) тем в контексте дополнительного образования вопросов правового обеспечения менеджмента здравоохранения, что является неотъемлемой частью компетентности современного управленца. Постоянное обновление правовой информации в этой связи является залогом повышения качества работы руководителя. По наблюдениям отдельных исследователей, проведённые в 2017 году опросы заведующих отделениями медицинских орга-

низаций свидетельствуют о явном дефиците правовых знаний при решении вопросов привлечения финансовых средств, организации закупок, взаимодействиями с вышестоящими инстанциями, применения новых технологий лечения, работы с кадрами, взаимодействия с органами медицинского страхования [10].

Исходя из того, что для решения данной социальной проблемы — проблемы подготовки руководящих кадров из числа военно-медицинских специалистов (действующих и собирающихся по тем или иным причинам оставить военную службу) — не применяются отдельные подходы, считаем необходимым реализовать аспект формирования правового сознания и правовой культуры будущего руководителя в рамках организации самостоятельной работы слушателей на основе отмеченных нами видов и направлений неформального обучения.

Таким образом, на наш взгляд, можно утверждать, что одним из важнейших направлений решения проблемы повышения качества правовой подготовки военных медицинских специалистов в рамках дополнительного профессионального образования является целенаправленное стимулирование и соответствующее методическое обеспечение самостоятельной работы слушателей как части неформального обучения на основе реализации инновационного и социокультурного подходов.

Считаем, что организация самостоятельной работы в рамках неформального обучения будет способствовать «опережающему» развитию правового сознания слушателей, повышения правовой информированности; что, в целом, очень важно не только для решения ситуативных правовых проблем в профессиональной сфере, но и для подготовки к аттестации, наработки собственного инновационного опыта правовой осведомленности и конструктивного применения системы правовых знаний и умений на практике. Это имеет также большое значение в рамках трансформаций социокультурной ситуации в обществе, так как выступает фактором профессионального и карьерного роста, условием обеспечения социальной гарантии трудоустройства и конкурентоспособности на современном рынке труда военных медицинских специалистов, по возрасту, состоянию здоровья и другим причинам оставляющим военную службу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 1 июля 2013 года № 499 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по дополнительным профессиональным программам» (с изменениями и дополнениями) — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://base.garant.ru/70440506/>
2. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 11 ноября 2013 г. № 837 «Об утверждении Положения о модели отработки основных принципов непрерывного медицинского образования для врачей-терапевтов участковых, врачей-педиатров участковых, врачей общей практики (се-

- мейных врачей) с участием общественных профессиональных организаций» (с изменениями и дополнениями) — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.rosminzdrav.ru/documents/8961>
3. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 2 июня 2016 г. № 334н «Об утверждении положения об аккредитации специалистов» — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.kormed.ru/articles/normativno-pravovye-akty/meditsinskie-kadry/kvalifikatsionnye-trebovaniya-i-kvalifikatsionnye-kharakteristiki-meditsinskikh-rabotnikov/pdf/ot_02.06.2016_N_334n.pdf
 4. Kenyon, C. Andragogy and heutagogy in postgraduate work / C. Kenyon, S. Hase; ed. by T. Kerry // Meeting the challenges of change in postgraduate education. — London: Continuum Press, 2010. — P. 165–177.
 5. Canning, N. Playing with heutagogy: Exploring strategies to empower mature learners in higher education / N. Canning // Journal of Further and Higher Education. — 2010. — № 34 (1). — P. 59–71.
 6. Зимняя, И. А. Педагогическая психология: учеб. для студ. вузов, обучающихся по педагогическим и психологическим направлениям и специальностям. 2-е изд., доп., испр. и перераб. / И. А. Зимняя. — М.: Логос, 2005. — 382 с.
 7. Окерешко, А. В. Стимулирование педагогов к информальному образованию в процессе повышения их квалификации: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Окерешко Анна Валентиновна. — Великий Новгород, 2016. — 25 с.
 8. Пригожина, К. Б. Виртуальная образовательная среда как средство повышения конкурентоспособности образовательных программ вуза / К. Б. Пригожина, К. В. Тростина // Образование и наука. — 2017. — Т. 19. — № 5. — С. 166–186.
 9. Дунаева, Т. Ю. Социальные сети как важный компонент образовательной деятельности / Т. Ю. Дунаева // Вестник современной науки. — 2017. — № 3. — С. 30–32.
 10. Мирошникова, Ю. В. Обоснование направлений дополнительного образования заведующих отделениями медицинских организаций / Ю. В. Мирошникова // Электронный научный журнал «Социальные аспекты здоровья населения». — 2017. — № 1 (53) — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/811/30/>

© Ефремов Андрей Александрович (efrandrew@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Военно-медицинская академия имени С.М. Кирова

К ВОПРОСУ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ УЧАЩИХСЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ НА ОСНОВЕ ТЕОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ УМСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Капустин Евгений Сергеевич

Аспирант, ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет» г. Улан-Удэ
mr_kesport@mail.ru

TO THE QUESTION OF IMPROVEMENT OF PHYSICAL FITNESS OF PRIMARY SCHOOL STUDENTS BASED ON THE THEORY OF FORMATION OF MENTAL ACTIONS

E. Kapustin

Summary. The article deals with the main aspects of the scientific and pedagogical experiment conducted in the framework of the innovative model of improving the quality of the educational process in physical education in primary school. The model is based on the application of the theory of gradual formation of mental actions for teaching motor actions of primary school students. The short results of experimental studies are presented. The brief conclusions obtained in the analysis of the experiment are described.

Keywords: motor actions, the theory of gradual formation of mental actions, quality, efficiency, skill.

Аннотация. В статье рассматриваются основные аспекты научно-педагогического эксперимента, проведенного в рамках реализации инновационной модели повышения качества образовательного процесса по физической культуре в начальной школе. Модель основана на применении теории поэтапного формирования умственных действий для обучения двигательным действиям учащихся начальной школы. Представлены краткие результаты экспериментальных исследований. Описаны краткие выводы, полученные при анализе проведенного эксперимента.

Ключевые слова: двигательные действия, теория поэтапного формирования умственных действий, качество, эффективность, навык.

Введение

Повышение качества образования является наиболее актуальной задачей в последние десятилетия. Качество образования является показателем, индикатором социально-культурной ситуации в современном обществе. В целом, понятие «качество образования», «повышение качества образования» — является основой для проведения современных научных разработок и исследований. Физическая культура и процесс физического воспитания в современной школе являются неотъемлемыми частями образовательного процесса, поэтому улучшение структуры образования в данном направлении, является особенно актуальным.

При изучении современных методик, научных разработок, я столкнулся с тем, что при внедрении их в современную школу возникает острый вопрос о финансировании таких разработок. Это инновационные технологии (чипирование инструментов для выполнения физических упражнений, изготовление снарядов, лабораторные исследования и пр.), которые вызывают огромный

интерес у современных преподавателей, но и в то же время осознание того, что использование таких разработок в средних образовательных учреждениях фактически не представляется возможным.

Кроме того, современная система образования, принятая и введенная в школе, позволяет обращаться и к тем методам и методикам, которые разрабатывались на протяжении длительного времени специалистами физической культуры (Матвеев Л.П., Бондаревский Е.Я., Филин В.П., Бальсевич В.К. Виленский М.Я. и др.), а к ним возможно применение педагогических технологий, основанных на учениях Гальперина П.Я., Талызиной Н.Ф. и др.

При формировании научной гипотезы для выполнения моей работы, основным принципом ее применения являлось повышение качества образования в процессе физического воспитания, и наряду с этим — возможность применения разработанной методики, ее доступность для каждого практикующего педагога, т.е. разработка такой модели, которая бы работала независимо от финансовой составляющей.

Таблица 1. Характеристика уровня физической активности школьников
(2 класс общеобразовательная школа)

Упражнение (2 класс)	Кол-во обучающихся, чел	«3»	«4»	«5»
Прыжок в длину с места	29	18	9	2
Подтягивание в висе (мал)/ в висе лежа (дев)	12+17	7	7	-
Процент выполнения	%	43	28	3

Таблица 2. Характеристика уровня физической активности школьников
(3 класс общеобразовательная школа)

Упражнение (3 класс)	Кол-во обучающихся, чел	«3»	«4»	«5»
Прыжок в длину с места	32	15	15	2
Подтягивание в висе (мал)/ в висе лежа (дев)	17+15	15	3	-
Процент выполнения	%	47	28	3

Построение эксперимента. Результаты работ.

Проведение эксперимента в начальной школе было вызвано тем, что именно в начальной школе должно закладываться правильное отношение к физической культуре и понимание того, что с этого возрастного периода и должен закладываться фундамент для повышения и устойчивого удержания качества в процессе обучения физической культуре. Для младших школьников предмет физической культуры является достаточно сложным в связи с тем, что на уроках необходимо выполнять большое количество сложных упражнений. Необходимо научиться выполнять новые двигательные действия, а основной задачей обучения здесь становится — научить «быстро и качественно», то есть построить процесс обучения так, чтобы полученную информацию обучающиеся могли применить в любое последующее время, без опоры на дополнительные ориентиры, не затрачивая времени на повторение, сформировав, тем самым, устойчивый навык.

По результатам проведенного наблюдения в рамках выполнения научной работы, и проведения занятий по физической культуре в школе были сделаны следующие выводы: только половина обучающихся начальной школы (занятия проводились во втором и третьем классе общеобразовательной школы, количество учащихся в классах — 61 человек), способны выполнить поставленную задачу на уроке физической культуры удовлетворительно.

При выполнении наблюдения экспериментальная методика не внедрялась. Наблюдение было проведено в целях выявления проблем в образовательном процессе и как материал для аналитического сравнения с результатами работы, полученной в группах, где

экспериментальная методика была внедрена. По данным, полученным в ходе наблюдения установлено, что и во втором, и в третьем классах, высокий уровень при выполнении упражнения «Прыжок в длину с места» имеют только 3% обучающихся, а упражнение «Подтягивание в висе (мал)/ в висе лежа (дев)», выполнено учащимися вообще не было.

Кроме того, необходимо отметить, что выполнение упражнения, в точное его оценивание было сведено только к количественной оценке, к количеству раз, к длине прыжка. Оценка за технику выполнения упражнения не учитывалась. Так, при выполнении упражнения у учащихся вырабатывается неправильный навык, неверная оценка выполняемых действий. Учащийся запомнил, что он подтянулся «с раскачкой», но он один из группы выполнил требуемое количество раз это упражнение и получил «отлично». При выполнении комплекса двигательных действий, исполняя заданное упражнение, учащийся допустил грубые технические ошибки, при которых в старшей школе оценка за выполнение будет снижена, упражнение будет не зачтено. При этом, навык у учащегося сформировался. Его он и будет использовать при выполнении данного упражнения в дальнейшем. Время, используемое, на получение такого навыка затрачено, упражнение оценено, но о качестве образования говорить не приходится. Тренируя факультативную группу по пожарно-прикладному спорту, и до начала работы над методикой, мною был сделан неутешительный вывод: набрав учащихся 8–9 классов, я напрямую столкнулся с проблемой отсутствия навыков двигательных действий: неверный, не техничный старт при беге на короткие дистанции, техника бега оставляет желать лучшего, подтягивание в висе на перекладине вообще не выполнимо. Все ребята при этом имеют хорошие и даже высокие оценки по физической культуре в школе.

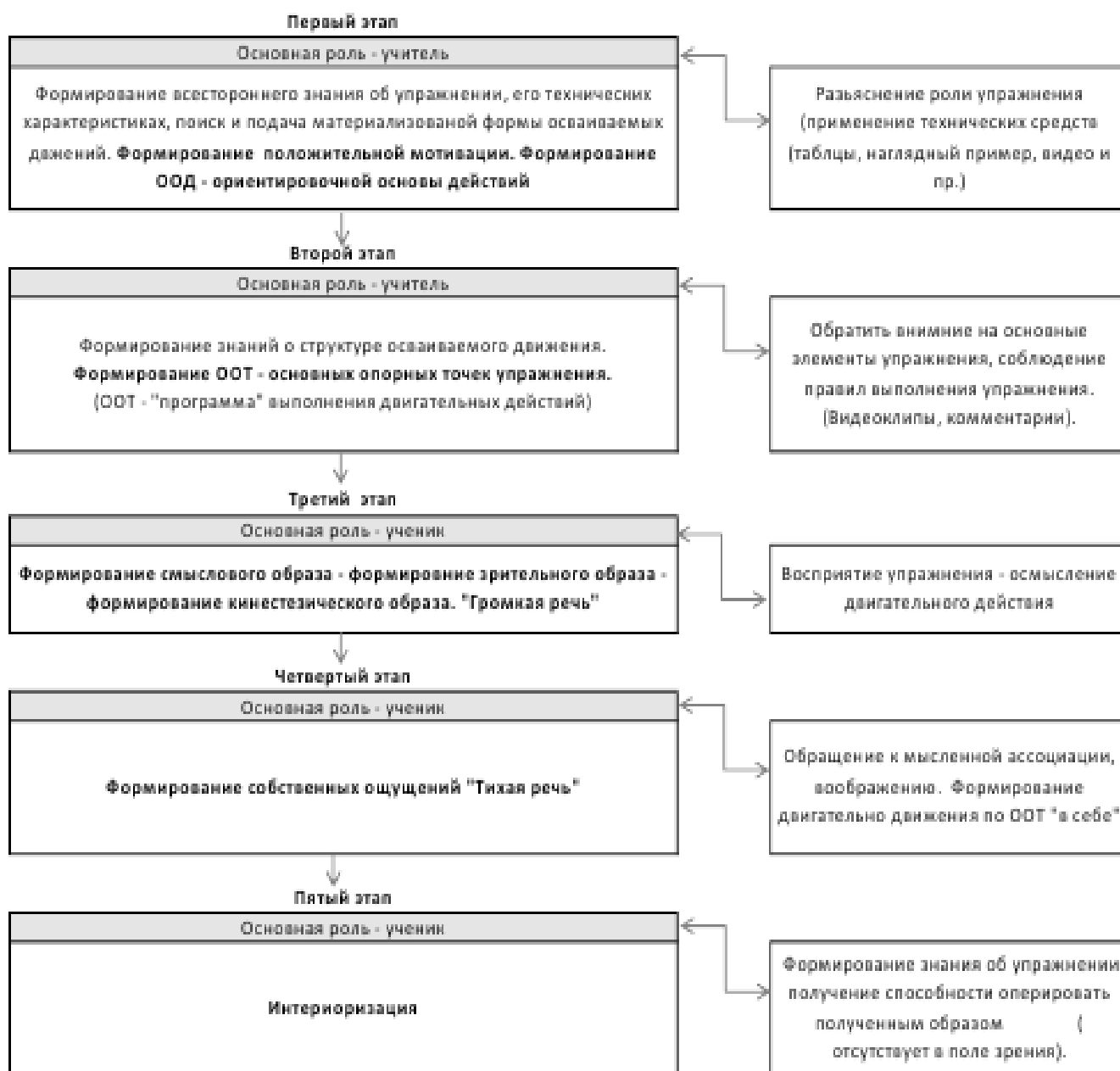

Рис. 1 Блок-схема реализации этапов обучения двигательным действиям.

Очень важно, при обучении физической культуре школьников, именно в начальных классах, уделять значительное внимание качеству выполнения упражнений, на которое, к сожалению, уделяется очень незначительное внимание. Поэтому, при разработке модели обучения двигательным действиям мною была выбрана именно начальная школа.

Для качественного выполнения двигательных действий, так, чтобы их выполнение было высоко эффективным и несло заложенный в него положительный эффект, выполнение двигательного действия должно основываться

на четко сложное и осознанное умственное представление о его выполнении. При формировании целей и задач и для выполнения эксперимента мною были изучены психолого-педагогические основы формирования готовности детей 7–10 лет к обучению двигательным действиям. Так, Е. А. Аркин отмечает, что двигательная деятельность младшего школьника играет исключительную роль в сфере его физической жизнедеятельности. Все, что происходит именно в этот возрастной период посредством движений позволяет осознать себя, самореализоваться. И именно в этом возрасте школьник способен к освоению новых двигательных действий.

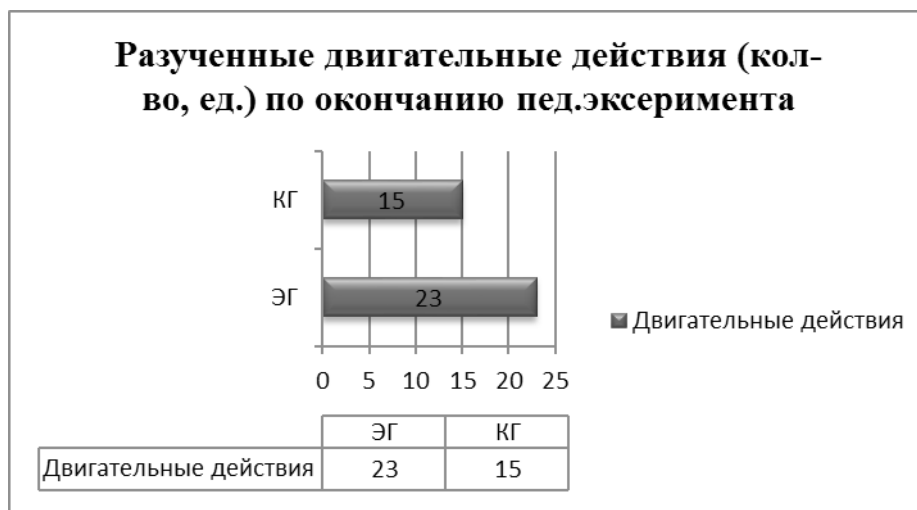

Рис. 2. Сравнительная характеристика количества разученных двигательных действий в контрольной и экспериментальной группах

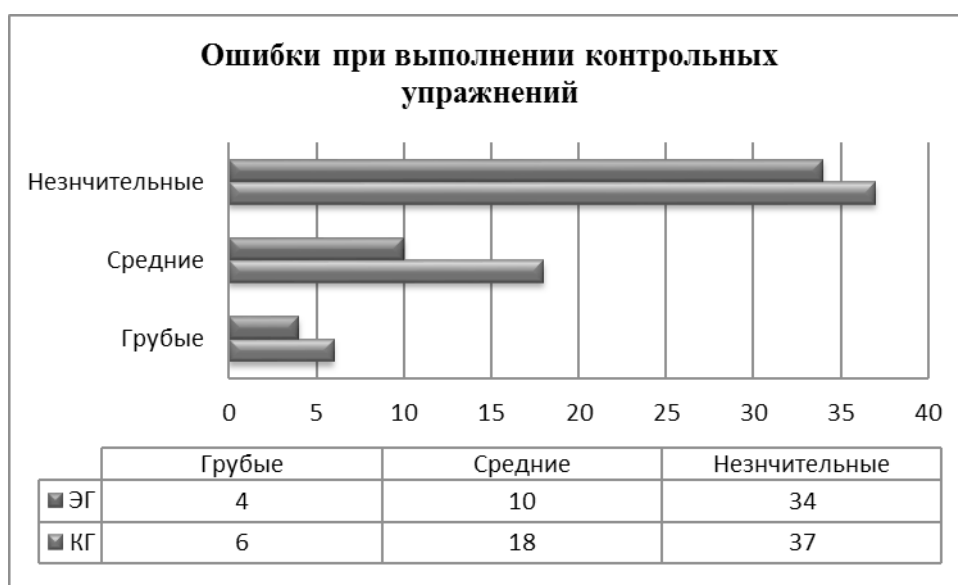

Рис. 3. Показатели качества выполнения двигательных действий

Таким образом, изученная теория и научные разработки еще раз подтвердили правильность формирования методики поэтапного формирования умственных действий, как основы обучения двигательным действиям начальных школьников.

Целью моей работы стало разработать и экспериментально обосновать эффективность педагогической модели обучения двигательным действиям учащихся начальных классов на основе положений теории поэтапного формирования умственных действий, основной задачей — разработать модель обучения двигательным

действиям с применением положений теории поэтапного формирования умственных действий.

Для оценки подготовленной модели, мною был проведен педагогический эксперимент на базе общеобразовательной школы. Эксперимент был внедрен при обучении упражнениям легкой атлетики в третий и четвертый классы начальной школы. Мною были сформированы контрольная и экспериментальная группы в каждой параллели. В эксперименте приняло участие 130 учеников. Целью эксперимента было доказать эффективность применяемой модели, а именно формирование двига-

тельного навыка учащихся на основе теории поэтапного формирования умственных действий.

Обучение двигательным действиям в экспериментальной группе проводилось с применением разработанных рекомендаций: выделения ряда этапов, реализация которых, будет способствовать формированию устойчивых навыков при обучении двигательным действиям.

Пятый этап — процесс интериоризации особенно важен. Интериоризацией называют формирование внутренних структур человеческой психики, посредством усвоения внешней социальной деятельности. В нашей модели, при формировании умственного действия этот этап становится основой для правильного формирования двигательного действия. Происходит процесс получения жизненного опыта, а именно опыта выполнения двигательного действия и осознания в нем себя, самореализация и самовыражение. Именно здесь двигательное действие становится достоянием разума. Благодаря интериоризации психика человека приобретает способность оперировать образами предметов, движений, которые в данный момент отсутствуют в его поле зрения.

В ходе обработки полученных в результате опытно-экспериментальной части данных, сравнивая результаты экспериментальной и контрольной групп, стало установление того факта, что правильная последовательность выполнения основных опорных точек упражнения имеет большое значение для формирова-

ния навыка двигательного действия. Время, затраченное на реализацию подготовительных этапов при выполнении упражнений возросло, однако полностью подтвердилась рабочая гипотеза о формировании ориентировочной основы двигательного действия — как высокоэффективного ориентира при выполнении и разучивании спортивных упражнений. Так, практически исключены нерациональные двигательные действия, а полученный «мыслеобраз» позволяет сформировать устойчивый навык выполнения двигательного действия. По сравнению с контрольной группой, полученные в экспериментальной группе данные свидетельствуют о положительном опыте применения модели.

Заключение

Таким образом, полученные в ходе педагогического эксперимента данные, продемонстрировали более качественное освоение детьми экспериментальной группы упражнений, и подтвердили эффективность предложенной модели. Обучение двигательным действиям на основе предложенной методики дает положительные результаты при соблюдении основных этапов образовательного процесса: формирования положительной мотивации (формирования ООД), выделения ООТ, и процессу интериоризации. Обучение двигательным действиям учащихся начальных классов на основе теории поэтапного формирования умственных действий позволит преподавателю более качественно представлять информацию, а учащемуся формировать устойчивый навык выполнения упражнений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боген, М. М. Обучение двигательным действиям / М. М. Боген, М. В. Боген // Детский тренер. — 2008. — № 4. — С. 78–96.
2. Бальсевич, В. К. Спортивный вектор физического воспитания в российской школе: монография / В. К. Бальсевич. — Москва: АСТ, 2006. — 112 с.
3. Волков, Л. В. К проблеме развития двигательных способностей / Л. В. Волков // Теория и практика физической культуры. — 2003. — № 5–6. — С. 41.
4. Воронина, Г. А. Двигательная активность и здоровье детей младшего школьного возраста / Г. А. Воронина, Т. В. Малых, М. С. Авдеева. — Киров: Издво ВГГУ, 2007. — 120 с.
5. Выготский, Л. С. Лекции по педагогике / А. С. Выготский. — Ижевск: Издво Удмурт. ун-та, 2001. — 296 с.
6. Галимов Г. Я. Обучение двигательным действиям. Иркутск: Изд-во ВСИ МВД РФ, 2006, 256 с.
7. Гальперин, П. Я. Психология мышления и учения о поэтапном формировании умственных действий / П. Я. Гальперин // Исследование мышления в советской психологии. — Москва: Наука, 1966. — С. 236–278.
8. Гаськов, А. В. Исследование влияния физического воспитания на здоровье и уровень заболеваемости детей 3–10 лет / А. В. Гаськов, А. Е. Павлов // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. — 2000. — № 2. — С. 41.
9. Капустин Е. С. Теория поэтапного формирования умственных действий при обучении физическим упражнениям младших школьников // Вестник БГУ Образование. Личность. Общество., — 2018. Выпуск 1, с. 59–66.
10. Кудрявцев, М. Д. Особенности применения методики обучения младших школьников двигательным действиям на основе теории учебной деятельности / М. Д. Кудрявцев // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. — 2004. — № 3. — С. 40–44.
11. Лях В. И. Физическая культура. 1–4 классы. Рабочие программы по учебнику В. И. Ляха/ авт.-сост. Р. Р. Хайрутдинов. — Волгоград: Учитель, 2016. -162

© Капустин Евгений Сергеевич (mr_kesport@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРЕПОДАВАНИЕ LSP (ЯЗЫК ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ) В МАГИСТРАТУРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ В УСЛОВИЯХ НОВОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

TEACHING LSP (LANGUAGE FOR SPECIAL PURPOSES) IN THE MASTER'S DEGREE PROGRAMME OF ECONOMIC PROFILE UNDER THE CONDITIONS OF NEW PEDAGOGICAL DISCOURSE

**T. Makarova
I. Gruzintseva**

Summary. The article examines the problem of methodological approaches to the formation of foreign language competence in the master's program in economics under the new educational paradigm. The article analyzes factors that dictate basic changes in the correlation of functions and responsibilities of subjects of pedagogical discourse. It highlights the features of the organization of the educational process in the system of teaching professional language LSP in the graduate course. In this article a variant of the cumulative modular task to improve foreign language communicative competence, is proposed.

Keywords: language for special purposes LSP, competence, foreign language, educational process, foreign language training, creative task, pedagogical discourse, master's degree program of economic profile.

Макарова Татьяна Генриховна

К.и.н., доцент, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (г. Москва)
fortunatat@mail.ru

Грузинцева Ирина Михайловна

Старший преподаватель, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (г. Москва)
z313b@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется проблема методических подходов к формированию иноязычной компетенции в магистратуре экономических специальностей в условиях новой образовательной парадигмы. Анализируются факторы, диктующие системные сдвиги в корреляции функций и обязанностей субъектов педагогического дискурса. Рассматриваются особенности организации учебного процесса в системе преподавания языка специальности LSP в магистратуре. Предлагается вариант совокупного модульного задания по совершенствованию иноязычной коммуникативной компетенции.

Ключевые слова: язык для специальных целей LSP, компетенция, иностранный язык, учебный процесс, иноязычная подготовка, креативное задание, педагогический дискурс, магистратура экономического профиля.

Опубликование глобального доклада "The Future of Jobs" («Будущее рынка труда») в рамках работы Давосского экономического форума 2018 года вновь привлекло внимание российских педагогов к компетентностной модели выпускника вуза. Отметив несовершенство современных образовательных программ, как обеспечивающих весьма разрозненное обучение ("siloe learning") и базирующихся на устаревших методиках XX-го века, доклад подчеркнул значение непрерывного мотивированного обучения, нацеленного на результат — "incentivizing lifelong learning" [6]. Подобный подход ни в коей мере не противоречит современным российским образовательным стандартам. Требования ФГОС ВПО четко прописывают необходимость развития у студентов навыков экзистенциальной компетенции как способности быть востребованными на рынке труда. Особенное внимание профессиональной подготовке будущего специалиста должно уделяться на стадии академической магистратуры, которая по своей стратегии обучения и суммарному ожидаемому результату должна быть максимально приближена к «рамочным»

условиям трудоустройства. Поступающие на магистерские программы экономического блока Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова полностью осознают важность владения иностранным языком специальности LSP на уровне не ниже Upper-Intermediate, что является необходимым условием трудоустройства в ведущие российские и иностранные компании, и вправе рассчитывать на высокое качество образовательных технологий. Если рассматривать стратегию лингводидактики в магистратуре на макроуровне, то она должна органично соединять лингвосоставляющую (принципы изучения LSP), социофактор (востребованность полученных навыков) и психологическую составляющую (индивидуальные и групповые траектории развития личности). В монографии Крупченко А. К. и Кузнецова А. Н. «Основы профессиональной лингводидактики» упомянутые выше компоненты дополнены такими важными интегративами как аксеологическая (ценностная) составляющая; эргономическая (учет временных и физических затрат студентов на выполнение заданий); комплиментарная (междисциплинарность знаний) [2,

с. 143]. Вместе с тем, нельзя не учитывать, что многие параметры «компетентного пользователя языка» в России были разработаны с опорой на руководящие документы Совета Европы, в которых была предложена общеевропейская модель обучения иностранному языку на основе единой шкалы уровней и даны специальные рекомендации для преподавателей в области преподавания и оценки. Следует отдать должное методистам Кембриджа, которые в основополагающем документе CEFR (Common European Framework of Reference — Европейская система уровней владения иностранным языком) призвали к более глубокому пониманию сложного разнообразия методик преподавания языка и пригласили педагогическое сообщество к широкой дискуссии о любых методиках и опыте их применения с перспективой их дальнейшего распространения [5].

Реализация педагогических задач в области иноязычной подготовки в настоящее время осуществляется на фоне существенных изменений в организации учебного процесса: сокращение общего числа часов на дисциплину, укрупнение групп и совмещение в одной группе разных стартовых уровней знания иностранного языка и экономических профилей подготовки. Поэтому современному педагогу важно осознавать структуру педагогической деятельности, ее основные компоненты, педагогические действия и профессионально важные умения, необходимые для ее реализации [3, с. 89]. В поступательном ходе учебного процесса становятся все более ощутимыми системные сдвиги в самом педагогическом дискурсе. Традиционная модель обучения, когда знания передаются от одного субъекта (преподаватель) к другому (учащийся) стала малоэффективной. Формальное следование задачам выполнения программы по иностранному языку имеет результатом низкую вовлеченность учащихся в образовательный процесс. Проведенное в группах анкетирование выявило тот факт, что подавляющее большинство магистрантов экономических специальностей связывает свою деятельность с поиском различных источников информации (энциклопедии, интернет-ресурсы, базы данных) и последующей передачей содержания полученной информации на иностранном языке в устном или письменном виде, в сжатой или развернутой форме. Главенство навыков поисковой деятельности учащихся, неограниченный доступ к аутентичным англоязычным материалам по экономике, самостоятельность мыслительных действий приводят к тому, что в аудитории на смену грамматической и лексической корректности, выполнению упражнений, пришли такие аспекты языка как построение фразы, связность высказывания, логическое попадание в контекст. Уже в самом начале обучения в магистратуре ощущается стремление самостоятельно выбирать источники, предлагать задания, определять их объем согласно актуализированным потребностям в знании LSP.

Можно сделать вывод, что конституировавшийся бакалавриат успешно закладывает параметры сознательного отношения студента к процессу своего обучения, в том числе и к обучению языку LSP. Поэтому в современной педагогике остро стоит вопрос разработки заданий нового креативного уровня, таких заданий, которые бы максимально учитывали интересы учащихся и на основе мотивации повышали эффективность обучения. Американский философ и педагог Джон Дьюи, родоначальник прагматического метода в педагогике, объясняя причину, почему «предметные уроки общепринятого типа» делаются скучными, призывал: «Пусть факты показываются так, чтоб возбуждать воображение» [4, с. 206]. Авторы исходят из того, что суммарный ожидаемый эффект обучению языку LSP обеспечивается определенной логикой последовательного выстраивания заданий, которая в силу своей повторяемости и прозрачности с одной стороны может быть легко воспринята учащимися, а с другой, позволит правильно структурировать этапы изучения тех или иных фрагментов дисциплины. Преимуществом дидактической деятельности в магистратуре является то, что магистранты уже обладают определенным объемом так называемых «знаний о мире», являющихся составной частью их общей компетенции и полученных благодаря предыдущему обучению и жизненному опыту. В этом случае облегчается когнитивный поиск адекватной передачи понятийных категорий исходного языка на изучаемый иностранный язык.

В данной статье представлен возможный вариант интегрального комплекса креативных домашних заданий для магистрантов экономических специальностей первого года обучения (уровень “Intermediate–Upper-Intermediate”). В начале модуля преподаватель предлагает каждому магистранту выбрать страну для изучения и сообщает рекомендованную последовательность подготовки информационных боксов: Country (Страна) / Business culture (ее Бизнес культура) / Finance (Развитие Финансов) / Companies (Ведущие Компании на рынке) / Currency (ее Валюта) / Modern technologies (Современные технологии) / Media and Press (Средства массовой информации) / Foreign language(s) (Иностранный(ые) язык(и) со статусом государственного и регионального в многонациональных странах). На примере Великобритании суммарное задание на модуль выглядит следующим образом: Great Britain / British Business culture / London Stock Exchange / British airways / Pound Sterling / The Royal bank of Scotland / British Broadcasting Corporation / The English language. (Великобритания / Британская бизнес культура / Лондонская биржа / Британские авиалинии / Фунт стерлингов / Банк Шотландии / Британская Радиовещательная корпорация БиБиСи / Английский язык. Наиболее популярными странами по выбору в группе из 15ти человек стали США, Франция, Германия, Австрия, Италия, Греция, Индия, Китай, Марокко, ОАЭ, Япония,

Тайланд, Южно-Африканская Республика, Болгария, Сербия. Таким образом на занятии формируется глобальное коммуникационное пространство — в группе из 15-ти человек в течение модуля по совокупности освещаются 15 стран, в группах из 25ти человек — 25 стран и т.д. Коммуникативное взаимодействие включает компоненты языка для профессиональных и академических целей (LSP, LAP) и курса межкультурной коммуникации. К другим несомненным преимуществам метода следует отнести стимулирование поисковой деятельности с помощью аутентичных электронных информационных ресурсов, реализацию лично ориентированного обучения, быстрый прирост лексики и грамматики. Комплекс может быть рекомендован для отдельного программного модуля (8–9 занятий) и дополнен впоследствии набором новых средств развития иноязычной компетенции с учетом преодоления «асимметрии компетенций». Оценивая правильность выполнения, необходимо учитывать уровень сложности задачи, грамматические и лексические

соответствия, логичность построения высказывания, а также такие аспекты языка, как беглость, гибкость, связность, корректный выбор регистра речи. При разработке были приняты во внимание принципы Cambridge English Teaching Framework (Кембриджские рамки преподавания английского), а именно использование цифровых ресурсов, создание конструктивной обучающей среды, межкультурное взаимодействие, основные принципы изучения компонентов языка, дискурсивный подход [4, р. 4–5].

В заключение следует отметить, что методика прошла апробацию в практике преподавания иностранного языка на магистерских программах в 2017–2018 гг. в Российском экономическом университете им. Г.В. Плеханова по профилям подготовки «Внешнеэкономическая деятельность», «Мировая экономика и бизнес», «Инновационный менеджмент» и показала сравнительно высокую эффективность для развития аспектов языковой личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дьюи Д. Психология и педагогика мышления / пер. с англ. Н. М. Никольской. М.: Изд-во Совершенство, 1997. 208 с.
2. Крупченко А. К., Кузнецов А. Н. Основы профессиональной лингводидактики. Серия «Профессиональная лингводидактика»: монография. М.: Изд-во АПК и ППРО, 2015. 232 с.
3. Психология и педагогика высшей школы /Л. Д. Столяренко и др. Коллектив авторов. Ростов н/Д: Феникс, 2014. 620 с.
4. Cambridge English Teaching Framework. Competency Statement. UCLES. Cambridge University Press. 2014. 11p.
5. Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment. Cambridge. 2002. [Электронный ресурс]. URL:
6. http://www.wikiwand.com/en/Common_European_Framework_of_Reference_for_Languages (дата обращения 10.11.2018)
7. The Future of Jobs. [Электронный ресурс]. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_FOJ_Executive_Summary_Jobs.pdf (дата обращения 8.11.2018)

© Макарова Татьяна Генриховна (fortunatat@mail.ru), Грузинцева Ирина Михайловна (z313b@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА ГУМАНИЗАЦИИ ОБУЧЕНИЯ ФИЗИКЕ В СТАРШЕЙ ШКОЛЕ

PEDAGOGICAL SUPPORT OF HUMANIZATION OF TEACHING PHYSICS IN HIGH SCHOOL

N. Soloveva

Summary. The article actualizes the problem of humanization of natural science knowledge and approaches to its teaching in high school. The author considers aspects of this problem in the context of teaching physics. The humanization of teaching physics to high school students is predetermined by the conceptual aspects of the new educational paradigm and socio-economic transformations that necessitate a new understanding of the potential of physics as an academic subject. The article presents the main requirements of modernity to the level of self-development of the personality and its ability to self-productive production, based on an understanding of the natural-science picture of the world. The author sees these opportunities in the potential of physics as an academic subject, within which the general cultural, integrative and interdisciplinary approaches are implemented, which are considered by many scientists to be fundamental from the standpoint of trends in the humanization of education. The work also touched upon the problem of personal self-development of high school students in the conditions of the region, which becomes the main imperative of the content part of physics as an academic discipline. Proceeding from this, the author reveals the potential for the formation of vocational guidance competencies of students, their professional self-determination and initial professional self-realization, carried out on the basis of approaches to humanize the teaching of physics as a link in the disclosure of the creative and cognitive abilities of the individual, integrated in the process of vital activity universal laws, patterns, properties of processes and phenomena that lie in the plane of science knowledge. The author reveals the conditions of pedagogical support for the humanization of teaching physics in high school, which he revealed in the framework of innovative pedagogical approaches that actualize the self-development and self-actualization of the individual in the modern world.

Keywords: physics, high school students, the teaching process, humanization of learning, approaches, pedagogical support, conditions.

Соловьева Наталья Михайловна

*Доцент, Северо-восточный федеральный
университет им М. К. Аммосова
juliasolo@rambler.ru*

Аннотация. В статье актуализируется проблема гуманизации естественно-научного знания и подходов к его преподаванию в старших классах средней школы. Автор рассматривает аспекты данной проблематики в контексте преподавания физики. Гуманизация обучения физике учащихся старших классов predetermined концептуальными аспектами новой образовательной парадигмы и социально-экономическими трансформациями, обуславливающими необходимость нового понимания потенциала физики как учебного предмета. В статье представлены основные требования современности к уровню саморазвития личности и ее способности к самостоятельному продуктивному творчеству, основанному на понимании естественно-научной картины мира. Автор видит эти возможности в потенциале физики как учебного предмета, в рамках которого реализуются общекультурный, интегративный и междисциплинарный подходы, которые рассматриваются многими учеными как основополагающими с позиций тенденций гуманизации образования. Также в работе затронута проблема личностного саморазвития старшеклассников в условиях региона, что становится основным императивом содержательной части физики как учебной дисциплины. Исходя из этого автором раскрывается потенциал формирования профориентационных компетенций обучающихся, их профессионального самоопределения и начальной профессиональной самореализации, осуществляемых на основе подходов гуманизации преподавания физики как связующего звена в раскрытии творческих и познавательных способностей личности, интегрируемой в процессе жизнедеятельности в структуру взаимосвязей окружающей действительности, управляемой на основе универсальных законов, закономерностей, свойств процессов и явлений, лежащих в плоскости естественно-научного знания. Автором выявлены условия педагогической поддержки гуманизации преподавания физики в старших классах, которые раскрыты им в рамках инновационных педагогических подходов, актуализирующих саморазвитие и самоактуализацию личности в современном мире.

Ключевые слова: физика, учащиеся старших классов, процесс преподавания, гуманизация обучения, подходы, педагогическая поддержка, условия.

Введение

Концепция новой парадигмы образования предусматривает сегодня высокий уровень образованности школьника, а также высокий уровень сформированности компетенций, обуславливающий способность обучающихся к самостоятельному синте-

зу нового знания на основе интегративных подходов. Такая задача обеспечивается должным уровнем познавательного интереса, познавательной активности, в контексте которых достигается саморазвитие современного школьника, его личностная самореализация, способность к продуктивной творческой деятельности, опосредованной умениями поиска, обработки и приме-

нения информации с целью достижения поставленных в жизни целей [8; 11].

Это привело к тому, что в процессе образовательной деятельности наметилась тенденция достижения так называемого универсализма, т.е. развития способности школьников использовать полученные знания в постоянно изменяющемся окружающем мире, применять их в различных сферах деятельности и в контексте различных способов ее осуществления, что увеличивает возможности успешной адаптации подрастающего поколения в последующей жизнедеятельности [2].

Изложение основного материала статьи с полным обоснованием научных результатов. Все эти аспекты новой образовательной парадигмы предопределяют тенденции гуманизации образования и, прежде всего, школьного. Гуманизация образования отражает реализацию в конструировании самого процесса обучения, а также содержательной части предметных дисциплин создание предпосылок, обеспечивающих раскрытие, развитие и дальнейшее совершенствование способностей обучающихся в творческой самореализации в тех областях деятельности и взаимодействий, в которые личность интегрируется посредством контакта с окружающей средой и окружением [1; 3; 7; 12].

Огромную роль в контексте гуманизации приобретает преподавание физики в школе. Формирование личности, осваивающей элементы естественно-научной культуры, позволяет достигать результатов, определяемой концепцией гуманизации, что проявляется в том, что личность приобретает способность свободно ориентироваться в окружающей действительности на основе знания законов и закономерностей ее функционирования [4; 8].

На современном этапе социально-экономического развития, когда одной из характерных черт современного периода развития общества является ведущая роль проектирования всех сторон человеческой деятельности — социальной, организационной, культурной, материально-бытовой, образовательной и других, общество все более начинает регулироваться принципами научно-технической рациональности. При этом отмечается возросшее значение естественно-научного (в том числе физического) знания, позволяющего личности избежать «программирования» собственной жизнедеятельности на основе узкоспециализированных технократических критериев, что предвосхищает расширение возможностей самой личности прогрессивно осуществлять социальную и последующую профессиональную деятельность, которая нацеливала бы на комфортное, творческое существование прогрессивно, безопасно и не-

прерывно при возрастающей роли естественно-научных культурных ориентиров [5].

На сегодняшний день научно-технический прогресс неуклонно сопровождает практически все стороны жизнедеятельности человека. Помимо этого, особенности экономического развития каждого из регионов диктуют необходимость включения в региональный компонент учебного предмета формирование тех знаний, умений, навыков и компетенций, которые востребованы производственно-промышленным сектором данного региона. В контексте данных трансформаций обучение физике занимает важнейшее место. В связи с этим в ракурсе гуманизации преподавания физики педагогическое сопровождение процесса должно предполагать:

- ◆ формировать познавательный интерес к предмету «Физика» с раскрытием возможностей предмета в использовании полученных знаний в других областях с увеличением личностного творческого потенциала;
- ◆ развивать способность учащихся старшей школы к проявлению такого уровня познавательной активности, который бы позволил формировать уже на данном этапе профориентационные компетенции (с учетом специфики региона и профилирующих вузов) с целью применения знаний в области физики для содействия профессиональному самоопределению; данная специфика обуславливает также и формирование способности обучающихся самостоятельно синтезировать «новое» знание, интегрировать его в смежные естественно-научные области;
- ◆ фасилитировать в процессе обучения физике трудноосваиваемый учащимися контент, а также абстрактные понятия с выявлением причин, обуславливающих необходимость их усвоения в рамках профориентации и начальной профессиональной самореализации [6; 7].

Гуманизация преподавания физики и саморазвитие, самореализация личности обучающегося в условиях дальнейшей интеграции в систему различных отношений общества («общество-производство», «человек-природа», «человек-человек», «человек-общество» и пр.) являются в системе современного школьного образования категориями, которые не мыслятся отдельно друг от друга. Они взаимосвязаны, взаимопроникают, взаимообогащают друг друга и являются мощным катализатором развития и совершенствования, от которого зависит самовыражение личностной сути, характер взаимодействия с окружающей действительностью.

Необходимо отметить, что основной концепт педагогической поддержки гуманизации процесса преподавания физики будет заключаться в содействии обучающим-

ся в помощи осознания значимости универсальности законов, закономерностей, роли научного потенциала предмета для успешного освоения других учебных дисциплин, а также сопровождении процесса самореализации школьников на этапе профессионального самоопределения на основе осознанности выбора [7].

Раскрывая методологические аспекты гуманизации обучения физике старших школьников, также считаем необходимым отметить, что среди основных подходов к гуманизации принято рассматривать:

- ◆ общекультурный подход, позволяющий позиционировать знание физики как органичную часть общей культуры личности;
- ◆ интегративный подход, позволяющий понять, насколько важны знания физики при изучении других учебных предметов, а также при объяснении окружающих процессов, явлений, свойств и качеств элементов;
- ◆ междисциплинарный подход, позволяющий увидеть фундаментальную общность физики с другими науками [3; 10; 11].

Выводы и перспективы исследования. В рамках выявления условий педагогической поддержки гуманизации в контексте преподавания физики в старших классах общеобразовательной школы, можем выделить еще ряд концептуально-методологических аспектов, которые с точки зрения реализации педагогических технологий будут обеспечивать самопознание школьникам своей личности, своей жизнедеятельности и наиболее полного самовыражения себя в творческой социальной деятельности. Так, педагогическая поддержка будет отражена:

- ◆ в системно-интегральном подходе, который обеспечивает формирование фундаментальных представлений обучающихся о системных свойствах и модусах существования личности в окружающем мире, регулируемом на основе законов

и закономерностей, лежащих в плоскости физического знания;

- ◆ системно-эволюционном подходе, позволяющем с позиций гуманизации знания исследовать процессы формирования творческой самодостаточной личности школьника, интегрирующегося в сложную многомерную систему, основанную на принципах интегративного механизма физики как области познания мира (например, пр-п антропологической редукции, антропологической интерпретации отдельных явлений жизни, пр-п «смежности», междисциплинарности и т.д.), и концепции иерархичности организации его уровней;
- ◆ системно-функциональный подход, выявляющий функциональные связи внутри различных систем («человек-человек», «человек-общество», «человек-природа», «общество-производство» и т.д.);
- ◆ системно-комплексный подход, позволяющий учесть разноплановые стороны жизнедеятельности личности и синтезировать познавательные возможности физики с точки зрения познания о человеке, формируя тем самым незавершенную на сегодняшний день концепцию единого представления о нем;
- ◆ структурно-интегральный подход, проявляющий себя в различных гранях и формах раскрытия личностного потенциала человека, обладающего универсальным естественно-научным знанием.

Использование гуманизирующей педагогической поддержки в рамках данных подходов помогает формированию концептуального представления об индивидуальности личности, проявляющейся в том, что человек опосредуется в процессе разнообразной деятельности и в различных локальных сообществах внутри более сложных систем, управляемых естественно-научными регулятивами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амерханова Н. Э. / Н. Э. Амерханова, О. В. Матвеева // Инновационные педагогические технологии: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2015 г.). — Казань: Бук, 2015. — С. 11–14.
2. Иванова С. В. Гуманизация образования: цели, задачи и условия / С. В. Иванова // Ценности и смыслы. — 2010. — № 2 (5). — С. 91–109.
3. Крайнова Е. Е. Развитие творческих способностей учащихся на уроках физики / Е. Е. Крайнова // Молодой ученый. — 2018. — № 2. — С. 124–126.
4. Кузнецова А. Я. Педагогические основы гуманизации естественно-научного образования: Дисс. канд. пед. наук / А. Я. Кузнецова. — Новосибирск, 1998. — 241 с.
5. Кудрявцев В. В. Научно-методические аспекты изучения современной физики в профильной школе / В. В. Кудрявцев, Г. Ф. Михайлишина, В. А. Ильин // Наука и школа. — 2011. — № 2. — С. 65–71.
6. Кузуб В. С. Система методических приемов гуманизации преподавания физики [Электронный ресурс] / В. С. Кузуб. — 2008. — Режим доступа: <https://infourok.ru/material.html?mid=16652>
7. Медяник М. В. Гуманизация процесса обучения физике в школе / М. В. Медяник // Молодой ученый. — 2012. — № 8. — С. 273–277.
8. Престоя Е. В. Гуманизация современного образования [Электронный ресурс] / Е. В. Престоя. — 2015. — Режим доступа: <https://nsportal.ru/npo-spo/obrazovanie-i-pedagogika/library/2015/11/17/gumanizatsiya-sovremenn>

9. Пурышева Н. С. Эволюционно-синергетический подход как основа интегрированных естественно-научных курсов / Н. С. Пурышева, И. В. Разумовская // Физика в школе. — 2018. — № 2С. — с 94–99.
10. Румбешта Е. А. Особенности преподавания физики в школах разного типа / Е. А. Румбешта, Э. Г. Гельфман // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2010. — № 11. — С. 128–131.
11. Чиганашкин В. М. Гуманитаризация физического образования [Электронный ресурс] / В. М. Чиганашкин. — Режим доступа: <http://открытыйурок.рф/статьи/410627>
12. Шиян Н. В. Проблемы модернизации школьного физического образования и возможности их решения / Н. В. Шиян // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2003. — № 6. — С. 53–59.

© Соловьева Наталия Михайловна (juliasolo@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Северо-восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ КОНЦЕПЦИЙ

PHILOSOPHY OF EDUCATIONAL CONCEPTS

Song Yu

Summary. With a careful social division of labour, the society sets requirements for specialization in academic disciplines and institutional settings. As the degree of specialization increases, the division of occupations becomes more detailed and there is a clear barrier between occupations.

Aristotle believes that there are only two types of education: «free man» education and «not free man» education. «Free human» education is not for practical and necessary purposes, but for free and noble feelings, the main content of which is the free study of non-utilitarian purposes, including philosophy in the first place; and the education of a «non-free person» refers to making a living. According to the philosopher, most modern varieties of «diversity are» non-free people».

Inscribed in the temple of Delphi, Apollo's motto — «Know yourself» refers to education, so it is that education itself and teachers must solve the problem of self-awareness. The same goes for students who are students, perhaps above all, educating students with this unique temperament, the ability to use reason rationally. We cannot imagine that teachers in a state of ignorance can bring a successful education to society. Education should turn to itself and turn to the very «man.» Leo Strauss, in his speech «What is free education?» Liberal education is an intra-cultural education or education to culture, and culture today basically means the cultivation of the soul.

Keywords: educational concepts, philosophy, idea of education.

Сун Юй

*Аспирант, Московский государственный университет
им М. В. Ломоносова
235845291@mail.ru*

Аннотация. При тщательном социальном разделении труда общество выдвигает требования к специализации для учебных дисциплин и институциональных установок. По мере увеличения степени специализации разделение профессий становится всё более детализированным, а также существует явный барьер между профессиями.

Аристотель полагает, что существует только два вида образования: образование «свободного человека» и образование «не свободного человека». «Свободное человеческое» образование — это не для практических и необходимых целей, а для свободных и благородных чувств, главным содержанием которых является свободное изучение не утилитарных целей, включая философию в первую очередь; и образование «несвободного человека» относится к тому, чтобы зарабатывать на жизнь. По мнению философа, большинство современных сортов «многообразия» являются «несвободными людьми».

Вписанный в храм Дельфы, девиз Аполлона — «Знай себя», относится к образованию, так это то, что сами образование и педагоги должны решить проблему самосознания. То же самое касается студентов, которые являются учениками, возможно, прежде всего, воспитания студентов с этим уникальным темпераментом, умением рационально использовать разум. Мы не можем представить, что педагоги в состоянии невежества могут принести обществу успешное образование. Образование должно обратиться к себе и обратиться к самому «человеку». Лео Штраус в своём выступлении «Что такое свободное образование?» Либеральное образование — это внутрикультурное образование или образование к культуре, а культура сегодня в основном означает культивирование души.

Ключевые слова: образовательные концепции, философия, идея образования.

Основная идея образования

Связывая понятие образования с философией, мы можем лучше понять философские взгляды в образовательных концепциях. Образование — это процесс обучения нового поколения социальной жизни [1]. В широком смысле все виды деятельности, которые пропагандируют знания и навыки людей и влияют на идеологические и моральные качества людей, являются общеобразовательными [3]. Узкое понятие образования в основном относится к школьному образованию, подразумевается, что педагоги в соответствии с требованиями определённого общества (или класса) целенаправленно, систематически и организационно оказывают влияние на физическое и умственное образование людей, чтобы развить их в определённом обществе (или классе). Известны такие

виды образования: образование взрослых, техническое образование, специальное образование, и т.д. [4].

По мнению Платона, образование — становление себя и управление собой, образование неотъемлемо связано с будущим развитием страны. Платон утверждал о первичности философии, и основной задачей философии было то, что философы следуют модели идеального государства как концепции истины и совершенства, от которой граждане будут иметь хорошую жизнь в идеальном городе-государстве [6].

Платона показывает нам: когда мы изучаем образование как уникальное мастерство, мы должны сначала спросить об идеальном типе, которым этот навык следует, то есть, об образовательных концепциях [7].

Основная идея образования заключается в следующем [8]:

- ◆ образовательные концепции — это формирование концепции или концепции мышления по основному образу образования об образовании и его явлении, которое является результатом рационального познания;
- ◆ образовательные концепции включают основное образование в отношении ценностной ориентации;
- ◆ образовательные концепции не являются образовательной реальностью, но являются её отражением в реальности образования, сознательным отражением предмета обучения реальности образования.
- ◆ образовательные концепции должны быть универсальными, чтобы иметь широкое распространение и отражать общие концепции образовательной деятельности, такие как образовательные мысли, образовательные мнения, образовательные убеждения, и т.д. Все в идее, и сама идея также содержит общность вышеуказанных понятий. Кроме того, понятие образовательные концепции также проявляются во внешней форме вышеупомянутых понятий, чтобы показать, что оно является абстрактным и интуитивным: образовательные цели, образовательная миссия, образовательные идеалы, и т.д.
- ◆ образовательные концепции в образовательной практике с ориентировочной ориентацией.

Проблемы образования, как философские проблемы в целом

В определённом смысле проблемы образования — это философские проблемы в конечном счёте. Поэтому фундаментальное решение проблем образования тесно связано с вопросами философии образования [9].

Многие учёные в стране и за рубежом проводят экспозиции о философских основах педагогики. Герbart отметил: «Педагогика как наука основана на философии практики и психологии, первая — на цели образования, а вторая — на путях, средствах и препятствиях на пути к образованию» [10]. Из его дискурса мы понимаем, что он называет философией практики. Это этика, о которой мы сейчас говорим, а философия практики показывает, что целью образования является интеграция этической «внутренней свободы», «совершенства», «милосердие» «Правосудия», «справедливость», как высшее стремление к образованию [11]. Несмотря на то, что философия практики и психологии Гербарта сегодня кажется незрелой, его утверждение основы педагогики указывает путь к будущему педагогическому развитию [12].

В дискурсе с Гербартом о педагогике, немецкий философ-идеалист, Пауль Герхард Наторп [13] выразил мнение, что основу педагогики не следует ограничивать этикой и психологией, но она должна включать в себя всю философию, цель обучения, а также логику и эстетику. Согласно философской системе, признанной на родом того времени, так называемая философия — это стандартизация науки, которая фактически содержит три предмета: логику, этику и эстетику. Основа педагогики — часть философии или вся философия, это разница между Наторпом и Гербартом [14]. На сегодняшний день, это различие незначительно. Важен их консенсус в отношении направления развития педагогики, который является признанием философской основы педагогики.

Ван Говэй — это посредник и коммуникатор западной философии, вносящий большой вклад в строительство китайской философии [15]. Использование им западной философии для определения новаторской работы, проводимой китайской философией, во многом определило эмбриональную форму китайской философии в XX веке. Ван Говэй полностью согласен с утверждением, что «философия — основа педагогики». После изучения истории западной педагогики Ван Говэй прямо заявил: «Философия является матерью педагогики». В этой связи Ван Говэй считает, что педагогика имеет только современную философскую основу для поддержания истинной академической независимости, то есть только философией мы действительно можем понять первоначальный смысл образования.

Концепции современного образования

Рассмотрим десять концепций современного образования [1]

1. Концепция, ориентированная на людей

Сегодня, в 21 веке, общество перешло от сосредоточения внимания на науке и технике до развития общества, ориентированного на людей. Образование, как великое обязательство поощрять и развивать квалифицированный персонал, необходимый обществу для содействия социальному развитию и совершенствованию, должно, естественно, воплощать ориентированный на дух людей. Поэтому современное образование подчёркивает ориентацию на людей, уделяет особое внимание людям, понимает людей, уважает людей, защищает людей, поощряет и развивает дух людей в процессе обучения. Он больше фокусируется на реалистичных потребностях и будущем развитии людей, и уделяет больше внимания развитию и раскопкам собственного таланта и потенциала человека, большего внимания к ценности людей и реализации их собственной ценности, и стремится

развивать самооценку людей, уверенность в себе, самолюбие, уверенность в себе и уверенность в себе и постоянно совершенствовать духовные и культурные качества и качество жизни людей, чтобы постоянно улучшать их способность выжить и развиваться, содействовать их собственному развитию и улучшению. Поэтому современное образование стало важным средством для укрепления национальной сплочённости, и стало основой для всеобъемлющей национальной силы, и постепенно интегрировалось в прошлое времени, привлекая большое внимание людей.

2. Концепция всестороннего развития

В макроскопическом плане это национальное образование, ориентированное на всех граждан, обращает внимание на всестороннее развитие всей нации и энергично способствует развитию людей в целом. Поднимать и развивать идеологические и этические стандарты, и научные, и культурные качества всей нации, укреплять потенциал страны в области инноваций в области знаний и технологических инноваций, а также укреплять всеобъемлющую национальную силу, в том числе национальную сплочённость, являются основными целями [3]. На микроскопическом уровне все ученики обязаны содействовать всестороннему развитию и совершенствованию моральных, интеллектуальных, физических, эстетических и трудовых аспектов, и созданию всеобъемлющей базы талантов для развития. Это требует от людей осознания концепции образования начиная от элитного, профессионального образования до общего образования, и принимает общее развитие методов морального, интеллектуального, физического, эстетического и трудового воспитания для обучения всех людей.

3. Концепция качественного образования

Наследие и развитие современного образования, совершенствуя традиционный акцент на знаниях, передающих и поглощающих идеи и методы обучения, уделяют больше внимания трансформации образования в процесс знания и способности трансформировать хорошие качества людей, подчёркивая знания, умения и качество в общем взаимодействии талантов, диалектическое единство и гармоничное развитие. Принимая во внимание недостатки традиционного образования, такие как: передача знаний, пренебрежение практическими способностями, акцент на экзаменационных оценках и пренебрежение комплексными качествами, современное образование подчёркивает культивирование практических способностей учащихся и общее культивирование, и обучение, пропагандируя, что эти умения и качества являются более важными и стабильными, чем знания.

4. Креативная концепция

Одним из важных преобразований от традиционного образования к современному образованию является переход от информационного образования к творческому воспитанию. Поскольку экономика знаний развивает больше творческую роль человека, потенциал человеческого творчества становится самым ценным ресурсом для развития. Современное образование подчёркивает, что процесс обучения и преподавания — это творческий процесс, который может направлять, вдохновлять, руководить, развивать и обучать творчество студентов, может быть основной целью образования. Он пропагандирует творческое воспитание и методы обучения, а также прекрасное образование и преподавание для создания образовательной и учебной среды, чтобы полностью использовать и развивать человеческое творчество и творческие таланты людей. Современное образование утверждает, что полное воспитание творчества формируется сочетанием инновационного образования (направленного на воспитание инновационного духа студентов, инновационных способностей и инновационной личности) и обучения предпринимательству (с учётом культивирования предпринимательского духа студентов, предпринимательских способностей и предпринимательской индивидуальности) Формирование экологической цепи.

5. Субъективная концепция

Современное образование — это своеобразное субъективное образование. Оно полностью подтверждает и уважает ценность человеческого субъекта, подчёркивает субъективность человека, полностью мобилизует и в полной мере отвечает инициативе основного образования, а также превращает внешнее и объективное образование в основной состав образованных активных видов деятельности. Ядром концепции субъективности является полное уважение субъектного статуса каждого образованного человека, чтобы максимизировать присущий им потенциал и мотивацию обучения студентов, чтобы студенты стали активными, чтобы процесс обучения действительно стал деятельностью студентов и самосознающим процессом самоподготовки. Для этого необходимо, чтобы образовательный процесс переходил от традиционных учебных пособий, ориентированных на учителя, в систему образования, ориентированную на класс; к мероприятиям, ориентированных на учащихся. Это должно быть реализовано в качестве центра содействия самостоятельному образованию в виде новой живой модели субъективного образования, способствующей развитию энтузиазма студентов к обучению, развитию интереса и навыков учащихся к обучению, повышению способности учащихся к обучению, повышению активности учащихся и их активному обучению, и развитию.

6. Персонализированная концепция

Эпоха экономики, основанной на знаниях, — это эпоха инноваций. Для этого требуется большое количество персонализированных талантов с богатой индивидуальностью. Это порождает концепцию персонализированного образования. Современное образование подчёркивает уважение к индивидуальности, сталкивается с индивидуальными различиями, пропагандой индивидуальности и поощрением развития личности. Это позволяет студентам развиваться в разных направлениях и пропагандирует различные образовательные методы и критерии оценки для разных личностных качеств, чтобы полностью развить индивидуальный талант каждого человека. В образовательной практике концепция индивидуализации сначала требует создания персонализированной образовательной среды и атмосферы, а также создание платформы для персонализированного образования. Во-вторых, образовательная концепция выступает за равенство, терпимость и взаимодействие с учителями и учениками, признает и уважает личность студентов. В-третьих, исходя из метода обучения, следует уделять внимание внедрению индивидуализированного образования с помощью различных образовательных мер, уделяя особое внимание обучению студентов в соответствии с их способностями, переходу от модели обобщённого образования к персонализированной модели образования, чтобы обеспечить расслабленное пространство для здорового развития индивидуальности.

7. концепция открытия

Сегодняшняя эпоха — эпоха беспрецедентной либерализации. Благодаря постоянно меняющейся науке и технологиям, информационная сеть и экономическая глобализация все чаще превращают мир в более интегрированное органическое целое. Традиционная схема закрытого образования заменена новым типом образования во всех аспектах. Она включает концепцию образования, способ обучения, открытость образовательного процесса, открытость образовательных целей, открытость образовательных ресурсов, открытость образовательного содержания, открытость образовательной оценки и т.д. Открытие образовательных концепций означает, что этническое образование должно широко опираться на все выдающиеся образовательные мысли мира, и те теории, и методы, которые используются. Открытость образовательных ресурсов относится к полному развитию и использованию всех видов традиционных, современных, национальных, мировых, материальных, духовных, реалистичных, виртуальных и других ресурсов для образовательной деятельности, для активизации образовательной практики. Открытое образование — образование, которое стоит перед миром,

смотрит в будущее, оно ориентировано на создание и модернизацию учебных связей и учебных программ для того, чтобы содержание учебных материалов стало открытым, ярким и более инклюзивным. Оценка открытости образования — изменение традиционной модели оценки (тестового) знаний в более гибкую систему.

8. Концепция диверсификации

Современное общество становится все более диверсифицированным. С учётом высокой социальной структурой, все более сложной и постоянно меняющейся социальной жизнью, а также диверсификацией ценностей людей, образование также показало диверсифицированную тенденцию развития. Это, в первую очередь, проявляется в диверсификации образовательных потребностей — чтобы соответствовать требованиям экономического и социального развития, характеристики и стандарты персонала неизбежно требуют диверсификации. Во-вторых, оно характеризуется диверсификацией образовательных органов, образовательных целей и систем управления. В-третьих, оно характеризуется гибкостью: различные формы образования, образовательные инструменты, стандарты для измерения качества образования и человеческих ресурсов. Все это выдвигает более высокие требования и проблемы для разработки, и управления процессом образования, и обучения. Это требует гибкого проектирования и управления учебными заведениями, и отделами в соответствии с различными уровнями, типами и системами управления. Это больше соответствует преподавательской практике образования: гибкое обучение и гибкий режим управления, пропаганда развития образования для обеспечения более расслабленной социальной политики, правил и атмосферы общественного мнения в целях содействия процветанию и развитию образования.

9. Концепция экологической гармонии

Естественный биологический рост требует хорошей природной среды, здоровый рост таланта также требует свободной и гармоничной социальной и экологической среды. Современное образование пропагандирует, что образовательная деятельность должна рассматриваться как единое целое, которое включает в себя не только сродство, и гармонию между учителями, учениками, занятиями, практикой, элементами и методами образования, но и образованием. Само образование людей и культурная атмосфера — это и есть взаимодействие гармонии и единства.

10. Систематическая концепция

Образование является одним из самых важных видов деятельности, которые сопровождают жизнь людей.

Таким образом, образование уже не просто вопрос односторонности со школой, но и вопрос личного роста, а также важное событие социального прогресса и развития. Это вопрос всеобщего улучшения качества всей нации и строительства духовной цивилизации. Это сложный проект социальной системы, состоящий из многих элементов, включающих в себя множество отраслей и ведомств. Поэтому для достижения положительных результатов требуется всеобщее участие и совместные усилия всех слоёв общества. В отличие от традиционного образования, глобализированная система образования в современном обществе должна осуществлять единое планирование, проектирование и интегрированную деятельность под руководством систематических концепций. Основываясь на скоординированной работе всех отделов в социальной системе и скоординированной работе различных департаментов и общей взаимосвязи, с целью воспитания способности к обучению людей, повышения способности к выживанию и развитию, мы должны использовать прочную социальную сеть образования, как главную задачу образовательной среды и содействовать здоровому функционированию и упорядоченному развитию проекта системы образования.

Взаимосвязь философии и образования

Рассмотрим отношения между философией и образованием [4]:

- ◆ цель образования требует руководства философией
- ◆ значение учебной программы и учебных материалов нуждается в философской оценке
- ◆ методы обучения требуют руководства философией

- ◆ образовательные методы нуждаются в философской основе

Методы преподавания направлены на воспитание на основе учебных материалов и преподавание путём инъекций [6].

«Философия- это образование в самом высоком смысле», оно означает: существенная направленность образования, которая определяет взаимосвязь между учебной практикой и «истиной» абстрактных ценностей. Эта ориентация — суть образования, цель образования и образовательных концепций. Из этого следует, что главным атрибутом человека эпохи НТР является его образованность, представляющая собой непростое сочетание технических и гуманитарных знаний. Поэтому в современном мире возрастает значение образования как важнейшего фактора формирования нового качества не только культуры, но и общества в целом. Особую важность приобретают вопросы духовности человека и его ценностных ориентаций.

Итак, философия образования тесно связана с философией ценностей, т.е. с аксиологией. Именно аксиология указывает на непростую диалектику абсолютных и релятивных ценностей, еще более усложненную ценностями современного технократического общества. Но при любом раскладе процесс образования не происходит вне процесса формирования и овладения ценностями. При всей сложности, глубине этой проблемы несомненным остается главная человеческая ценность — уметь не растворяться в потоке жизненных обстоятельств, не терять «почву под ногами», сохранить свое «Я», Самость, Личность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бершадский М. Е. Понимание как педагогическая категория. (Мониторинг когнитивной сферы: понимает ли ученик то, что изучает?) — М.: Центр «Педагогический поиск», 2004.
2. Бессонов Б. Н. Образование и гуманизация общества / Б. Н. Бессонов, И. А. Бирич. — М.: Изд-во МГПУ, 2013
3. Глуздов В. А. Философия образования: Учеб. пособие. — Н. Новгород: Нижегород. гос. пед. ун-т., Нижегород. гуманитар. центр, 2003.
4. Гусинский Э. Н., Турчанинова Ю. И. Современные образовательные теории: Учеб.-метод. пособие для вузов. — М.: Литературное агентство «Университетская книга», 2004.
5. Иллич И. Освобождение от школ. Пропорциональность и современный мир. М.: Просвещение, 2006.
6. Муравьев А. Н. Философия образования. Сб. материалов конф-ции. Серия "Symposium", выпуск 23. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 11–27.
7. Николаева Л. Ю. Философия образования. Часть 1. Учебное пособие. — М.: Мир науки, 2014.
8. Николаева Л. Ю. Философия образования. Часть 2. Учебное пособие. — М.: Мир науки, 2015.
9. Пищулин, Н. П. Философия образования / Н. П. Пищулин, К. А. Огородников. — М.: Изд-во МГПУ, 2013
10. Пятьдесят крупнейших мыслителей об образовании. От Конфуция до Дьюи. / Науч. ред. М. С. Добрякова. Ч. 1. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
11. Пятьдесят крупнейших мыслителей об образовании. От Пиаже до наших дней. / Науч. ред. М. С. Добрякова. Ч. 2. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.

12. Скиннер Б. Ф. Свободный и счастливый ученик / Пер. Э. Н. Гусинского, Ю. И. Турчиновой, 2002.
13. Сравнительный анализ образовательных реформ: учебно-методические материалы к курсу / сост. А. Г. Каспржак. — М.: Университетская книга; Логос, 2007.
14. Включение образовательных процессов в современное коммуникационное пространство / Гайфуллин // Философия образования. — 2017. — № 1. — С. 43–49
15. Ключевые концепции современной философии образования / Баксанский О. Е., Скоробогатова А. В. // Философия образования. — 2018. — № 3. — С. 17–25
16. К философии адаптации как форме культурной идентификации личности / Бабошина // Философия образования. — 2017. — № 1. — С. 62–70
17. Образование как личностное становление / Колесникова // Философия образования. — 2017. — № 1. — С. 71–79
18. Общее проблемное содержание процессов интеграции и дифференциации в системе отечественного образования / Полянкина // Философия образования. — 2017. — № 1. — С. 31–42
19. Современная парадигма образования: традиции и инновации / Рубанцова // Философия образования. — 2017. — № 1. — С. 25–30
20. Роль социальной памяти в формировании современного образовательного пространства / Степанова // Философия образования. — 2017. — № 1. — С. 50–56

© Сун Юй (235845291@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫХ ВИДОВ ФИТНЕСА НА ОПОРНО-ДВИГАТЕЛЬНУЮ СИСТЕМУ СТУДЕНТОВ

THE IMPACT OF RECREATIONAL TYPES OF FITNESS ON THE MUSCULOSKELETAL SYSTEM OF STUDENTS

V. Tutushkina

Summary. This paper discusses the specifics of using a fitness technician as part of a physical culture class with students. Given a detailed definition of fitness as a comprehensive program of recreational activities. The most popular fitness types of fitness among the Russian youth are listed: step aerobics, fitball aerobics; dance, power, classical aerobics, tai-bo, pilates and stretching.

The effect of Pilates and stretching as the most effective types of fitness aimed at preventing diseases and developing the musculoskeletal system has been studied in more detail. In particular, the strengths of each of them are noted. So, among the benefits of training on the Pilates system, the following are noted: universality, recovery effect, systematic development of muscles, the formation of a muscular system, the development of flexibility, the integration of the work of breathing, brain and muscles. The strengths of stretching are marked by the formation of correct posture, the prevention of possible spinal deformities, the development of elasticity of muscle mass, the improvement of motor coordination, and the improvement of efficiency and endurance.

The article also describes the characteristics of such types of stretching as ballistic, slow, statistical and PNF — stretching.

Keywords: fitness, physical training, musculoskeletal system, Pilates, stretching, prevention.

Особенностью мотивационной системы современной молодежи является ее инновационная направленность — молодые люди стремятся соответствовать современным тенденциям моды, в том числе спортивным. Одним из наиболее прогрессивных и современных видов двигательной активности, по мнению студенческой молодежи, является фитнес.

Специфика фитнеса заключается в комбинировании различных видов упражнений и иных мер укрепления систем организма, коррекции и улучшения здоровья. Фитнес определяется специалистами спортивной медицины как комплексная программа оздоровительных мероприятий, которые направлены на увеличение функциональных резервов организма, укрепление здоровья, а также на профилактику связанных с гиподинамией заболеваний.

Тутушкина Валерия Газизьяновна

*К.п.н., доцент, Трехгорный технологический институт — филиал Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ» (ТТИ НИЯУ МИФИ)
г. Трехгорный
valeria.tutushkina@yandex.ru*

Аннотация. В данной работе рассматривается специфика применения фитнес-техник в рамках занятия физической культурой со студентами. Дано развернутое определение фитнеса как комплексной программы оздоровительных мероприятий. Перечислены наиболее популярные среди российской молодежи оздоровительные виды фитнеса: степ-аэробика, фитбол-аэробика; танцевальная, силовая, классическая аэробика, тай-бо, пилатес и стретчинг.

Более подробно изучено влияние пилатеса и стретчинга как наиболее эффективных видов фитнеса, направленных на профилактику заболеваний и развитие опорно-двигательной системы. В частности, отмечаются сильные стороны каждого из них. Так, среди преимуществ тренировок по системе Пилатеса отмечаются следующие: универсальность, восстановительный эффект, планомерное развитие мускулатуры, формирование мышечного корсета, развитие гибкости, интеграция работы дыхания, мозга и мышц. В качестве сильных сторон стретчинга отмечаются формирование правильной осанки, профилактика возможных деформаций позвоночника, развитие эластичности мышечной массы, улучшение координации движений, повышение работоспособности и выносливости.

Также в статье приводится характеристика таких видов стретчинга как баллистический, медленный, статистический и PNF — стретчинг.

Ключевые слова: фитнес, занятия физической культурой, опорно-двигательная система, пилатес, стретчинг, профилактика.

Привлечение инновационных оздоровительных видов физической культуры в образовательный процесс тесно связан с ростом фитнес-индустрии, рождающим все более современные фитнес-направления, каждое из которых имеет свою специфику. Наиболее популярными среди молодежи являются такие оздоровительные виды фитнеса как степ-аэробика, фитбол-аэробика; танцевальная, силовая, классическая аэробика, тай-бо, пилатес и стретчинг. Привлечение этих направлений фитнеса в образовательный процесс способствует не только привитию студентам привычек здорового образа жизни, но и повышению интереса к занятиям по физическому воспитанию [1, с. 30].

При исследовании влияния оздоровительных видов фитнеса на опорно-двигательную систему студен-

тов целесообразно рассмотреть такие направления как пилатес и стретчинг. Данные виды фитнеса оказывают особенно благоприятное воздействие на опорно-двигательную систему, поскольку имеют следующие специфические особенности.

В самом общем виде занятия со студентами по системе Пилатеса направлены на поддержание тонуса мышц, совершенствование равновесия, улучшение телосложения. Упражнения предназначены, в первую очередь, для развития мышечной силы, укрепления мышц спины и пресса и улучшения подвижности суставов и гибкости. Особенно продуктивным является влияние комплекса упражнений пилатеса на опорно-двигательную систему обучающихся.

Специалисты в области спортивной медицины отмечают эффективность пилатеса при восстановлении организма после полученных травм конечностей. Система упражнений, предусмотренная данным видом фитнеса, активизирует процесс регенерации поврежденных нервных окончаний, способствуя улучшению прохождения нервного импульса, улучшая кровообращение опорно-двигательного аппарата и ускоряя процессы оздоровления.

Система упражнений, предусмотренная пилатесом, успешно применяется ведущими вузами, поскольку она оказывает исключительно мягкое воздействие на тело студентов, тренируя его. Тренировки являются безопасными и наиболее часто применяются на занятиях физической культурой со студентами в качестве восстановительной терапии. Кроме того, не существует резких противопоказаний для занятий по системе Пилатеса — молодые люди могут выполнять упражнения, находясь в любой физической форме, поскольку напряжение, оказываемое на опорно-двигательную систему, сводится к минимуму.

Как отмечалось ранее, в рамках занятий физической культурой опытные преподаватели используют средства и методы Пилатеса в работе со студентами для реабилитации опорно-двигательного аппарата. Данное фитнес-направление предусматривает большое количество упражнений, направленных на снятие болевого синдрома в различных отделах позвоночника [5, с. 20].

В связи с тем, что студентам приходится часами проводить время в статической позе в течение лекционных занятий, возрастает риск развития остеохондроза и проблем, связанных с поясничным отделом. Остеохондроз нельзя полностью излечить, однако можно снять болевые ощущения посредством специальных упражнений Пилатеса.

Проблемы с поясничным отделом позвоночника зачастую возникают у, напротив, особенно физически активных студентов, которые длительное время занимались спортом. Упражнения по системе Пилатеса помогают снимать болевые синдромы, вызванные перезагрузкой мышц-сгибателей опорно-двигательного аппарата.

Итак, упражнения Пилатеса на занятиях физической культурой оказывают плодотворное влияние на опорно-двигательную систему студентов. Среди наиболее сильных сторон данного вида фитнеса можно отметить следующие:

- ◆ подходит широкому кругу учащихся, имеющих различные показатели физического развития;
- ◆ является эффективным методом восстановления после травм;
- ◆ развивает гармоничную и сильную мускулатуру студента;
- ◆ формирует мышечный корсет;
- ◆ развивает гибкость, увеличивает двигательные возможности суставов;
- ◆ способствует интеграции работы дыхания, мозга и мышц [3, с. 25].

Пилатес подходит для развития опорно-двигательной системы студентов на занятиях физической культуры, поскольку упражнения являются доступными и несложными. Более того, в основе данного вида фитнеса лежит принцип получения эмоционального удовольствия, что способствует оптимальному эмоционально-психологическому воспитанию учащихся [2, с. 42].

Пилатес включает в себе целый комплекс различных техник. Одной из подобных техник является стретчинг. Стретчинг представляет собой комплексные упражнения, оказывающие положительное влияние на весь организм, улучшающие самочувствие человека, способствующие растяжению мышц, связок и сухожилий всего туловища, и в первую очередь, опорно-двигательной системы. В рамках занятий физической культурой со студентами преподаватель может прибегнуть к использованию сразу нескольких методов проведения стретчинга:

- ◆ баллистический метод — в основе тренировки опорно-двигательной системы лежит принцип использования веса и силы тела. Поэтому эффективность выполняемых упражнений зависит от силы и скорости движений, направленных на растягивание мышц;
- ◆ медленный (динамический) стретчинг — главный принцип данного метода заключается в том, что мышцы растягиваются очень медленно и без болезненных ощущений. Упражнения медленного стретчинга могут выполняться студентами без предварительной разминки;

- ◆ статистический метод — упражнения, как и в предшествующем методе, выполняются медленно и плавно, в конце каждой позиции выполняется недолгая задержка;
- ◆ PNF (пользуется наибольшей популярностью среди студентов) — данный метод основан на парной работе партнеров, в рамках которой один партнер помогает растягивать мышцы другого посредством кратковременной фиксации его положения.

Стретчинг, так же как пилатес, включает в себя комплекс упражнений, направленных на укрепление здоровья, профилактику и реабилитацию патологий опорно-двигательного аппарата. На занятиях физической культурой преподавателю следует уделять особое внимание мышцам живота и спины. Комплексом упражнений также должны быть предусмотрены умеренные нагрузки на плечевой пояс, а также дыхательные упражнения. При наличии проблем с опорно-двигательной системой преподаватели зачастую посвящают подавляющую часть времени занятия выполнению упражнений в положении лежа, чтобы снизить нагрузку на позвоночник студентов.

Главными задачами, которые решаются при помощи упражнений стретчинга, являются плавное растягивание и постепенное укрепление мышц опорно-двигательной системы учащихся. При регулярных занятиях стретчингом мышечные волокна становятся более эластичными, улучшается их кровоснабжение, иными словами — создаются благоприятные условия для наращивания мышечной ткани. Преимущество стретчинга перед другими видами физической активности заключается в сведении к минимуму возможности повреждения мышц опорно-двигательного аппарата. Кроме того, данная разновидность фитнеса способствует поступательному исправлению осанки [6, с. 13].

Опытные преподаватели физической культуры прибегают к составлению комплекса упражнений стретчинга, в основе которого лежит игровой метод, позволяющий добиться наилучшего результата в коррекции опорно-двигательной системы студентов. Данный подход является особенно эффективным в условиях работы с молодежью, поскольку формат

игры оказывает всестороннее воздействие на студентов, способствуя не только их эмоциональному возбуждению, но физическому расслаблению. Заинтересованный студент способен продемонстрировать намного больше усилий во время занятия [4, с. 112].

В течение каждого занятия физической культурой преподавателю необходимо комплексно подходить к решению следующих задач:

- ◆ способствовать формированию правильной осанки студентов;
- ◆ проводить профилактику возможных деформаций позвоночника и его связочного аппарата;
- ◆ повышать эластичность мышечной массы;
- ◆ улучшать координацию движений учащихся;
- ◆ повышать работоспособность и выносливость студентов;
- ◆ совершенствовать двигательную память, способность ориентироваться в пространстве и быструю реакцию.

Помимо основных задач, связанных непосредственно с физическими нагрузками, регулярные занятия стретчингом помогают студентам преодолевать возможные комплексы, связанные с физическим состоянием; игровые формы развивают их творческий потенциал и умение работать в команде.

Таким образом, пилатес и стретчинг представляют собой комплексы упражнений, которые не только развивают гибкость и подвижность суставов, но и прорабатывают глубокие мышцы, которые почти не задействованы на обычных занятиях по физическому воспитанию. Специальные упражнения, предусмотренные данными оздоровительными видами фитнеса, направлены на укрепление мышц в статодинамическом режиме сокращения, что позволяет достигнуть быстрых результатов по развитию и профилактике опорно-двигательной системы студента.

При регулярных занятиях пилатесом и стретчингом задействуется чрезвычайно большое количество мышц — от кончиков пальцев рук до пальцев ног, работают все крупные группы мышц. Данный подход обеспечивает гармоничное развитие опорно-двигательной системы и максимальный результат.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базилевич М. В. Организация спортивно ориентированного физического воспитания студентов на основе избранного ими вида спорта / М. В. Базилевич // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. — 2009. — № 5. — С. 27–32.
2. Бондаренко Е. В., Ревакин Ю. Т. Развитие гибкости и силовых способностей на занятиях аэробикой / Е. В. Бондаренко, Ю. Т. Ревакин // Теория и практика физической культуры. — 2006. — № 9. — С. 37–45.

3. Голубев С. А. Упражнения пилатес / С. А. Голубев // Физкультура и спорт. — 2008. — № 8. — С. 22–26.
4. Менхин Ю. В., Менхин А. В. Оздоровительная гимнастика: теория и методика. — Ростов н/Д: Феникс, 2002. — 384 с.
5. Преображенский В. А. Гимнастика для позвоночника / В. А. Преображенский // Физкультура и спорт. — 2008 — № 4. — С. 18–24.
6. Шинкаренко О. В. Организация физкультурно-образовательной среды для формирования потребности в занятиях физической культурой и спортом у студентов (на примере технического вуза): Автореф. дис. канд. пед. наук. — Набережные Челны, 2009. — 23 с.

© Тутушкина Валерия Газизьяновна (valeria.tutushkina@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МИФИ

УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ ДЛЯ ШКОЛ СЕВЕРА, ФОРМИРУЮЩИЕ ГРАЖДАНСКУЮ, РЕГИОНАЛЬНУЮ И ЭТНИЧЕСКУЮ ИДЕНТИЧНОСТИ

Федоров Гавриил Михайлович

К.п.н., в.н.с., ФГБНУ "Научно-исследовательский институт национальных школ Республики Саха (Якутия)"
gav.fedorov@mail.ru

TEACHING AIDS FOR SCHOOLS IN THE NORTH, FORMING CIVIL, REGIONAL AND ETHNIC IDENTITIES

G. Fedorov

Summary. The article aims at solving methodological problems associated with the development and implementation of the content components of the main educational program in the format of textbooks on the subject "The World" in primary school directed at the complex formation of civil, regional and ethnic identities among children of the North and the Arctic.

To implement the developed educational tasks in practice, the author applied the methods of scientific and practical research: a review of scientific sources on the problem of research, approbation of textbooks.

The study proved that the content and methodology of the developed textbooks on the subject "The World" for the elementary schools of the North and the Arctic promotes the development of certain practical results of activities on the formation of civil, regional and ethnic identity for the sustainable development of the region.

Keywords: Textbooks, the world around us, elementary school children, a school of the North and the Arctic, civil, regional and ethnic identity.

Аннотация. Статья посвящена решению методических проблем, связанных с разработкой и реализацией компонентов содержания основной образовательной программы в формате учебных пособий по предмету "Окружающий мир" в начальной школе, направленных на комплексное формирование гражданской, региональной и этнической идентичностей у детей Севера и Арктики.

Для реализации на практике разработанных учебных задач, автором применены методы научного и практического исследования: обзор научных источников по проблеме исследование, апробация учебных пособий.

В исследовании доказано, что содержание и методология разработанных учебных пособий по предмету "Окружающий мир" для начальных школ Севера и Арктики содействует развитию определенных практических результатов деятельности по формированию гражданской, региональной и этнической идентичности в целях устойчивого развития региона.

Ключевые слова: Учебные пособия, окружающий мир, младший школьник, школа Севера и Арктики, гражданская, региональная и этническая идентичность.

В условиях реализации федерального государственного образовательного стандарта, ориентированной на открытие возможностей духовно-нравственных поступков, действий, формирование гражданской, региональной и этнической идентичности, познания окружающего мира обучающимися, социальной востребованности, добровольного или активного включения обучающихся в решение проблем более взрослого сообщества, обращение к личности приобретает особое звучание и значимость.

Особенно актуальны эти проблемы в начальной школе, когда у детей младшего школьного возраста закладываются основы духовного и нравственного воспитания и формирования культуры межнациональных отношений.

В Федеральном государственном образовательном стандарте начального общего образования формирование гражданской, региональной и этнической идентичности выделены в качестве приоритетного направления

воспитания, обучения и определены в Примерной основной образовательной программе образовательного учреждения [10] и Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России [2].

Осуществление данного процесса в практической деятельности требует *обращения к основным категориям исследования:* идентичность, гражданская, региональная и этническая идентичность, учебная деятельность, обучающиеся в нашем случае, младший школьник, предмет окружающий мир и образование на Севере.

Идентичность в разных аспектах деятельности как философская и психологическая категория, как категория социального и междисциплинарного знания определяются по-разному.

В ряду различных научных подходов к определению понятия "идентичность" особого внимания заслуживают таковые определения:

1. (французский социолог А. Турен) идентичность — это осознанное самоопределение социального субъекта [15];
2. (В.А. Тишков) идентичность — это ощущение принадлежности, связи человека с общностью, с народом, страной, коллективом, национальностью или культурой, традицией и идеологией [12]. В контексте данного исследования это определение представляется более приемлемым, поскольку в определении идентичности рассматриваются осознанное самоопределение личности и взаимодействие гражданской, региональной и этнической идентичности, дополняющие и обогащающие друг друга новым содержанием и могут реализоваться на практике разработкой учебно-методических пособий для обучающихся школ Севера и Арктики.

В научных работах Моисеева Н.Е. [9, С. 38–43], Фофановой М.И., Симоновой Г.И. [13, С. 215–217], Самсоновой Е.К. [11, С. 171–173], Карахановой Г.А., Оруджалиевой Е.Е., Панаховой А.А. [5, С. 54–57] исследованы различные аспекты деятельности, направленной на формирование гражданской идентичности младших школьников.

Характерные особенности по формированию гражданской идентичности при изучении блока «Человек и общество» в курсе «Окружающий мир» в работе Белянковой Н.М. [1], позволяют наметить некоторые пути развития начального образования в контексте нашего исследования.

Несомненный интерес представляют научные работы Лайпановой И.Б. [8], Кужугета А.Х. [7] в аспектах исследования этнической идентичности младшего школьника в процессе обучения; а также диссертационное исследование Кипкеевой З.С. [6.] по формированию этнической идентичности у младших школьников в условиях мультикультурной образовательной среды.

Несомненно, важное место в воспитании, обучении и социализации детей, в особенности младшего школьного возраста, является региональная идентичность, «учитывая административно-территориальное деление Российской Федерации по принципу территорий и регионов, складывающееся из учёта местной специфики, требующей умения строить отношения в условиях поликультурного пространства и соответствующих социально-экономических условий» [3].

Таким образом, комплексное изучение и анализ научных источников стали основой исследования, разработки учебных пособий, направленных на комплексное формирование гражданской, региональной и этнической идентичности. Это позволило усовершенствовать

содержание обучения и отказаться от понимания образования как получения готового знания; и включить ребенка в самостоятельный, поисково-исследовательский и практический способ познания окружающего мира. А это влечет за собой и пересмотр всех компонентов методической системы обучения, воспитания и развития младших школьников: целей, мотивов, методов, средств и действий учебной деятельности. Этот процесс обусловлен настоятельной необходимостью решения таких задач как регионализация школьного обучения, формирующих первоначальные фундаменты гражданской, региональной и этнической идентичности.

Целью исследования явилось проектирование компонентов содержания основной образовательной программы в формате учебных пособий, направленных на комплексное формирование гражданской, региональной и этнической идентичности по предмету «Окружающий мир» для 1–4 классов школ Севера и Арктики.

Для этой цели разработаны учебные пособия по предмету «Окружающий мир», формирующие гражданские, региональные и этнические идентичности для школ Севера и Арктики. Разработанные учебные пособия отличаются тем, что «в силу своей самобытности вбирает в себя ценности, утрачиваемые со временем, но так необходимые современному человеку, а именно: бережное отношение к природе, умение выживать в экстремальных северных и арктических условиях, сохранение традиционного образа жизни, народных традиций» [4. С. 319–321].

Содержание учебного пособия отражает реальную картину Севера и Арктики: уникальность климата, ландшафта, почвы (вечной мерзлоты), природы (флоры и фауны), уклада жизни, традиционной хозяйственной деятельности с целью формирования у обучающихся младшего класса гражданской (гражданственность, толерантность, патриотизм), региональной (малая родина, территория), этнической (ценности, история, традиции, обычаи, фольклор и родной язык) идентичности.

Автором статьи были применены *методы* научного и практического исследования: изучение научной литературы по проблемам разработки учебных пособий, формирующие гражданскую, региональную и этническую идентичности. Были разработаны и апробированы учебные пособия, формирующие гражданскую, региональную и этническую идентичность, с учетом своеобразие и самобытности социо-природной среды родного края и целостного взгляда на ближайший окружающий мир и место в этом мире себя.

На основании цели исследования разработаны учебные пособия, «Я и мой окружающий мир Севера и Ар-

тики" для 1 класса, "Обитатели Арктики" для 2 класса, "Животные и птицы тундры" 3 класса и "Растения тундры" для 4 класса формирующие гражданскую, региональную и этническую идентичность для начальных школ Севера и Арктики.

Методика обучения направлена на деятельность младшего школьника на его самостоятельную поисково-исследовательскую, практическую деятельность, на добывание новых знаний и умений в процессе использования учебного пособия.

Представленные учебные пособия сконструированы на научно-теоретических положениях теории развивающего обучения (Выготского Л.С., Леонтьева А.Н., Элькина Д.Б., Давыдова В.В., Гальперина П.Я.), Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ его третьего этапа (2016–2025 гг.), концептуальных подходах диссертационного исследования автора статьи, учитывающие особенности региональной идентичности. Кроме того, базируются на научно-методологических подходах региональных учебно-методических комплектов по предмету "Окружающий мир" для национальных школ саха и кочевых общеобразовательных школ, разработанные автором и изданные Министерством образования Республики Саха (Якутия).

Содержание учебных пособий наполнены региональными социальными и природными особенностями разумного отношения природы, общества и человека.

Учебные пособия для начальных школ Севера и Арктики применяются на уроках при изучении предмета "Окружающий мир" в выборе разных образовательных систем учителем. Они созданы с целью расширения и углубления основных тем и разделов базового содержания предмета "Окружающий мир", единства и гармонии "природы — человека — общества" приводящей к формированию гражданской, региональной и этнической идентичности, направленной становлению личности, небезразличной к судьбе своей малой родины и страны в целом.

Опытно-экспериментальное работа проводилось в три этапа в 1–4 классах.

В 2014–2015 учебном году проведен первый этап и в соответствии с темой исследования изучались соответствующие литературы.

В 2015–2016 учебном году осуществлялся констатирующий этап исследования. Целью этапа было выявление уровня сформированности формировать гражданские, региональные и этнические идентичности у младших

школьников. На этом этапе исследование, проверялась доступность рекомендуемой методики для учителей и учащихся школ Севера и Арктики: проведены семинары, консультации, индивидуальные беседы учителями по подготовки и осуществления третьего формирующего и контрольного этапа педагогического исследования.

В 2016–2017 учебном году проведен формирующий и контрольный этап исследования. Цель этапа исследования определение эффективности использования учебных пособий, направленных на комплексное формирование гражданской, региональной и этнической идентичности.

В ходе опытно-экспериментальной работы проверялись корректность содержание и реализации принципов конструирования новых учебных пособий по предмету "Окружающий мир" для школ Севера и Арктики.

На контрольном этапе проверялась сформированность гражданской, региональной и этнической идентичности у младших школьников.

Оценивалась достоверность полученных результатов по освоению учебных пособий по предмету "Окружающий мир" с целью формирование гражданственности, толерантности, патриотизма, ценности к истории, традициям и обычаям своего народа и других народов, к родной земле, растениям и животным своего края, малой родины, страны, Родины. Были также обобщены и систематизированы результаты исследования.

Опытно-экспериментальное исследование проводилось в три этапа в 1–4 классах. На констатирующем, формирующем (обучающем) и контрольном этапах были охвачены 147 учащихся.

На первом этапе констатирующего эксперимента мы посетили более 97 уроков образовательного компонента "Окружающий мир" несколько раз в 7 северных и арктических отдаленных от центра школах республики. Нашей целью при посещении уроков было целенаправленное педагогическое наблюдение за тем, как осуществляется работа по формированию у младших школьников гражданской, региональной, этнической идентичности в процессе изучение предмета "Окружающий мир".

Посещение уроков позволило выяснить, что большая часть учителей используют материалы, формирующие гражданские, региональные и этнические идентичности в процессе изучения предмета "Окружающий мир"; но, к сожалению, эта работа идет бессистемно, у педагогов нет четкой программы работы по реализации данной цели.

Таблица 1. Результаты анализа констатирующего этапа (начальный срез) уровень сформированности гражданской, региональной и этнической идентичности у младших школьников

Класс	Общее колич. учащихся	Уровни					
		Низкий	Колич. учащихся	Средний	Колич. учащихся	Высокий	Количество учащихся
II	48	14,5	7	64,5	31	20	10
III	49	10,2	5	57,1	28	32,7	16
IV	50	-	-	38	19	62	31
Итого	147	8,2	12	53	78,6	38,8	57

На констатирующем этапе были использованы учебные пособия, направленные на комплексное формирование гражданской, региональной и этнической идентичности.

На основе проведенного констатирующего эксперимента можно сделать следующие *выводы*:

- ◆ большинство учащихся имеют низкий уровень сформированности гражданской, региональной и этнической идентичности, т.к. не знают, что означает понятия гражданственность, толерантность, патриотизм, малая родина, территория, история, традиции, обычаи, фольклор;
- ◆ формирование гражданской, региональной и этнической идентичности в учебной деятельности в начальной школе со стороны учителей осуществляется фрагментарно и бессистемно.

Следовательно, для того чтобы у младших школьников формировались первоначальные основы гражданской, региональной и этнической идентичности, необходим новый инструментарий. Для этого автором статьи проведен начальный срез уровня сформированности гражданской, региональной и этнической идентичности у младших школьников с использованием учебных пособий “Я и мой окружающий мир Север и Арктика” для 1 класса, “Обитатели Арктики” для 2 класса, “Животные и птицы тундры” 3 класса и “Растения тундры” для 4 класса начальных школ Севера и Арктики (Таблица 1).

На констатирующем и формирующем этапе нашего исследования в качестве средства проверки уровня сформированности гражданской, региональной и этнической идентичности у младших школьников определены следующие критерии:

1. не знают, что означают гражданственность, толерантность, патриотизм, малая родина, территория, история, традиции, обычаи, фольклор;
2. изучают что означают гражданственность, толерантность, патриотизм, малая родина, территория, история, традиции, обычаи, фольклор под направляющей деятельностью учителя;

3. познают что означают гражданственность, толерантность, патриотизм, малая родина, территория, история, традиции, обычаи, фольклор в процессе самостоятельной деятельности.

Выделение критериев позволяет оценить достигнутый уровень сформированности умений по решению учебных задач, формирующих гражданскую, региональную и этническую идентичность у младших школьников:

I уровень характеризуется умением обучающихся изучать что такое понятия гражданственность, толерантность, патриотизм, малая родина, территория, история, традиции, обычаи, фольклор с использованием учебных пособий под направляющей деятельностью учителя.

II уровню соответствуют обучающиеся умеющие познавать что такое гражданственность, толерантность, патриотизм, малая родина, территория, история, традиции, обычаи, фольклор с использованием учебных пособий под координирующей деятельностью учителя. Они проводят исследовательскую, практическую и проектную работы и познают новое.

На III уровне обучающиеся самостоятельно познают, что такое гражданственность, толерантность, патриотизм, малая родина, территория, история, традиции, обычаи, фольклор с использованием учебных пособий. Обучающиеся в условиях исследовательской, практической и проектной работы открывают новое и неизвестное.

Результаты диагностирующего среза показали, что формирование гражданской, региональной и этнической идентичности в процессе изучения предмета “Окружающий мир” на констатирующем этапе большинство учащихся имеют низкий уровень. Большинство обучающихся не знают, что означает понятия гражданственность, толерантность, патриотизм, малая родина, территория, история, традиции, обычаи, фольклор. Некоторая часть обучающихся имеет средний уровень, с использованием учебных пособий под направляющей деятельностью учителя изучили что означают понятия

Таблица 2. Результаты анализа контрольного этапа уровня сформированности гражданской, региональной и этнической идентичности у младших школьников

Класс	Общее колич. учащихся	Уровни					
		Низкий	Колич. учащихся	Средний	Колич. учащихся	Высокий	Колич. учащихся
II	483	6,41	31	16,97	82	76,62	370
III	491	3,27	16	16,49	81	80,24	394
IV	503	-	-	19,28	97	80,71	406
Итого	1477	3,18	47	17,60	260	79,21	1170

гражданственность, толерантность, патриотизм, малая родина, территория, история, традиции, обычаи, фольклор.

Таким образом, на основе проведенного диагностирующего эксперимента можно сделать следующий вывод: большинство учащихся имели низкий уровень сформированности гражданской, региональной и этнической идентичности у младших школьников. Следовательно, для организации полноценной самостоятельной деятельности нужна дополнительная работа по формированию гражданской, региональной и этнической идентичности.

Анализ научной литературы и данные проведенного констатирующего этапа позволили разработать содержание и методику формирующего этапа.

На обучающем этапе были использованы учебные пособия «Я и мой окружающий мир Север и Арктика» для 1 класса, «Обитатели Арктики» для 2 класса, «Животные и птицы тундры» 3 класса и «Растения тундры» для 4 класса начальных школ Севера и Арктики, направленные на комплексное формирование гражданской, региональной и этнической идентичности.

Целью формирующего (обучающего) этапа явилась подготовка условий к внедрению учебных пособий по предмету «Окружающий мир» для начальных школ Севера и Арктики.

На обучающем этапе важно научить младших школьников любить Родину, малую родину, природу родного края, его обитателей, труд своих родителей, сородичей, истории, традиции, обычаи своего народа.

Особое место на этом этапе занимает формирование гражданской, региональной и этнической идентичности посредством выполнения исследовательской, проектной и практической работы. При этом объекты изучения — живая и неживая природа, явления и процессы в окружающей среде, труд людей изучаются при комплексном исследовании ближайшего социального

и природного окружения. В этом деле главным является работа в сотрудничестве — учителя и учащихся — использование на уроках учебных заданий, направленных на комплексное формирование гражданской, региональной и этнической идентичности.

На формирующем этапе в первом и во втором классе под координирующей деятельностью учителя, обучающиеся изучали что такое гражданственность, толерантность, патриотизм, малая родина, история, традиции, обычаи и фольклор. В 3–4 классе обучающиеся самостоятельно познают, что такое гражданственность, толерантность, патриотизм, малая родина, территория, история, традиции, обычаи, фольклор с использованием учебных пособий. Обучающиеся в условиях исследовательской, практической и проектной работы открывают новое и неизвестное.

На обучающем этапе раскрыта методика использования учебных пособий, реализующих формирование гражданской, региональной и этнической идентичности в образовательный процесс.

Одним из важных инструментов как для учащихся, так и для учителя является учебные пособия, формирующие гражданскую, региональную и этнические идентичности и обеспечивающие организацию процесса познания окружающей среды младшими школьниками. Структура учебных пособий направлена на деятельность обучающихся, так и на деятельность учителя. Поэтому по каждой теме урока представлены этапы урока в виде вопросов: Что знаю? — создание мотивации, Чего не знаю? — постановка учебной задачи, Как могу узнать? — поиск и нахождение способов действий для решения поставленной учебной задачи, т.е. открытие нового и неизвестного, Что узнал нового? — усвоение новых знаний и умений, Что делал? Как делал? коррекция собственной деятельности [14].

Формирующий этап подтверждает, что усиление содержательной линии в сторону формирования гражданской, региональной и этнической идентичности в процессе использования учебных задач на уроках

позволило обучающимся добывать нужные сведения, факты из текста учебника, определять причины происходящих явлений и процессов ближайшего окружения, делать выводы на основе сравнение, сопоставление, анализа и обобщения.

В связи с этим, чтобы выявить эффективность использованной методики, нами был проведен контрольный этап. На контрольном этапе проверялась, сформированность гражданской, региональной и этнической идентичности. Для этого с обучающимися 2–4 классов были проведены итоговые срезы с применением учебных заданий формирующих гражданские, региональные и этнические идентичности. Оценивалась достоверность и эффективность полученных результатов на констатирующем и формирующем этапах исследования, обобщались и систематизировались их результаты.

Как показывает результаты апробации, использование учебных заданий формирующие гражданские, региональные и этнические идентичности создают условия для развития у младших школьников способности креативно мыслить, самостоятельно действовать и никогда не загонять обучающихся в рамки.

Итог контрольного этапа исследования, проводимого автором, показывает, что самостоятельная деятельность позволяет формировать у младших школьников новые умения: любить свою родной край, бережно и ответственно относиться к природе, правильно действовать по защите родной земли, добывать нужные информации из учебного пособия, различать, сравнить, сопоставить, выявить причины процессов и явлений, происходящих в ближайшем окружении. Это позволило формированию первоначальных основ гражданской региональной и этнической идентичности (Таблица 2).

Контрольный этап подтвердил, что использование на уроках учебных пособий, формирующий граждан-

ские, региональные и этнические идентичности повышает уровень развития самореализации обучающихся.

В исследовании экспериментально проверены учебные пособия, направленные формирующие гражданскую, региональную и этническую идентичности, отражающие уникальность социальной и природной среды Севера и Арктики.

Как подтвердили результаты констатирующего эксперимента, для организации самостоятельной деятельности обучающихся необходимо применять учебные пособия, направленные на формирование гражданской, региональной и этнической идентичности.

Контрольный этап доказал, что применение данных учебных пособий на уроках способствовало помощи обучающимся значительно обогатить свою деятельность и овладеть метапредметными результатами, такими как: умение высказать собственные мнения, добывать нужную информацию из текста учебного пособия и другие.

Результаты формирующего и контрольного этапов доказывают, что младшие школьники наравне с учителем принимают участие в познании окружающей среды посредством использования учебных пособий, формирующих гражданскую, региональную и этническую идентичность. Тем самым это приводит учителя к нужному результату — строить обучение на более качественном и успешном уровне.

Разработка и реализация учебных пособий по предмету «Окружающий мир» для школ Севера и Арктики, формирующих гражданскую, региональную и этническую идентичность, позволяет сделать вывод о его позитивных результатах, его реализации в области окружающей среды, — и рассматривать ее как один из ведущих вариантов в условиях многонационального пространства Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белянкова Н. М. Проблемное изучение блока «Человек и общество» в курсе «Окружающий мир»: формирование гражданской идентичности у младших школьников / Н. М. Белянкова // Начальная школа. — 2013. — № 9. — С. 56–61. — ISSN0027–7371.
2. Данилюк А. Я., Кондаков А. М., Тишков В. А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. М.: Просвещение, 2010. 23 с.
3. Зеленецкая Т. И. Формирование региональной идентичности в образовательном пространстве (Социологический анализ): Дис. канд. социол. наук: 22.00.06, Екатеринбург, 2005. 170 с. РГБ ОД, 61:06–22/118
4. Иващенко А. П., Шаповал Г. Н. Проблема этнической идентичности в свете гуманизации педпроцесса в медицинском вузе // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сб. ст. по матер. XLI–XLII междунар. науч.-практ. конф. — № 9–10 (40). — Новосибирск: СибАК, 2014. — С. 319–321
5. Караханова Г. А., Оруджалиева Е. Е., Панахова А. А. Аксиологический подход в формировании основ гражданской идентичности у младших школьников // Известия Дагестанского государственного педагогического университета, Психолого-педагогические науки. — 2012. — № 3 (20). — С. 54–57.

6. Кипкеева З. С. Формирование этнической идентичности у младших школьников в мультикультурной образовательной среде: автореферат дис. кандидата педагогических наук: 13.00.01 /З. С. Кипкеева. — Владикавказ: Сев.-Осет. гос. ун-т им. К. Л. Хетагурова, 2012. — 22 с.
7. Кужугет А. Х. Исследование этнической идентичности младших школьников // Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки: сб. ст. по мат. XLVI междунар. студ. науч.-практ. конф. — Новосибирск: СибАК, 2016. — № 9(46). — С. 54–59. ISSN2310–2764. URL: [https://sibac.info/archive/guman/9\(46\).pdf](https://sibac.info/archive/guman/9(46).pdf) (дата обращения: 19.06.2018)
8. Лайпанова И. Б. Становление этнической идентичности младшего школьника в процессе обучения: Дис. канд. пед. наук: 13.00.01: Карачаевск, 2002~<188 с. РГБ ОД, 61:03–13/732–4
9. Моисеев Н. Е. Гражданская идентичность младших школьников // Материалы Регионального научно-практического семинара «Психологические основы формирования универсальных учебных действий». — Комсомольск-на-Амуре: АмГПГУ, 2016. — С. 38–43. Дата публикации сборника на сайте: 26.01.2017
10. Примерная основная образовательная программа образовательного учреждения. Начальная школа. / сост. Е. С. Савинов. — М.: Просвещение, 2011. — 204 с. — (стандарты второго поколения). — ISBN978–5–09–024002–4
11. Самсонова Е. К. Формирование гражданской идентичности младших школьников в условиях реализации стандартов нового поколения // Вектор науки ТГУ. Серия: Педагогика, психология. — 2013. — № 4. — С. 171–173.
12. Тишков В. В. Старые и новые идентичности [Электронный ресурс]: — Режим доступа: <http://valerytishkov.ru>
13. Фофанова М. И., Симонова Г. И. Формирование гражданской идентичности младших школьников // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2016. — Т. 28. — С. 215–217. [Электронный ресурс]: — Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2016/56521.htm>.
14. Федоров Г. М. Модульные курсы в школах Севера в интересах устойчивого развития / Современные проблемы науки и образования. — 2015. — № 5. DOI 10.17513/spno.128–23010
15. Touraine A. Production de la societe. / Pour la sociologie. // Année. — 1974. — № 33–34. — PP. 250–251. Editions du Seuil, 1973. 360 p.

© Федоров Гавриил Михайлович (gav.fedorov@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Республика Саха, Якутия

ОСОБЕННОСТИ УКАЗАТЕЛЬНО-ВЫДЕЛИТЕЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В АВАРСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

FEATURES OF INDICATIVE AND ADJECTIVES IN AVAR AND RUSSIAN

Kh. Abdulzhalilova

Summary. The article is an analysis of the characteristics of indicative-adjective adjectives with suffixes -m, -mur, -m, -ssa, which have the ability to translate into the definition almost any case and case-poslelozhnyu form, other names and adverbs of the Russian language.

Keywords: Suffix, matching, attribute.

Абдулжалилова Хадижат Исмаиловна

Дагестанский государственный медицинский университет, г. Махачкала, РД
abduljalilova58@mail.ru

Аннотация. Статья представляет собой анализ особенностей указательно-выделительных прилагательных с суффиксами а (б, в, й, л), -я(б, в, й, л), -йа(б, в, й, л), -се(б, в, й, л), которые обладают способностью перевести в роль определения почти любую падежную и падежно-последнюю форму, другие имена и наречия русского языка.

Ключевые слова: Суффикс, согласование, атрибутивность.

Особое место в системе прилагательных лакского языка занимают прилагательные с суффиксами а (б, в, й, л), -я(б, в, й, л), -йа(б, в, й, л), -се(б, в, й, л), указывающие на индивидуальный признак предмета, выделяя его из класса однородных предметов. Эти суффиксы по происхождению являются указательными местоимениями, в связи с чем прилагательные с данными суффиксами могут быть названы указательно-выделительными. Их значение в специальной литературе передается сочетаниями типа «тот, который»: хъахлаб «белая рубашка» (предполагается наличие рубашек разных цветов и одной белой), *меседил баргъич* «пойти по ближайшей дороге» (предполагается наличие нескольких дорог разной протяженности) и т.д.

По способности сочетаться с разными основами эти суффиксы более свободны по сравнению с суффиксом -сса, который с формой приименного родительного падежа не сочетается (ср.: душнил лу «книга девочки», но не *душнилсса лу). Суффиксы — а (б, в, й, л), -я(б, в, й, л), -йа(б, в, й, л), -се(б, в, й, л) не ограничиваются в сочетаемости, т.е. они могут превращать любые падежные, последовательно-падежные, наречные формы в ситуативные (речевые прилагательные): душнилмур гъухъа «девочкино платье», зунттул махъмур хлалу «роща за горой», ялувмур этаж «верхний этаж», шаппами яру «очки, находящиеся дома» и т.д.

Субстантивные словосочетания с указательно-выделительными прилагательными выражают самые разнообразные оттенки атрибутивных отношений:

- ◆ принадлежности: Саидлулми янна на шюшинна. «Одежду Саида я постираю»;
- ◆ материала: мечлалми буркай цлу чан хъуну бур «В чуду из крапивы соли не достаточно»;

- ◆ назначения: оьрчланми луттирду хъиннува ххуйсса биклан аьркинссар «Книги для детей должны быть ещё лучше»;
- ◆ деятеля: ниттилмур аякъа личиссар «Материнская забота совсем другая»;
- ◆ места: мурхъирайми гъивч цивппа бити, щявми батли «Яблоки на дереве не трогай, собери те, что на земле»;
- ◆ времени: хлакьинуми дарсру захлматсса дия. «Сегодняшние уроки были трудные» и др.

Все указательно-выделительные прилагательные согласуются с существительными в числе, а в единственном числе — и в классе. При этом в прилагательных противопоставлены два класса — класс мужчин и все остальные имена. Например:

Единственное число

класс мужчина не-мужчина

1. хъунама арс «старший сын»
2. хъуннамур щарсса «старшая женщина»
3. хъунмамур душ «старшая дочь»
4. хъуннамур нех «большая река»

Множественное число

1. хъуними арсру «старшие сыновья»
2. хъуними хъами «старшие женщины»
3. хъуними душру «старшие дочери»
4. хъуними нехру «большие реки»

Согласование в числе в лакском языке обладает некоторыми особенностями, отличающими его от согласования в русском языке. Как известно, собирательные и вещественные существительные (неисчисляемые)

в русском языке относятся к единственному числу: сельская детвора, городское жульё, сытый скот; густая пыль, чистое золото, первосортная пшеница и т.д. В лакском языке данные разряды слов не имеют форм множественного числа, но атрибутивы согласуются с ними во множественном числе: шяравуми (мн.ч.) халкь (ед.ч.) «сельское население», колхозралми (мн.ч.) гъаттара(ед. ч.) «колхозный скот», духми (мн.ч.) янна (ед.ч.) «старая одежда», бувцлуми (мн.ч.) къама (ед.ч.) «полное зерно» и т.д. Названия большинства разновидностей семян, плодов, ягод, обозначая недискретное множество, употребляются в форме единственного числа, но согласуемые с ними слова употребляются в форме множественного числа: бивми гъивч (3 кл.) «(все) спелые яблоки», дирми хъюрт (4 кл.) «(все) спелые груши» и т.д.

Как особенность разряда указательно-выделительных прилагательных можно отметить и то, что в них в неявной форме содержится сравнение, поэтому значение превосходной степени передаётся сочетанием качественного определителя яла́ «самый» с прилагательным с суффиксами -ма, -мур, -ми: яла ххирама арс «самый любимый сын», яла куртIмур хъхьири «самое глубокое море», яла лахъми зунттурду «самые высокие горы» и т.д.

К особенностям указательно-выделительных прилагательных относится и их способность субстантивироваться. Субстантивированные прилагательные теряют определяемые существительные и сами ведут себя как существительные. Такие слова становятся и словарными единицами (хъунама «начальник», ххирама «любимый», ххирамур «любимая» и др.), но чаще они приобретают значение существительных в тексте. Такие прилагательные изменяются и по падежам по особому, атрибутивному типу склонения (И. Х. Абдуллаев). В атрибутивном склонении в ед. числе косвенными основами противопоставлены мужчина и всё остальное, ср.:

- ◆ ххирама арс «любимый сын» — ххирама-на-л (1 кл., мужчина)
- ◆ ххирамур щарсса «любимая жена» — ххирамун-ни-л (2 кл.)
- ◆ ххирамур душ «любимая дочка» — ххираму-ни-л (3 кл.)
- ◆ ххирамур ссихъу «любимая кукла» — ххирамун-ни-л (4 кл.)

Во множественном числе, не всегда последовательно, противопоставлены люди (разумное) и не-люди (неразумные существа и неживые предметы). Ср.:

ххирами-нна-л (арсварал, хъаннил, душварал) — ххирами-нну-л (облал, тлутIал и т.д.).

СЛОВСОЧЕТАНИЯ С ОТНОСИТЕЛЬНЫМИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ

Словосочетания с относительными прилагательными непрерывно пополняются в русском языке. Относительные прилагательные являются производными словами, однокоренными со словами других частей речи (лимонный напиток, ореховая скорлупа, железный шкаф, дубильное вещество, лечебный корпус, третий этаж, ближний дом, дальний путь и т.д.).

Существительные, глаголы, числительные и наречия выступают в роли мотивирующих основ относительных прилагательных. В составе именных словосочетаний эти прилагательные выражают отношение к предмету через называемый признак. Характер выражаемых ими отношений самый разнообразный. Словосочетание может обозначать: а) признак по материалу (стальной клинок, железная крыша); б) признак по принадлежности (материнская ласка, козье молоко); в) признак по назначению (детский сад; свадебное платье); г) признак по свойственности (вечерний звон).

Большинство из подобных сочетаний являются синонимичными словосочетаниям с управляемыми предложно-падежными формами существительных (клинок из стали, ласка матери, платье для свадьбы, звон по вечерам), что обогащает язык и даёт возможности для стилистического варьирования.

Суффиксальный способ образования относительных прилагательных в лакском языке ограничен суффиксом — (а)ри, который может быть сопоставлен с суффиксами -ист-, -ат- в русском языке: чарттарисса ххуллу — каменный путь, къаттарисса тетрадь — клетчатая тетрадь и др. под. Но по данной модели образуется ограниченное количество слов, хотя отмечается тенденция активизации этой модели. Самые разнообразные отношения, выражаемые в русском языке относительными прилагательными, в лакском языке выражаются генитивом определяющего имени. Поэтому в лакском языке нет синонимических конструкций с разными способами выражения атрибутивных отношений, как в русском языке. Это создаёт значительные сложности для выражения разных оттенков атрибутивности и адекватного перевода распространённых словосочетаний русского языка. Так, например, сочетание Дагестанская государственная медицинская академия переводится так: Дагъусттаннал паччахIлугърал медициналул академия. Перевод может быть понят по-разному: «академия дагестанской государственной медицины», «медицинская академия государства Дагестана». Для преодоления таких трудностей в последнее время активно внедряется модель с суффиксом — ийсса, который в отдельных случаях позволяет разграничить разные оттенки атрибу-

тивности. Например, политическая структура (институт политики) и структура политики (состав политики) не синонимичны, и их значения разграничивает тип сочетания. Только употреблением родительного падежа эти значения разграничить невозможно, поэтому в первом случае употребляется относительное прилагательное: политическая структура, во втором случае — родительный атрибутивный: структура политики.

К относительным относятся и функционирующие в лакском языке ситуативные прилагательные, образуемые от существительных, обозначающих людей по профессии, занятиям: учительсса ппу «отец, который является учителем», депутатсса ссурахъу «двоюродный брат, который является депутатом» и др.

Словосочетания с притяжательными прилагательными

В русском языке выделяется особый разряд притяжательных прилагательных. Словосочетания с такими прилагательными отличаются тем, что они крайне редко

приобретают качественные значения. Способность приобретать оттенок качественного значения в словосочетании прежде всего имеют прилагательные с суффиксом -ий (свойственный, принадлежащий тому, кто назван мотивирующим словом): ребячий, кошачий, человеческий.

Притяжательным прилагательным на — ов,-ин развитие качественных значений не свойственно (дедов, папин, сестрин). Такие слова называют конкретную, единичную принадлежность (мамин халат; отцово место). Чаще отношение принадлежности передается формой генитива (место отца). В лакском языке особый разряд притяжательных прилагательных не может быть выделен, поскольку нет особых средств для обозначения притяжательности, которая обозначается родительным падежом существительного, как об этом говорилось выше. Выделение же притяжательных прилагательных в работах исследователей лакского языка (Г.Б. Муркеллинский) и других дагестанских языков является механическим переносом реалий русского языка на эти языки. Притяжательность в лакском языке — это категория чисто семантическая, но не грамматическая.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юсупов У.К. Лингводидактический аспект сопоставительного изучения языков // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку.— М., 1987.—С. 199–215.
2. Щерба Л.В. О понятии смешения языков // Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. 1.— М., 1958,— 182 с.
3. Шанский Н. М. Основные проблемы научно-исследовательской работы в области преподавания русского языка в национальной школе // Русский язык — язык межнационального общения народов СССР.— М., 1976.— С. 68–87.
4. Jakobson R. Implications of Language Universals for Linguistics //Universals of Language.— Cambridge, 1966.— Pp. 189–287.

© Абдулжалилова Хадиджат Исмаиловна (abduljalilova58@mail.ru). Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Дагестанский государственный медицинский университет

УДАРЕНИЕ В ЛАТИНСКИХ МЕДИЦИНСКИХ ТЕРМИНАХ, ЗАИМСТВОВАННЫХ ИЗ ГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА

IMPACT IN LATIN MEDICAL TERMS, BORROWED FROM THE GREEK LANGUAGE

R. Abdulkhalimova

Summary. The article discusses some debatable questions of stating the accent in anatomical and clinical terms of the Greek origin borrowed at the antique and post antique time. Some proposals for solving these problems are stated.

Keywords: Latin terms of Greek origin, stress, Greek, lexicology, anatomical terms, clinical terms, exceptions from stressing rules.

Абдулхалимова Раисат Омаровна

Ассистент, Дагестанский государственный медицинский университет, г. Махачкала
abdulxalimova76@mail.ru

Аннотация. В статье обсуждаются некоторые дискуссионные вопросы постановки ударения в анатомических и клинических терминах, заимствованных из греческого языка и предлагаются оптимальные пути их решения.

Ключевые слова: латинские термины греческого происхождения, акцентологические правила латинизации, анатомические термины, клинические термины, исключения из акцентологических правил.

Правила ударения в латинском языке сравнительно просты, в медицинском латинском языке существует немало дискуссионных вопросов акцентологического плана в отношении латинских терминов. Поэтому считаем необходимым обсудить постановку ударения в греческих заимствованных словах в латинской медицинской терминологии.

Ударение в словах, заимствованных в латинский язык из греческого, определяется по правилам постановки ударения латинского языка [1].

Анализ лексического минимума латинской медицинской терминологии, свидетельствует, что по этим же правилам проходила латинизация греческой лексики и в средние века, и в последующие эпохи [3]. Для подтверждения этих выводов мы приводим примеры лексики, входящей в современные лексиконы латинской медицинской терминологии [4]. Итак, двухсложные греческие слова, без каких-либо исключений, ассимилируются в классической с ожидаемым ударением на первом слоге:

Латинское заимствование
Перевод

στρον
ástrum
звезда
βολβ
búlbus
Délos
Делос
χολ
chóle
желчь

Первое слово в латинских неологизмах centimētrum, milimētrum, как и в заимствовании античного периода diamēter (= diamētros) сохраняет краткость гласного -ε-, а второе сохраняет долготу гласного -η- в новолатинских терминах hydromētra, ruomētra etc. Отметим также слово λτρα → лат. lítra (литра, мера веса), которое в латинских неологизмах millilitrum, decalitrum сохраняет долготу своего гласного -ī-, и слово ατρς, в котором предпоследний гласный «альфа» долгий, и его долгота сохраняется в латинских терминах paediātri, psychiāter etc.

Уже эти примеры показывают, что при переходе в латинский язык сохраняется долгота или краткость слога греческого этимона, обусловленная наличием долгой или краткой гласной, и это, соответственно, определяет место ударения в латинском заимствовании:

Греческий этимон
Латинское заимствование
Значение (в медицинской терминологии)

μβολος
émbölus
эмбол
μασσητρ
massēter
жевательная (мышца)
σκτωμα
scotōma
потемнение в глазах, обморок
τυμpanον
tympanum
барабан

Отдельно приведем примеры для иллюстрации перехода в латинский лексикон греческих слов с дифтонгами -αι-, -ει-, -οι-:

Греческий этимон
Латинское заимствование
Значение

γάγγραινα
gangraēna (=gangrēna)
гангрена
κολοσσαός
colossaēus (=colossēus)
колоссальный
μουσαός
musaēus
мусический
Εβοία
Euboēa
Эвбея
διάρροια
diarrhoēa
диарея, понос
πλατεα
platēa
улица
τραχέα (αρτηρα)
trachēa (artēria)
трахея

Приведенные примеры указывают нам на истоки и причины современного произношения латинских существительных diarrhoēa, trachēa, а также слов peripneum (из гр. περναϊον) и peritoeum (из греч. περιτναιον). Но они же свидетельствуют, что греческий дифтонг -αι-, находящийся в предпоследнем слоге, при латинизации переходит в латинский дифтонг -ae- с последующим переходом в долгий -ē-, который сохраняет долготу слога, ср.: gangraēna = gangrēna.

Подобного рода греческие заимствования с двойным написанием встречаются и в словаре латинского языка, особенно много в этих словарях прилагательных с финалями -aēus/-ēus, передающих принадлежность к какому-то предмету или субъекту.

Немало ошибок в правильную постановку ударения в латинских терминах вносит перенос места ударения в русском эквиваленте термина языке на латинский эквивалент слова, сравним хотя бы следующие примеры:

Греческий элемент и его значение
Латинский термин
Русский эквивалент термина

κτος полость, вместилище, сосуд
erythrócŷtus
эритроцит
πολλους многоногий, полип
rólypus
полип
φλεγμον воспаление
phlégmōne
флегмона
διγνωσις распознавание
diagnōsis
диагноз
χμα влага, жидкость
parénchŷma
паренхима
γνος род, происхождение
allérgēna
аллергены
φυτη растение
osteóphŷta
остеофиты
προσττης стоящий впереди
próstata
простата

Профилактика подобных явлений должна начинаться еще со студенческой аудитории первого курса, где обучаются будущие врачи и фармацевты. Естественно, что знания, приобретенные по теме «Правила ударения», должны постоянно подкрепляться и углубляться в течение всего курса латинского языка и соответствующей терминологии. Но для этого и сам латинист должен обладать достаточными знаниями. Если это специалист с классическим образованием, то он не только должен знать основы греческого языка, но понимать закономерности фонетической ассимиляции греческих слов в латинском языке.

В дагестанском государственном медицинском университете г. Махачкала, для понимания проблем, связанных с передачей учащимся достаточного объема знаний, необходимых для осознанного понимания роли греческих языковых элементов в латинской терминологии введен 32-часовой курс «Ударение в заимствованных словах», в который включены различия в постановке ударения в латинских и русских вариантах терминов. Также, кафедра латинского и иностранных языков ДГМУ с кафедрой патанатомии собирается выпустить уже третье издание справочного пособия «Ударение в современной Международной анатомической терминологии». Аналогичная работа готовится к печати совместно с кафедрой физиологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнаудов Г. Д. Медицинская терминология на пяти языках / Г. Д. Арнаудов. — София: Медицина и физкультура, 1964. — XXIV + 1029 с.
2. Гасанов В. Ш. Греческие лексические заимствования в латинском языке. — Махачкала: ДГПУ, 2015. С. 51–56.
3. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь: ок. 50~<000 слов. — 3-е изд., испр. / И. Х. Дворецкий. — М.: Рус. яз., 1986. — 840 с.
4. Международная анатомическая номенклатура (с официальным списком русских эквивалентов) / под ред. Д. Л. Колесникова. — М.: Медицина, 2003. — 224 с.
5. Какваева С. Б. Некоторые проблемы постановки ударения в курсе латинского языка медицинских вузов // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках: Матер. V Республ. научн. конф. — Махачкала: ДГПУ, 2016. — С. 276–281.

© Абдулхалимова Раисат Омаровна (abdulxalimova76@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭТАП АКАДЕМИКА ТОФИКА ГАДЖИЕВА В ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКА «КИТАБИ-ДЕДЕ КОРКУТ»

THE STAGE OF THE ACADEMICIAN TOFIK HAJIYEV IN THE HISTORY OF THE RESEARCHING THE MONUMENT OF "KITABI-DEDE KORKUT"

V. Agayeva

Summary. Despite of that the epic "Kitabi-Dede Korkut" has been known to the scientific world for more than two centuries, its' researching continues unabated. These studies are carried out on various aspects of this epic and describe it from different prisms. Academician Tofik Hajiyev had been played a special role in these studies of the epic "Kitabi-Dede Korkut". T. Hajiyev is one of the eminent Korkut studiers of our time. The scientist has original ideas about the language and style of the epos, as well as its place of origin, the mythological worldview. The coverage of the study of his writings on the "Kitabi-Dede Korkut" epos is important for linguistic science. The article is devoted to these issues and is associated with the study of the comments of the scientist on Kitabi-Dede Korkut.

Keywords: the epos "Kitabi-Dede Korkut", Tofik Hajiyev, Azerbaijani language, history of Azerbaijani language.

Агаева Вусала Сакит кызы

PhD, Азербайджанский университет языков, г. Баку
vagayeva905@gmail.com

Аннотация. Несмотря на то, что эпос «Китаби-Деде Коркут» известен научному миру более двух веков, его исследования неустанно продолжаются. Эти исследования проводятся по разным аспектам данного эпоса и освещают его из разных призм. В данных исследованиях эпоса «Китаби-Деде Коркут» академик Тофик Гаджиев сыграл особую роль. Т. Гаджиев является одним из выдающихся коркутоведом современности. Ученый имеет оригинальные представления о языке и стиле эпоса, а также о его месте происхождения, мифологическом мировоззрении. Освещении исследования его трудов об эпосе «Китаби Деде Коркут» важны для лингвистической науки. Статья посвящена этим вопросам и связана с исследованием комментариев ученого по «Китаби-Деде Коркут»у.

Ключевые слова: эпос «Китаби-Деде Коркут», Тофик Гаджиев, азербайджанский язык, история азербайджанского языка.

С тех пор, как эпос «Китаби-Деде Коркут» стал известен миру науки, ряд выдающихся исследователей стал заниматься его изучением, поскольку этот великолепный памятник литературы всегда был в центре внимания лингвистов и литературных критиков. В Азербайджане научный интерес к этому памятнику тоже был достаточно высок. В 1959 году А. Демирчизаде, подробно изучив языковые свойства эпоса, написал о нем монографию под названием «Язык эпоса «Китаби-Деде Коркут»». В данной монографии автор делает следующие выводы: «...«Китаби-Деде Коркут» является памятником времен начала контакта между азербайджанским и персидским языками, т.е. данный памятник был создан в первой половине IX и XI веков и поэтому содержит новые языковые элементы, которые недавно были включены в состав азербайджанского языка и тем самым этот эпос отражает начальный этап данного процесса.

Во-вторых, с исторической точки зрения, «Китаби-Деде Коркут» интересен тем, что по материалам этой книги можно установить, специфические черты огузского языка (на котором была написана данная книга) в те времена, поскольку здесь употребляется очень много лексических параллелизмов из языков разных тюркских народов. Если пользоваться классификацией М. Кашгарского, можно

сказать, что огузские и кипчакские элементы, а также элементы языков, которые М. Кашгарский называл тюркскими, использовались здесь параллельно» [5, 26].

В современном «Коркутознании» Тофик Гаджиев считается одним из выдающихся исследователей, который отличается своим почерком. Если среди исследователей памятника «Деде Коркут» А. Демирчизаде и С. Ализаде оцениваются как самые выдающиеся, то Тофик Гаджиев тоже занимает особое место в этом ряду. А. Демирчизаде все больше изучал язык и стилистические свойства огузнаме, а С. Ализаде работал над текстом и переводом памятника. Т. Гаджиев, как известный языковед-историк, широко прокомментировал древние особенности, лингвистические факты, фонетические, лексические и грамматические черты азербайджанского языка. По мнению Тофика Гаджиева, эпос «Деде Коркут» является частью серии «Огузнаме». Учитывая данный факт, исследователь пишет: «Дрезденский экземпляр «Деде Коркут»а был назван таким образом: «Китаби-Дедем Коркут эла лисани-таифеи-огузан». Это означает, что части эпоса (они называются боями) относятся к серии «Огузнаме». Но данный «Огузнаме» полностью является памятником азербайджанского языка» [6, 105]. Далее ученый в одной из своих заметок пишет: «Конечно, героические эпосы, в том числе и книга «Деде

Коркут», являются исторической памятью народа. Тем не менее, в тюркской культуре эпос «Деде Коркут» единственная книга, которая является письменным памятником огузов, и в первую очередь, азербайджанских турков. Устная традиция, пройдя через века, передаваясь из уст в уста варьируется. А значит, таким образом, она меняется, расширяется и, что еще хуже, подвергается субъективным вмешательствам. Например, после входа Киргизии в состав Российской империи в «Манас» добавили еще одну часть под названием «Дружба с русскими». Но в отличие от «Манас» книга «Деде Коркута», оставаясь письменным памятником азербайджанского народа, сохранилась в памяти народа без каких-либо изменений» [7, 4].

В исследованиях Низами Джафарова мы также сталкиваемся со схожими мыслями. По его словам, по своей типологии, происхождению «Китаби-Деде Коркут» является примером словесного языка (и мышления!).

Эпос «Деде Коркут», как мы уже упоминали, является огузским эпосом средневековья, а это означает, что, во-первых, в эпосе «Деде Коркут» сохранились некоторые признаки древнетюркской эпической мысли; во-вторых, в этом эпосе определяются идеологические и эстетические основы азербайджанско-тюркской этнической идентичности в конце средневековья. По этой причине, в эпосе «Деде Коркут» (фактически в «Китаби-Деде Коркут») можно встретить элементы, мотивы и формулировки древнетюркского эпоса (с середины I тысячелетия до середины I тысячелетия н.э.), а также азербайджанско-тюркского эпоса (после 15-го века), но это не отрицает того факта, что данный эпос, на самом деле, является событием, явлением огузского эпического мышления эпохи раннего средневековья. Наблюдения показывают, что три исторических эпохи тюркского эпического мышления — древнее, ранее средневековье (с середины I тысячелетия до середины второго тысячелетия) и средневековье, не являлись простой механической сменой эпох — их надо оценивать как эволюционные периоды тюркского эпического мышления» [4, 90].

Говоря о языке книги «Деде Коркут», Тофик Гаджиев описывает азербайджанскую огузнаме, т.е. книгу «Деде Коркут», с трёх точек зрения:

1. Хроники, относящиеся к каждому из мировых героических эпосов (А. Рыбаков), отражаются здесь с великолепием науки и истории. Даже в той степени великолепия, что образы эпоса многие связывают с конкретными историческими личностями.
2. Этот эпос является одним из совершеннейших произведений, не только по сравнению со схожими огузнаме, но и безупречен среди всех героических эпосов древнего и раннего средневековья и вообще художественных произведений.

3. Данное произведение является единственной письменной эпопеей средневековья не только азербайджанской литературы, но и всех тюркских народов. Данный факт является ценным потому, что он свидетельствует о глубокой древности истории данного эпоса, народа создавшего его, а также истории его языка» [9, 5].

По мнению Тофика Гаджиева, несмотря на то, что этот «Огузнаме» в целом является памятником азербайджанско-тюркского языка, в его языке есть много схожих черт с другими тюркскими языками, особенно с языками огузской группы. Это объясняется тем, что данный эпос относится к начальной эпохе средневековья, в которой еще только-только начиналась дифференциация тюркских языков. А в такой период у языков бывает очень много схожих черт. Тем не менее, в языке книги «Деде Коркут» нет деталей, которые не связаны с лексико-семантическим и грамматическим развитием азербайджанского языка. Основной лексический фонд языка книги «Деде Коркут» соответствует основному лексическому фонду азербайджанского национального языка. Сотни слов на языке эпоса соответствуют по лингвистическому смыслу, семантике, характеристике фонетического произношения и морфологической структуре не только в период национального языка, но и в начальную эпоху национального языка. Даже в современном азербайджанском языке они остаются такими же [6, 105].

Своеобразный подход Т. Гаджиева к данному эпосу можно увидеть и по отношению к названию саги. Ученый называл эпос не так, как указывалось в рукописном варианте оригинала: «Китаби-Дедем Коркут эла лисани-таифеи-огузан» (на персидском языке), а на его родном азербайджанском языке, как "*Dədə Qorqud kitabı*" — «Книга Деде Коркута».

Ученый правильно отмечает, что эпос не является продуктом определенного периода времени, и будет неправильным отнести его к определенной географической карте. Но топонимическая система и языковые особенности доказывают, что он был создан именно на территории Азербайджана. «... поскольку эпос не был создан в течение определенного периода времени, попытки размещения его в определённых географических координатах можно считать насильем. Если огузы исторически были расселены в разных регионах, то здесь должны быть видны следы исторической географии огузов. Историческая география огузов, за исключением Сибири, охватывает почти все нынешние тюркские государства. В этих регионах появились много огузнаме. Но это произведение, которое мы имеем на данный момент, как упоминалось выше, является именно азербайджанским огузнаме. Принадлежность данного памятника Азербайджану, помимо языковой

близости и этнографической совместимости, прежде всего подтверждается фактами географического положения, которое отображается в топонимических названиях в эпосе: Барда, Капылар Дербенди, Карабах, гора Караджук (Горный хребет в нынешнем Ходжавендском районе Карабаха) Дерешам (на территории Нахичевана), море Гёкча (нынешнее озеро Гёкча), крепость Элинджа (Нахичеван) и т.д.» [9, 7].

Ученый отмечает, что в данном вопросе подтверждает идею известного российского исследователя В. Бартольда. Исследуя географию «Китаби-Деде Коркут» а В. Бартольд отмечает: «Независимо от происхождения легенды о Коркуте, который играл на гопузе и был певцом — шаманом, эта эпическая серия, связанное с именем Коркута вряд ли могла быть создана за пределами кавказской среды» [9, 8]. В статье В. Бартольда под названием «Турецкий эпос и Кавказ», на которую ссылается автор, указывается, что эпосы про Коркута или связанные с Коркутом изначально были распространены в Туркестане, где жили огузы до переселения на Кавказ. Даже сылаясь на Чокана Велиханова, ученый дает информацию о первом шамане по имени Хорхурт, а также отмечает, что даже Родлов сам увидев шаманов, описывает их музыкальный инструмент под названием гопуз [1, 112].

Интересно, что и А. Демирчизаде, приводя в пример нижеуказанный отрывок из «Деде Коркут», который является широко распространенным среди народа:

*Gəlinə ayran demədim mən Dədə Qorqud,
Ayranə doryan demədim mən Dədə Qorqud.
İgnəyə tikan demədim mən Dədə Qorqud,
Tikana yırtan demədim mən Dədə Qorqud.*

(Я — Деде Коркут не назвал невесту разлучницей, Я — Деде Коркут не назвал айран (кисломолочный напиток) сытным, Я — Деде Коркут не назвал иглу шующим, Я — Деде Коркут не назвал шипы разрывающим — перевод от Агаевой В.).

Он отмечает, что в свое время М.Ф. Ахундов с целью демонстрации легкости письма на новом алфавите, на ряду с множеством примеров, своим почерком написал тот же отрывок, и, комментируя его, отмечает, что эти примеры имеют столетнюю давность: «М. Ф. Ахундов написал «Хортхорт», а не «Горгуд», так как этот пример был написан так, как был поизношен в устной народной речи» [5, 11]. А это значит, что употребление в народе имени «Коркут» как «Хортхорт» до эпохи М.Ф. Ахундова было связано с общетюркским характером этого эпоса.

Тофик Гаджиев считает нецелесообразным вывод территории эпоса за пределы Азербайджана, и, в частности, считает беспочвенными идеи Фаика Сумера. Как извест-

но, Ф. Сумер отмечает, что эпос «Деде Коркут» перемещён из Туркменистана в Анатолию. Об этом мы читаем в его книге «Огузы»: «В результате переселения огузов с XI по XIV в. большая часть Анатолии стала известной как огузская (туркменская) страна, и иностранные авторы XIV века не учли данный факт. Когда огузы пришли в Анатолию, они принесли с собой в эти края свои материальные и духовно-культурные ценности. Моральная личность Деде Коркута, могила которого находится в Сыр-Дарье, прибыла в Анатолию вместе с эпосом» [10, 18]. По мнению исследователя, более точное и ясное суждение о физико-географическом положении эпоса принадлежит азербайджанскому коркутоведцу Ш. Джамшидову [9, 8]. По мнению же Тофика Гаджиева, география эпоса не выходит за пределы Азербайджана и в этом смысле он соглашается с идеями Ш. Джамшидова и В. Бартольда: «Одним из убедительных моментов является то, что Джамшидов представляет список современных азербайджанских микротопонимов, связанных с именами персонажей эпоса. Интересно, что эти микротопонимы обычно расположены недалеко друг от друга и часто граничат друг с другом: например, территории таких районов, как Ханлар, Горанбой, Тавуз, Гянджя, Евлах, Агджабеди, Лачин, Губадли, Джабрайыл и др.». Аргументы В. Бартольда и Ш. Джамшидова о географической принадлежности эпоса более разумны, и большинство коркутоведов с ними согласно — данный географический ареал является историческим и нынешним Азербайджаном» [9, 8].

Тофик Гаджиев, говоря об эпосах «Деде Коркут», сравнивает их с шумерскими эпосами и приходит к невероятно интересным выводам. Как известно, даже первые исследователи эпоса «Китаби Деде Коркут» отмечали, что данный эпос имеет схожую сюжетную линию с другими эпосами. Например, впервые исследовавший этот эпос немецкий востоковед Фридрих фон Диц указывал, что некоторые мифологические сюжеты отраженные в эпосе, особенно сюжет связанный с Тепегёзом, привели к созданию сюжетов древнегреческих мифов. Диц в своем исследовании сравнивает образ Тепегёз из «Деде Коркут» с образом Полифема из «Одиссеи» Гомера, и считает, что Тепегёз является более древним чем Полифем.

Р.Т. Джавадова пишет: «Немецкий востоковед Фон Диц был первым, кто обнародовал и представил этот памятник миру. Именно он нашёл в библиотеке Дрездена эпос «Деде Коркут», который состоит из введения и 12 частей (бой), в 1815 году перевел на немецкий язык «Часть о том, как Басат убил Тепегёза» и опубликовал как новый вариант сказообразного сюжета ослепления одноглазого циклопа Полифема из «Одиссея». Автор также, переписав весь текст из оригинала, передал эту копию в Берлинскую библиотеку короля. В 1857 году в Германии Вильгельм Гримм также включил данную часть

в свою хрестоматию под названием «Циклопы мира» и сам же её опубликовал» [3, 38].

По мнению Т. Гаджиева, мифы-эпосы шумеров и азербайджанский героический эпос «Китаби-Деде Коркут» генетически связаны. Исследуя эту точку зрения, ученый пишет: «... Орхонские эпосы, книга «Деде Коркут» и шумерские эпосы с первого взгляда схожи. Повторы, параллелизмы встречающиеся в орхонских, коркутских эпосах перекликаются с языковой поэтикой шумерских эпосов. Шумерские, орхонские и коркутские эпосы были созданы стихотворными текстами. Это самая древняя форма создания эпоса, как в случае шумерских эпосов и последующих тюркских эпосов» [8, 13].

Развивая свои идеи, Тофик Гаджиев указывает на сходные черты тюрко-азербайджанских эпосов и их содержания. По мнению ученого, существуют также конкретные линии, которые отражают связь шумерских мифов, эпосов, т.е. шумерского героического века. «Шумерские мифологи дают космологическую информацию в введении эпоса и восхваляют богов. Это своеобразная эстетическая структура начала эпоса. Я думаю, что «устаднаме» (вводная часть эпоса) в турецко-азербайджанском эпосе основана на этом фундаменте» [8, 16].

Обобщая вышесказанное, следует отметить, что в эпосе «Китаби-Деде Коркут», как и во многих древних эпосах, древний мифологический слой, проявляя себя, дает основу параллелизации с другими древними эпосами. К. Абдулла, рассуждая о древнем мифологическом слое эпоса «Китаби-Деде Коркут», пишет: «С первоначальных, древних, рассветных этапов античного периода до порога средневековья самые различные художественно-эстетические, социально-психологические, когнитивно-прагматические критерии и образцы в таких текстах появляются в сжатых (suggestive), скрытых или совершенно очевидных формах, образно говоря, как

раскрытый веер. Даже некоторые ситуаций, с которыми мы сталкиваемся в эпосе «Китаби-деде Коркут», иногда позволяют нам воспринимать древнюю античность, которая является целым культурным наследием, как самые старые временные рамки, а не как самый последний вариант раннего периода. Потому что, на наш взгляд, некоторые моменты в эпосе «Китаби-Деде Коркут» могут привести нас к доисторическому жизненному циклу первобытного человека, в которой он начал растождествляться с природой» [2, 12].

Среди исследователей истории азербайджанского языка исследования Тофика Гаджиева имеют особое значение. В исследованиях выдающегося ученого особое внимание уделяется изучению языка эпоса «Китаби-Деде Коркут». Одна из основных проблем, о которых упомянул ученый, говоря о книге «Деде-Коркут» — это ее лингво-поэтический анализ. По мнению Тофика Гаджиева, текст «Деде Коркута» не является прозой, и он был первоначально создан в стихотворной форме. В этом отношении выдающийся коркутовед делает 4 вывода: 1) Это проза не является синтаксисом. Комплексный анализ лексико-просодических свойств синтаксиса предполагает, что огузнаме «Деде Коркуд» первоначально был создан как поэтическое произведение. 2) Одной из причин, по которой синтаксис «Деде Коркуд» не поддавался иным влияниям, это то, что синтаксис эпоса имеет поэтическую технику — иное влияние всегда относилось к лексическому составу национальной поэзии; 3) аллитерация и слоговая техника одинаково являются начальными в турецкой поэзии; 4) В XVI веке книга «Деде Коркут» была переписано с другого, безусловно, более древнего экземпляра. Если бы данная книга была и в правду написано в XV веке, её язык отредактировался бы как у «Шухадетнаме» [6, 123].

Подводя итоги, надо отметить, что эпоха академика Тофика Гаджиева в изучении памятника «Китаби-Деде Коркут» является новым этапом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бартольд В. Турецкий эпос и Кавказ // Книга моего Деда Коркуда. М-Л, 1962, с. 109–120
2. Abdulla K. “Kitabi-Dədə Qorqud” poetikasına giriş. Bakı, RS Poliqraf, 2017, 320 s.
3. Cavadova R. “Kitabi-Dədə Qorqud” dastanının tədqiq və nəşr tarixindən, Bakı Universitetinin xəbərləri, 2013, № 2, s.38–44
4. Cəfərov N. Azərbaycanşünaslığın əsasları. Bakı, Pedaqogika, 2005, 256 s.
5. Dəmirçizadə Ə. M. “Kitabi-Dədə Qorqud” dastanlarının dili. Bakı, Elm, 1999, 140 s.
6. Hacıyev T. Azərbaycan ədəbi dili tarixi. İki cildə, I hissə, Bakı, Elm, 2012, 476 s.
7. Hacıyev T. “Dədə Qorqud kitabı” ilk yazılı yaddaşımızdır. Kitabi-Dədə Qorqud. Əsil və sadələşdirilmiş mətnlər. Bakı, “Öndər nəşriyyat”, 2004, 376 s.
8. Hacıyev T., Kramerin S. “Tarix Şumerdə(n) başlayır”. Seçilmiş əsərləri. 2 cildə, II cild. Bakı, Elm, 2017, 490 s.
9. Hacıyev T. Dədə-Qorqud: Dilimiz, düşüncəmiz. Bakı, Elm, 1999, 214 s.
10. Sümər F. “Oğuzlar” Bakı, MBM, 2013, 456 s.

АРМЕЙСКАЯ СУБКУЛЬТУРА США ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКОМ РАКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

THE U.S. MILITARY SUBCULTURE FROM EXTRALINGUISTIC PROSPECTIVE (AS EXEMPLIFIED IN ENGLISH)

M. Angaleva

Summary. This study pertains to the anthropocentric research paradigm and focuses on the nature of such phenomena as “ethnos”, “culture” and “language”. The study’s theme relevance is determined by the importance of theoretical and practical analysis of issues related to intercultural communication. The object of this paper is the extralinguistic aspect of the U.S. military lingo. The subject area embraces distinctive linguistic phenomena of the military subcultural milieu, going back to the historical and cultural heritage of military society and thus characterized by extralinguistic context. The material of the English language shows that the success of intercultural interaction is largely determined both by high level of linguistic competence and background knowledge of a certain cultural space regarded as a communication context.

Keywords: U.S. military subculture; serviceman; military lingo; intercultural communication; background knowledge; semantic implicitness; extralinguistic factor.

Ангалева Мария Анатольевна

К.филол.н., доцент, ФГКВОУ ВО «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации
angalevama@yandex.ru

Аннотация. Настоящая работа выполнена в русле антропоцентричной парадигмы исследований и определяется характером взаимоотношений между феноменами «этнос», «культура», «язык». Актуальность избранной темы обусловлена важностью теоретико-практической разработки вопросов, лежащих в научном поле межкультурной коммуникации. Объектом настоящего исследования выступает армейский субъязык социально-профессиональной группы военнослужащих США в его экстралингвистическом аспекте. Предметную область исследования составляют самобытные языковые феномены армейской субкультурной среды, восходящие к историко-культурному наследию военного социума и характеризующиеся свойством экстралингвистичности. На материале английского языка показано, что успех межкультурного взаимодействия определяется не только высоким уровнем лингвистической компетенции коммуникантов, но и в значительной мере детерминирован уровнем владения фоновыми знаниями о некоем культурном пространстве, выступающем в качестве контекста коммуникации.

Ключевые слова: армейская субкультура США; военнослужащий; армейский субъязык; межкультурная коммуникация; фоновые знания; семантическая имплицитность; экстралингвистический фактор.

Тезис о том, что успех «межкультурного диалога» обуславливается не только языковой компетенцией, но и разделяемой коммуникантами совокупностью фоновых знаний, едва ли подлежит сомнению. Объектом настоящего исследования выступает профессиональный субъязык армейского языкового коллектива США в его экстралингвистическом ракурсе. Подчеркивается неоспоримая значимость владения представителями различных лингвокультурных ареалов этнографической, исторической, культурологической и иной подверженной динамике информации о данном культурном пространстве, выступающем в качестве «разделенного знания» (Hirsch 1988). Предметную область исследования составляет речевой портрет собирательного образа американского военнослужащего, характеризующийся свойством семантической завуалированности.

Возникновение в середине XX в. общей теории перевода как самостоятельной лингвистической дисциплины способствовало осмыслению проблемы «культурного барьера» и способов его преодоления через передачу «фоновых знаний», «внеязыковых элементов», «ситуа-

тивных реалий». В процессе осмысления проблемы взаимоотношения языка и культуры, Э. Сепир неоднократно подчеркивал, что «язык приобретает всё большую значимость в качестве руководящего начала в научном изучении культуры». Проводя параллели между Великобританией и США, традиционно относимых к странам с общим «англосаксонским» культурным наследием, ученый постулирует следующие. «Общность языка не может до бесконечности обеспечивать общность культуры, если географические, политические и экономические детерминанты культуры перестают быть одинаковыми в разных ареалах его распространения» [7, с. 190–191].

В своих рассуждениях о переводе как особом виде речевой коммуникации, А.Д. Швейцер подчеркивал, что «теория перевода не ограничивается анализом его языкового механизма», поскольку переводческая деятельность предполагает взаимодействие не только языков, но и контакт культур. Предмет теории перевода включает в себя «процесс перевода в широком социокультурном контексте с учетом влияющих на него внеязыковых факторов — его социальных, культурных и психологических детерминантов» [10, с. 8–9]. Схожую мысль находим

у В. Н. Комиссарова. «Изучение культурной обусловленности разных сторон вербальной коммуникации представляет большой интерес для переводоведения. <...> Реальная жизнь опровергает утверждения об обособленности и принципиальной взаимной непроницаемости культур» [2, с. 70–71].

Вопрос о лингвистической релевантности фоновых знаний в контексте армейской субкультуры сохраняет свою актуальность. Как отмечает

А. С. Романов, знание культурно-исторического и социального фона данного культурного окружения выступает неизменным условием корректной интерпретации и передачи стилистических нюансов речевого высказывания. «Доступ к общему для участников коммуникации языковому коду далеко не всегда становится залогом успеха диалога культур, что в значительной степени повышает важность фоновых социокультурных знаний» [5, с. 126]. Под фоновыми знаниями, согласно Т. В. Жеребило, понимается обоюдное знание коммуникантами реалий материальной жизни, ситуативных и коннотативных реалий, обозначаемых языковыми знаками. Фоновые знания являются основой национально-культурного владения языком [1, с. 434]. Так, например, корректная интерпретация лаконичной выдержки из устава бронетанковых войск США *“Armor is an arm of speed and violence”* возможна лишь в том случае, если багаж фоновых знаний переводчика содержит необходимые сведения о специфике текстов военного и военно-технического характера: «Бронетанковые войска представляют собой род войск, способный вести высококомандежные и решительные боевые действия» [5, с. 125].

Природа социально-профессиональной среды военнослужащих отражена не только в формализованных уставных отношениях, но и реализуется в неформальных нормах и правилах вербального и невербального поведения. «Социально-профессиональная каста военнослужащих определяется прежде всего онтологическим предназначением и самобытностью культурного наследия, особой ментальностью, историей, традициями, символикой, военным подязыком, стандартами вербального и невербального поведения» [3, с. 153]. Обратимся к иллюстративному материалу.

Как известно, под понятием «каста» понимается строго обособленная группа людей, связанных происхождением, родом профессиональной деятельности, правовым статусом и т. д. В автохтонном языковом сознании носителей американской лингвокультуры бытует устойчивое мнение о том, что воинское служение — основанный на подлинном чувстве патриотизме, жертвенный, а потому славный путь. Пройти по этой

дороге, пролегающей между бытием и небытием, жизнью и смертью, — удел избранных. Ср., например, *“Our freedom has been earned through the blood and sweat and sacrifice of American heroes,” Trump said* [19]. *“But there is a unique dignity that comes from stepping forward, as a volunteer, and placing one’s life in harm’s way in commitment to a greater cause <...>”* [13].

В разнообразных устойчивых формулах повседневного общения военнослужащих эксплицировано стереотипное представление об армии, как социальном институте, связанном с риском для жизни. Идея перманентной угрозы жизни и здоровью военнослужащего транслируется через клишированные изречения *complacency kills* — самоуверенность убивает и *keep your head on a swivel* — держи ухо востро, никогда не теряй бдительности; *If you can’t stand the heat, get out of the kitchen* — взялся на гуж — не говори, что не дюж. Ядерным компонентом анализируемой ФЕ значится лексема *heat*, передающая сему опасности «военной кухни» [5, с. 128], [6, с. 164]. Схожей семантикой наделены следующие фразеологические единицы: *go West / hit the glory road* — погибнуть; *fight to the bitter end* — сражаться героически, сражаться до последней капли крови; *die with one’s boots on* — погибнуть при исполнении воинского долга; *death is the great leveler* — перед лицом смерти все равны [8, с. 37], [18, с. 145, 150].

Распространенные в армейской среде США изречения *if you’re on time, you are late!* / *to hurry up to wait / standby to standby / to arrive 15 minutes prior to 15 minutes prior* соотносятся с семантикой «ефрейторского зазора» и отражают специфику армейского образа жизни, подчиненного строгой дисциплине, требованиям воинских уставов и неукоснительному соблюдению регламента служебного времени [5, с. 128–129], [12].

Естественным спутником застольных благопожеланий в армейской, как, впрочем, и любой другой среде, выступает винопитие. Отказ от участия в застолье может быть встречен неодобрением и критикой со стороны сослуживцев. Подтверждением сказанному послужит юмористическое изречение, позаимствованное нами из морского фольклора ВС США: *a toast with water will die by drowning* — тост утрачивает всякий смысл в том случае, если бокал наполнен водой [4, с. 87–88], [15].

Официальным девизом СВ вооруженных сил США выступает лаконичное «This we’ll defend». Дословный перевод изречения не дает ответа на вопрос о том, что же подразумевается под указательным местоимением *this*. Основное предназначение Континентальной армии США, сформированной в июне 1775 г., заключалось прежде всего в поддержке национально-освободительного движения и защите американских поселений от колони-

ального гнета Британской короны, о чем свидетельствует приводимая ниже цитата Дж. Вашингтона: "The Army of the United Colonies, and of all the forces now raised, or to be raised, by them, and of all others who shall voluntarily offer their service, and join the said Army for the Defence of American liberty, and for repelling every hostile invasion thereof" [14]. Импликация девиза заключается в том, что военнослужащие призваны защищать свободу, независимость и американский образ жизни, выступающие ключевыми ценностными категориями американской нации [16]. На основе приведенного изречения в сознании реципиента выстраивается милитарная метафорическая модель U.S. Soldier — Defender of Freedom and American Way of Life. Именно поэтому официальный девиз СВ США подлежит переосмыслению: "This we'll defend" – «На страже свободы США» [3, с. 155], [11].

Приведенные примеры наглядно демонстрируют богатство палитры армейского идиома, высвечивают аксиологические доминанты армейской субкультуры, составляющие ядро этоса американского военнослужащего. Рассуждая о важности постижения языковедами экстралингвистической стороны языковых сущностей, Э. Сепир постулирует следующее: «Чрезвычайно важно, чтобы лингвисты, которых часто обвиняют и обвиняют справедливо в отказе выйти за пределы предмета своего исследования, наконец, поняли, что может означать их наука для интерпретации человеческого поведения вообще. Нравится им это или нет, но они должны будут все больше и больше заниматься различными антропологическими, социолингвистическими и психолингвистическими проблемами, которые вторгаются в область языка» [8, с. 181].

ЛИТЕРАТУРА

1. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.
2. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Учебное пособие.
3. М.: ЭТС. 2002. 424 с.
4. Романов А. С., Шнякина К. В. Девизы родов войск и видов вооруженных сил США в контексте этнокультурной стереотипизации // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки» - № 9-2, -2018, - С. 152–157.
5. Романов А. С. Застольные благопожелания в контексте этнокультурной стереотипизации социально-профессиональной среды военнослужащих США / А. С. Романов // Вопросы психолингвистики. М.: Институт языкознания РАН, 2017. 3 (33). 84–99 с.
6. Романов А. С. Речевые клише армейской субкультуры США в контексте этнокультурной стереотипизации / А. С. Романов // Вопросы психолингвистики. М.: Институт языкознания РАН, 2017. 3 (33). 122–135 с.
7. Романов А. С. Этнические стереотипы армейской субкультурной среды США в знаках языка и культуры: монография / А. С. Романов. М.: Военный университет, 2017. 231 с.
8. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии /
9. пер. с англ. / общ. ред. и вступ. ст. А. Е. Кибрика. М.: Прогресс, Универс, 1993. 656 с. (Филологи мира).
10. Сепир Э. Положение лингвистики как науки /
11. Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М.: изд-во Минпросвещения РСФСР, 1960. Ч. 2.
12. Судзиловский Г. А. Сленг — что это такое? Английская просторечная военная лексика / Г. А. Судзиловский. М.: Воениздат, 1973. 182 с.
13. Швейцер А. Д. Теория перевода. М., 1968.
14. Engel R. The brief history of each branch's motto [Электронный ресурс]. URL: <https://www.military1.com/military-lifestyle/article/1553206014-the-brief-history-of-each-branchs-motto/> (дата обращения: 10.10.2018).
15. Ingersoll G. 31 Phrases That Only People In The Military Will Understand. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.businessinsider.com/military-phrases-2013-12> (дата обращения: 09.10.2018).
16. Italiano L. Senator John McCain Dead at 81. August 25, 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://nypost.com/2018/08/25/senator-john-mccain-dead-at-81/> (дата обращения: 23.09.2018).
17. Loc.gov [Электронный ресурс]. URL: <http://www.loc.gov/teachers/classroommaterials/presentationsandactivities/presentations/timeline/amrev/contarmy/drafts.html> (дата обращения: 17.09.2018).
18. Morris R. Toasting the Armed Forces / R. Morris. 2014. URL:
19. <http://www.militaryservicecompany.com/military-tradition/toasting-armed-forces/> (дата обращения: 03.11.18).
20. Odierno R. Armylive.dodlive.mil [Электронный ресурс]. URL: <http://armylive.dodlive.mil/index.php/2012/07/independence-day-2012/> (дата обращения: 23.09.2018).
21. Rottman G. FUBAR. Soldier Slang of World War II. Osprey UK, Publishing Ltd, 2007. 301 p.
22. Spears A. R. Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs. McGraw-Hill's Companies, 2005. 1080 p.
23. Superville D. Trump hails 'American heroes' who helped U.S. win independence. July 4, 2018. URL: <http://www.chicagotribune.com/news/nationworld/politics/ct-trump-fourth-of-july-20180704-story.html> (дата обращения: 05.11.2018).

РАЗГОВОРНАЯ ЛЕКСИКА КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕДИАТЕКСТА

COLLOQUIAL LEXICON AS SOURCE OF FORMATION OF LEXICAL STRUCTURE OF THE MODERN RUSSIAN ECONOMIC MEDIA TEXT

**A. Bazanova
E. Popova**

Summary. The article is devoted to the process of infiltration of colloquial vocabulary into modern Russian economic media texts, which belong to the publicistic style (by the example of the media texts of the periodical "Kommersant"). The authors consider the main features and the language of signs inherent in the publicistic and colloquial styles of speech. The authors analyze the reasons and factors that determine the use of colloquial vocabulary in economic media texts, the functions and features of usage of colloquial vocabulary in the media texts of "Kommersant".

Keywords: modern Russian economic media text, publicistic style of speech, colloquial vocabulary, functions and features of usage of speech styles.

Базанова Анна Евгеньевна

К.филол.н., доцент,

Российский университет дружбы народов

baza89265851150@yandex.ru

Попова Елена Олеговна

К.филол.н., ассистент,

Российский университет дружбы народов

e.o.popova@bk.ru

Аннотация. Статья раскрывает процесс проникновения лексики разговорного стиля в современные российские экономические медиатексты, относящиеся к стилю публицистическому (на примере медиатекстов издания «Коммерсантъ»). Рассматриваются основные черты и языковые приметы, свойственные публицистическому и разговорному стилям речи. Анализируются причины и факторы, определяющие использование разговорной лексики в экономических медиатекстах, её функции и особенности употребления разговорной лексики в медиатекстах газеты «Коммерсантъ».

Ключевые слова: современный российский экономический медиатекст, публицистический стиль речи, разговорная лексика, функции и особенности употребления.

Современная филология выделяет четыре основных стиля речи: газетно-публицистический, официально-деловой, научный и разговорный. Общей чертой всех стилей является своеобразное употребление средств языка: фонетических, лексических, морфологических, синтаксических.

Публицистический стиль представлен разнообразными жанрами, которые имеют разные задачи в процессе общения и функционируют в разных условиях. Так, к публицистическим жанрам относятся газетные политические информации, передовые статьи, заметки, фельетоны, памфлеты, лирико-публицистические статьи, а также лозунги, призывы, обращения к гражданам страны, рецензии на фильмы и спектакли, сатирические заметки, очерки, обзоры, т.е. все жанры массовой коммуникации (язык газет, журналов, теле- и радиопередач), а также устная форма речи — публичные выступления на общественно-политические темы.

Публицистический стиль использует языковые средства разных стилей, однако его основные стилевые черты выделяются очень четко, и публицистический стиль представляет собой особое явление,

сочетая такие черты, как экспрессивность, стандарт и информативность.

В качестве особенностей публицистического стиля выделяют следующие: сильнее, чем в других стилях, заметны изменения, которые обусловлены социально-политическими процессами в обществе; наличие воздействующей функции, которую можно обозначить лингвистическим термином «экспрессивная функция»; информативность изложения, достигаемая документально-фактологической манерой изложения с помощью употребления специальных терминов, специальной лексики, профессиональных слов и обобщенностью изложения, его аналитичностью; наличие стандартных языковых средств, особых газетных стандартов, особой газетной фразеологии; экспрессивность стиля. Употребление прилагательных, существительных, наречий со значением положительной или отрицательной оценки, использование как высокой книжной, так и разговорной и даже просторечной лексики; широкое использование словообразовательных средств для выражения оценки, например, суффиксов превосходной степени прилагательных, суффиксов оценки у существительных; частое использование метафор.

«Публицистический стиль открыт для проникновения иностилевой лексики. В газетной статье нередко можно встретить термины рядом с разговорной и даже просторечной лексикой» [13].

Под разговорным стилем понимаются особенности разговорной речи носителей литературного языка. Разговорный стиль характерен для устной формы литературного языка, однако может встречаться в письменной форме языка в некоторых жанрах, например, в частных письмах, объявлениях, объяснительных записках, записках и т.п. Разговорный стиль проявляется в основном в сфере бытовых отношений, но отдельные его особенности могут наблюдаться и в неофициальном профессиональном общении.

Среди языковых примет разговорного стиля можно отметить следующие: на фонетическом уровне стилевые черты разговорного стиля проявляются в разнообразии интонации, ритма, темпа речи. Для разговорной речи характерно убыстрение темпа, экспрессивность, эмоциональность речи, неполное произношение звуков и слогов, усиление редукции гласных звуков, ассимиляция согласных звуков; широко используется лексика с конкретным значением, часто — бытового содержания, мало употребляются книжные слова с абстрактным значением, термины; частотны слова, выражающие оценку; характерно употребление фразеологизмов; словообразовательные особенности разговорной речи связаны прежде всего с выражением оценки. Для разговорного стиля характерно употребление имен существительных и прилагательных с суффиксами оценки; частотны междометия, выражающие разнообразные эмоции; для разговорного стиля характерно широкое употребление неполных предложений, в которых чаще всего пропущены главные члены предложения, побудительных и вопросительных, повествовательных и восклицательных предложений; в родительном падеже мужского рода единственного числа встречаются окончания –а и –у. Редко употребляются краткие прилагательные, малоупотребительны простые формы превосходной степени прилагательных, сложные формы сравнительной степени заменяются часто простыми формами. Принадлежностью разговорной речи являются притяжательные прилагательные с суффиксами –ин, —ов. Яркой особенностью числительных в разговорной речи является утрата склоняемости простых и особенно сложных и составных числительных. У местоимений в разговорной речи ослабляется их значение, и они используются для выражения экспрессии.

Таким образом, для разговорного стиля в разных его проявлениях характерны некоторые общие стилевые черты: неофициальность, непринужденность общения; неподготовленность речи; преобладание устной формы;

конкретизированный характер речи; эмоционально-оценочная информативность, эллиптичность речи; прерывистость, часто логическая непоследовательность речи; выражение личностного отношения к высказываемому (как правило); наличие речевых стандартов; идиоматичность речи.

Функциональные стили далеко не всегда выступают в «чистом виде». Возможны ситуации, когда смешиваются элементы разных стилей, что обусловлено формой, типом, жанром речи.

Что касается газетно-публицистического и разговорного стилей, то в последнее время, в особенности начиная с 90-х годов прошлого века, можно говорить о взаимопроникновении на страницах печатных изданий газетно-публицистического и разговорного стилей.

Среди причин, способствовавших активному проникновению разговорной лексики в медиатексты, можно отметить следующие: возросло личностное начало в речи. Безликая и безадресная речь сменилась речью личной, приобрела конкретного адресата; расширился состав участников массовой и коллективной коммуникации: новые слои населения приобщились к роли ораторов, к роли пишущих; резко ослабилась цензура и автоцензура. Люди начали говорить и писать свободно, причем не только дома, на улице, в очереди, но и в СМК; возросло психологическое неприятие бюрократического языка прошлого; появилось стремление выработать новые средства выражения, новые формы образности.

Многие исследователи языка отмечают, что в настоящее время русский язык переживает очень непростой период. «Такое положение дел возникает в языке и культуре периодически. Этот процесс часто называют варваризацией, или концентрическим развертыванием (термин Б. Ларина). То есть появляется потребность в новых словах, поскольку появляются новые реалии и понятия». [3]

Процесс варваризации привел к тому, что язык средств массовой информации претерпел значительные изменения за последние 25 лет. Одной из ярко выраженных тенденций стала тенденция к употреблению в СМК языковых единиц, характерных для разговорного языка. Сейчас у журналистов появилась возможность таких форм речевого поведения, которые раньше были просто невозможны в средствах массовой информации. Отмена негласной цензуры, провозглашение и реализация принципа свободы слова, открытие многих ранее закрытых тем и источников информации привели к изменению облика СМК, ее языка, который стал более разнообразным, ярким и живым.

Необходимо отметить, что «варваризация — естественный процесс. (...) Запас прочности нормы очень велик. Исследования наших дней показывают, что варваризация — при колоссальных количественных показателях (т.е. при огромном объеме жаргонизмов и заимствований) — не оказала почти никакого качественного влияния на современный русский язык» [3].

Язык СМК получает признаки разговорного стиля, прежде всего в лексике: эта часть языка наиболее подвержена изменениям и точнее всего отражает происходящие в языке процессы. Словарный состав языка быстрее и в большем объеме реагирует на изменения в общественной жизни. Это вдвойне справедливо для языка медиатекстов как явления, напрямую зависящего от событий политической и культурной жизни, социальных процессов и т.д.

Следует отметить, что важнейшим признаком медиатекстов (даже если речь идет об узкоотраслевых, специализированных изданиях) является коммуникативная общезначимость. Обращенность их к большой аудитории определяет принципы отбора речевых средств. Для медиатекстов характерна тенденция к исключению средств, находящихся на периферии языка. Таким образом, проникновение в СМК жаргонных слов, арготизмов, которое мы с настоящее время можем наблюдать, свидетельствует о том, что они получили качество коммуникативной общезначимости и доступности.

Язык российских СМК взял очень много с лингвистической периферии: из тюрем, у молодежи, из иностранных языков. В настоящее время можно говорить о том, что наиболее сильное воздействие на язык прессы оказывают две языковые субкультуры:

1. Слова, образованные от слов иностранного языка, чаще всего английского (в основном его американского варианта). Они появляются путем соединения русских корней с английскими и английских корней с русскими словообразовательными формами. Например: пиар, пиарить, онлайн, онлайн-новый, имиджмейкер. Их появление в русском языке связано с новыми реалиями нашей жизни и необходимостью отразить их в устной и письменной речи. На первом этапе своего функционирования они употреблялись лишь в разговорной речи, а если попадали в медиатексты, чаще всего брались в кавычки. Сейчас же они являются общеизвестными и общеупотребимыми лексическими единицами, что подтверждает их частое употребление в текстах, причем без кавычек.

2. Слова молодежного жаргона, например: раскрученный, продвинутый, зажать.

На сегодняшний день значительная часть молодежного жаргона перестала быть достоянием одной социальной группы и получила широкое распространение, в том числе и в медиатекстах.

Можно выделить также особую группу слов, образованных по разговорным словообразовательным моделям, с помощью суффиксов -щик, —ник, —овец, —ух и т.п., таких как: пиарщик, гаишник, ЛДПРовцы, силовик, прессуха.

Экспрессивно-эмоциональный ореол как положительный (одобрение, ласка, сочувствие), так и отрицательный (пренебрежение, презрение) является неизменным спутником слов с суффиксами субъективной оценки. Более того, экспрессивно-эмоциональная окраска здесь часто затмевает функциональную, и именно она оказывается решающей при определении стилистического качества слова. Например: «Приятели-шоферюги из «Единой России» подарили водителю один такой буклетик с заветным телефончиком» [7]. ««Наглые ворюги с большой дороги»: в Крыму ответили на желание Украины продать судно «Норд»» [2].

Меньшее, по сравнению с вышеперечисленными категориями жаргона, но все значительное влияние на язык медиа продолжает оказывать и тюремно-лагерный жаргон. Например: ««Ну вот, а они на машине сзади подкатывают, документы спрашивают, а потом руки, мол, на капот, — продолжали о своем мои соседи. — Ну мы одному в лобешник, и свалили оттуда». Тут один из бритоголовых вдруг запел: «Выпил водки с братанами, заблудил и загулял и еврейского раввина на части порвал». Остальные начали подтягивать. — А че мы у Пушкина собрались? — прервался кто-то из поющих. — Да фиг его знает. — А он не жидом был? — Да не — негр, мне Саня рассказывал. — Мужики, а че мы тогда тут стоим?» [1; с. 9]. «Москвичи нас банально «кинули»» [10; с. 86]. «Банки сдадут своих трейдеров». «Концессионер ответит за базар» [8].

Также в современных медиатекстах нередко используются (особенно в заголовках) переносные значения общеупотребительных (преимущественно нейтральных) слов. Метафора используется как средство выражения определенного отношения к тому явлению, на которое переносится имя другого явления. Чаще всего перенос направлен на дискредитацию, «снижение» или несерьезное, шутовское осмысление обозначаемого явления.

Например: «Если поставлена задача накопать — накопают» (о возбуждении сомнительного уголовного дела против губернатора Камчатки). «Вимм-Билль-Данн погорел на соке». «В мае рубль поддержат аукционы

Минфина и зарубежные инвесторы». «Заморозка вылилась на биржу». «Ипотека набивает себе цену».

Наличие разговорной лексики в медиатекстах и особенно ее количество зависит от ряда факторов. В качестве наиболее важных можно выделить следующие:

Жанр

В журналистике традиционно текстовые материалы подразделяются на три группы: информационные, аналитические и художественно-публицистические. В информационных материалах разговорная лексика может присутствовать чаще всего в жанре репортажа. Принято считать, что употребление подобного рода лексики наиболее характерно для художественно-публицистических материалов, однако в последнее время наметилась тенденция включения разговорной (и даже просторечной и жаргонной) лексики в аналитические статьи. Эту тенденцию можно проследить на примере статей из газеты «Коммерсантъ», посвященных экономике.

Издание

В изданиях, ориентированных на массовую аудиторию, более разнообразную по своему социальному составу, процент разговорной лексики в материалах выше, чем в медиа, позиционирующих себя на рынке как качественные издания.

В серьезных изданиях, таких, например, как газета «Коммерсантъ», разговорных слов мало, однако тем интереснее представляются эти немногочисленные примеры.

Личность журналиста

В данном случае личность автора не имеет такого большого значения, так как несмотря на различия в индивидуальном стиле общую стилистику материалов определяет формат медиа, а не сам автор лично.

Тематика

Как отметил Юрий Караулов в статье «О «Словаре русского арго» В.С. Елистратова»: «Может быть, такой Словарь и не нужен вовсе ...? На такой вывод не соглашусь не только я, ... с таким выводом не согласится писатель или журналист (– курсив наш), раскрывающий определенную тему, которая без соответствующего языкового колорита потеряет свою выразительность, воздейственность и правдивость». [5]

Разговорная лексика в современных российских экономических текстах может выполнять несколько функций.

Оценочная функция. Эта функция является наиболее важной и значимой. Несмотря на декларирование принципа объективности передаваемой информации, читатель неизбежно получает интерпретацию информации, даже если автор стремится к объективности изложения. Оценочность является основным стилиобразующим фактором публицистических материалов, представляет собой в отбор и классификацию фактов и явлений, подающихся под определенным углом зрения, в *специфических лингвистических средствах*. [16]

На современном этапе сформировалась определенная национально-языковая специфика, присущая конкретно российским СМИ, выражающаяся повышенной журналистской субъективностью и саркастичностью. Это справедливо в отношении всех российских медиа, причем нередко субъективность автора выражается именно через лексические средства разговорной речи, а чаще всего — через жаргонные слова: «Как же с оценочной деятельностью? А тьфу на нее! Это называется «циничный эгоизм» (по определению писателя Ф.М. Достоевского понятие «негодяй» означает, что свой маленький ништяк ему важнее катастрофы для остальных, то есть «негодяй» — это циничный эгоист,— очень притягательный образ в литературе и в рекламе)... Наверно, и чиновникам мало и среднего уровня в Минэке нравится этот образ» [7].

Особенно показательны заголовки материалов — при минимальной информативности они сразу же дают представление об отношении редакции или авторов материалов к описываемому событию [16]: «Кондолиза Райс постояла за президента перед Америкой и подставила ЦРУ». «У Запада начисто снесло башню от безнаказанности».

Функция экономии языковых средств. Тенденция к экономии языковых средств универсальна, и реализуется в любом языке и в любой сфере языка. Экономический медиатекст не является исключением. Нередко речевой оборот, характерный для разговорного стиля или яркое жаргонное слово несут в себе одновременно немалый объем информации и имеют оттенок оценочности — для передачи этой же информации с той же оценочной окраской без разговорной лексики потребовалось бы значительно большее количество слов. Например, «с оппозиционностью в последнее время политик **переборщил**», «стал спикером, против которого **не бузили ни жириновцы, ни зюгановцы**», «власть в ее **нынешнем** формате», «**безалаберных** политиков ждут «чрезвычайные меры»». В данном случае можно говорить о том, что здесь разговорная лексика служит для передачи информации, и реализуется функция экономии языковых средств.

Функция эмоционального воздействия. Для осуществления этой функции часто используется жаргонная и даже бранная лексика. Последняя, как правило, появляется не на страницах «желтой прессы», а в медиатекстах, ориентированных на читателя с высшим образованием и высоким уровнем культуры. Поводом для употребления бранной лексики обычно является какое-либо шокирующее для общественности событие, и такого рода лексика в наибольшей мере отражает отношение авторов к предмету их материала.

В качестве примера можно привести материал газеты «Коммерсантъ» об аварии в «Трансвааль-парке» «Живых больше нет» [4]. В объемном репортаже единственный встречающийся пример разговорной лексики: «Корреспондент «Ъ» встретил знакомого спасателя Алексея.

— Ну как там?
— Полная ж.а».

Еще одним примером может служить статья издания «Коммерсантъ» о конфликте между общероссийским молодежным общественно-политическим движением «Наши» и ИД «Коммерсантъ» ««Наш» Якименко воспользовался-таки туалетной бумагой» [17], где сниженная разговорная лексика становится элементом экспрессии: «Движение «Наши», которому большинство интернет-ресурсов приписывает авторство акции из-за обиды на опубликованное в их отношении определение «ликующая гопота», не хочет иметь с ней ничего общего (...) Так, например, согласно тексту на сайте, пресс-секретарь движения Кристина Потупчик якобы пишет соратнику: «...Все сволочи поймут, что с нами лучше не связываться» или «...Про нас будут писать целую неделю, будет скандал. Тема о том, что мы распадается, станет абсурдной»». [17]

Бранная лексика активно эксплуатируется журналистами «Коммерсанта» в заголовках и служит средством авторской оценки описываемого события: «Сучка крашенная» [12], «Сама ты тварь, бестолковая, сама ты мразь» [15, с. 3], «Все идеи сейчас — педерастия и деньги» [11, с. 20].

Таким образом, разговорная лексика может выполнять как одну из трех рассматриваемых нами функций, так и сочетать их. В целом, можно отметить, что в экономических медиатекстах разговорная лексика чаще всего приобретает оценочную функцию. Так, например, на фоне строгого литературного языка издания «Коммерсантъ» каждый разговорный оборот служит выражением авторской позиции.

Отметим, что несмотря на основной принцип ИД «Коммерсантъ» — **только факты, никаких оценок**, никакой морали и уж тем более никакой «личной ав-

торской и гражданской позиции», добиться, наш взгляд, объективности в освещении фактов можно лишь в той или иной степени, но совершенно избежать выражения авторской позиции и оценок принципиально невозможно, и это свойственно абсолютно всем изданиям. Подтверждением нашему мнению служит использование разговорной лексики, отражающее авторское отношение к проблеме. Например: «Басманный суд сколотил преступную группу Михаила Ходорковского»; «Московский мэр докопался до Лубянки»; «Доллар скинул «санкционные» рубли», «Если он приболеет, он к врачам обращаться не станет».

Следует отметить тенденцию, являющуюся характерной особенностью издания «Коммерсантъ», — в больших по объему материалах, посвященных таким темам, как политика, международная обстановка, экономика, разговорная лексика может присутствовать буквально в количестве одного оборота или яркого жаргонного слова.

Употребление разговорной лексики в «Коммерсанте», как правило, придает материалу оттенок иронии — это явление встречается так часто, что подобную интонацию можно считать фирменным знаком издания и особенностью его стиля: «Чиновники и банкиры искоренят «торгашей»»; «Каждый свое что-то чудит».

В результате проведенного анализа нам удалось установить, что в настоящее время в российских медиатекстах наблюдается процесс взаимопроникновения газетно-публицистического и разговорного стилей.

Тенденция использования лексических ресурсов разговорного стиля в медиатекстах, ставшая ярким признаком языка СМК 90-х годов, продолжается весьма активно, и на сегодняшний день разговорная лексика присутствует даже в экономических медиатекстах. Особенно широко используются слова, образованные от слов английского языка, молодежный и криминальный жаргон, а также слова, образованные по разговорным словообразовательным моделям.

Наиболее важными факторами, влияющими на наличие разговорной лексики в экономических медиатекстах, являются жанр материала, издание и тематика. Личность журналиста в настоящее время является менее значимым фактором, чем вышеперечисленные, так как общую стилистику материалов определяет формат конкретного издания.

Функциями разговорной лексики в печатных медиатекстах являются оценочная функция, функция экономии языковых средств и функция эмоционального воздействия, причем она может выполнять как одну из этих функ-

ций, так и сочетать их. При этом для экономических медиатекстов наиболее характерна функция оценочности.

Среди особенностей употребления разговорной лексики в медиатекстах газеты «Коммерсантъ» можно

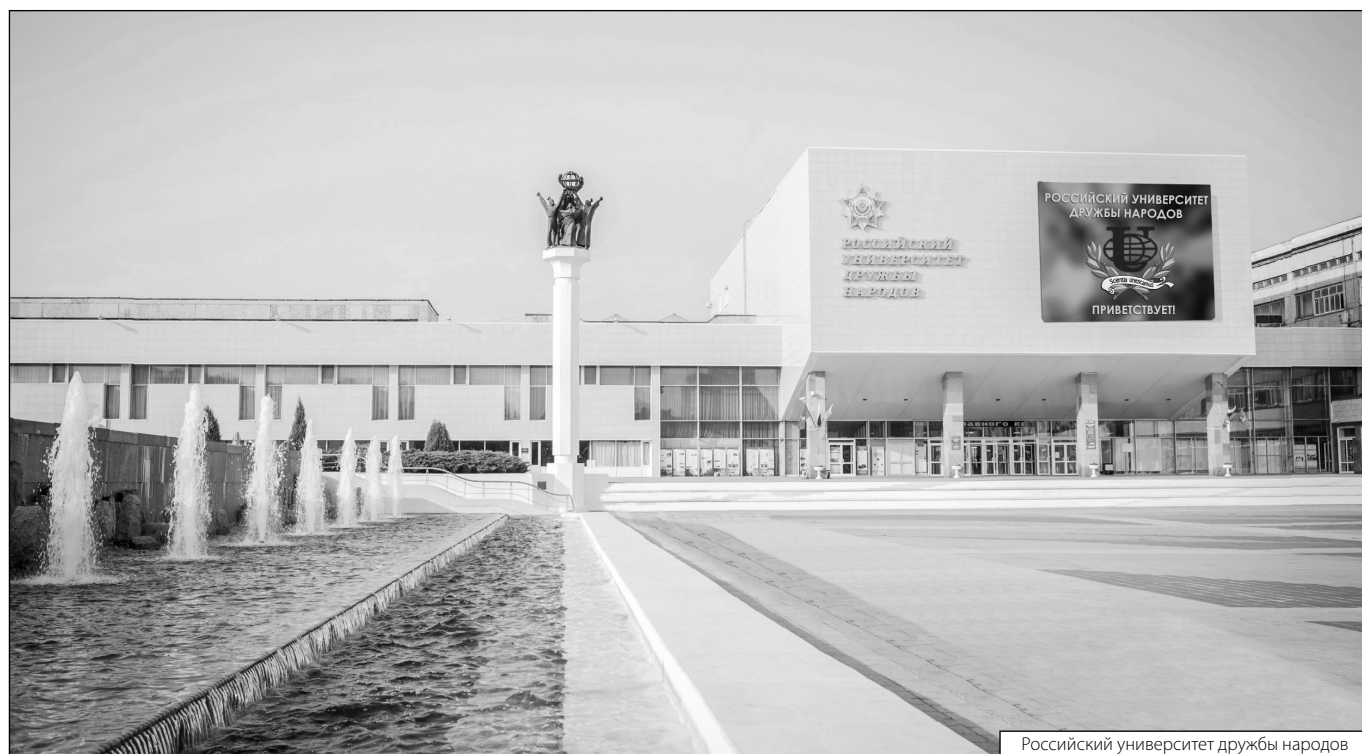
отметить ее небольшое количество по сравнению с другими изданиями, использование лексических ресурсов разговорной речи для выражения авторской позиции и достижения иронической интонации, которая считается фирменным знаком этой газеты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алленова О. Патриоты против Пушкина // Коммерсантъ — 2001. — 30 мая. — № 92. — С. 9.
2. Дацюк Н. ««Наглые ворюги с большой дороги»: в Крыму ответили на желание Украины продать судно «Норд» // Комсомольская правда — 2018. — 23 октября.
3. Елистратов В. С. Словарь русского арго. // www.gramota.ru
4. Жеглов А., Сальников А. Живых больше нет. // Коммерсантъ — 2004. — 16 февраля. — № 27. — С. 6.
5. Караулов Ю.Н. О «словаре русского арго В. С. Елистратова» -www.gramma.ru
6. Клушина Н. И. Языковые механизмы формирования оценки в СМИ. // www.gramota.ru
7. Краснушкина Н. Оценщики не готовы к экзамену. // Коммерсантъ — 21.06.2017 — <https://www.kommersant.ru/doc/3330808#comments>
8. Куркин К. Концессионер ответит за базар. // Коммерсантъ — 2018. — 12 апреля. — № 63.
9. Машкин С. Народ и партия едины // Московский комсомолец — 2000. — 13 октября. — № 937.
10. Москвичи нас банально «кинули» // «Коммерсантъ Власть» — 2006. — 11 сентября — № 36. — С. 86.
11. Наринская А. Все идеи сейчас — педерастия и деньги // Коммерсантъ Weekend — 2008. — 22 февраля. — № 6. — С. 20.
12. Радулова Н. Сучка крашенная // Коммерсантъ — <https://www.kommersant.ru/doc/1777493>
13. Розенталь Д.Э., Голуб И. Б., Теленкова М. А. Современный русский язык. — М.: «Международные отношения», 1995. // www.gramma.ru
14. Сарнов Б. М. Наш советский новояз. — М.: Материк, 2002. — С. 305.
15. Сафронов Ю. Сама ты тварь, бестолковая, сама ты мразь. // Коммерсантъ — 2001. — 29 ноября. — № 219. — С. 3.
16. Солганик Г. Я. Общие особенности языка газеты. // Язык и стиль массовой информации и пропаганды. — М.: МГУ, 19870 — С. 14.
17. Таратута Ю., Воронов А., Сигиневич Д. ««Наш» Якименко воспользовался-таки туалетной бумагой». // Коммерсантъ — 2008. — 5 марта. — № 36. — С. 7.

© Базанова Анна Евгеньевна (baza89265851150@yandex.ru), Попова Елена Олеговна (e.o.popova@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский университет дружбы народов

СЛОВСОЧЕТАНИЯ АВАРСКОГО ЯЗЫКА С ЗАВИСИМЫМ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМ В ДАТЕЛЬНОМ ПАДЕЖЕ И ИХ СООТВЕТСТВИЯ В АНГЛИЙСКОМ

AVAR PHRASES WITH A DEPENDENT NOUN IN THE DATIVE CASE AND THEIR CORRESPONDENCE IN ENGLISH

A. Dzhamaludinova

Summary. The article is devoted to the comparative analysis of substantive phrases in the Avar and English languages. The features of coordination, control and junction in the Avar language are revealed, representing the contrast when compared with the similarly named links in the English language, both in terms of coordination categories and in terms of the common belonging of dependent words. A detailed analysis of the structural models and semantic types of substantive phrases of the Avar language and their correspondences in the English language reveals the typological features of the compared languages.

Keywords: substantive phrases, adjectives, dative case, object relations.

Джамалудинова Айшат Гаджимурадовна

Доцент, Дагестанский государственный медицинский университет, г. Махачкала
aishat9090@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному анализу субстантивных словосочетаний в аварском и английском языках. Выявляются особенности согласования, управления и примыкания в аварском языке, представляющие контраст при сопоставлении с одноимёнными связями в английском языке, как по согласовательным категориям, так и по частеречной принадлежности зависимых слов. Подробный анализ структурных моделей и семантических типов субстантивных словосочетаний аварского языка и их соответствий в языке английском позволяет выявить типологические особенности сопоставляемых языков.

Ключевые слова: субстантивные словосочетания, прилагательные, дательный падеж, объектные отношения.

Строго говоря, субстантивных словосочетаний с зависимыми словами в других косвенных падежах, кроме родительного в аварском языке нет, поскольку эти падежи в роли определения подвергаются адъективизации, т.е. существительное формально превращается в прилагательное, сохраняя при этом падежную форму основы. Для удобства сопоставления с английским языком зависимое слово мы называем существительным, хотя его следовало бы назвать речевым (ситуативным) прилагательным.

Субстантивные словосочетания, в которых зависимое слово оформлено дательным падежом, довольно часто встречаются в разговорной и письменной форме аварского языка и несколько реже в системе английского языка. Вместе с тем можно отметить, что они значительно уступают словосочетаниям с зависимым родительным и в семантике выражаемых ими отношений, и в разнообразии структурных типов.

Дательный падеж в аварском языке вместе с именительным и родительным (эргативным) входит в состав трёх ядерных падежей [Кибрик 2003:198]. Формантом

датива является аффикс **-н**, который прибавляется к косвенной основе имени: *арс* «сын» — *арс-на-н*, *душ* «дочь» — *душ-ни-н*, *бакI* «голова» — *бакI-ра-н* и т.д.

Дательный падеж в аварском языке выполняет разнообразные функции. Одной из главных его функций является функция субъекта в дативной (аффективной) конструкции.

Все значения дательного падежа в аварском языке ещё не исследованы. Но можно сказать, что дательный падеж является приглагольным и основными его значениями являются значения косвенного объекта и целевое значение: *ниттин* *кумаг бан* «помочь матери», *арснан* *машина ласун* «купить машину сыну», *тIаби-аьтран* *зарал бан* «причинить ущерб природе», *оьрчIан* *ссайгъатран лу ласун* «мальчику в подарок купить книгу».

В именных словосочетаниях, выражающих отношение назначения, дательный падеж приобретает атрибутивный аффикс: *ниттинсса* *кумаг* «помощь матери», *оьрчIансса* *ссайгъат* «гостинец для детей», *тIабиаь-*

трансса зарал «вред природе» т.д. Спецификой словосочетаний данного типа является то, что стержневой компонент в них называет предмет, а его назначение уточняется зависимым именем существительным в дательном падеже. Фактически в роли зависимого компонента в словосочетаниях этого же типа выступают имена существительные с конкретным значением.

Трудность сопоставительного анализа значений дательного падежа в английском и аварском языках заключается и в том, что основным значениям дательного падежа в английском языке в аварском соответствует несколько падежей. К ним относятся: дательный 1, дательный П (посллатив), посессив (*бусаврил падеж*).

В обоих языках дательный падеж употребляется при глаголах с семантикой «давать», «дарить», «предоставить в пользование». С глаголом *дулун* «дать» в аварском языке употребляются два падежа — датив 1 (собственно датив) и датив П (посллатив). С первым падежом глагол имеет значение «дать насовсем», со вторым падежом тот же глагол имеет значение «передать», «дать во временное пользование». Посллатив входит в серию посессива и образуется от него при помощи форманта дати-ва — *н*:

душни-хь дур «находится у девочки» → *душнихь-хьун дулун* «дать девочке» (временно); ср. *душинн дулун* (подарить, дать навсегда).

Дательный П в роли зависимого компонента субстантивных словосочетаний нами не отмечен.

Одним из значений посессива (показатель — **хь**) является значение адресата, которое соответствует аналогичному значению дательного падежа в русском языке: **оьрч1ахь** *магьа бусан* — *рассказать мальчику сказку*, однако это значение в лакском языке реализуется только в глагольных словосочетаниях.

В русском языке функционируют словосочетания, выражающие объектные отношения, в которых главное слово, образованное от глагола или соотносимое с именем прилагательным, требует дательного падежа, беспредложного или предложного: *служить науке* → *служение науке*; *уважать стариков* → *уважение к старикам*, *верный истории* → *верность истории*, *преданный делу* → *преданность делу* и подобные. В лакском языке эти отношения выражаются другими падежами, которые в сочетании с определяемыми существительными приобретают суффикс прилагательно-го: *элмудуха* (постэлатив) *кьуллугь бан* → *элмудухацца кьуллугь*; *хьуниминнал х1урмат бан* → *хьуниминна-хасса х1урмат*; *историялийн* (суперлатив) *вихсса* → *историялийнсса вихшиву*.

В английском языке значение адресата присуще дательному падежу при глаголах с семантикой поручения: *order a soldier*; *bequeath to his son*, *punish a deputy* и производным от глаголов именным словосочетаниям: *order to a soldier*; *will to his son* и под. Глаголы такой семантики в аварском языке управляют суперэссивом или суперлативом: *солдатнайнсса амру*, *арснайнсса аманат*, *депутатнайнсса наказ*.

В аварском языке словосочетание с зависимым существительным в дательном падеже может быть распространено другой формой того же дательного падежа. В таком словосочетании оттенок назначения сочетается с оттенком предназначения, при этом адъективации подвергается ближайшая к определяемому слову форма, ср.: *ситец на платье девочке* — *душинн гьухьунсса чит*, *драп на пальто мальчику* — *оьрч1ан п1алм1улунсса янна*.

В роли зависимого компонента субстантивного словосочетания в русском языке может употребляться и дательный с предлогами *к* и *по*. Такие сочетания выражают отношения 1) пространственно-определятельные (*дорога к лесу*, *движение по улицам*), 2) способа движения (*ходить по земле*, *плыть по реке*), 3) объектно-определятельные (*письмо к матери*).

Наличие многочисленных местных падежей позволяет аварскому языку регулярно и более конкретно передавать пространственные значения, как в глагольных, так и в производных от глаголов именных словосочетаниях. Так, пространственное значение предлога **к** регулярно передаётся ад-эллиативом и производным от него прилагательным: *ламуч1ансса ххуллу* — *дорога к мосту*, *дуснач1ансса чагь-ар* — *письмо к другу /другу*. Значения предлога **по** в лакском языке соответствуют транслативы всех шести серий:

- ◆ супертранслатив: *зунттуйх нан* 'идти по горе' — *зунттуйхсса ххуллу* 'дорога по горе' (поверху)
- ◆ интранслатив: *к1ич1иравух нан* 'идти по улице' — *к1ич1иравухсса ххуллу* (по+в)
- ◆ пост-транслатив: *хьуллухух нан* 'идти около ворот' — *хьуллухухсса ххуллу* (по+за+вдоль)
- ◆ субтранслатив: *ламулух нан* 'идти под мостом' — *ламулухсса ххуллу* (понизу)
- ◆ адтранслатив: *ч1ирач1ах нан* 'идти около стены' — *ч1ирач1ахсса ххуллу* (по+рядом)
- ◆ конт-транслатив: *неххац1ух нан* 'идти вдоль реки' — *неххац1ухсса ххуллу* (по + вдоль)

В отличие от пространственных, объектные значения больше зависят от внутренних особенностей языка, а не от «положения вещей», поэтому регулярных соответствий в этой области не наблюдается.

ЛИТЕРАТУРА

1. Супрун А. Е. Преподавание английского языка и родного языка учащихся // Английский язык в национальной школе. -1992. — №3. — С. 8–13.
2. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь английского языка. В 2-х т. — М., 2005. — 787 с.
3. Филатова Л.А. Роль межъязыкового сопоставления в процессе обучения иностранным языкам взрослой аудитории // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку. — М., 2007. — С. 219–223.
4. Старков А.П. и др. Английский язык: Учебник для 9 класса средней школы. — М., 1999. — 311 с.
5. Старков А.П., Островский Б. С. Английский язык: (11 класс средней школы). — СПб, 1998. — с. 392.

© Джамалудинова Айшат Гаджимурадовна (aishat9090@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРЕДМЕТНОСТЬ И ЕГО СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ ОГУЗСКОЙ ГРУППЫ

OBJECTIVITY AND ITS MEANS OF EXPRESSION IN THE TURKIC LANGUAGES OF THE OGUZ GROUP

G. Jabrayilov

Summary. The article discusses the concept of objectivity on logic, philosophy and language. The concepts of objectivity have different aspects and are defined differently in relation to the spheres of human activity. Investigating the means of expression of this concept in the Turkic languages of the Oguz group, it turns out that the interaction of the two sources is the meaning of objectivity noun. These sources are the meaning of the word-formation affix and the real-material value of the original basis.

Keywords: objectivity, Turkic languages of the Oguz group, comparative analysis, subject of knowledge, derivational affix, real-material meaning.

Джебраилов Губад Хейбат оглы

*Аспирант, Институт языкознания им. Насими
Национальной Академии Наук Азербайджана, г. Баку
gubad88@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается понятие предметности в логике, философии и языке. Понятия предметности имеет разные аспекты и определяется по-разному применительно к сферам человеческой деятельности. Исследуя средств выражения данного понятия в тюркских языках огузской группы, выясняется, что по взаимодействию двух источников складывается значение предметности существительного. Этими источниками являются значение словообразовательного аффикса и реально-вещественное значение исходной основы.

Ключевые слова: предметность, тюркские языки огузской группы, сравнительный анализ, предмет познания, словообразовательный аффикс, реально-вещественное значение.

Прошло немало времени с тех пор, когда на заре XX столетия язык был провозглашен не только средством, но и единственным подлинным объектом научного анализа. Построение научной теории языка — проект, реализация которого связана с наиболее актуальными вопросами современной научной практики, ибо это — прежде всего задача моделирования языковых информационных процессов, моделирование языка как средства хранения передачи и построения информации.

Философа языка интересует со стороны лексической структуры или формы, как так естественный язык никак не может удовлетворить требования безоговорочной правильности, избытия всякого рода двусмысленностями [11, 256–257].

Анализ языка является чисто научной деятельностью, так как в этом случае анализу подвергается точно фиксируемые языковые образования, а сам анализ проводится при помощи формально логических средств. В Западной традиции имеются две основные теории предметности Аристотеля и Канта. Остальные являются вариантами этих двух теорий. В понимании Аристотеля предметность находится на стычке двух событий. В понимании Канта предметность — это понятие. По Аристотелю все понятия могут быть сведены к ограниченному количеству категорий, в которых наиболее ярко воплощены принцип тождества мышления и бытия.

Поскольку Аристотель отождествляет знание и значение, поскольку в языке этот переход выглядит как метафорообразование, как перенесение слова с изменением значения с рода на вид [9, 62–64]. Стремясь познать единичное, мы удаляемся от него, ибо в движении от рода к виду мы отходим от истинных знаний и истинных значений, выражая сущность все более метафорическим образом.

Сравнительный анализ взглядов Аристотеля и Канта на аналогию сходных свойств и отношений между вещами исследуется путем сравнения. От философии Аристотеля и сравнительного анализа взглядов Канта на сущность понятия перейдем к рассмотрению двух течений в средневековой философии номинализма и реализма [12, 142–144].

Представители средневекового номинализма настаивали на том, что в действительности существуют только единицы вещи, чем свидетельствуют наши чувственные восприятия. Номиналисты, отождествляя понятие и слово, отдавали приоритет слову и тем самым растворяли знание в значении. Значение понималось ими не как феномен языка, а как чувствительный образ психики, обозначаемый посредством имен. Вследствие этого образная теория значения заменяла теорию познания. Нечто подобное в свое время имело место в рассуждениях греческих этимологов.

В образе значение и звук тесно связаны. Образы — значения одних и тех же предметов у разных народов могут быть разными. Этимология в понимании стоиков призвана вскрыть исходную связь между образом и прообразом. Античные и средневековые номиналисты, разрабатывая теорию как теорию представления, не признавали отражательной силы общих понятий.

Интерпретации универсалий не отражают объективную действительность, а только заменяют конкретные вещи этой действительности психическими образами различной степени яркости и определенности.

Более умеренные представители средневекового номинализма или по пути своеобразной градуировки чувственных образов, пытаясь отвести от себя упреки со стороны реалистов, которые подчас довольно остроумно потешались над крайностями номинализма.

В отличие от номиналистов проблема образования понятий не волновали реалистов. Реалисты интересовались не проблемой введения, а проблемой исключения абстракции. Новый этап в развитии теории абстракции связан с деятельностью представителей английского эмпиризма, одним из зачинателей которого стал Джон Локк.

Английский ученый, считая, что слова делаются общими благодаря своим знаковым функциям, а идеи становятся общими благодаря конкретным обстоятельствам, Д. Локк писал: «Будь мы в состоянии проследить слова до их источников, мы нашли бы, что названия, обозначающие вещи, не относящиеся к области наших чувств, во всех языках имели свое первое начало от чувственных идей» [18, 218–220].

Способности локковского эмпиризма и его теории абстракции рельефно выделили Джон Беркли и Дэвид Юм. Беркли правильно заметил, что номиналистическая теория абстракции предметов оказывается во многих путях уязвимой. Отбрасывание свойств при образовании абстракции все более высокого порядка приводит не к ценностному охвату изучаемой предметной области, а к ее дроблению, но не связанные между собой части [18, 251–252].

Кант был первым реформатором традиционных взглядов на образование понятий и структуры их функционирования. Он предложил взглянуть на данный вопрос под совершенно новым углом зрения. Кант писал: «Не мы, а предметы должны сообразовываться с нашими знаниями, зафиксированными в понятиях. В данном случае речь идет не о мистическом воздействии на вещи, а о принципиально новом видении задач и возможностей научного познания». Предмет познания для Кан-

та — это не произвольный предмет, привлекая к себе внимание человека. В теории Канта понятия рассматриваются как правила мышления, соответственно которым рассудок упорядочивает и связывает материал чувственного опыта. Понятия не являются результатом абстракции, а порождаются глубинными структурами интеллекта [12, 147–150].

Процесс порождения понятий начинается с категории. Категории развиваются в понятие под воздействием катализирующей силы опыта. Что касается определения категорий, то Кант в данном случае ничего конструктивного не предлагает.

У Гегеля понятие не отражает объективную действительность как нечто внешнее и неразумное, а находит себя в действительности согласно идеалистическому прочтению принципа тождества мышления и бытия. Смысл любого понятия заключается в его отношении ко всей системе, т.е. каждое понятие состоит из более или менее сложного ряда логических отношений. Поэтому ни одно понятие не может мыслиться и изолированно, и самостоятельно [18, 141–143].

С интересными идеями мы сталкиваемся в работах чешского ученого Б. Больцано, в трудах немецких ученых И.Г. Ламберта и Р.Г. Лотце. Б. Больцано, опережая свое время, утверждал, что логика не является наукой о мышлении, если под мышлением понимать процесс психических переживаний. Б. Больцано предлагал рассматривать логику, как логику научного понятия, связывая ее с языком науки. Противопоставляя свои взгляды психологическому эмпиризму в понимании «идеальных объектов сущности науки, Б. Больцано столкнулся с необходимостью коренной перестройки учения об образовании понятий. Определенный интерес представляет больцановская теория абстракции по вопросу о содержании в объеме понятий. Б. Больцано различает не объем и содержание понятий, а их содержание и предмет [11, 264–265].

Содержание — это сумма частей, образующих внутреннюю взаимосвязанную целостность понятия. Предмет — это то, на что неясно понятие (то, что имеется в виду, функция понятия).

Б. Больцано правильно отмечает, что увеличение объема понятия всегда приводит к уменьшению его содержания. Научное понятие в виде концепции сравнимо с текстом, а сами идеи находятся в композиционно сложной взаимосвязи.

По утверждению некоторых западных ученых, в имеющихся на сегодня работах отсутствуют ясные и общеприемлемые объяснения тождества свойств. Дискуссии

вокруг проблемы тождества имеют важные следствия для развития современной научной мысли. Полифункциональный строй любого понятия не принимается во внимание традиционной теорией абстракции. Традиционная теория абстракции берет признаки соответствующей предметной области посредством простого некритического суммирования. Понятие есть прежде всего понимание, осуществляющееся в рамках определенной смысловой композиции.

Понятие предметности имеет разные аспекты и определяется по-разному, применительно к отдельным сферам человеческой деятельности. Понимание предметности определяется следующим образом: предметность — то, чем данный объект является для людей, находящихся в процессе житейской, эстетической, научной, производственной, общественно-политической и другой деятельности. Для выяснения сущности категории предметности в чисто лингвистическом плане может и не нужно было останавливаться на интерпретации понятия предметности в логической семантике, если бы некоторые ее понятия не были перенесены в лингвистику, особенно в современных работах по семантике [4, 35–40; 5, 100–104].

В логической семантике под предметностью понимается объект, сопоставляемый при интерпретации языка, любому его выражению, выступающему в качестве предмета. Таким объектом может быть как вещь, так и мысль о вещи. Поэтому в логической семантике говорят о двух основных значениях предметности: экстенциональное значение (предмет или класс предметов, обозначаемых данным выражением и интенциональное значение смысл выражения [1, 104–108].

Аспекты изучения предметности настолько многообразны, а исследовательские подходы так многочисленны, что нет возможности, а может быть и необходимости останавливаться на каждом из них подробно. В целях ограничения предмета обсуждения целесообразно отметить два основных противостоящих друг другу подхода в изучении предметности — словоцентрический и текстоцентрический. При словоцентрическом исследовании предметности исходным является слово как номинативная единица и как элемент лексико-семантической системы языка.

Со становлением семасиологической науки в первой половине XX в. меняется и ее предмет: в центре внимания оказывается вопросы определения природы предметности как символической функции слова. Традиционному языкознанию этого периода было свойственно нереляционное понимание предметности, независимо от того выделяли ли исследователи в качестве главной предметную, логическую

или сугубо прагматическую основу предметности [1, 112–116].

В. В. Виноградов по данному вопросу писал, что значение слова определяется не только соответствием его самому понятию, которое выражается с помощью этого слова; оно зависит от свойств той части речи. Именно той грамматической категории, к которой принадлежит слово, от общественно осознанных и отстоявшихся контекстов его употребления [8, 94–96].

Такое определение, применимое к любому языку и отражающее специфику языковых условий формирования и существования значения слова в каждом конкретном языке, включает лексическое значение предметности в число языковых категорий. Значение предметности определяется 1) логико-предметным содержанием, 2) закономерностями и своеобразием грамматических средств, 3) соотносительными связями слова со всей семантической системой словаря.

Фердинанд де Соссюр был первым лингвистом, который последовательно и целенаправленно рассматривал систему языка, а не речь через призму репрезентации внешнего объективного мира языковыми единицами, считая при этом знаками только слова. Решая вопрос о природе языкового знака, Соссюр совершенно верно утверждал: «Языковой знак связывает не предмет и ее название, а понятие и акустический образ. Этот последний является не материальным звучанием, вещь чисто физической, а психологическим впечатком звучания, представлением, получаемым нами о нем посредством наших органов чувств» [17, 95–97].

Предметность, как и другие понятия в языках, выражается с помощью слов. В тюркских языках огузской группы предметность выражается простыми корнями, сочетанием корней и аффиксов.

В тюркских языках огузской группы слово «почка» выражается существительными «бобрек» (туркменский язык); «бөврек» (турецкий язык); «бойрек» (Азербайджанский язык); «боврек» (гагаузский язык) [2, 31–40; 16, 23–24; 19, 112–114]. Это существительное с конкретным предметным значением образовано от древнетюркского глагола «боб». Слово бөврек-бөйрек является дериватом глагола «боб».

В тюркских языках огузской группы слово «гап» — «гав» (сосуд, посуда) имеет предметное значение и выражается корнем «гап». Кроме этого значения, слово «гап» — «гав» в тюркских языках огузской группы имеет значения, «мех», «бюрдюк», «мешок». Некоторые возможные варианты в печенегских именах-названиях от данного корня отмечал К. Г. Менгес [21, 273–274].

Слово «sal» (плот) с конкретным предметным значением в тюркских языках огузской группы выражен корнем. Этот синкретичный корень кроме предметного значения существительного, имеет еще несколько разных значений, выраженных глаголом.

А. Н. Баскаков, отмечая, что некоторые из глагольных корней сохранили еще следы слабой дифференциации с корнями имен и употребляются в современных языках как в глагольном, так и в именном значении наряду с общеизвестными примерами, иллюстрирующими это положение, типа «art» (спина) — «art» (навьючивать) «toy» (свадьба) — «той» (насыщаться) регистрирует и «сал» (плот) — «сал» (класть).

Итак, мы имеем глагольно-именную пару: общетюркское «класть», «положить», «поставить, воздвигнуть», «бросать», «кидать», «отбрасывать», «бить», «ударять», «пригонять», «сгонять», «прибывать», «махать», «размахивать», «назначать», «определять», «оценивать»; «плот», «плот из бурдюков», «гонщик леса», «доски», «деревянная доска», «рукоятка лука», «рукоятка, на которую прицеливаясь кладут стрелу». Здесь мы имеем дело именным коррелятом глагола «сал». «Сал» — очаг, место где раскладывается огонь [2, 112–114].

По мнению некоторых тюркологов, этот моносиллаб (в значении «плот» имеется в этнониме «селчик» / «селджик» — плотовщик, перевозчик на плоте / плотах) сал — плот + аффикс «чу» — лицо, производящее действие, профессия + к — аффикс уменьшительности; или сал + джик (аффикс уменьшительности. В современном турецком языке имеется слово «салчы» — строитель плотов [2, 112–114; 6, 18–26].

По мнению П. М. Мелиоранского, «сал» одно из переносных «значений глагола «сал» — «класть», «отпустить», «поставить» [10, 31–34]. В тюркских языках огузской группы имеется слово «сап». С конкретно-предметным значением «сап» — «ручка», «рукоятка», «черенок», «держатель», «древко», «шейка» (соринки), «нитка», «нитка для шитья», «моток», «сноп» и т.д. А. М. Щербак выделяет глагольно-именной архетип «сап» — нитка для шитья и «сап» — «вдевать нитку», «соединять».

В тюркских языках огузской группы имеется слово «ун» — мука. Это слово своих глагольных коррелятов не обнаруживает. Древнейшее его значение «размельченный», «крошка», «порошок» восстанавливается из древнетюркского значения. «Крошить», превратить в порошок», «унтаг» — «порошок», «крошка». Г. Вамбери считал это слово стяженной формой «un»-«um» (мука) — «овум», «огим» (крошить). Долгий гласный отмечен лишь в туркменском языке, это, возможно, является результатом иноязычного влияния.

Л. З. Будагов сближал общетюркское «ог» — «ов» непосредственно с «ун» — мука. Формы «унак» — «унан», по мнению некоторых ученых, есть результат контактирования «ун» — «мука» — «ун» — «размельченный, раздробленный». По мнению Э. В. Севортяна «иное» — «мелкий», «размолотый». Можно предположить историческую реальность глагола «ин», гомогенного ив/ов/уг, который также, как и корень «очиг», «овиг» на основании семасиологической коррелятивности связывается с древнетюркским «он» [15, 41–44].

В тюркских языках огузской группы также во всех тюркских языках имеется слово «ütü» (утюг). Это слово в форме «утюг» перешло в русский язык из тюркских языков. В русском языке имеются многочисленные дериваты этого слова: «утюг», «утюжить», «утюжение», «утюжок», «утюжка», «утюжник» и т.д.

В тюркских языках огузской группы имеется слово «ортма» (покрывало). Это слово имеет конкретно-предметное значение, образовано от глагола «ört» — (закрывать, покрывать) и словообразующего аффикса -ма.

В «Слове о полку Игореве» и «Задонщине» употребляется это слово в том же значении. Даже известный ученый-востоковед И. Н. Березин в своей рецензии на один из переводов данного памятника на современный русский язык отметил присутствие в его тексте таких тюркизмов, как жемчугъ, орътъма, чага, япончица [3, 68–71].

В тюркских языках огузской группы имеются многочисленные слова, образованные от глагольных основ с помощью аффиксов -гы⁴, -аг², -ку², -га², -ов, -ы, лыг⁴, -лы⁴, -а², -ач, -ынч, -га², -ым, -ты⁴, -ынты⁴, -маг², -мыг⁴, ган², -ан², -уан², -гын⁴, -лан², -маг², -атаг², -саг², -лаг².

В тюркских языках огузской группы с помощью аффикса -аг² образуются существительные с конкретно-предметным значением от глагольных основ: «будаг» (ветка) — «буда» (отрезать), «ораг» (серп) — от «ога» (жать), «ишыг» (луг) — от «иши» (сиять), «галаг» (груда, сугроб) — от «гала» (наваливать).

В некоторых языках огузской группы, например в туркменском, производные на (а) г/к — (-аг, -ак) образованы от вторичных глагольных основ. Безотносительно к количеству подобных случаев, они все же позволяют признать, что в некоторых языках словообразовательная модель с показателем -аг, -ак сравнительно недавно была продуктивной. В связи с приведенными данными из разных тюркских языков огузской группы нужно заметить, что Л. Дени сомневался в возможности возведения целого ряда существительных с предметным значением на -ыг, -аг к соответствующим глаголам. Он писал: «Трудно было бы допустить, что глагол «буда-

мак» (подрезать ветви) древнее слова «будак» (ветвь). Он является последующим или, по крайней мере, синхронным по отношению к существительному «будак» (ветвь) [20, 142–144].

В тюркских языках огузской группы значение предметности существительного складывается из взаимодействия значения словообразовательного аффикса и реально-вещественного значения исходной основы. Для формирования семантики производного слова нужно определить лексические разряды. Обычно они бывают разными в зависимости от того, какой словообразовательный аффикс и в каком значении применяется для создания производного слова.

Подводя итоги по данному исследованию, можно отметить следующие выводы:

В образе значения и звук тесны связаны. Образы — значения одних и тех же предметов у разных народов

могут быть разными. Предметность призвана вскрыть исходную связь между образом и праобразом.

Интерпретации универсалий не отражают объективную действительность, а только заменяют конкретные вещи этой действительности психологическими образами различной степени яркости и определенности.

Предмет — это то, на что насажено понятие (то, что имеется в виду, функция понятия).

Традиционная теория абстракции берет признаки соответствующей предметной области посредством простого некритического суммирования. Понятие — есть прежде всего понимание, осуществляющиеся в рамках определенной смысловой композиции.

В тюркских языках огузской группы предметность выражается простыми корнями, сочетаниями корней и аффиксов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В. М. История лингвистических учений. Москва: Языки славянской культуры, 2005. — 367 с.
2. Баскаков Н. А. Тюркские языки. Москва, 1958, 242 с.
3. Березин И. Н. Игорь, князь северский. / Перевод Николая Гербеля. II. Москвитянин, 1854, т. 6, № 22, отд. 4, стр. 68–71.
4. Грамматика туркменского языка. Фонетика и морфология. Ашхабад: Наука, 1970, 340 с.
5. Гузев В. Г. Староосманский язык. М.: Наука, 1979, 95 с.
6. Гузев Ж. М. Семантический способ словообразования в тюркских языках; Нальчик: Институт гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН, 2009, 235 с.
7. Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.-Л., 1956, 569 с.
8. Кузнецова Л. Н., Ворожбитова А. А. В. В. Виноградов как профессиональная языковая личность ученого-филолога: лингвориторический аспект: (на материале текстов о языке и стиле русских писателей). Сочи: РИЦ ФГБОУ ВО СГУ, 2017, 168 с.
9. Материалисты древней Греции. Акад. наук СССР. Ин-т философии. Москва: Госполитиздат, 1955, 239 с.
10. Мелиоранский П. М. Араб филолог о турецком языке, СПб., 1900, 297 с.
11. Основы философии науки в схемах и комментариях. Ханты-Мансийск: Печатный мир. Ханты-Мансийск, 2012, 293 с.
12. Философия И. Канта (история и современность): сб. науч. тр Омск: Изд-во ОмГУ, 2006, 330 с.
13. Мизиев А. М. Проблемы лексикализации различных типов сочетаний слов в тюркских языках; Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. проф. образования «Кабардино-балкар. гос. ун-т им. Х. М. Бербекова». Нальчик, 2012, 149 с.
14. Поцелуевский А. П. Основы синтаксиса туркменского литературного языка. Ашхабад, 1943, 100 с.
15. Севортян Э. В. К семантической природе существительного в тюркских языках. Вопросы описательных грамматик языков Северного Кавказа и Дагестана. Нальчик, 1963, стр. 41–44.
16. Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Изд. 3-е. — Москва: URSS ЛИБРОКОМ, 2010, 299 с.
17. Соссюр Ф. де Курс общей лингвистики = Cours de linguistique générale. 3-е изд., стер. Москва: URSS, 2006, 271 с.
18. Энциклопедия философских наук. т. I, Москва, 1974, 695 с.
19. Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). М., 1970, 191 с.
20. Deny L. Grammaire de la langue (dialekte osmanli), Paris, 1957. 200 p.
21. Menges K. H. Etymological notes, on come paçanag names — Burantion, 1944, vol. XVII, p. 273–274.

© Джебраилов Губад Хейбат оглы (gubad88@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОРТРЕТЫ В РАННЕЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ И.А. БУНИНА

LITERARY PORTRAITS IN EARLY JOURNALISM OF I.A. BUNIN

**A. Dyakina
A. Kravchenko**

Summary. an object of research in article are E.I. Nazarov, T.G. Shevchenko, N.V. Uspensky's literary portraits created in early publicistic works of Ivan Bunin. Proceeding from a genre originality of a literary portrait, authors define features of its creation by Bunin. These specifics reflect conceptual views of the young writer of the nature of creativity and an image of the creative person.

Keywords: I. A. Bunin, journalism, literary portrait.

Дякина Анжелика Александровна

Доктор филологических наук, профессор, Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, Елец

Кравченко Алексей Андреевич

Аспирант, Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, Елец

Аннотация. предметом исследования в статье являются литературные портреты Е. И. Назарова, Т. Г. Шевченко, Н. В. Успенского, созданные в ранних публицистических произведениях Ивана Бунина. Исходя из жанрового своеобразия литературного портрета, авторы определяют особенности его создания Буниным. Данная специфика отражает концептуальные взгляды молодого писателя на природу творчества и образ творческой личности.

Ключевые слова: И. А. Бунин, публицистика, литературный портрет.

И. А. Бунин входит в литературу в конце 80-х годов XIX столетия. С этого времени все его творчество неразрывными нитями связано с отечественной периодикой. В ранней публицистике Бунина особое место принадлежит произведениям, которые жанрово можно определить как литературные портреты. Они еще не являются самостоятельной структурной единицей, а входят в другие жанровые образования. В конце XIX — начале XX столетия литературный портрет привлекал многих авторов. К нему обращались В. Вересаев и М. Горький, А. Белый и С. Городецкий, В. Короленко и В. Куприн. Бунин был в числе тех, кого данный жанр интересовал на протяжении всей творческой биографии.

По своей сути подобные тексты призваны представить целостную характеристику реального человека в его неповторимом, живом облике. Словесный портрет, принадлежащий перу писателя, отличается тем, что дает разные ракурсы персонажа, соединяет многочисленные штрихи в общую его характеристику. Генетически портрет, написанный словом, роднится с мемуарной литературой. Отсюда потребность в сходстве с натурой, достоверность воспроизведения реального облика. «Портрет — это прежде всего изображение конкретного лица, не вымышленного образа, созданного воображением художника, а единичной, «именной» личности» [1].

Литературный портрет обобщает знания о человеке, включая его биографию, произведения (если речь идет о творческой личности), отношение к нему современников и самого автора. «Отличие литературного

портрета» заключается в его «особом художественном содержании», строгом отборе фактов и деталей. Именно в последнем и проявляется личность создателя литературного портрета, прорисовывается концепция его собственного представления о персонаже. Авторы портретов отбирают такие факты, которые открыто, а не косвенно характеризуют героя. Поэтому предпочтителен жест, а не поступок, высказывание, а не диалог. Отношение автора к своему герою — это «активная часть жанровой структуры» [2]. Кроме того, литературные портреты отличаются «бессюжетностью»: в них, по сути, нет развития событий, присутствуют лишь взаимодействующие друг с другом моменты, служащие характеристике героя. Исследователи литературного портрета связывают бессюжетность с особенностями построения данного жанра: свободная композиция, авторские обобщения и разъяснения, отступления лирического или публицистического плана.

В ранние годы творчества Бунин создает три литературных портрета. Первый появляется на фоне начавших оформляться эстетических представлений молодого художника. «Поэт-самоучка. По поводу стихотворений Е. И. Назарова» — так назывался материал, опубликованный в журнале «Родина» в июне 1888 года (№ 24. Стб. 630–634). Незадолго до этого автор знакомится в трактире города Ельца с поэтом, мещанином по происхождению Егором Назаровым, из разговора с которым узнает о его биографии и увлечении стихотворством. В публикации Бунин приводит примеры, почерпнутые из этой беседы, и весьма деликатно разбирает произведения поэта-самоучки, который в силу сложившихся жизненных обстоятельств обладает только «задатками истинно-

го искусства», не имевшими возможности «вполне развиться».

Молодой автор призывает литературных критиков не обходить вниманием произведения таких сочинителей, и тем более не иронизировать над ними. Он отмечает в числе наиболее удачных, «очень хороших», стихотворения «Памяти Надсона», «Встреча Нового года», «Море житейское», а как доказательство «качества» приводит полный текст последнего. Бунин совершенно убежден, что при иных обстоятельствах, необходимой поддержке и помощи со стороны интеллигенции, которая «могла бы не упускать из виду подобных личностей, вводить их в круг широких, умственных интересов, стараться развивать эстетический вкус», из Назарова «вышел бы хороший поэт» [3, с. 295].

В этой связи молодой публицист ставит общественно значимую проблему о необходимости «сплоченной и объединенной корпорации» «семьи литераторов» — организации литературных обществ, в рамках которых, авторы, особенно молодые, могли бы развиваться, получать помощь и поддержку в творческом плане. Удивителен, по мнению Бунина тот факт, что в России, где литература достигла значительной высоты, «в этом направлении сделано крайне недостаточно» [3, с. 290].

Кроме того, в русле все чаще «раздающихся голосов» «о необходимости интеллигенции прийти на помощь народу», Бунин предлагает вполне конкретные формы такой помощи, жизненно важные для начинающих авторов, которые не принадлежат «по происхождению и материальным достаткам к интеллигентному и привилегированному классу». Он видит их в возможности «направлять на истинный путь и способствовать совершенствованию тех проблесков народной мысли, которые сами собой начинают обнаруживаться», помогать «интеллектуальному развитию наиболее талантливых людей из народа» [3, с. 290].

Эти социально ориентированные вопросы вынесены в первой части работы Бунина. По сути, она схожа с проблемной статьей. С другой стороны, совершенно очевидно, что автор ставит перед собой и сугубо литературные задачи, посвящая им более объемную часть своего материала. Рассмотрение вопросов художественного творчества в непосредственном соотношении с соответствующими социальными проблемами, как правило, культурного плана, добавляет публицистические ноты в текст бунинской работы, позволяет говорить о традиции демократической, народнической критики (Белинского, Добролюбова, Писарева, Михайловского) в ней. Эта составляющая творческого подхода к исследованию литературных явлений будет успешно развиваться в дальнейших «нехудожественных» произведениях писателя.

Вторая часть работы Бунина представляет собой литературный портрет поэта Егора Назарова. Его автор уделяет пристальное внимание истокам творческого сознания, жизненным фактам, обстоятельствам, сформировавшим талант. Подчеркивается, что Назаров принадлежит к бедной ветви своего елецкого рода, потому нигде не учился, грамоту освоил самостоятельно. «Судьба бросала его во все стороны нашего обширного отечества», ему «приходилось испытывать не только нужду и лишения, но непосильный физический труд». «Задавленный нуждою, Егор Иванович принужден был некоторое время вести винную торговлю» [3, с. 292–293]. Помимо «житейских неурядиц...» нравственное одиночество и заброшенность были его уделом» [3, с. 293]. В этой связи одной строкой сказано о внешности героя: «И как странно мне было видеть, что такой слабый, небольшого роста человек был способен на такие испытания» [3, с. 293].

Бунин прибегает к элементам прямого диалога с читателем: обращается к нему с просьбой представить ту или иную картину из жизни Назарова и понять, что формирование его как поэта шло не благодаря, а вопреки обстоятельствам. Люди, которые встречались на жизненном пути Егора Назарова, чаще всего не только не разделяли его «стремление к поэзии и искусству», а напротив «насмехались над подобными порывами, считая их ребяческими затеями, не ведущими ни к какой цели» [3, с. 293]. Но что же тогда помогало природным лирическим задаткам выливаться в самостоятельные стихотворные произведения? Автор портрета находит стимулирующие рычаги в психологии своего героя. Назаров, по мнению Бунина, с детства был натурой страстной, обладавшей «крайней впечатлительностью», «прекрасной памятью», «благородными порывами молодой души».

Произведения Е. И. Назарова, сопровождающие его литературный портрет, становятся своего рода иллюстрацией тех жизненных испытаний, которые выпали на долю поэта-самоучки. При этом автор подчеркивает, что в его задачу не входит «рецензирование стихотворений г. Назарова». Отдельные элементы разбора поэтических текстов введены в качестве примеров допущенных автором сборника «неточностей». Но самое главное — это «внутренне содержание» поэзии Назарова, которое определено как «весьма симпатичное» [3, с. 294]. Тональность его произведений («безысходная скорбь», [3, с. 294]; «крайне грустный отпечаток» [3, с. 293] Бунин связывает с творческим и личностным одиночеством, отсутствием необходимой для развития таланта среды, окружения единомышленников. Так постепенно молодой автор подходит к проблеме, которая позже всегда будет его волновать и выливаться на страницы произведений — жизненный путь художника: соразмерность «данного» ему Богом и «отданного» им людям.

К начальному периоду творчества Бунина принадлежат литературные статьи, увидевшие свет на страницах «Орловского вестника»: Особое место среди них занимают две публикации: «К будущей биографии Н. В. Успенского» и «Памяти Т. Г. Шевченко».

Поводом к написанию первой статьи становится самоубийство Н. В. Успенского в октябре 1889 года. Личность и творчество «одного из первых и крупнейших народных писателей, совершенно особой, своеобразной школы, зародившейся в шестидесятых годах» [3, с. 495] и прежде привлекала внимание Бунина. Кроме того, молодой автор был с ним, как любил сам выражаться, «из одних квасов»: Успенский происходил из села Шипово Тульской губернии, находившегося неподалеку от родных мест Бунина и связанного с именем Лермонтова. Статья, цель которой состояла в передаче «очень характеристических фактов ... интимной жизни», так необходимых будущему биографу писателя, была опубликована «Орловским вестником» в мае 1890 года (№ 125). Совершенно очевидно, что ее появление «не по горячим следам» предусматривало достаточно длительный этап подготовки. Известно, что Бунин составляет «Письмо в редакцию» с просьбой о помощи в сборе материалов о жизни и деятельности Н. В. Успенского, опубликованное в нескольких изданиях: «Орловский вестник!», «Минский листок», «Полтавские губернские ведомости», «Киевское слово» [4, с. 205, 206, 207].

Как становится ясно из самого текста, для сбора сведений о жизни Успенского Бунин, не знавший его лично, предпринял поездку в село Лобаново Ефремовского уезда Тульской губернии, где писатель часто бывал и где проживал его «тесть и друг детства... священник А. И. У., человек очень образованный и развитый» [5, с. 496]. Но надежды на него как основной «источник информации» не оправдались. Автор упоминает о том, как и где ему пришлось собирать материал: его собеседниками были посетители питейных заведений, куда часто заходил Успенский, мужики лобановского винокуренного завода, с которыми он общался, кабатчик, на которого Успенский написал заявление в полицию, другие жители села. Полученные сведения Бунин считал достоверными, ручался за их подлинность («Их каждый может проверить в том же Лобанове» [5, с. 501]; «не верить таким рассказам было невозможно: во-первых, — не могут же все врать, и одинаково, а во-вторых, за правдивость говорила и сама бесхитростная передача, не бившая на эффект или на «поражение» слушателя» [5, с. 499]. Опросы, проведенные Буниным в селе, показали, что Успенского все воспринимали как «обыкновенного бродягу-пьянчугу». Никто не верил в его «учение», потому что грамотность и образованность в сознании селян не соотносились с тем образом жизни, который вел Успенский — «шлялся нищеводом» [5, с. 499].

Единственным человеком, который не осуждал и не посмеивался над опустившимся писателем, был его тесть. Вероятно, в силу своего воспитания и священнического сана он видел в писателе «слишком недюженно-го человека, слишком глубокую натуру» [5, с. 496]. Вслед за своим собеседником Бунин смотрит на жизнь Успенского как «оригинальную и печально своеобразную», «одинокую, загубленную» [5, с. 501]. Он не пытается объяснить те или иные поступки писателя, оправдать или осудить его поведение, он только приводит факты, которые помогли бы разгадать тайну его «ненормальной тяжелой участи» [5, с. 495]. Конечно, для рядового читателя эта загадка была трудно разрешимой, ведь жизнь Успенского никак не соотносилась с логикой и обывательским прагматизмом. Действительно, как понять и оправдать беспечность, с которой он распорядился подаренной Тургеневым землей, существованием своей малолетней дочери, ставшей бродягой вместе с отцом, наконец, — своим выдающимся талантом. Думается, самому Бунину, который в эти годы только пробивался в большую литературу, искал знакомства в писательской среде, заявлял о себе в газетно-журнальном мире также сложно было понять выбор Н. Успенским своего жизненного пути. Двадцатилетний автор статьи, однако, обладал достаточным тактом, чтобы не разделять мнения жителей села Лобаново о писателе: «Зарезался, слава богу, как пес какой...» [5, с. 500], «не улыбаться вместе с другими» [5, с. 501], а лишь думать «горькую думу» [5, с. 501]. Тема «загубленного таланта» будет всплывать не однажды в разных жанрах его творчества. Есть ее отголосок и в образе Якова Савельевича (очерк «Мелкопоместные»), и в образе учителя Ромашкова (роман «Жизнь Арсеньева»).

Спустя 3 года после смерти Н. Успенского Бунин вновь обращается к его трагической судьбе. В газете «Русская жизнь» (1892, № 333, 8 декабря) выходит его статья «Забывтый человек», в которой даны новые штрихи к прежде созданному литературному портрету писателя. Гораздо позже (в записях 1927 года) Бунин отмечал: «Увлекался я в молодости и Николаем Успенским, и опять не только в силу его дарования, но в силу и личной судьбы его, во многом схожей с судьбой Левитова: страшные загадки русской души уже волновали, возбуждали мое внимание [5, с. 274].

Заключительная фраза многое объясняет в выборе героев ранних статей Бунина. Но не только загадка души Успенского привлекает внимание писателя, но и отношение общества к его судьбе. Автор с горечью констатирует, что российская печать фактически проигнорировала трагическую смерть «одного из первых русских писателей, сердечно, но беспристрастно посвятивших свой талант изображению деревенской народной жизни и вообще «мелкого», серого люда» [3, с. 310]. Но и спустя три года ситуация не изменилась, напротив — даже

усугубилась: Успенского забыли. Между тем Бунин выделяет его как «человека с большой наблюдательностью, большим знанием деревни, сочинения которого, в ряду других произведений народнической литературы, всегда будут отмечаться в истории развития русского общества» [3, с. 311]. С другой стороны, совершенно очевидно, что Успенский отдал меньше, чем ему было дано его талантом. Эту печальную несообразность Бунин объясняет тем, что «Николай Васильевич принадлежит к числу русских писателей «неудачников», которые «унесли с собой в могилу тайну своей горькой участи» [3, с. 311]. С тем, чтобы напомнить читателям о судьбе писателя — народника, Бунин излагает факты его биографии. В этой работе представлены по сути те же сведения, к которым писатель уже обращался в статье «К будущей биографии Н. В. Успенского», но поданы они иначе — более емко. Самое значимое обобщение заключено в названии статьи, которое по сути может быть отнесено к характерным явлениям русской жизни и национальной ментальности.

Тема писательской судьбы продолжена в статье Бунина «Памяти Т. Г. Шевченко» («Орловский вестник», 1891, № 56). Здесь художник создает портрет предшественника, но делает это так, как будто лично знал великого украинского поэта. Выбор героя не случаен: еще в ранней юности, а особенно во время и после своего путешествия по Украине (летом 1890 г.), Бунин увлекся поэзией Шевченко, читал его произведения на языке оригинала, знал наизусть и был уверен, что великого Кобзаря переводят не всегда удачно, «много ниже подлинника» [6, с. 23]. «Глубокая поэтическая грусть», «музыкальность звучания» [6, с. 24] стихов Шевченко восхищали молодого автора. Но вместе с творчеством его привлекала личность, «нравственный образ поэта-самоучки» [3, с. 301]. Вспоминая «задушевные песни и думы, полные самой простой высокой поэзии и красоты» [3, с. 301], в 30-летнюю годовщину смерти Шевченко Бунин «посвящает его памяти несколько слов» и раскрывает перед читателем «грустную историю» жизни поэта.

Главный акцент Бунин делает на простоте образа жизни Шевченко, который привлекал людей: «все знакомые любили поэта за его искренность, задушевность и мало-российский юмор» [3, с. 303], его особенно любили дети, дамы подчас подшучивали над его мешковатостью, а он отвечал им доброй улыбкой и стихами-прибаутками [3, с. 303].

Как верно заметил А. С. Логвинов, «несмотря на узкие рамки газетной статьи, Бунин обнаружил в ней хорошее знание биографической литературы о Шевченко, которая могла быть тогда доступна ему; статья свидетельствует также о незаурядном знании автором поэзии Шевченко и о серьезном, вдумчивом к ней отношении» [3, с. 301]. Хотя, справедливости ради, уточним, что о по-

эзии Шевченко автор статьи говорит только в заключительной части и делает это, словно в подтверждение сказанного о его личности и судьбе. Бунин пишет: «Вообще то, что светило в песнях и думах Тараса Григорьевича, было сразу заметно и в его характере. Только в первых, как в выразителях его лучших поэтических минут, было больше грусти, оставленной невеселой судьбой» [3, с. 302]. В статье цитируется только два произведения Шевченко, но с каждым из них автор обращается к читателям, побуждает вспомнить и другие стихи великого Кобзаря. Такой прием делает тон повествования доверительным, располагает к лирическому раздумью, которым Бунин завершает свою работу. Он мысленно возвращается на могилу Шевченко, поэтизирует простоту и величие места ее расположения: «Говорят — хорошо там: веет вольный степной ветер, далеко разлился Днепр, далеко стелятся степи, синеют «могилы», греет южное жаркое солнце, да зеленеет высокая трава» [3, с. 30].

Заключительные строки напрямую соотносятся с записями В. Н. Муромцевой, в которых упоминаются впечатления писателя от его посещения Канева: «Он признавался, что ни одна могила великих людей его так не трогала, как могила Шевченко, находившаяся близ старинного города Канева, «места крови», где почивают на старинных кладбищах герои и защитники казачества. Могила находится на горе, откуда вид на Днепр, на далекие долины, на рассыпанные села, на то, что так любил украинский поэт. Могила простая, с белым крестом...» [7, с. 110]. В этой простоте и величии, соединенном в одном человеке, выходе из народа, вероятно, и скрывалась та удивительная притягательность Шевченко, к которой Бунин прикоснулся еще в юности и попытался приблизить своего читателя.

Литературные портреты, созданные молодым автором, помещенные в статьи, сопровождаются публицистическими комментариями, в их содержание «вторгаются» «суждения о соотносимых с темой явлениях и проблемах современности», «прочитывается злоба дня», «дух времени» [8].

Рассмотрение ранних газетных выступлений Бунина позволяет говорить о формировании системы его эстетических и философских ценностей, в которой уже прочерчены отдельные принципиально значимые грани. Первая из них связана с тем, что начинающего писателя интересуют вопросы зарождения и развития таланта, истоки мастерства. В этой связи он обращается к изучению среды, питающей и вдохновляющей творчество. Бунин внимательно всматривается в родословную писателя, изучает факты его жизненного пути и приходит к выводу о том, что истоки творчества могут быть совершенно разными, но сами по себе они не определяют способность к творчеству. Всякая сфе-

ра жизни достойна внимания художника, потому Бунин ратует за тематическое и проблемное многообразие творческих поисков. С другой стороны, среда либо содействует, либо тормозит развитие таланта, создавая препятствия на пути творческой мысли. Но даже в последнем случае талант может развиваться и укрепляться — все зависит от степени дарования (Назаров — Шевченко). Кроме того, неблагоприятная среда в конечном итоге обогащает человека сложным жизненным опытом, глубокими переживаниями, придающими произведениям искусства силу притягательной печали (Шевченко).

Еще одно пространство, исследуемое Буниным,— личность художника, ответственность человека за свой талант. Здесь фактически две противоположности: Успенский, имевший все возможности для творческо-

го развития, но растративший свой талант на бродяжничество и питейные заведения, потерявший к концу жизни всякие приличные связи, сыскавший среди людей презрительную усмешку и прозвище Мефистофель; и Шевченко, крепостной крестьянин, упорно шедший к просвещению, развивавший и укреплявший свой дар к слову, рисованию, ставший выдающимся мастером, оставивший по себе добрую и светлую память.

Литературные работы Бунина, включающие портреты художников слова, явились важным шагом на пути его становления как публициста. Серьезные публицистические акценты, расставленные в них в связи с литературно-эстетическими вопросами, позволяют судить о творческих и личностных приоритетах начинающего автора, его живой заинтересованности в судьбах современной отечественной словесности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тагер Е. Б. Жанр литературного портрета в творчестве М. Горького // О художественном мастерстве Горького. Сборник статей. Институт мировой литературы им. А. М. Горького. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. С. 375.
2. Барахов В. С. Литературный портрет (Истоки, поэтика, жанр). Л.: Наука, 1985. — С. 16.
3. Литературное наследство. Иван Бунин. — Т. 84. — В 2-х кн. — М.: Наука, 1973. — Кн. 1. — 696 с.
4. Летопись жизни и творчества И. А. Бунина. Т. 1 (1870–1909). — М.: ИМЛИ РАН, 2011. — 911 с.
5. Бунин, И. А. Собр. соч. в 9 т. / И. А. Бунин. — М.: Худож. лит.-ра, 1965–1968. Т. 9.
6. Бунин, И. А. Письма 1885–1904 годов / И. А. Бунин; под ред. О. Н. Михайлова. — М.: ИМЛИ РАН, 2007. — 768 с.
7. Муромцева-Бунина, В. Н. Жизнь Бунина (1870–1906). Беседы с памятью / В. Н. Муромцева-Бунина. — М.: Советский писатель, 1989. — 508 с.
8. Прохоров, Е. П. Искусство публицистики / Е. П. Прохоров. — М.: Советский писатель, 1984. — С. 51.

© Дякина Анжелика Александровна, Кравченко Алексей Андреевич. Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина

КОММУНИКАТИВНЫЕ ФУНКЦИИ ЭТИКЕТНЫХ КЛИШЕ, ШТАМПОВ, СТЕРЕОТИПОВ И РАЗГОВОРНЫХ ФОРМУЛ: К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОНЯТИЙ

COMMUNICATIVE FUNCTIONS OF ETIQUETTE CLICHÉS, SPEECH STAMPS, STEREOTYPES AND CONVERSATIONAL FORMULAS: ON THE QUESTION OF THE NOTIONS DELIMITATION

V. Karnyushina

Summary. The article is a theoretical review of the problem of the concepts "cliché" and "stamp" differentiation. The survey's aim was to identify the notions characteristics and to define their function in speech. The article presents an analysis of the existing key notions in order to determine the place of clichés among other communicative units and the identification of clichés with deixis. The material for the study were literary texts, film texts, television shows, media. As a result, the author provides an interpretation of the concept, identifies the main features.

Keywords: cliché, cliché functions, speech stamp, deixis.

Карнюшина Вера Вениаминовна

К.филол.н., БУВО «Сургутский государственный педагогический университет»
vkarnyushina@gmail.com

Аннотация. Настоящее исследование посвящено теоретическому обзору проблемы разграничения понятий «клише» и «штамп», выявлению их характеристик и определению функции в речи. В статье представлен анализ существующих положений на предмет выявления места клише среди других коммуникативных единиц, отождествления клише с дейксисом. Материалом для исследования послужили художественные тексты, кинотексты, телевизионные шоу, СМИ. В результате автором приводится трактовка понятия, определяются основные признаки исследуемого явления.

Ключевые слова: клише, функции клише, штамп речевой, речевые стереотипы, дейксис.

Проблема функций языковых единиц вызывает сегодня особый интерес в связи с расширением сферы изучения языка в действии, особенностей разговорной речи, функциональных стилей, теории коммуникации и т.д. Одной из основных задач является установление средств системы и структуры языка, которые служат для выявления той или иной функции лексем.

В лингвистической литературе неоднократно предпринимались попытки как отождествить, так и разграничить понятия «клише», «штамп», «разговорная формула». Такая проблема возникла из-за большого сходства исследуемых языковых единиц, которые, на наш взгляд, на самом деле составляют более широкий пласт лексики — класс речевых стереотипов.

В лингвистическом словаре понятия клише и штамп отождествляются, рассматриваются в одной и той же словарной статье, озаглавленной как «штамп речевой», под которым понимается «стилистически окрашенное средство речи, отложившееся в коллективном сознании носителей данного языка как устойчивый, «готовый к употреблению» и потому наиболее «удобный» знак для выражения определённого языкового содержания, имеющего экспрессивную и образную нагрузку» [2,

с. 588]. С подобным отождествлением мы встречаемся и у Г.Н. Складневской. В своем определении клише, которое она даёт в толковом словаре современного русского языка, клише описывается при помощи понятий «штамп», «шаблон в образе мысли», «ходячее избитое выражение» [19, с. 344].

Отнесение клише к штампу речевому стало возможным, очевидно, благодаря тому, что и клише, и штамп имеют сходную природу, происхождение. И клише, и штамп характеризуются воспроизводимостью. Такое сходство, в частности, доказывает тот факт, что клише, может переходить в разряд штампа при условии «безудержного массового воспроизводства» [2, с. 589]. Становится ясным, что общим в основе понятий «штампа» и «клише» является признак воспроизводимости, «готовности» для воспроизведения в речи.

Однако клише и штамп отличаются по признаку информативности. На этот счёт существует две точки зрения.

Т.М. Дридзе признаёт клише, как необходимую, информативно важную единицу общения, так как она может присутствовать в виде «штампов» и «закреплённых

традицией формулах». Клише неизбежно присутствуют в газетных текстах, поскольку без них было бы невозможно писать быстро и правильно, более того, наличие клише — это свидетельство развития информационного жанра [5, с. 170].

Вторая точка зрения заключается в том, что клише не имеет информационной важности в тексте и его употребление в речи нежелательно.

Исходя из описанных трактовок, можно сделать вывод, что первый подход описывает собственно информативный статус клише, второй же применим исключительно к штампам. Клише, по сравнению со штампом, большинством лингвистов считается информативно более важным, несущим положительно-оценочное значение при построении текста. Такой точки зрения придерживаются А. А. Барченков, Т. Г. Винокур, Т. М. Дридзе, Д. Э. Розенталь. В целом, эта позиция состоит в том, что при использовании клише цель, поставленная в процессе коммуникации, успешнее достигается. Воспроизводимость клише в различных ситуациях не вызывает «оскомины» у собеседников, тогда как употребление штампа всегда связано с негативной ответной реакцией слушающего. Штамп, также отмечает Д. Э. Розенталь, представляет собой «избитое выражение с потускневшим лексическим значением и стёртой экспрессивностью» [15, с. 168], употребления которого следует избегать, особенно в повседневной речи. Ссылаясь на мнение В. Г. Костомарова, Т. М. Дридзе указывает, что «чрезмерно частое повторение одного и того же слова или выражения выхолащивает его смысл, превращая его в пустой звук» [5, с. 171].

Т. М. Дридзе утверждает, что именно текстовая информационная нагрузка является признаком клише, отличающим его от штампа. «Языковым штампом становится клише, которое по той или иной причине потеряло для интерпретатора свою первичную, или текстовую информационную нагрузку, стало бессмысленным, незначимым для получателя информации, иными словами, стало дисфункциональным» [5, с. 172]. Подобная точка зрения отражена и в статье Т. Г. Винокур, где клише определяется как нейтральное понятие, имеющие «информационно-необходимый характер» и относящиеся к «целесообразному применению готовых формул в соответствии с коммуникативными требованиями той или иной речевой сферы» [2, с. 588]. Такая трактовка определяет не только характеристики, но и место клише среди других коммуникативных единиц, обладающих текстовой функциональной нагрузкой. Главной характеристикой клише является его «информационно-необходимый характер», т.е. клише заключают в себе информацию необходимую для всех участников общения. Наряду с необходимой информацией, которая отличает газетные

клише от других языковых единиц, А. А. Барченков отмечает, что клише — «стереотипные словосочетания, обладающие структурными семантическими и стилистическими свойствами, важными для построения газетного текста» [1, с. 5]. Именно А. А. Барченков предпринимает попытку разрешить спор о различиях информативной наполненности клише и штампов, утверждая, что между категориями клишированности и штампованности существуют диалектические отношения, которые выражаются в изменении функциональных свойств единиц, которые могут переходить из разряда штампов в разряд клише и наоборот [1, с. 23]. Это утверждение, по нашему мнению, подтверждает правомерность объединения клише и штампов в одну категорию — категорию речевых стереотипов.

По мнению В. В. Красных, термин «стереотип» можно отнести к прецедентным феноменам, которые представляют собой хорошо известные всем представителям национально-культурного сообщества, актуальные в когнитивном плане явления, обращение к которым постоянно возобновляется в дискурсе представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества [11, с. 71].

Языковые клише, как пишет Дж. Р. Серль, это застывшие речения, осознаваемые как несвободные, т.е. воспроизводимые целиком, всеми носителями языка. В языкознании для обозначения таких застывших речений используются такие термины как: речевые стереотипы, идиомы, фразеологизмы, штампы, групповые шаблоны, излюбленные обороты, стереотипизированные обороты и т.п. Все эти речевые явления составляют некое понятийное поле, к которому приближаются паремии, крылатые слова, цитаты, афоризмы, максимы [18, 19].

В своей работе В. В. Стрибижев отмечает, что существует деление клише-стереотипов на речевые, коммуникативные и речементальные. Под *речевым* стереотипом понимается отрезок высказывания или целое высказывание, включенное в контекст, представленный «свободными» компонентами высказывания или целыми высказываниями. Клише в широком смысле выделяется именно потому, что оно соответствующим образом воспринимается. Таким образом, речевое клише-стереотип всегда вносит в высказывание дополнительную смысловую строку, если оно входит в отношения синтагматического контраста с неклишированными компонентами. Для *коммуникативных* стереотипов важна их индивидуальная регулярная повторяемость в однотипных ситуациях. Распознать индивидуальные коммуникативные клише не всегда легко — они могут совпадать с нестереотипизированными высказываниями, могут совпадать и с речевыми стереотипами. Третий вид стереотипов предлагается называть *речементальными* (в этом слу-

чае воспроизводится не сам текст, а некая ментально-речевая структура, тип речевой реакции) [22].

Переходя к вопросу функций описываемых языковых единиц, следует отметить, что к основным, базовым функциям языка относят: коммуникативную, когнитивную, эмоциональную и метаязыковую [20, с. 565–566]. Все эти функции взаимообуславливают друг друга, но в различных видах дискурса проявляются в разной степени.

К коммуникативной функции относятся контактоустанавливающая (фатическая), конативная (усвоения), волюнтативная (воздействия) и функция хранения и передачи национального самосознания, традиций культуры и истории народа [20, с. 564]. В сферу волюнтативной функции, таким образом, можно включить и функцию дистанцирования, которая, по мнению Ю.Б. Кузьменковой, отвечает за умение поддерживать беседу на необходимом для коммуникантов уровне, т.е. воздействовать друг на друга средствами языка либо положительно, либо отрицательно в зависимости от намерений участников коммуникативного события [12, с. 54]. А к средствам репрезентации этой функции относят речевые этикетные клише.

Наиболее близким видением функций языка по отношению к настоящему исследованию является представление Б.Ю. Нормана [14]. Исследователь говорит о таких основных функциях языка, как: коммуникативная, мыслительная, познавательная, номинативная и регулятивная. По мнению учёного регулятивная функция направлена на «создание, поддержание и регулирование отношений в человеческих микроколлективах», в сферу которой входит установление отношений между участниками коммуникативного события [14, с. 84]. Следовательно, языковые клише, которые «осуществляют реальное, активное регулирование процесса общения, путём установления, поддержания или размыкания речевого контакта» [22, с. 46] входят в сферу именно этой функции языка.

Кроме того, в отличие от свободных форм и словосочетаний, реализующих функцию воздействия, клише, по мнению С.Г. Тер-Минасовой, как особый тип устойчивых единиц, ориентированы на коммуникативную функцию, т.е. функцию сообщения, игнорирование которого имеет прагматическую направленность [23]. Почти в каждом определении речевого клише говорится о его закреплённости за тем или иным типом речевых ситуаций, в которых участники коммуникации так или иначе осуществляют речевое взаимодействие друг с другом.

Исследуя сходства и отличия клише и разговорных формул, следует отметить, что в лингвистической литературе описаны два подхода к их описанию: 1) клише,

является частью разговорных формул, 2) разговорные формулы суть особая разновидность клише.

Сторонником первого подхода является Т.М. Дридзе, которая, анализируя понятия «клише» и «речевая формула», утверждает, что первое понятие полностью входит в состав последних [5, с. 170].

Второго подхода, как отмечает в своей работе В.В. Стрибижев, придерживается Ф. Кифер, который предлагал разделять все ситуативные высказывания на: 1) сильно клишированные формулы речевого этикета; 2) воспроизводимые в готовом виде и ситуативно связанные высказывания, которые являются, однако, с точки зрения стандартной лексикологии совершенно «свободными» сочетаниями слов, каждое из которых употреблено в своём прямом значении, 3) промежуточные явления между первым и вторым типом, обладающие идиоматизированным значением и соотносимые с традиционно выделяемыми фразеологическими сочетаниями [22].

По мнению Н.И. Формановской, разговорные формулы закреплёны за стереотипными ситуациями общения, в которых данные формулы «репродуцируются ... как готовые единицы, имеющие устойчивую синтаксическую структуру и постоянную лексическую представленность» [24, с. 3]. Исследователем выделяется такой критерий отнесения устойчивой единицы к разговорным формулам, как социальная приемлемость в обществе. Этот признак свидетельствует о том, что в определенных ситуациях появление той или иной разговорной формулы социально детерминировано. Использование устойчивых единиц также свидетельствует о том, что разговорные формулы играют важную роль в актуализации пресуппозиций коммуникантов, которые в различных ситуациях общения должны быть подведены под одну общую «черту», определённую речевым этикетом. Именно этим объясняется тот факт, что функционирование разговорных формул тесно связано с успешностью в общении.

Речевые формулы выступают в роли регуляторов общения, формируя, оформляя различные ситуации, которые регулируются определёнными принятыми в обществе правилами, и в которых употребление тех или иных речевых единиц диктуется нравственными и другими общественными законами.

Однако, в целом, между понятиями «клише» и «разговорная формула» могут наблюдаться пересечения, когда собственно клише могут использоваться и в значении разговорных формул и как клише. Провести чёткую границу между ними представляется практически невозможным.

Соотнесение таких понятий как «клише», «речевой стереотип», «штамп» и даже пословиц, поговорок и афоризмов говорит лишь о том, что у этих языковых явлений есть некое общее начало. Возможной причиной нечёткости трактовок может служить отсутствие рассмотрения исследуемого явления с точки зрения их знаковых характеристик.

В русле этого же функционального понимания сущности языкового знака, определяемого как отношение формы содержания и формы выражения, находится глоссемантическая теория Л. Ельмслева, согласно которой язык считается знаковым только по своим целям, по внешней функции — в его отношении к вневингвистическим факторам; что же касается его внутренней, структурной организации, то это система односторонних, незнаковых элементов языка — фигур содержания и фигур выражения [6, С. 131–132].

По мнению А.Е. Кибрик, современная лингвистика рассматривает язык как «определенный класс знаковых систем», и как «некоторую реально существующую знаковую систему, используемую в некотором социуме, в некоторое время в некотором пространстве» [9, с. 64].

Описание единиц языка с точки зрения лингвистической семиотики, таким образом, необходимо, для более глубокого анализа и понимания функционирования лексики в системе и структуре языка. Однако, простого упоминания о языке, как системе знаков, на наш взгляд, недостаточно. Необходимо также изучить и свойства знака как единицы языка. Только так мы сможем понять, в чем заключается знаковая суть устойчивых словосочетаний.

Поскольку мы говорим о языке как о знаковой системе особого рода, то понимание какими свойствами обладают знаки, обладающие конституирующими характеристиками позволит описать и, в некоторой степени, доказать такую исключительность коммуникации в целом. Среди прочих, нами выделяется такое свойство, как произвольность. Данное свойство вызывает множество споров у лингвистов. В исследовании языковых клишированных словосочетаний оно играет немаловажную роль, вследствие того, что объясняется на примере процесса идиоматизации языковых знаков.

Как отмечает Б.А. Серебренников, «произвольность составляет необходимое условие реализации семиотического процесса» [16, с. 159]. Из этого следует, что именно произвольность делает языковой знак, «знаком» в полном смысле этого слова.

Наличие в том или другом языке определенной системы грамматических классов и категорий слов, парадигматических группировок и синтагматических рядов,

различных типов морфологических и семантических структур словесных знаков и т.п.— есть способ ограничения произвольности знаков, фактор, упорядочивающий их функционирование. Следовательно, принцип полной произвольности через разные ступени частичной мотивированности превращается в обязательный для каждого языка принцип системной обусловленности языковых знаков.

Произвольность знака или «условность», как называет это свойство Б.Ю. Норман, можно усмотреть в том, что основным законом его существования является традиция. Каждое поколение принимает все формы существования данного языка от предшествующего поколения, не имея возможности никакого выбора, и также по традиции передает языковое наследие следующему за ним поколению, что подтверждается ещё и таким свойством как конвенциональность, где в основе названия лежит «договоренность» членов коммуникативного сообщества [14, с. 20].

В основе функционирования языкового знака лежит его сопротивление изменениям, которое приводит к стиранию мотивированности. Характерная особенность языкового знака заключается также и в возможности различной трактовки его свойств, а такие типы семантических отношений как синонимия и омонимия являются характерными чертами только знака языкового. В связи с этим, важным шагом в исследовании языковых явлений как знаков системы нам видится анализ теоретических исследований знаковых функций языковых единиц.

По мысли Л.С. Выготского, в соотношении «знак — реальная действительность» первые служат обозначением второй и в то же самое время являются носителями «обобщенного ее отражения», органически прочно соединяясь с соответствующим понятием или отдельными его признаками, лежащими в основе семантических ценностей языковых единиц. Неразрывная связь означаемого (смыслового содержания) и означающего (знаковой формы) является неременным условием единства языкового знака, поэтому участие языковых знаков (особенно слов) в формировании мыслей, идей, понятий в процессе познания настолько непосредственно, что связь между двумя сторонами словесного знака определяется с точки зрения психологии следующим образом: «... мысль не выражается в слове, она совершается в слове» [3, с. 284].

Понимание того, что языковая сущность выражения идей и мыслей реализуется с помощью знака и через знак, является существенным для понимания характеристик клише, штампов и разговорных формул. Более того, основные свойства знака, в частности, конвен-

циональность и произвольность, послужат необходимым инструментом в определении признаков клишированности лексических единиц, а также в отделении их от других узуальных слов и словосочетаний. Изучение же основ функционирования знака в системе языка, его способности обобщать и конкретизировать, реализовывать идейный замысел адресанта, приводит к мысли, что именно эти основы и являются теми глубинными процессами, управляющими направленностью коммуникации, предопределяющими роль коммуникативных единиц в дискурсе.

А. В. Кравченко, описывая специфику знака, приводит определение Р. Келлера, который говорит, что «знаки — это намеки более или менее определённого характера ... обеспечивающие возможность... прийти к выводам» [10, с. 70]. К таким знакам можно отнести стереотипные словосочетания и клишированные формулы, используемые в ситуациях знакомства или прощания, в ответных реакциях и, что особенно важно, как отмечает Ю. Б. Кузьменкова, для англоговорящего социума [13], в умении поддержать беседу и не нарушать личного пространства собеседника.

Как отмечает М. Л. Макаров, «особый интерес исследователей дискурса привлекли знаки, обозначающие координаты данного высказывания в потоке речи» [13, с. 197]. Подобные знаки указывают на объект, его признаки, следовательно, его можно рассматривать с позиций дейксиса, или, по словам М. Л. Макарова, «языковые средства — индексы по своей природе... зачисляются в разряд единиц дейксиса дискурса» [13, с. 197].

К дейксису, по мнению С. С. Дрига, относят также «категорию вежливости, коммуникативную инициативу ... грамматическую структуру предложения» [4, с. 9].

Таким образом, под дейксисом, на наш взгляд необходимо понимать использование языковых выражений, интерпретация которых должна осуществляться при помощи обращения к ситуации общения. Компоненты — участники общения, его место и время образуют особую систему координат, в формировании которой, по нашему убеждению, большую роль играют языковые стереотипы, реализуя определённый вид указания в ситуации коммуникативного взаимодействия.

Узуальные словосочетания, будучи вплетены в структуру коммуникативного акта, являются дейктическими знаками, т.е. дают указания (на коммуникантов, на предмет речи, на ситуацию в целом), связанные с определением некоторой точки отсчета, относительно которой данное указание осуществляется [15, с. 45]. На наш взгляд, таких точек отсчета как минимум три: определяющие персональную, пространственную, и временную состав-

ляющие акта коммуникации. Персональный дейксис, как отмечает И. А. Стернин, является «наиболее важным типом дейксиса, т.к. он устанавливает главную соотнесённость предметов, событий в коммуникативном акте, а также является основой различения субъективного (центр координации совпадает с говорящим) и объективного (центр координации не совпадает с говорящим) дейксиса» [21, с. 7].

Итак, персональный, социальный, тематический, пространственный и временной типы дейксиса — могут быть реализованы при помощи устойчивых слов или словосочетаний. Именно к таким языковым элементам мы и относим клише.

Дейктический характер клише реализуется ими через персональный (и входящий в него социальный), пространственный и временной дейксис. Дополнительным видом дейксиса, реализуемого с помощью этикетных клише, является тематический дейксис, т.е. указание на определённую тему сообщения. Тематический дейксис не является обособленным видом дейксиса, а представляет собой составную часть указания на «представляемое», т.е. ситуативного дейксиса. Роль персональных дейктиков играют личные местоимения, входящие в состав клише-приветствия, которое, в свою очередь, является и стимулом и реакцией. Равнонаправленность такого клише создаёт предпосылку диалогического общения, в процессе которого пресуппозиции коммуникантов выравниваются.

Ученые-лингвисты расходятся во мнениях о роли клише в коммуникации. Эти единицы языка они относят как к разряду фразеологических единиц, так и к разряду стереотипов, поскольку не существует единой трактовки явления. Одним из важных признаков фразеологической единицы, на который указывают ведущие специалисты в области фразеологии, является то, что их место в коммуникации строго не фиксировано и это не влияет на их функциональные особенности.

В ходе критического анализа теоретических исследований по проблемам фразеологических идиоматических словосочетаний, в частности их структуры, их семантики, изменения семантики их компонентов в зависимости от коммуникативного события, или ситуации, или определённого дискурса, мы пришли к выводу, что фразеологические словосочетания должны обладать следующими лексико-синтаксическими свойствами: устойчивостью, воспроизводимостью в готовом виде, допускающей замену синонимов внутри словосочетания, демонстрировать переосмысление или семантические трансформации внутри семантической структуры всего словосочетания, обладать высокой степенью стилистической окраски, влияющей на употребление

их либо в определенных коммуникативных актах, либо только представителями определенного социального статуса. Важным коммуникативным фактором является их подвижность внутри микроконтекстов.

В исследованном нами материале устойчивые языковые единицы — клише — это знаки проявления этикетного нормативного речевого поведения. Соответственно, рассматриваемые в исследовании словосочетания определяются как этикетные клише. Семиотические признаки этикетных клише тесно связаны с понятием языковой нормы, которая в работе, понимается как кодификация, отражающая социально-обусловленную конвенциональность языка.

В результате практического исследования текстов различных жанров было установлено, что лексемы, составляющие этикетные клише, меняют семантику, вся этикетная клишированная лексема приобретает свой собственный семантический набор компонентов, напоминающий идиоматическое словосочетание, но, в отличие от него, теряющее свою яркую стилистическую окраску и приобретающее нейтральную стилистическую окраску для передачи информации «я хочу установить с вами контакт», или «я хочу закончить разговор с вами», или «я хочу, чтобы вы сделали ...».

Исследуемые этикетные клише, языковые средства, составляющие их отличительные характеристики и свойства, демонстрируют такое важное в межкультурной коммуникации качество коммуникативного события, как свойство отражать дистанцию между собеседниками и их социальный статус. Это качество этикетных клише подчеркивает семиотический характер тех языковых средств, которые участвуют в его образовании, структуре, и проявляется в их синтаксических характеристиках.

Например, клише-приветствия имеют идентичные семантические компоненты и одну и ту же синтаксическую структуру как в роли говорящего, так и в ответной вербальной реакции собеседника. Клише, выполняющие дистанцирующую функцию (вежливые речевые формулы выражения просьбы, совета и пр.), отличаются семантическими компонентами, но имеют более или менее устойчивую синтаксическую структуру. В системе дискурса строго регламентированное место имеют только клише, выполняющие фатическую функцию — это всегда начало или конец коммуникативного акта. Структура и семантика таких клише не зависит от равенства — неравенства участников коммуникативного акта по социальному статусу, разницы в возрасте, наличия либо отсутствия факта знакомства, типа коммуникативной ситуации, фреймов конвенциональных установлений, отношений между участниками. Место дистанцирующих клише в системе дискурса конвенционально не установлено, т.к. оно зависит от наличия/отсутствия интенций говорящего в ходе коммуникации.

В ходе исследования языкового материала [7, 8], нами было выявлено, что основными признаками клише являются: 1) эмоциональная нейтральность выражения, 2) конвенциональное употребление, 3) ритуальность употребления, 4) применение готовой языковой формулы, 5) цельнооформленность. Для этого потребовалось использование различных методов лингвистического анализа каждого отдельного примера употребления рассматриваемых лексических единиц. На этой основе был сделан вывод о том, что *клише — это ситуативно-знаковое, конвенционально и культурно обусловленное словосочетание, зафиксированное для каждой статусной роли. Этикетные клише отличаются от других идиом отсутствием эмоциональной окраски, хотя имеют соответствующее пунктуационное оформление в письменной речи.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Барченков А. А. Клише и штампы в языке английской газеты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М.: Моск. гос. пед. ин-т иностр. языков им. Мориса Тореза, 1981. — 24 с.
2. Винокур Т. Г. Штампы // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. Ярцевой В. Н. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — С. 588–589.
3. Выготский Л. С. Мышление и речь. — изд. 5-е, испр. — М.: Лабиринт, 1999. — 352 с.
4. Дрига С. С. Социальный дейксис дискурса массовой коммуникации: автореферат дис. ... кандидата филологических наук — Тверь: Твер. гос. ун-т, 2008. — 17 с.
5. Дридзе Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. — М.: Наука, 1984. — 315 с.
6. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Зарубежная лингвистика / пер с англ. / общ. ред. В. А. Звегинцева, Н. С. Чемоданова — М.: Прогресс, 1999. — Т. 1. — С. 131–257.
7. Карнюшина В. В. Ситуативно-знаковый характер клише английского языка // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2008. — 6. — С. 230–238.
8. Карнюшина В. В. Лингвистические характеристики и дейктические свойства английских этикетных клише и их русских аналогов // Ученые записки Российского государственного социального университета. Т. 1. № 3 (115). — М.: Российский гос. социальный ун-т, 2013. — С. 171–174.
9. Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфическое в языке). — изд. 3-е, стереотипное. — М.: Едиториал УРСС, 2002. — сер. Лингвистическое наследие XX века. — 336 с.

10. Кравченко А. В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка. — Иркутск: ОГУП «Иркутская областная типография № 1», 2001. — 261 с.
11. Красных В. В. «Свой среди чужих»: миф или реальность? — М.: Гнозис, 2003. — 374 с.
12. Кузьменкова Ю. Б. ABC's of Effective Communication. Азы вежливого общения. — Обнинск: Титул, 2001. — 112 с.
13. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. — М.: Гнозис, 2003. — 280 с.
14. Норман Б. Ю. Теория языка. Вводный курс: учебное пособие. — М.: Флинта: Наука, 2004. — 296 с.
15. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. — М.: АСТ, 2001. — 624 с.
16. Серебренников Б. А. Общее языкознание. Внутренняя структура языка. — М.: Наука, 1972. — 565 с.
17. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Зарубежная лингвистика / пер. с англ. / общ. ред. В. А. Звегинцева, Б. А. Успенского, Б. Ю. Городецкого. — М.: Прогресс, 1999. — Т. II. — С. 210–229.
18. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Зарубежная лингвистика / пер. с англ. / общ. ред. В. А. Звегинцева, Б. А. Успенского, Б. Ю. Городецкого — М.: Прогресс, 1999. — Т. II. — С. 229–254.
19. Складаревская Г. Н. Клише // Толковый словарь современного русского языка: языковые изменения конца XX столетия / под ред. Г. Н. Складаревской. — М.: АСТ, 2001 — С. 344.
20. Слюсарева Н. А. Теория Ф. де Соссюра в свете современной лингвистики. — М.: Наука, 1981. — 208 с.
21. Стернин И. А., Попова З. Д. Когнитивная лингвистика. — М.: АСТ, 2007. — сер. Лингвистика и МК: золотая серия. — 314 с.
22. Стрибизев В. В. Речевые клише в современном английском языке: метакоммуникативная функция: дис. ... канд. филол. наук. — 2006. — [Электронный ресурс]. URL: <http://diss.rsl.ru/diss/06/0001/060001025.pdf> (дата обращения: 05.05.2006).
23. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. — М.: Слово / Slovo, 2000. — 624 с.
24. Уфимцева А. А. Опыт изучения лексики как системы. — изд. 2-е. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — сер. Лингвистическое наследие XX века. — 288 с.
25. Уфимцева А. А. Типы словесных знаков. — изд. 2-е. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — сер. Лингвистическое наследие XX века. — 208 с.
26. Уфимцева А. А. Знак языковой // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой — М.: Советская энциклопедия, 1990. — С. 167–169.
27. Формановская Н. И. Русский речевой этикет: Лингвистический и методический аспекты. — М.: КонКнига, 2007. — 160 с.
28. Шаховский В. И., Жура В. В. Дейкис в сфере эмоциональной речевой деятельности // Вопросы языкознания. — М.: Изд-во РАН, 2002. — № 5. — С. 38–57.

© Карнюшина Вера Вениаминовна (vkarnyushina@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Сургутский государственный педагогический университет

ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ НА -(П)ЧАТХАН В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ¹

PAST TENSE WITH — (P) CHATHAN IN KHAKAS LANGUAGE

K. Kicheeva

Summary. The article is devoted to the analysis of past tense with -(p) chatkhan in the Khakas language. It is revealed that the time expressed by this form is always relative. The language material shows that the form -(p) chatkhan is often accompanied by temporal concretizations, but can be used without indicating the time of the action, and expresses a certain imperfect. The values of the analytical forms of temporal (-(p)chatkhan poltyr, -(p)chatkhan polgan), aspect-temporal (-(p)parchatkhan, -(p)odyrchatkhan, -(p)turchatkhan, -(p)chörchetken) and modal-temporal (-(p)chatkhan polar) character with the use of the formant -(p)chatkhan are defined.

Keywords: Khakas language; past tense; imperfect, specific imperfect; temporality; analytical forms; procedurality; iteration; evidential imperfect.

Кичеева Кристина Владимировна

*Аспирант, Хакасский государственный университет
имени Н. Ф. Катанова (г. Абакан)
kristi.tabakova@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу прошедшего времени на -(п)чатхан в хакасском языке. Выявлено, что время, выраженное данной формой, всегда относительно. На языковом материале показано, что форма -(п)чатхан часто сопровождается темпоральными конкретизаторами, но может употребляться и без указания на время совершения действия, и используется для выражения определенного имперфекта. Определены значения аналитических форм темпорального (-(п)чатхан полтыр, -(п)чатхан полган), аспектуально-темпорального (-(п)парчатхан, -(п)одырчатхан, -(п)турчатхан, -(п)чөрчеткен) и модально-темпорального (-(п)чатхан полар) характера с участием форманта -(п)чатхан.

Ключевые слова: хакасский язык; прошедшее время; имперфект, определенный имперфект; темпоральность; аналитические формы; процессность; итеративность; эвиденциальный имперфект.

В современном хакасском языке временная система прошедшего времени имеет богатую и разветвленную структуру, она представлена семью простыми формами (-ган, -ды, -(п)чатхан, -чан, -(п)тыр, -галах, -чых) и десятью аналитическими вариантами с вспомогательным глаголом *пол* 'быть'.

В настоящей статье рассматриваются значения темпоральности синтетической формы -(п)чатхан хакасского глагола, а также ее аналитические формы.

Путем анализа языкового материала предполагается определить место и роль глагольной формы -(п)чатхан в функционально-сематическом поле темпоральности в хакасском языке. Следует отметить, что в хакасском языкознании темпоральность с точки зрения функциональной грамматики систематическому изучению еще не подвергалась. В связи с этим исследования в данном направлении являются актуальными. В предлагаемой работе сема темпоральности, выраженная формой -(п)чатхан, рассматривается в комплексе лексико-грамматических средств, влияющих на данную категорию.

Форма -(п)чатхан представляет собой сочетание двух аффиксов: настоящего (-чат) и прошедшего вре-

мени (-хан). Этим обусловлена ее многозначность: может выражать как прошедшее время (в структуре изъявительного наклонения), так и настоящее время (в причастии). Ср.: *пала ойнапчатхан* «ребенок играл (тогда, в то время, в тот момент)» — *ойнапчатхан пала* «играющий ребенок».

Н. А. Баскаков и А. И. Инкижекова-Грекул считают, что *чатхан* и *чörген* являются аналитическими средствами выражения прошедшего определенного времени: *мин көр-чөр-ге-м* 'я смотрел (временами), я посматривал'; *мин пар-чат-ха-м* 'я ехал (в данный момент), находился в пути' [1, с. 457].

В современных грамматиках -(п)чатхан однозначно рассматривается как аффикс, обозначающий прошедшее определенное время и причастное настоящее время [2, с. 216; 4, с. 101].

Двузначный характер аффикса настоящего-в-прошедшем -чат+хан определяет его семантику — обозначать в хакасском языке имперфект (несовершенный вид прошедшего времени). «В отличие от формы прошедшего на -ган форма на -чатхан ни при каких глагольных основах не может выражать результативного действия,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00696

она указывает лишь на наличие процесса действия в определенный момент прошлого» [2, с. 217].

Ср. с формой *-ган*: 1) *Марина алтынчы класста үгрэнген* «Марина училась в шестом классе» (вообще) — *Марина алтынчы класста үгрэнчеткен* «Марина училась в шестом классе» (в то время); 2) *Ол хараа пала чахсы узаан* «В эту ночь ребенок спал хорошо» (вообще) — *Ол хараа пала чахсы узупчатхан* «В эту ночь ребенок пока спал хорошо» (до определенного момента — *при мне; пока не случилось другое событие* и т.п.).

Исходной точкой времени осуществления определенного действия, выраженного данной формой, выступает не момент речи (как при абсолютной временной ориентации), а момент другого грамматического времени. В связи с этим форма *-(п)чатхан* часто нуждается в поддержке эксплицитных показателей темпоральности, которые могут передаваться:

а) контекстом: *Ирте часхы турган. Чаптойах холның пір хыраңазынча одың чүктен салган ікі кізі инчеткен* [14, с. 22] «Стояла ранняя весна. С долины Чапоях по одному [ее] холмику спускались два человека с хворостом на плечах (букв. взваливших на себя)»; *Чаа соондагы сидік чыллар даа полза, илбек хазнаның аймах пулуңнарынаң чічең ниме пеер чыылчатхан. Аннаңар Москвада чиштең тың на хызылбинчатханнар* [9, с. 37] «Несмотря на тяжелые послевоенные годы, продукты с разных уголков великой страны отправлялись (букв. накапливались) сюда. Поэтому Москва едой сильно не нуждалась»; *Ана анда піс хақан-да пастагызын тоғасхабыс. Ол [Хорлаңа Харасуғ] ідбк ле ахчатхан* [7, с. 9] «Вот там мы когда-то впервые встретились. Она [Журчащий ручеек — назв. реки] так же текла»;

б) лексическими средствами выражения времени: *Ол чыл ічезі өкпезін имнирге Кансктагы санаторийзер парчатхан* [18, с. 19] «В том году его мать ехала в Канский санаторий лечить легкие»; *Ана андаг иурде аал аралы холтыхтас салған ұс хыс пазысчатхан* [6, с. 7] «Вот в такой вечер по селу, взявшись под руки, шли три девушки»; *Пірсінде часхыда хаңаалығ нинче-де кізі районзар парчатхабыс* [16, с. 17] «Однажды весной несколько человек ехали на телеге в районный центр (букв. в район)»; *Андада культура сурығларынаң айғасчатхам* [8, с. 25] «Тогда я занимался вопросами культуры»;

в) синтаксическими конструкциями времени: *Камит тураа кіргенде, оң сапогын кизерге азаана узун сұлғанчых ораапчатхан* [11, с. 146] «Когда Камит зашел в дом, [он] наматывал на правую ногу длинную портянку»; *Я, хызын көріп, Майра Владимировнаның даа тас чүрегі, пызылах чілі, пазылчатхан* [3, с. 48] «Да, смотря на свою дочь, даже каменное сердце Майры Владимировны

сжималось как сыр «пызылах» (*вид прессованного творога из кипяченого молока с добавлением простокваши*)».

В том случае, если речь идет не о конкретном действии, а описываются события или ситуации, происходившие в определенном прошлом, конкретизаторы времени не требуются. Они всё равно воспринимаются, как происходившие «тогда», «в то время»: *Күн, иртеннең иирге читіре чүгүргеніне майых парып, тынанарға тағ кистінзер одырчатхан. Аның чібек чачахтары, чілбірезе, тағлар ұстүне чайылчатханнар. Че сағам анда-мында асхлал халған пулуттар чох полза, тигір ээн поларчых: олары даа, улуг өөр турчатхан хазаада чат халған піркі хой чілі, арам көрінчеткеннер. Чазы ырчылары — постарғайахтар, узирға парчатхан күнні үдезіп, нинче пар үннерінең дее тахпахтасалар, көлеткі тартыныбысхан чазыны күліндір полбинчатханнар* [6, с. 10] «Солнце, устав бегать с утра до вечера, садилось за горизонт. Его шелковые кисточки, переливаясь, рассыпались по вершинам гор. Но если бы сейчас кое-где не было перевалившихся облаков, то небо оставалось бы пустым: даже они смотрелись редкими как пару лежащих овец в большом загоне. Несмотря на то, что степные певцы — жаворонки, провожая закат, пели во весь голос, не могли заставить улыбнуться сумеречную степь»; *Хайда-да чазылар озаринда, пулут алтынаң күн күлінібіскен. Өөк, Уйбат чазылары, агаа чазырхапчатхан чілі, поездке удур киріліп-сөөлініп, усхунчатханнар* [7, с. 62] «Где-то по ту сторону степей, под облаком улыбнулось солнце. Камыштинские, Уйбатские степи, будто нежась ему, потягиваясь навстречу поезду, просыпались».

Актуализация событий наречием *амды* «теперь» указывает на переход от предыдущих событий или ситуаций к новым процессным ситуациям повествования: *Ана ол туста наңмыр улам на тың ур сыххан, чил амырабысхан. Амды тигір дее ас чалыннапчатхан* [6, с. 13] «Вот в это время дождь усилился, ветер поутих. **Теперь** и небо редко сверкало [молниями]»; *Пудурып ибіре оттаглап чөрген чылгылар чітклеббк парғаннар. Амды оларның, от ла матырада хаап, оттапчатханнары истілчеткен* [Там же, с. 11] «Кони, недавно пасшиеся в округе, тоже скрылись. **Теперь** был слышен лишь хруст травы»; «*Чырвонна партызан*» *колхозтың чоны прай ол отрядта полған. Олар амды мының алнында кнес полған Василь Михеевич Соколовскийнің устаанынаң тоғынчатханнар* [Там же, с. 124] «Колхозники от «Чырвонна партызан» все были в этом отряде. **Теперь** они также работали под руководством прежнего председателя Василь Михееча Соколовского».

Теперь рассмотрим аналитические формы темпоральности с участием формы *-(п)чатхан*:

Форма *-(п)чатхан полтыр* выражает эвиденциальный имперфект: *Көнектер, сынап таа, хуруг турчат-*

хан полтырлар [8, с. 71] «Ведро, на самом деле, оказывается, стояли пустыми»; *Аат палазы Хубай Хустың алып адай полганы прай улуг-кічіг аң-хуста сағбалаңчатхан полтыр* [13, с. 26] «О том, что детеныш турпана Хубай Хус является богатырской собакой, оказывается, слышали все животные и большие, и маленькие»; *Олар Кавристің аар оңдайда пол парганын чахсы пілчеткен полтырлар* [10, с. 25] «Они, оказывается, хорошо знали, что Каврис сейчас в трудном положении». Подробнее об эвиденциальных формах глагола в хакасском языке см. в статье «Глагольные формы со значением эвиденциальности в хакасском языке» [5].

Форма *-(n)чатхан полган* обозначает процесс, происходивший в давно прошедшее время: *Ол тураны, мин школада үгречеткендөк, пүдірчеткен полганнар* (из разговорной речи) «Это здание строилось еще, когда я учился в школе».

Модифицирующие глаголы — *пар* «идти», *одыр* «сидеть», *тур* «стоять», *чөр* «ходить» — придают конструкции разные аспектуальные характеристики. Так, аналитическая форма *-ып парчатхан* в сочетании с непроизвольными глаголами обозначает нерегулярную итеративность кратных незавершенных действий, совершаемых при идентичных условиях или обстоятельствах: *Тигір чалынназа, хайзы чылгылар көрін парчатханнар* [6, с. 13] «Каждый раз, когда была молния, мелькали некоторые кони»; *Оларның кееркестіг үннері тигір хойнындок ла хайыл парчатханнар* [Там же, с. 10] «Их трепетные голоса все так же таяли в объятиях небес».

Аффикс *-ыбыс* в данной конструкции усиливает значение процессности оттенком протяженности, постепенности: *Апсах-инейнің тартысчатханнары оолның хулаа хыринча ырт парыбысчатханнар* [12] «Каждый раз склоки стариков проходили возле ушей парня».

В сочетании с активными глаголами данное значение передается с помощью вспомогательного глагола *одыр* «сидеть»: *Чайаачы ус төреен-өскен чирінеңер көңінің сыхчатхан пірее чахсы кибеліс пас саларга хачаннаң сыгара көместең тимненіп одырчатхан* [8, с. 38] «Писатель уже давно понемногу подготавливался написать какое-нибудь хорошее стихотворение о родине, вдохновлявшее его».

Аналитическая форма *-ып турчатхан* соотносится с многократными глаголами и придает значению итеративности длительно-прерывистый оттенок, повторяющийся время от времени: *Хайлах, палых хаап полбин салып, суғ кизіркі хызыл хайаларны соолындыра хысхыр пар киліп, пазох пістің алныбыста амыр суғ үстүне ханат сабын турыбысчатхан* [11, с. 5] «Чайка, не выхватив рыбу, кричала, издавая шум до красных скал, находящихся через реку, и снова перед нами над тихой рекой помахивала крыльями»;

А с использованием в качестве вспомогательного глагола *чөр* «ходить» имперфектное действие приобретает многократный характер, но нерегулярный, неупорядоченный: *Пеер киленнернің аразында саблығ ырчы-көгцілер Күрген тигейні чайхалдыра-чайхалдыра настырыс чөрчеткеннер* [8, с. 21] «Среди приехавших здесь известные певцы расхаживались, букв. раскачивая Курганную сопку»; *Харагына пір дее ниме көрінмин, оорли ла ойлап чөрчеткен* [6, с. 13] «Так как было темно (его глазам ничего не видно), [он] бегал наугад».

Форма *-чатхан полар* является по содержанию темпорально-модальной и обозначает предположение говорящего о совершении процесса в определенном прошлом: *Ахсын азыныбысхан полар, Алтындагы ирні чирге теепчеткен полар, Үстүндегі ирні Пулут аразын пөлчеткен полар* [15, с. 20] «Наверное, раскрыл рот, нижняя губа (наверное) касается земли, верхняя губа (наверное) разделяет облака»; *Катуй ууча ам, автобуста илеңнеп ала, хызынзар парчатхан полар, хайран Муколча апсах соох, сыхтыг туразында хара чалгызан өстеп чатча полар* [17, с. 264] «Старушка Катуй сейчас, наверное, едет к дочери, трясая в автобусе, бедный старик Муколча в своем холодном, сыром доме в совершенном одиночестве, кряхтя, лежит (наверно)».

Таким образом, темпоральная глагольная форма *-(n)чатхан* в хакасском языке используется для выражения определенного имперфекта; может описывать не только определенные ситуативным временем конкретные действия, но и целые ситуации. В сочетании с глаголами итеративности (*тур*), длительности и процессности (*пар*, *одыр*, *чөр*, *чат*), перенимает их оттенки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баскаков Н. А. Хакасско-русский словарь (с приложением очерка «Хакасский язык») / сост. Н. А. Баскаков и А. И. Инкижекова-Грекул; под ред. Н. А. Баскакова. М.: Министерство культуры СССР; Главиздат; Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1953. 487 с.
2. Грамматика хакасского языка / под ред. Н. А. Баскакова. М.: Наука, 1975. 420 с.
3. Казачинова Г., Халларов А. Той: повесть и рассказы. Абакан: Хакасское отд-е Красноярского кн. изд-ва, 1979. 160 с.

4. Карпов В.Г. Изъявительное наклонение глагола в современном хакасском языке. Абакан: Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, 2014. 164 с.
5. Кичеева К.В. Глагольные формы со значением эвиденциальности в хакасском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 1–1 (79). С. 121–124.
6. Костяков И.М. Чібек хур (Шелковый пояс): роман. Абакан: Хакасское отд-е Красноярского кн. изд-ва, 1989. 232 с.
7. Нербышев К. Хорлаңа Харасуғ (Журчащий ручеек): сборник рассказов. Абакан: Хакасское отд-е Красноярского кн. изд-ва, 1972. 128 с.
8. Султреков А.Е. Кӱӱленіс кӱглері (Мелодии любви). Пастағы чардых (Часть первая). Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2018. 178 с.
9. Султреков А.Е. Мыкайла. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2009. 324 с.
10. Тиников Н. Кавристің кӱглері (Песни Кавриса): повесть. Абакан: Хакасское отд-е Красноярского кн. изд-ва, 1977. 124 с.
11. Туран М. Чуртас чолларынча (Дороги жизни): сборник рассказов. Изд-е 1-е. Абакан: Хакасское отд-е Красноярского кн. изд-ва, 1984. 152 с.
12. Хабар. 2016. 27 мая.
13. Хакас чоңының нымахтары (Хакасские народные сказки): сборник / сост. В.И. Доможаков. Абакан: Хакасское отд-е Красноярского кн. изд-ва, 1986. 144 с.
14. Халларов А.А. Ах пулуттар (Белые облака): сборник рассказов. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1999. 144 с.
15. Хан Мирген: богатырское сказание / подг. к изд. Г.Г. Кужаковой; сказитель А.В. Курбижекова. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1992. 208 с.
16. Чанков Д.И. Торғайах табызы (Песнь жаворонка): повесть и рассказы. Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2005. 94 с.
17. Шульбаева В.Г. Чуртас салғағында (Превратности судьбы): пьесы и рассказы. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1997. 288 с.
18. Шульбаев О.П. Анчуча: рассказ. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2006. 28 с.

© Кичеева Кристина Владимировна (kristi.tabakova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СКАЗИТЕЛЬСКОЕ ИСКУССТВО АЛТАЙЦЕВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Конунов Аркадий Алексеевич

*К.филол.н., Научно-исследовательский институт
алтаистики им. С. С. Суразакова, г. Горно-Алтайск
konun1974@mail.ru*

SOSIALISME THE ART OF THE ALTAI IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

А. Конунов

Summary. the article gives a brief information about the narrators of the Altai Mountains from the end of XIX to the present day, and the information obtained during the poll on the project "Kaichi-Keeper of the traditions of the Altai peoples." The current state of the Altai storytelling art is also considered. Storytelling is a component of traditional culture, one of the ethnic characteristics that has survived to the present day and exist along with the phenomena of modern civilization. In the Altai epic, as well as in the epic monuments of other peoples, the main thing that makes up life is concentrated: a person, his land, his family, procreation, his relationship with the environment and the outside world in General. And all this forms a system of spirituality, the destruction of which is the disappearance of the measure of recognition, ultimately — a violation of spiritual integrity. In this perspective, the special role of the narrator and his epic knowledge can be seen. Modern living conditions dictated by life, make their changes in the field of storytelling. Now, storytellers are conditionally divided into two groups: the first group of storytellers corresponds to traditional representations about storytellers-kaichi, i.e. they in full know some heroic legends and are their carriers. The second group can be described as performers of throat singing — kalachi. But, even if the tradition of transmitting storytelling skills from generation to generation by word of mouth was interrupted, the traditional storytelling art of the Altai people continues to live among the people and develop without losing the traditional elements of ancient art.

Keywords: sosialisme arts, heroic epics, storytellers, Cauchy, executors of throat singing, kalachi.

Аннотация. В статье дается краткая информация о сказителях Горного Алтая с конца XIX и до наших дней, и сведения, полученные в ходе соцопроса по проекту «Кайчы-хранитель традиций народов Алтая». Также рассматривается современное состояние сказительского искусства алтайцев. Сказительское искусство является составляющей традиционной культуры, одной из этнических характеристик, сохранившейся до наших дней и бытующей наряду с явлениями современной цивилизации. В алтайском эпосе, как и в эпических памятниках других народов, сосредоточено главное, что составляет жизнь: человек, его земля, его семья, продолжение рода, его взаимоотношение с окружающей средой и в целом с внешним миром. И все это образует систему духовности, разрушение которой есть исчезновение меры узнавания, в конечном итоге — нарушение духовной целостности. В этом ракурсе просматривается особая роль сказителя и его эпического знания. Современные условия жизнедеятельности, диктуемые жизнью, вносят свои изменения и в область сказительского искусства. В настоящее время, сказители условно разделяются на две группы: первая группа сказителей соответствует традиционным представлениям о сказителях-кайчы, т.е. они в полном объеме знают несколько героических сказаний и являются их носителями. Вторую группу можно квалифицировать как артистов — исполнителей горлового пения — кайлаачы. Но, если даже традиция передавать сказительское мастерство от поколения к поколению из уст в уста прервалось, традиционное сказительское искусство алтайцев продолжает жить среди народа и развиваться, не теряя традиционные элементы древнего искусства.

Ключевые слова: сказительское искусство, героический эпос, сказители-кайчы, исполнители горлового пения — кайлаачы.

Героические сказания — древнейшие памятники устного народного творчества, в яркой художественной форме отражающие историю и мировоззрение народа. Не будет преувеличением, если скажем, что эпос принадлежит к числу важнейших, историко-культурных факторов, благодаря которым алтайский народ сумел сохранить свое этническое самоназвание, самобытную культуру, национальный язык, традиционный образ жизни, исконные нравственные нормы и обычаи. Эпическое наследие алтайцев является частью мировой эпической культуры и входит в число величайших памятников устного народного творчества народов мира.

С древности у алтайцев существуют две формы исполнения героического эпоса: речитатив и особое гор-

танное пение, называемое каем. *Кай* является наиболее распространенной, популярной в народе формой, можно сказать, это классическая форма исполнения героического эпоса. Человек, исполняющий героический эпос *каем*, называется *кайчы*. Это — мастер, профессионально подготовленный в своем искусстве, обучавшийся ему с детских лет, который на протяжении веков занимал важное место в духовной и культурной жизни народа. У алтайцев *кайчы* принято считать не любого человека, который может передать целостные сюжеты эпических произведений ритмически организованной речью. К *кайчы* наши предки относили особых людей, практически идентичных шаманам, хранителей героического эпоса, творчески одаренных от природы, обладающих хорошей памятью и умением проникновенно донести до слу-

шателей фабулу и художественную красоту эпических произведений. Одним из главных условий признания сказителя как *кайчы* является его способность исполнять героическое сказание от начала до конца горловым пением под аккомпанемент *топшуура*. *Топшуур* — двухструнный музыкальный инструмент, функционирующий в южноалтайских культурах теленгитов и алтай кижы. «По классификации Э. Хонбостеля и К. Закса он относится к чашечным шейковым лютям с пальцевым способом звукоизвлечения. Морфологической особенностью инструмента является неделимость шейки и корпуса, поскольку топшур вырезался из единого куска дерева определенного сорта — кедра или пихты» [4, с. 142]. В инструменте выделяются выдолбленные (головка, гриф, корпус) и вставные (дека, подставки, колки) части. Первая струна раньше делалась из трех-четырёх, вторая из шести-семи конских волос, большей частью белого цвета.

Топшуурное сопровождение составляет неотъемлемую часть алтайского эпического сказительства. *Кайчы* А. Марков считал, что музыка алтайского эпоса — это прежде всего культура игры на топшууре. Благодаря топшууре *кайчы* хорошо запоминает текст сказания.

В целях отличия от сказки, героические сказания называются «*кайлап айдар чёрчёк*» или «*кай чёрчёк*». Героическое сказание, исполненное без горлового пения, которого исполняют речитативом, называют «*уткаалан айдар*», «*юлгерлеп айдар*» или «*туудьылап айдар чёрчёк*». Хотя такая форма исполнения героического сказания было довольно распространена среди алтайцев, но она менее популярна, чем *кай*, и к ней прибегали главным образом лица, которые почему-либо не могли петь каем, например, дети и большинство женщин, которым трудно гортанное пение.

Первые записи жанра героических сказаний на территории Горного-Алтая начались в середине XIX века. У истоков этой работы были В.И. Вербицкий и В.В. Радлов. Далее начиная с 80-х гг. XIX в. публикации алтайского героического эпоса появляются в трудах таких сибирских исследователей, как Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин, А. Калачев, Н.Я. Никифоров, Г.М. Токмашев, П.В. Кучияк и др. Алтайский героический эпос после издания В.В. Радлова (1866) в оригинале опубликован только в 1941 г. в сборнике героических сказаний Н. Улагашева «Чёрчөктөр». С 1940 по 1944 г. от него записано более 30 сказаний. С основанием в 1952 г. Горно-Алтайского научно-исследовательского института начался новый этап собирания и публикации фольклора алтайцев. В этой большой работе, благодаря основателю и первому директору института С.С. Суразакову, особое внимание было уделено героическому эпосу. Так с 1958 г. началось издание серии «Алтай баатырлар». Составитель и главный редак-

тор I–IX томов серии — С.С. Суразаков. Составители X тома — С.С. Суразаков и И.Б. Шинжин, XI–XIII — томов И.Б. Шинжин, XIV тома — З.С. Казагачева и М.А. Демчинова. XV и XVI томов А.А. Конунов. По справедливому замечанию З.С. Казагачевой в издании «Алтай баатырлар» («Алтайские богатыри») «впервые сделана попытка представить в единой серии весь алтайский героический эпос, обозначив в нем имена сказителей и собирателей. В нем представлен весь накопленный эпический материал, собиравшийся на протяжении длительного времени собирателями с разным уровнем подготовки к такой работе и с разной технической оснащённостью, и это не могло не отразиться на качестве записей» [1, 34]. В 16 томах серии с 1958 по 2018 г. в записи от около 40 сказителей опубликованы 102 героических сказаний. 17 из них в записи от Н. Улагашева, 17 — от А. Калкина, 8 — от Н. Черноевой, 5 — от Т. Чачиякова, 5 — от Ш. Маркова, 4 — от Н. Ялатова и К. Кокпоевой, по 1–2 — от сказителей Е. Таштамышевой, Д. Яманчинова, О. Алексеева, Ч. Бутуева и др.

Если посмотреть на те имена сказителей, которые дошли до нашего времени, то это знаменитые и известные в XIX в. по всему Алтаю сказители Кыскаш, Сабак Бочонов, Кыдыр Отлыков, Кабака Тадыжеков, Дьиндылей. Их последователями стали Оспыйнак, Келер-Куш, Сабранка, Николай Улагашев, Сыран Ялатов, Г.И. Калкин, Кабак Черноев. Певцы следующего поколения были их учениками. Это — Алексей Калкин, Табар Чачияков, Евдокия Таштамышева, Илья Константинов, Сават Алтайчинов, Анчы Чунижеков, Менди Куртов, Очубай Алексеев, Наталья Черноева, Николай Ялатов, Касак Кокпоева и другие. По словам З.С. Казагачевой «во все времена героический эпос являлся истинным богатством и высочайшим достижением в духовной культуре алтайцев, а сами сказители — достоянием нации. Таковыми в нашей памяти были и останутся А. Калкин, Т. Чачияков, С. Савдин. Достоинно завершая свою сказительскую эстафету, они не обронив «ни одного лепестка, не помяв ни одного стебля» (П. Кучияк), донесли до нас высокохудожественные образцы многовекового поэтического творчества своего народа» [1, с. 148].

Сформировавшиеся в 1920–1930 гг. сказители, которые усвоили эпическую традицию от своих предшественников, остаются без преемников. Такие сказители, как С. Савдин, Т. Чачияков, Н.К. Ялатов, при жизни глубоко сетовали, что у них нет учеников-наследников в сказительском искусстве. Единственный сказитель А. Калкин имел по семейной сказительской линии своего преемника — сына Элбека (1953 г.р.). Отец Алексея Калкина Григорий Иванович (1901–1969) по воспоминаниям земляков, также был знаменитым и уважаемым *кайчы*, его *кай* был звонким, а слова были внятными. Он очень хорошо играл на топшууре. По словам А.Г. Калки-

на он до конца своей жизни исполнял кай. К сожалению, от *кайчы* не было записано ни одного героического сказания, но благодаря его сыну Алексею Калкину, который продолжил сказительское искусство отца, мы услышали те великолепные сказания Г.И. Калкина. Алексей Григорьевич считал отца своим первым учителем в исполнении *каем* героических сказаний. От отца А. Калкин усвоил более десяти сказаний, в том числе героический эпос «Маадай-Кара». По словам А. Калкина, в репертуаре его отца было еще четыре сказания («Алтын-Бузе», «Талай-каан», «Ак-Бёкё», «Сары-каан»), которые, к сожалению, не были записаны ни от отца, ни от сына Калкиных.

Кроме отца, с раннего возраста он имел возможность видеть и слышать таких знаменитых сказителей, как Оспыйнак Чолтуков (родился в долине Кара-Кол Онгудайского р-на, жил в местности Крамалу Улаганского района), Диндилей из селения Онгудай, Данил Тобоков из г. Ойрот-Тура ныне Горно-Алтайск, Тоолок Токтогулов из долины Чолушмана (Кырсай), М. Язаров, В. Тазрашев. От них он услышал и стал исполнять известные эпические произведения: «Кан-Бюдей», «Кюн-Сологой», «Кан-Капчыкай» (из репертуара О. Чолтукова), «Алтай-Буучай» (из репертуара Дындилея), «Темене-Коо», «Когюдей-Мерген», «Телбен-каан», «Ёскюс-Уул» (из репертуара Т. Токтогулова), «Алтын-Эргек», «Очы-Бала» (из репертуара М. Язарова), «Сурды-Баатыр» (из репертуара В. Тазрашева).

По словам С. С. Суразакова «Как бы много сказителей ни слушал А. Калкин в молодые годы, но по-настоящему петь *каем* он научился только у отца. Отец учил его старинному теленгитскому *каю* — очень низкому, но звучному и весьма продолжительному. Для такого *каю* у него были все данные — он обладал хорошо развитой грудной клеткой. «Учеба» это носила форму постоянного и настойчивого подражания *каю* отца. Отец только делал ему те или иные замечания» [2, с. 440]. Он также научился аккомпанировать себе на *топшууре*. Строй *топшуура* и игра на нем также восходят к глубокой старине.

Также происходит и запоминание самих сказаний: обучающийся многократно повторяет их и старается вначале воспроизводить слово в слово. И лишь впоследствии, став самостоятельным и опытным мастером, сказитель в процессе исполнения импровизирует, вносит сокращения и дополнения. Очень важным процессом было запоминание различных сюжетов и традиционных поэтических оборотов речи. Обладая необыкновенной памятью, А. Калкин запомнил от отца много общих мест и постоянных эпических формул. При изображении портретов богатырей, сцен седлания коня, богатырской поездки, поединка богатырей, сцен охоты и т.д. он чаще всего применяет одни и те же поэтические формулы, но в повествованиях о различных событиях или

в различных диалогах подобные трафареты не всегда возможны. Поэтому он, как и другие сказители, учился также и импровизировать — качество, которое впоследствии сильно развилось в нем.

Репертуар Элбека Калкина сформирован, главным образом, из репертуара отца — А. Г. Калкина. Его любимые сказания — «Маадай-Кара», «Ёскюс-Уул». Он с детства, слушая сказания своего отца, научился играть на *топшууре* и горловому пению. В 1997 году членам 1-й Алтайской международной экспедиции довелось слушать и сделать аудиозаписи фрагментов эпоса «Маадай-Кара» в его великолепном исполнении. Нынче большая надежда возлагается на сына Элбека Калкина Маадья, что он продолжит великое наследие своих предков.

В настоящее время можно сказать еще об одном сказителе Алтая — это Т. Б. Шинжин. Его родные братья Тензе, Бодос так же были сказителями. От них он слышал сказания «Алтын-Саадак», «Ай-Карагай», «Буудайан», «Кезер», «Дьангар» и др. Т. Шинжин, выросший среди сказителей и певцов, в настоящее время сам исполняет героические сказания и учит сказительскому мастерству детей. 1970-е годы он пропагандировал в алтайской эпической среде такие стили горлового пения как «*каркыраа*, *кёёмей*, *сыбыскы*, *сыгыр*» [3, с. 266]. Благодаря ему алтайский героический эпос, исполняемый различными стилями горлового пения, был услышан во многих странах мира.

Начиная с 70-х гг. XX в., число начинающих и молодых исполнителей горлового пения стало расти. К ним относятся такие исполнители, как Н. Шумаров, Б. Байрышев, С. Урчимаев, Б. Киндикиев и др. В начале XXI в. на Алтае число начинающих и молодых исполнителей горлового пения стало расти. К ним относятся такие исполнители как О. Отуков, А. Акчин, А. Калкин (внучатый племянник А. Г. Калкина), А. Темеев, Г. Самаев и многие др., которые исполняют отрывки героических сказаний. Большинство из них поют гортанным способом не только поэтические строки из традиционных текстов народных сказаний, но и песни собственного сочинения в эпическом стиле. А также они исполняют разные стили горлового пения без словесного сопровождения.

В свое время среди молодых сказителей выделялся Аржан Кезереков, который исполнял свои сказания горловым пением и, опираясь на традиционные знания народной медицины, *кай* использовал в качестве целительского искусства. Его сказания очень своеобразны. Этот феномен требует глубокого и детального исследования. Также отдельной строкой следует отметить Э. Тадыкина, А. Курманова, Э. Теркишева, Н. Сегерткишева, М. Тельденова, Б. Турлунова и др. По последним данным они уже исполняют героический эпос от начала

до конца, например, в репертуаре Элеса Тадыкина героические сказание «Алтай-Буучай», Айдына Курманова героические сказания «Ёскюс-Уул», «Малчы-Мерген», Эмиля Теркишева героическое сказание «Алып-Манаш», «Малчы-Мерген», «Кёгюдей-Кёкшин и Кёгюдей-Мерген», Николая Сегерткишева — «Кан-Алтын» и «Малчы-Мерген», Байыра Турлунова — «Малчы-Мерген», «Алтай-Буучай» и крупное героическое сказание (около 8000 тыс. стих строк) «Маадай-Кара».

Если раньше сказительское искусство передавалось из уст в уста, то нынешнее поколение овладевает мастерством горлового пения из аудиозаписей, а слова сказаний берут из книг. Поэтому такие проекты, как «Курултай сказителей» с международным статусом имеют очень большое значение для подрастающего и будущего поколений. Так, как сказительское искусство, эпос складываясь и отшлифовываясь в течение многих столетий, донесла до нас бесценные свидетельства народного мировосприятия. Он является составляющей традиционной культуры, одной из этнических характеристик, сохранившейся до наших дней и бытующей наряду с явлениями современной цивилизации. Несмотря на это, в сравнении с обрядовым фольклором алтайцев, который мало изучен в силу сложившихся в советское время идеологических установок, связанных с религией и традиционными верованиями, вследствие сложности самого обрядового комплекса, а также в связи с архаическими проявлениями в обрядах, трудно поддающимися пониманию, сказительское искусство алтайцев после переживаний переломных моментов истории нашей страны с 2000 годов начал реанимироваться. И сейчас, в начале первой половины XIX в. у нас появились сказители, которые могут исполнять эпос от начала да конца с репертуаром от 2 до 4 героических сказаний.

Курултай сказителей направлен на сохранение и популяризацию среди детей и молодёжи одного из древнейших искусств алтайцев — горлового пения *кай*. Социальной значимостью Курултая сказителей была воссоздание интереса к изучению родного языка, традиционным знаниям, горловому пению *кай*. Поиск молодых талантов, обучение и передача традиционных знаний от поколения к поколению мастерами горлового пения.

В этом (2018) году был реализован проект «Кайчы-хранитель традиций народов Алтая». Данный проект направлен на сохранение и популяризацию среди детей и молодёжи одного из древнейших искусств алтайцев — горлового пения *кай*. Для осуществления проекта и его главной цели решались следующие задачи:

- ◆ культурный обмен, диалог между молодыми и заслуженными мастерами горлового пения — сказителями (*кайчы*) и исполнителями горлового пения (*кайлаачы*).

- ◆ проведение мастер-классов по горловому пению;
- ◆ популяризация культурно-массовых мероприятий с участием мастеров горлового пения — сказителей (*кайчы*) и исполнителей горлового пения (*кайлаачы*);
- ◆ привлечение внимания широкой общественности и представителей государственных органов власти проблемам сохранения и дальнейшего развития сказительского искусства.

Социальной значимостью данного проекта была воссоздание интереса к изучению родного языка, традиционным знаниям, горловому пению *кай*. Поиск молодых талантов, обучение и передача традиционных знаний от поколения к поколению мастерами горлового пения.

По проекту в пяти районах Республики Алтай (Улаганский, Кош-Агачский, Онгудайский, Турочакский, Чойский) были опрошены около 100 детей в возрасте с 9 до 16 лет.

В анкете задавались вопросы:

1. Каких сказителей вы знаете?
2. Какие героические сказания вы читали или знаете?
3. Кто вам нравится из исполнителей горлового пения?
4. Нравится ли вам горловое пение?
5. Рекомендовали бы вы своим друзьям, знакомым увлекаться горловым пением.

По этим вопросам в Улаганском р-не дети до 90% знают знаменитого сказителя из с. Паспарта Улаганского р-на Республики Алтай А.Г. Калкина, остальные не различают сказителя от исполнителей горлового пения. В Кош-Агачском р-не почти у всех идут правильные ответы, как А.Г. Калкин, Н.У. Улагашев Т.Б. Шинжин, но в нескольких анкетах, также добавлены исполнители горлового пения Б. Байрышев Н. Шумаров и др. В Онгудайском р-не — большинство опрошенных детей знают сказителей, как А. Г. Калкин, Н. У. Улагашев, Н. К. Ялатов. В Турочакском и Чойском р-нах почти все опрошенные дети знают знаменитого тубаларского сказителя из Чойского р-на Н.У. Улагашева. Но часто к нему добавляют современных исполнителей горлового пения.

Во всех опрошенных районах кроме Турочакского и Чойского районов, все дети читали или знают героические сказания «Маадай-Кара», «Алтай-буучай» и «Малчы-Мерген», так как эти произведения, по нашему мнению, включены в школьную программу.

В Турочакском и Чойский р-нах несколько опрошенных читали героическое сказание «Маадай-Кара»,

у остальных прочерк. Это можно объяснить тем, что алтайский язык в школах этих районах преподается как факультативное занятия по желанию учеников и родителей, и в программе очень мало часов.

По последнему вопросу «Рекомендовали бы вы своим друзьям, знакомым увлекаться горловым пением» у всех единогласный ответ «Да». Отрадно, что дети понимают,

может быть генетически, важность такого элемента, как эпос, горловое пение в их традиционной культуре.

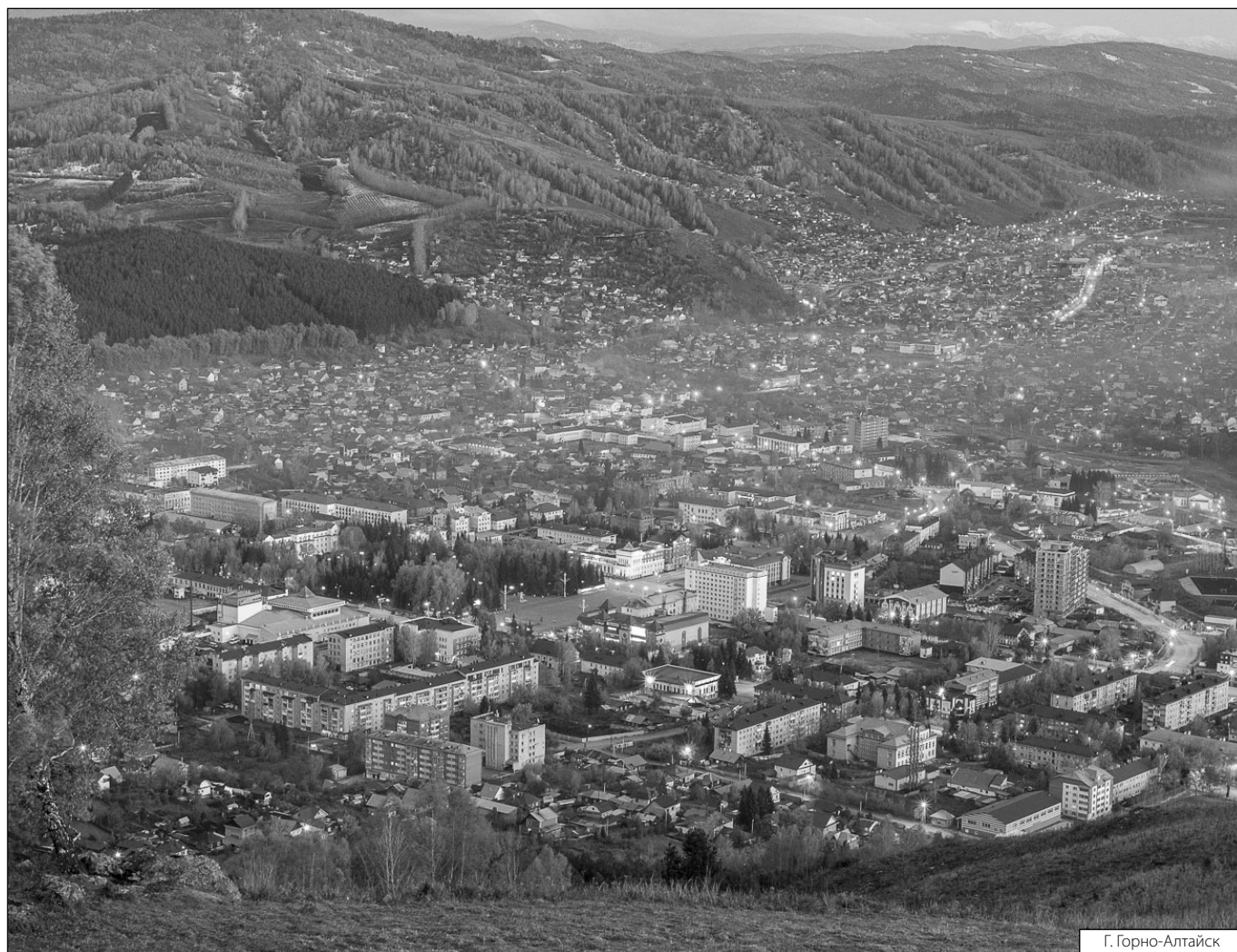
Таким образом, если даже традиция передавать сказительское мастерство от поколения к поколению из уст в уста прервалось, традиционное сказительское искусство продолжает жить среди народа и развиваться, не теряя традиционные элементы древнего искусства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Казагачева З. С. Алтайские героические сказания «Очи-Бала», «Кан-Алтын». Аспекты текстологии и перевода. — Горно-Алтайск, 2002. — 348 с.
2. Суразаков С. С. Биография сказителя А. Г. Калкина / С. С. Суразаков // Маадай-Кара. Алтайский героический эпос. — М.: Наука, 1973. — С. 439–442.
3. Шинжин И. Б. Современный алтайский кай / И. Б. Шинжин // «Джангар» и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов. — М., 1980. — С. 265–268.
4. Якубовская М. В. Алтайский топшур и топшурная музыка в архивных материалах и литературных источниках // Фольклор и литература Сибири. Памяти А. Б. Соктоева. — Новосибирск: СО РАН, 2001. — С. 141–158.

© Конунов Аркадий Алексеевич (konun1974@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Горно-Алтайск

СТРУКТУРНАЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В КАРИБСКОМ РЕГИОНЕ

STRUCTURAL AND FUNCTIONAL DIFFERENTIATION OF THE ENGLISH LANGUAGE IN THE CARIBBEAN REGION

*M. Kupriyanova
A. Ilina
N. Rubina*

Summary. The purpose of the article is to study the structural and functional differentiation of the English language in the countries of the Caribbean region.

The article defines the status of the English language in the former colonies of England as one of the subsystems in the higher level system — polynational English. The features of the division of speech and communicative spaces in the Caribbean region are investigated. The involvement of various forms of language in the provision of communication needs of the inhabitants of the Caribbean region.

Keywords: English, language variability, language standard, language substandard, form of existence of language, continuum of forms of communication.

Куприянова Милана Евгеньевна

*К.филол.н., доцент, РУДН
agi1212@mail.ru*

Ильина Анна Юрьевна

К.филол.н., доцент, РУДН

Рубина Нонна Борисовна

Старший преподаватель, РУДН

Аннотация. Целью статьи является исследование структурной и функциональной дифференциации английского языка в странах Карибского региона.

В статье определен статус английского языка в бывших колониях Англии как одной из подсистем в системе более высокого уровня — полинационального английского языка. Исследованы особенности членения речевого и коммуникативного пространств в Карибском регионе. Выяснено участие различных форм существования языка в обеспечении коммуникативных потребностей жителей Карибского региона.

Ключевые слова: английский язык, языковая вариативность, языковой стандарт, языковой субстандарт, форма существования языка, континуум форм коммуникации.

Проблемы языковой вариативности уже достаточно длительное время находятся в поле зрения лингвистов. Вопросы, связанные с вариативностью английского языка, не теряют актуальности. Исследуются различные аспекты национальных вариантов английского языка, территориальных и социальных диалектов. Однако, формы существования английского языка, функционирующие в странах Карибского региона, не получили достаточного внимания исследователей. Дискуссионными остаются вопросы, связанные со статусом английского языка в Карибском регионе, а также с природой его стандарта и субстандарта.

При обозначении разнообразных форм существования английского языка в бывших колониях Англии (КА) исследователи оперируют термином *Caribbean English* [1, 2, 3]. Однако, необходимо отметить, что среди лингвистов отсутствует единая позиция относительно того, какие именно формы коммуникации необходимо рассматривать как *Caribbean English* (CE). Проблема определения границ CE связана с (а) чрезвычайной вариативностью английского языка на территории региона, (б) функционированием в КА креолов (креольских языков) на английской основе, (в) наличием континуума форм коммуникации, которые занимают промежуточ-

ное положение (мезолекты) между стандартом английского языка (акролектом) и наиболее удаленным от него по структуре и статусу формами англооснов-креолов (базилектами).

Как свидетельствуют исследователи [4], сегодня термином *Caribbean English* могут обозначаться как регионально акцентированные варианты стандарта английского языка, так и креолы на английской основе.

От того, какие именно формы коммуникации рассматриваются как CE, зависит статус CE как одной из подсистем в системе более высокого уровня — полинационального английского языка, а именно как ее первичного (ENL) или вторичного (ESL) варианта. Среди исследователей вариативности английского языка отсутствует единая позиция относительно статуса CE. Тогда, когда одни ученые определяют КА, как 'ENL setting' [5], другие относят CE к вторичным вариантам языка [6].

Первичность/вторичность варианта языка является критерием, который используется для отражения сущности языка с точки зрения его территориальной и социокультурной вариативности. Основное отличие первичных вариантов от вторичных заключается в том, что

первые представляют собой результат развития трансплантированного языка, который является родным не только для первых мигрантов, но и для следующих поколений носителей. Вторичные же варианты были родными для говорящих только на начальном этапе функционирования языка в новом ареале. Потомки переселенцев приобретают знания соответствующего языка в процессе образования, а не в результате естественной трансмиссии от поколения к поколению.

Очевидно, что если принять широкое понимание СЕ (которое включает как стандарт, так и англо-основной креол) [7], СЕ необходимо признать первичным вариантом, ведь для подавляющего большинства населения КА родными являются креолизированные формы языка. Если же ограничиться узким пониманием СЕ (которое включает только акролект — стандарт английского языка), то необходимо согласиться с тем, что СЕ представляет собой вторичный вариант. Ведь компетенция в *Standard English* приобретается большинством жителей КА в учебных заведениях, а также путем привлечения в те сферы жизни, где использование СЕ является общепринятым.

Узкое понимание СЕ не учитывает существование в КА других, не кодифицированных идиомов, которые находятся между двумя «полюсами» континуума, то есть мезолектов. Креольский континуум (*creole continuum* [8]) представлен такими идиомами, которые по своей структуре тяготеют к базилекту, так и максимально приближены к акролекту. Данные промежуточные идиомы, по мнению исследователей, являются единственными реально существующими формами коммуникации в большинстве стран региона, ведь носители стандарта, полностью лишённого влияния креола, является столь же редким явлением, как и носители чистого базилекта [9].

Учитывая вышесказанное, мы склоняемся к мнению тех исследователей, которые рассматривают СЕ как особый случай, который характеризуется не первичностью и не вторичностью, а «смешанным включением» носителей в англоязычное сообщество и является «результатом необычного языкового развития» [10, p. 95].

Вопрос о природе стандарта английского языка в КА является также дискуссионным. Существует мнение [3], что собственный региональный стандарт английского языка в КА отсутствует: нормой для СЕ являются другие национальные варианты английского языка, в частности британский и американский. Такое утверждение опровергают другие ученые [2, 5], которые признают существование в КА собственного стандарта английского языка. Исследователи считают неправомерным «отказывать» карибским носителям английского языка в праве

на собственную норму, ведь английский язык функционирует в регионе уже более трех веков. Население КА составляет 5,8 млн. людей. Конечно, такое количество носителей не может сравниться с мощными англоязычными доменами Северной Америки, Британских островов и Австралии. Однако, как отмечает Р. Олсон [2], необходимо учитывать тот факт, что в КА представлены двенадцать независимых наций, имеющих право на существование собственного стандарта национального языка.

Дискуссионным является также вопрос наличия общего регионального стандарта английского языка в КА. Некоторые исследователи говорят о становлении собственных стандартов лишь в отдельных странах региона (например, на Ямайке [7], в Тринидад и Тобаго [11]) и не рассматривают возможность существования общего регионального стандарта английского языка КА.

Другие лингвисты высказывают мнение о наличии у КА совместного регионального варианта стандарта английского языка — *Caribbean Standard English (CSE)* [1; 9]. Р. Олсон [1] определяет СЕ как литературный английский язык образованных жителей КА и их разговорный английский, который считается естественным в формальных ситуациях общения. СЕ является конгломератом отдельных национальных стандартов английского языка, распространенных на территории различных стран КА. Лексическая система СЕ охватывает ядерную лексику английского языка — *International Accepted English (IAE)*, а также корпус всей региональной лексики, распространенной в разных странах региона. Морфологическая и синтаксическая системы СЕ соответствуют системам IAE; фонетическая система отличается рядом региональных особенностей (см. [1]).

Очевидно, что региональный вариант стандарта английского языка в КА находится на этапе своего формирования. На данный момент «ареал высших коммуникативных функций» в КА обеспечивается несколькими «языковыми манифестациями» [12, с. 43, 112], которые кроме СЕ включают также британский и американский национальные варианты английского языка.

Рассмотрим особенности тех форм существования СЕ, что не включаются в понятие стандарта и обслуживают «коммуникативный ареал повседневного общения» [12, с. 44]. Такие идиомы традиционно охватываются понятием «креол».

Англоосновный креол в КА отличается территориальной вариативностью: в разных ареалах КА креол имеет свои специфические лексические и грамматические черты. Среди Карибских англоосновных креолов различают западнокарибские (например, ямайский, белиз-

ский, гайанский) и восточнокарибские (тринидадский, барбадосский, креол Вирджинских островов). Считается, что последние являются более приближены по своей структуре к некреолизированным формам английского языка [8].

Кроме территориальной вариативности, в каждом ареале креол проявляет социальную вариативность. В частности, различают мезолекты — промежуточные формы СЕ, и базилекты — идиомы, наиболее отдаленные от стандарта. Выбор формы коммуникации обуславливается ситуацией общения, а также социальной мобильностью и индивидуальной языковой компетенцией индивидуума. Так, большая формальность ситуации общения предполагает использование более приближенного к стандарту мезолекта. Жителям сельских местностей и представителям старшего поколения свойственно использование базилектных форм. Язык же городского населения, особенно молодежи, является мезолектным.

Различные формы существования СЕ образуют в КА ситуацию диглоссии: CSE принадлежит к ареалу высших коммуникативных функций и обслуживает такие ситуации общения, которые характеризуются официальностью, преимущественно публичным характером адресата и предусматривают контроль речевого поведения (образование, наука, официальная и престижная книжно-письменная культура, художественная литература, политическая и организационная деятельность, СМИ). Креолы (базилекты или мезолекты) обеспечивают коммуникативный ареал повседневного общения, а также массовой культуры и функционируют в таких сферах общения, которые отличаются неофициальностью, интерперсональным характером взаимодействия коммуникантов, ослабленным контролем речевого поведения.

Необходимо отметить, что в последнее время наблюдается экспансия креолов к ареалу высших коммуникативных функций. На сегодня креолы используются наряду с SE в художественной литературе, драматургии, киноискусстве. Наблюдается активная тенденция к проникновению креолов в СМИ: субстандартные идиомы используются в статьях, объявлениях, рекламе.

Распространение субстандартных идиом в нормативное языковое пространство связано не со сниже-

нием уровня речевой культуры населения, а прежде всего с ростом национального сознания в странах КА. Креолы воспринимаются уже не как «низкая» непрестижная речь, а как язык народа, возникший так же, как и нация — путем креолизации. Креолы функционируют как маркер идентичности [5], в частности, переключение кода между стандартом английского языка и креолом используется политиками и журналистами как дискурсивная тактика солидарности.

Таким образом, диглоссия в КА имеет специфический характер и традиционные обозначения «high variety» / «low variety» [10] («высокая речь»/«низкая речь» [13, с. 171]) могут быть применены к данной ситуации лишь условно. Креол признается языком солидарности, национальной идентичности, эмоциональности и юмора; стандарт английского языка — языком образования, религии и официального общения. Выбор между креолом и стандартом обусловлен как ситуацией общения, так и коммуникативными интенциями адресанта, его оценкой информации, подлежащей вербализации.

Постоянное переключение кода между стандартом английского языка и креолом способствует усилению контакта между данными формами существования языка. Последствием такого контакта является обоюдное воздействие, что, с одной стороны, приводит к дальнейшей декреолизации креола, а с другой — к заимствованию единиц креола в состав CSE.

Итак, СЕ представляет собой результат необычного речевого развития и представлен континуумом разнообразных форм существования, в котором выделяются базилекты, мезолекты и акролект. Региональный стандарт английского языка в КА находится на стадии формирования и сосуществует с другими национальными вариантами английского языка. Коммуникативный ареал повседневного общения обеспечивается мезолектными и базилектными идиомами. Выбор между различными формами коммуникации обуславливается ситуацией общения, коммуникативными целями и содержанием сообщения.

Перспективным считаем дальнейшее исследование языковой ситуации в КА и определение влияния особенностей среды существования СЕ на ее лексико-семантическую систему.

ЛИТЕРАТУРА

1. Allsopp R. & Allsopp J. Dictionary of Caribbean English usage. — Kingston, Jamaica: University of the West Indies Press. 2003. 675 p.
2. Allsopp R. Caribbean English as a challenge to lexicography // *Lexter*, 1984. № 83. pp. 31–41.
3. Bamiro E. English as a Caribbean language: lexico-semantic variation. Paper presented at the Third International Conference on World Englishes. — Honolulu, Hawaii: East-West Center, 1996. December. pp. 19–21.

4. Arends J. Towards a gradualist model of creolization // Atlantic meets Pacific: A Global View of Pidginization and Creolization. Ed. Frank Byrne and John Holms.— Amsterdam: John Benjamins, 1993. pp. 371–380.
5. Dagmar D. English in the Caribbean: Variation, style and standards in Jamaica and Trinidad. — New York: Cambridge University Press, 2014. 283 p.
6. Arlene Cr. Paratactic Conjunctions in Creole Speakers' and ESL Learners Academic Writing//World Englishes. 2003. № 22.3. pp. 271–289.
7. Mair C. Creolisms in an emerging standard: Written English in Jamaica //English World-Wide. 2002. № 23 (1). pp. 31–58.
8. Holm J. A. English in the Caribbean// The Cambridge History of the English Language. Vol. V: English in Britain and Overseas: Origins and Development. ed. Robert Burchfield,— Cambridge: Cambridge University Press, 1994. pp. 328–81.
9. Beverly B. Language and Literacy in a Creole-Speaking Environment: A Study of Primary Schools in Jamaica// Language, Culture and Curriculum. 2004. № 17.2. pp. 87–96.
10. Crystal D. English as a global language. Second edition. — New York: Cambridge University Press. 2003. 212 p.
11. Mufwene S. Pidgins and creoles// The handbook of World Englishes. Ed. Kachru B., Kachru Y & Nelson C. — Chichester: Wiley-Blackwell. 2009. pp. 313–327.
12. Нецименко Г. П. Языковая ситуация в славянских странах: Опыт описания. Анализ концепций. — М.: Наука, 2003. — 279 с.
13. Мечковская Н. Б. Структурная и социальная типология языков. — М.: Флинта: Наука, 2003. — 312 с.

© Куприянова Милана Евгеньевна (agi1212@mail.ru), Ильина Анна Юрьевна, Рубина Нонна Борисовна.
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РУДН

ПРИНЦИПЫ КЛАССИФИКАЦИИ СИНОНИМОВ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

PRINCIPLES OF SYNONYMS CLASSIFICATION IN MODERN LINGUISTICS

M. Magomedova

Summary. The article discusses the principles of classification of synonyms in modern linguistics. The data of various intelligent monolingual dictionaries are subjected to comparative and transformational analysis, as a result of which the semantic components that constitute the meaning of each analyzed word are identified.

Keywords: linguistics, synonyms, component composition, semantics, vocabulary, style, parts of speech.

Магомедова Майсарат Амирдибировна
Ассистент, Дагестанский государственный
медицинский университет, г. Махачкала
majsarat.magomedova62@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются принципы классификации синонимов в современной лингвистике. Данные разных толковых одноязычных словарей подвергаются сравнительному и трансформационному анализу, в результате которого выявляются семантические компоненты, составляющие значение каждого анализируемого слова.

Ключевые слова: лингвистика, синонимы, компонентный состав, семантика, лексика, стилистика, части речи.

В вопросе классификации синонимов нет единого мнения у лингвистов. Рассмотрим несколько существующих классификаций. О. С. Ахманова в «Словаре лингвистических терминов» семь групп синонимов [2; 407]:

- ◆ Синонимы грамматические: **книга отца — отца-ва книга.**
- ◆ Синонимы синтаксические: **когда он обедал он читал — обедая, он читал.**
- ◆ Синонимы абсолютные: **языкознание — языковедение.**
- ◆ Синонимы идеографические: **мыться — купаться.**
- ◆ Синонимы относительные: **живописец — художник.**
- ◆ Синонимы стилистические: **пес — собака.**

Синонимы функционально-речевые: **гардероб — вешалка — раздевалка.**

Д. Н. Шмелев наряду с лексическими, стилистическими и — интертекстными синонимами (последние совпадают с функционально речевыми синонимами из предыдущей классификации) выделяет также эвфемизмы как одну из разновидностей синонимов. Это слова и выражения, «служащие в определенных условиях для замены таких обозначений, которые представляются говорящему нежелательными». Например, **задерживается** вместо **опаздывает**. Автор учебника «Лексикология английского языка» И. Арбекова выделяет следующие разновидности синонимов:

- а) полные и частичные: **convince — persuade, survive — outlive;**

б) комбинаторно нетождественные: **island — isle, wage — carry on;**

в) одинаковые по компонентному составу (семантические дублеты) и различные по компонентному составу:

- ◆ эмоционально нетождественные: **face — puss, get married — get buckled; ассоциативно нетождественные: ink slinger — quill driver (writer);**

в) одинаковые по компонентному составу (семантические дублеты) и различные по компонентному составу:

- ◆ эмоционально нетождественные: **face — puss, get married — get buckled;**
- ◆ ассоциативно нетождественные: **ink slinger — quill driver (writer);**

В качестве примера приводятся слова **buy — get** (купить — взять), которые в предложении «I am going to get/buy some bread» являются взаимозаменяемыми, а вне его не имеют тех совпадающих семантических элементов, которые позволили бы причислить их к синонимам. Д. Н. Шмелев называет подобное явление «контекстно сближаемыми словами» и замечает, что «в таком случае отмечаются не системные отношения, существующие в лексике, но (почти безграничные) возможности использования различных слов в различных целях».

Детальное описание связи синонимии представлено в работах Л. А. Новикова, Л. А. Введенской, В. А. Ивановой. Черты сходства синонимов сводятся к следующим:

- 1) являются разными словами (в отличие от форм слов),
- 2) относятся к одной части речи, 3) входят в одну лекси-

ко-семантическую группу, 5) образуют микроструктуры, именуемые синонимическими рядами (СР).

При этом различия выделяются по следующим критериям: 1) по семантике (сходные); 2) по стилистике (синонимы могут принадлежать разным стилям,); 3) по совместной встречаемости в речи (для синонимов больше характерно одиночное употребление с целью взаимозамены); 4) по характеру образуемых рядов и выделению в них доминанты. Рассмотрим последнее более детально.

Понятие синонимического ряда и его доминанты отражает тесное взаимодействие между синонимами. Синонимический ряд — это микросистема в синонимической и общей системе языка. Специфичность этой микросистемы основана на возможности разного названия одного и того же явления объективной действительности.

В современном языкознании принято выделять в СР доминанту. Так, В.А. Сиротина указывает, что стержневое слово (доминанта) «должно быть по возможности стилистически нейтральным, лишенным каких-либо дополнительных эмоционально-экспрессивных оттенков. Так, в ряду истратить — промотать — растратить — ухлопать — ухнуть основным словом будет истратить; в ряду голова — башка ~ глава — слово голова. Действительно, каждое выделенное слово выражает значение, общее для всех слов ряда. Многие языковеды замечают, однако, что «не во всех синонимических рядах можно выделить слово, наиболее часто передающее значение всех слов». Не выделяют:

- ◆ дефинирующие нетождественные: insane, weak in the upper storey, having a screw loose, not all there;

г) одинаковые и разностилевые: eyes — blinkers, soldier — warrior [3;126].

Другой подход к классификации синонимов предлагают авторы учебника «English Lexicology» Г.Б. Антрушина, О.В. Афанасьева и Н.Н. Морозова. Определяя синонимы как слова с одинаковым денотационным компонентом, но различающиеся по своей коннотации, авторы учебника рассматривают виды синонимов в зависимости от типа коннотации:

1. the connotation of degree and intensity: to surprise — to astonish — to amaze — to astound;
2. the connotation of duration: to flash (brief) — to blaze (lasting);
3. emotive connotation: alone — single — lonely — solitary;
4. evaluative connotation: well-known — famous — notorious — celebrated;
5. causative connotation: to blush — to redden;

6. connotation of manner: to stroll — to stride — to trot — to swagger — to stagger — to stumble;
7. stylistic connotation: snack — bite — snap — refreshment — feast [4; 197].

Остановимся более подробно на проблемах контекстуальной обусловленности языковых явлений. Существование контекстуальных синонимов фиксируется как в русистике, так и в англистике. Например, Дж. Лайонз пишет, что синонимия «более чем какое-либо другое смысловое отношение является контекстно-зависимой». Такой же подход демонстрирует в своем определении Д.Н. Шмелев: «Синонимами могут быть признаны слова, противопоставленные лишь по таким семантическим признакам, которые в определенных контекстах становятся несущественными». Таким образом, очевидно, что понятие контекстной зависимости играет важную роль уже в самом определении синонимов. Однако, большинство авторов проводят четкую границу между нейтрализацией определенных признаков квазисинонимов в контексте и, так называемой, контекстуальной синонимией. Дж. Лайонз объясняет, что контекстуальными синонимами является пара слов, которые имеют одинаковое значение только в данном контексте, а вне его значения таких слов не может быть. Как замечает Ю.Д. Апресян: «поскольку точные синонимы семантически не различаются, синонимический ряд не имеет никакой внутренней структуры». Вместе с тем выделение доминанты возможно, по его мнению, в ряду квазисинонимов: СР может быть представлен, во-первых, в виде своего рода иерархического древа при дроблении на более мелкие квазисинонимические или даже синонимические ряды, целиком включенные в ряды более высокого уровня. Это в особенности характерно для таких классов квазисинонимов, которые содержат родовой термин в каждой группе и подгруппе любого уровня иерархии.

Приведем несколько примеров русских и английских СР из англо-русского синонимического словаря Ю.Д. Апресяна:

1. dark, dim, dusky, obscure, murky, gloomy; темный, полутемный, темноватый, тусклый, сумеречный, непроницаемый, мглистый, сумрачный;
2. jump, leap, spring, bound, skip, hop; прыгать, скакать, вскакивать, спрыгивать, соскакивать, перепрыгивать, перескакивать;
3. sorrow, grief, heartache, anguish, woe; 4.
4. печаль, грусть, тоска, уныние, горе, скорбь, страдание [Апресян, 1988].

Приведенные ряды можно охарактеризовать как многочленные, разнокоренные, неоднородного состава, что определяется сутью самого явления.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Апресян Ю. Д. «Англо-русский синонимический словарь» — М., 1992
2. Ахманова О. С. «Словарь лингвистических терминов» — М., 1969
3. Арбекова Т. И. «Лексикология английского языка» — М., 1997
4. Антрушина Г. Б., Афанасьева О. В., Морозова Н.Н «English Lexicology»-М.,2001

© Магомедова Майсарат Амирдибировна (majsarat.magomedova62@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Дагестанский государственный медицинский университет

ДЕНОТАТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯЦИИ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ РУССКОЙ ФИТОНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ (НА ПРИМЕРЕ «ДОКУМЕНТОВ АПТЕКАРСКОГО ПРИКАЗА» XVII В.)¹

Олехнович Ольга Георгиевна

Доцент, Уральский государственный медицинский университет, г. Екатеринбург
olgaolech@yandex.ru

DENOTATIVE-SEMANTIC CORRELATIONS IN THE FORMATION PHYTONYMIC VOCABULARY (ON THE EXAMPLE OF THE DOCUMENTS OF THE PHARMACEUTICAL ORDER OF THE 17TH CENTURY)

O. Olekhnovich

Summary. The phytonymic vocabulary of the 17th century is a representative object. This lexical group becomes semantically mobile. Its boundaries are significantly expanded due to neologisms from the Latin language, as well as new syntactic structures, formed mainly on the basis of partitive phytonyms. This paper studies the processes associated with the formation and development of phytonymic vocabulary in the aspect of interlinguistic and intralinguistic denotative and semantic correlations. We investigated about 500 phytonyms with different denotative meanings. As a result of the analysis of the phytonymic field, the main semantic relationships between the phytonymic units were found, these are hyper-hyponymic, meronymic correlations, semantic derivation, synonymy.

Keywords: phytonymic vocabulary, denotative-semantic correlations.

Аннотация. Репрезентативным объектом является фитонимическая лексика XVII в., встречающаяся в рукописях «Аптекарского Приказа». Эта лексическая группа становится семантически подвижной. Значительно расширяются ее границы за счет неологизмов из латинского языка, а также новых синтаксических конструкций, сформированных в основном на базе партитивных фитонимов. В работе исследуются процессы, связанные со становлением и развитием фитонимической лексики в аспекте межязыковых и внутриязыковых денотативно-семантических корреляций. Нами было исследовано около 500 фитонимов с разными денотативными значениями. В результате анализа фитонимического поля были выявлены основные семантические отношения между фитонимическими единицами — гипер-гипонимические, меронимические корреляции, семантическая деривация, синонимия.

Ключевые слова: фитонимическая лексика, денотативно-семантические корреляции.

Изучение фитонимов всегда привлекало внимание лингвистов (Меркулова В. А. (1967), Копчева В. В. (1985), Коновалова Н. И. (2001), Маркова Е. М. (2007), Колосова В. Б. (2009), Летова А. М. (2012) и др. Несмотря на огромное количество исследований, до сих пор остаются нерешенными проблемы этимологического характера, номинации отдельных фитонимов, выявления метафорических признаков. В последнее время многие исследователи связывают изучение фитонимов с контрастивным анализом. Подобные работы написаны на материале немецкого, английского, французского, испанского и других языков. Несмотря на тщательный анализ, практически никто из авторов не обращается к латинскому языку. А ведь он в фитонимике играет ключевую роль, поскольку формирование фитонимов так или иначе связано с ним, к тому же современная меж-

дународная номенклатура опубликована на латинском языке. Кроме того, среди лингвистических исследований недостаточно работ диахронического характера, посвященных истории формирования этой лексической группы. Довольно любопытное диссертационное исследование Шеиной Н. В. «История наименования трав в русском языке XI–XVII вв.: лексикографический аспект» (1995) постепенно утрачивает позиции, поскольку за прошедший период появились новые и более обстоятельные работы лексикографического характера. Нелзя не согласиться с мнением Галициной Н. Г. о том, «что современное понимание ботанических фактов не всегда совпадает с представлениями того периода, когда образовался фитоним» (4,37). Именно поэтому исследование названий предыдущих периодов дает нам представление о путях формирования того или иного слова.

¹ Статья написана при финансовой поддержке ФГБУ «Российского фонда фундаментальных исследований» в рамках коллективного исследовательского проекта № 17-06-00376 «Фитонимия русского языка в диахроническом аспекте (XI–XVII вв.)»

Возникают вопросы при использовании терминологической базы при исследовании названий. Так, использованный нами термин 'фитоним' в значении «название растения» не все лингвисты считают подходящим. На наш взгляд, термин, составленный из двух греческих слов *φύτον* 'растение' и *ὄνομα* 'имя', довольно комфортно существует в русском языке и именно в таком сочетании позволяет широко использовать его деривационные возможности. Кроме того, как отмечает Алешина Е.К. «термин *фитоним* является наиболее общеупотребительным в европейской и американской лингвистической науке (*phytonym, phytonyme*)» (2,35).

Мы сосредоточили свое внимание на истории формирования русских фитонимов в аспекте межязыковых и внутриязыковых денотативно-семантических корреляций, используя для сравнения латинский язык.

В своей работе мы не ограничились исследованием собственно фитонимов. Мы расширили репрезентативный объект, представив всю фитонимическую лексику периода XVII века, встречающуюся в рукописях «Аптекарского приказа» — партитивные фитонимы, названия продуктов растительного происхождения, названия лекарственных средств растительного происхождения, в которых встречаются названия растений. Такой широкий охват исследуемого материала позволил учесть все возможные корреляции при формировании семантического поля «фитонимы».

Для анализа были использованы рукописи, которые хранятся в Российском Государственном Архиве Древних Актов (РГАДА) в г. Москве в — Фонд 143, 2724 ед. хр., 1629–1716 гг.

Именно в этой лексической группе в период XVII века наблюдаются значительные изменения — расширяются ее границы, значительно пополняется словарь, начинает проявляться номинативная структура фитонима. Этот процесс значительно ускорило создание государственного медицинского учреждения в России «Аптекарского Приказа», которое распоряжалось всем медицинским и аптечным делом. Отмечается активный приезд иностранцев в Россию, ввозится огромное количество лекарственных средств, создаются аптеки. Создается такая ситуация, когда фитонимы по-настоящему становятся востребованными в медицинской практике.

Нами было выявлено и исследовано около 500 названий лекарственных растений на русском и латинском языке с разными денотативными значениями. Несмотря на то, что латинская ботаническая номенклатура в целом, так или иначе, сформировалась, нельзя еще говорить о научной номенклатуре. Во всяком случае, все встречаемые в документах растения имеют свои назва-

ния на латинском языке в отличие от русского, где часть растений еще не получила даже первичные номинации.

Именно латинские названия, имеющиеся в рукописях, позволили наиболее точно определить соответствующие им русские. Чтобы нагляднее представить картину имеющихся названий, приведем примеры фитонимов, которые использовались в рукописях Аптекарского приказа и соответствующие им современные латинские и русские научные наименования. При сравнении современных фитонимов и названий растений XVII в. можно выделить несколько групп.

Большая часть фитонимов состояла из одного наименования.

Одни названия совпадали или имели общие корни с родовыми латинскими — *петрушка* < *Petroselinum sativum* Hoffm. 'петрушка посевная'; *шалфрей* < *Salvia officinalis* L. 'шалфей лекарственный'; *саникула* < *Sanicula europaea* L. 'подлесник европейский'; *ононис* < *Ononis arvensis* L. 'стальник полевой'; *туссилуго* < *Tussilago farfara* L. 'мать-и мачеха'.

Другие названия совпадали с видовыми латинскими — *хамомила* < *Matricaria chamomilla* L. 'ромашка аптечная'; *агнус кастус* < *Vitex agnus castus* L. 'витекс священный'; *турпунт* < *Ipomoea turpethum* 'турпета'; *пулегия* < *Mentha pulegium* L. 'мята блошница'.

Третью группу составили лекарственные растения, имеющие особые фармацевтические названия (далее фарм.), которые использовались только в медицинской среде — *терментиль* < *Tormentilla* (ботаническое (далее бот.) *Potentilla erecta* L.) 'лапчатка прямостоячая'; *салсапарилла* < *Sarsaparilla* (бот. *Smilax officinalis* L.) 'смилакс лекарственный'.

Самую немногочисленную группу составляли бинаминальные названия, в составе которых уже имелись и родовые, и видовые наименования — *лилия бьялая* < *Lilium candidum* L. (*Lilium album*) 'лилия белоснежная'; *диктам албусь* < *Dictamnus albus* L. 'диптам белый'; *рубиа тинкторум* < *Rubia tinctorum* L. 'марена красильная' (с конца XIX в.); *цыперус лонгус* < *Cyperus longus* L. 'сыть длинная' (с конца XVIII в.); *гусиная плоть* < *Potentilla anserina* L. 'лапчатка гусиная'.

Именно родо-видовые, или **гиперо-гипонимические, отношения** позже использовал в качестве основы организации фитонимического поля основатель научной ботанической номенклатуры Карл Линней.

В период XVII века родо-видовые отношения только начинают складываться. Некоторые названия растений

различаются только по видовым признакам — *мята каменная* < *Melissa calamintha* L. 'мята каменная', *мята акватика* < *Mentha aquatica* L. 'мята водная' (растет во влажной почве или около воды), *Mentha crispa* 'мята кудрявая' (разновидность мяты с волнистыми листьями).

Определяющую роль при определении вида с различными значениями играют именно качественные прилагательные, поскольку они обозначают признак как таковой без указания на его отношение к другим предметам.

Наиболее часто видовое обозначение связано с внешними особенностями растения. Самой заметной характеристикой является *цвет*. Видовое определение подчеркивало цветовую гамму какой-либо части растения. Это могла быть кора (*санда́л бѣлый* < *Santalum album* 'санда́л белый'), корень или корневище (*чемерица черная* < *Helleborus niger* 'морозник черный'), цветок (*лилія бѣлая* < *Lilium candidum* L. 'лилия белоснежная'). Реже в качестве источника для обозначения цвета используются относительные прилагательные. Таким примером может служить латинское "citrinus" 'лимонный' (*санда́л желтой* < *Santalum citrinum* 'санда́л жёлтый'). Несмотря на то, что оно этимологически связано со словом "*Citrus*" 'лимон', его относительность условна. Поскольку главное — не отношение его к этому существительному, а то, что оно обозначает определенный оттенок желтого цвета.

Другая особенность — характеристика органов растения *по форме*. Чаще всего вид растения определяется *по форме листьев* — *жеребьячье копыто* (форма листа напоминает след копыта жеребенка) < *Asarum europaeum* 'копытень европейский'. Довольно часто используются видовые определения, указывающие на *форму корня* — *цыперус рутундус* < *Cyperus rotundus* (у данного вида на корнях имеются овально-продолговатые клубневидные утолщения), *цыперус лонгус* < *Cyperus longus* 'сыть длинная' (у данного вида корневище удлинённое). Некоторые видовые признаки указывают на размеры — *большой лапушникъ* < *Lappa major* (фарм.) 'лопух репейник' и *меньшой лапушникъ* < *Lappa minor* (фарм.) 'лопух малый'.

Реже для видового обозначения использовались свойства растения — *вкус* — *миндаль сладкой* < *Amygdala dulcis* и *миндаль горкой* < *Amygdala amara*; *щавель коневий* < *Rumex confertus* 'щавель конский' и *щавель людской* < *Rumex acetosa* L. 'щавель обыкновенный'. Здесь отношения "человеческий" — "лошадиный" означает "съедобный" — "несъедобный".

Отметим также в качестве видовых названий растений определения-топонимы, обозначающие географи-

ческие названия: *алоэ сукоотрина* < *Aloë soccotrina* 'алоэ сокотринское' (по названию острова Сокотра); *цвѣтъ рамоновъ римской* < *Chatomilla Romana* 'римская ромашка'; *листь александрѣйской* < *Senna Alexandrina* (фарм.) 'сенна александрійская'.

Русские фитонимы с родо-видовыми парами далеко не всегда соответствуют родо-видовым признакам в латинских названиях. Более того, русском языке очень часто видовые названия никак не отображаются и имеют однословные наименования (*эпатаика* < *Hepatica nobilis* 'печеночница обыкновенная').

В результате анализа фитонимической лексики были выявлены соотношения части и целого, или **меронимические корреляции**. Среди номенклатурных наименований встречается лекарственное сырье — части растений, или партитивные фитонимы. Как правило, в практике использовался наиболее значимый в медицинском отношении орган растения, где сосредоточились основные лекарственные свойства растения. Например, *сѣмя кроповое* < лат. *semen Anethi* 'семя укропа'; *травя попутнику* < лат. *herba Plantaginis* 'травя подорожника'.

Но не всегда подобные номенклатурные наименования воспринимаются именно как части растений. В этом случае границы отношений «часть — целое» размыты. Так, *цвѣтъ васильковой* < *Centaurea cyanus* L. 'василек синий' мог восприниматься как часть растения, так и название всего растения. То же самое можно сказать о номенклатурных наименованиях — *листь александрѣйской* < *Cassia acutifolia* (фарм. *Senna*) 'кассия ланцетовидная', или 'остролистная', *солотко(во)й корень* < *Glycyrrhiza glabra* L. (фарм. *Liquiritia*) 'лакрица', или 'солodka голая', *девясилное коренье* < *Inula helenium* L. 'девясил высокий', *бобковое дерево* < *Laurus nobilis* L. 'лавр благородный', *жабная трава* < *Gnaphalium uliginosum* L. 'сушеница топяная', *орѣхъ грѣ(т)цкой* < *Juglans regia* L. 'орех грецкий'.

Семантическая деривация проявляется, прежде всего, в метафоризации названий известных объектов.

В результате контрастивного анализа в русском и латинском языках были установлены универсальные и национально-специфичные флористические метафоры.

Были выявлены названия, очень близкие по исходному метафорическому значению в русском и латинском языке. Как показывают примеры, большинство из них составили универсальные номинации. Одним из наиболее актуальных признаков проявила себя специфика внешней формы — цвет (*земляной дым* и *Fumaria* 'дымянка'). Метафора здесь подчеркивает сходство в цвете и блеске. Реже метафора подчеркивает форму

листьев (*большой лопухник* и *Lappa major* 'лопух', *медвежье ухо* и *Uva-Ursi* 'толокнянка' и особенности строения корня (*змеев корень* и *Bistorta* от *bis* 'дважды' и *torta* 'скрученное'). В некоторых случаях название отражает вкус (*солоткое коренье* и *Glycyrrhiza* 'солодка' *Absinthium* 'полынь горькая' (видовое название которой произошло от греч. 'без' (отрицание) и 'радость, удовольствие', т.е. 'потребляемое без удовольствия' из-за горького вкуса полыни. С вкусовыми ощущениями 'кислый' связано название растения *щавель*, — 'горький' *горчица*. Направления метафорического переноса и семантические признаки, по которым они осуществляются, представлены в растениях 'подорожник' лат. *Plantago* (от лат. *planta* 'ступня') — *попутник* (связано с русским 'путь') по месту произрастания.

Реже передавались практические свойства растений, например, лекарственное назначение — *живокость* (заживляет переломы) и *Symphytum* (от греч. 'сращивать'). Например, метафора, основанная на признаке 'наличие шипов у растения' — важный признак, который актуализируется в наименованиях *свороборинник* и *Rosa canina* L. 'шиповник собачий'.

Некоторые метафоры заключают в себе не один, а несколько признаков сходства (*эпatica* < *Hepatica nobilis* 'печеночница обыкновенная'). Это растение напоминает орган человека не только по форме, но и по цвету.

Другую группу составили фитонимы, у которых метафорическое значение отражалось только в одном языке, а в другом — метафоризации не наблюдалось. Так, латинское название *Taraxacum* 'одуванчик' не связано с метафоризацией, зато в русском языке наблюдается несколько номинаций, среди которых — *зуб львов* (по форме листьев, похожих на клыки льва) и *попова скуфья* (по форме цветка, которая напоминала православный головной убор). Латинский фитоним *Euphrasia* связывают с греческим именем, а русский — *очная помочь* связан с лечением глазных болезней (от *око* 'глаз'). Латинское название *Asarum europaeum* L. 'копытень европейский' происходит от греч. *aseros* 'чувствующий отвращение', связано с тем, что вдыхание порошка вызывает тошноту и рвоту. Русское *жеребьячье копыто* (по кожистым листьям, напоминающим форму копыта жеребенка);

В третью группу объединились эндемичные фитонимы, соотносимые лексемы которых метафоризируются в обоих языках, но имеют разные источники метафоризации.

Национально-специфичные флористические метафоры встречаются в метафорах по месту произрастания — *чернобыль* < *Agrimonia eupatoria* L. 'репешок

обыкновенный', *можжевель* < *Juniperus communis* L. 'можжевельник обыкновенный'.

Русский фитоним *земляника* метафоризируется по характеру произрастания (стелется по земле), а латинское *Fragaria* — по душистому запаху. Современное *манжетка* — по форме листьев, а латинское *Alchemilla* — по использованию в алхимии, старое название этого же растения *львово копыто* — по особенностям строения листа. Современное *валериана* — *Valeriana* по лекарственным свойствам, а старое название *кошкина трава* — по особому воздействию на кошек. Современное *сушеница* — *Gnaphalium* метафоризируется по особенностям строения, а старое уже забытое название *жабная трава* — по способности лечить грудную жабу.

Другое направление семантической деривации — это расширение значений на другие объекты. Например, *Artemisia absinthium* L. 'полынь' — *полынь* > *экстракт полынный*; *Juniperus communis* L. 'можжевельник' — *можжевель* > *соль можжевельная*.

Относительная неустойчивость языка периода XVII века predeterminedила широкий выбор языковых единиц. Огромное количество вариантов одного и того же понятия предоставило возможность выбора более подходящего варианта, а введение в оборот латинского языка значительно ускорило этот процесс. Вариативность наблюдалась на всех уровнях языка.

Языковая неустойчивость рассматриваемого периода влияла на репрезентацию фитонимов. Одно растение могло иметь несколько наименований. Среди них встречаются латинские (ботаническое и фармацевтическое) и русские диалектные названия. Напр., *Valeriana officinalis* L. 'валериана лекарственная' — *валерьяна* // *бондерьянь* // *трясовичное растение* // *кошкина трава*, *Taraxacum officinalis* Web. 'одуванчик' — *зубь львовъ* // *тараксинусъ* // *попова скуфья*, *Symphytum officinalis* L. (фарм. *Consolida major*) 'окопник лекарственный' — *жива кость* // *синфитумъ* //

консолида (большая), *Anthemis nobilis* L. (фарм. *Chamomilla romana*) ромашка римская — *камомилла-романа* // *ромонъ римской* // *цвѣтъ ромоновъ*, *Cichorium intybus* L. 'цикорий обыкновенный' — *со(л)нцева сестра* // *к(ц)ихоріумъ* // *сяхоръ*.

Синонимы встречались и среди вторичных фитонимических образований. Например, *aqua Rosarum* 'розовая вода' — *водка свороборинная* // *водка гуляфная*, *Herba Arctii* 'трава лопуха' — *листья лопушиково* // *трава лопушикова*, *Ficus carica* L. 'инжир обыкновенный' — *винная ягода* // *смоква*,

Морфологическое варьирование возникало на почве переоформления и приспособления иноязычных лексических единиц — *резина скамоніи* // *скамоніумъ* // *шкаманея* < лат. *resina Scammonii*. Иноязычные модели в рассматриваемый период хоть и использовались, но приживались плохо и практически не сохранились в русском языке — '*кора арантіаръ* // *кора аранціоромъ* < лат. *cortex Aurantiorum*. Латинское название было заменено на русское — '*кора поморанцовая*'.

Кроме того, у прилагательных конкурируют между собой полные и краткие формы: *кора поморанцовая* // *кора поморанцова*; *цвѣтъ ловендуловъ* // *цвѣтъ ловендуловой*.

Морфологическая вариантность при оформлении названия растения была связана с неустойчивым использованием разных частей речи: *корень чемерицы черной* // *корень чемерицной*; *цвѣтъ лавендула* // *цвѣтъ ловендуловой*; *трава попутниковая* // *трава попутнику*.

Синтаксическая вариантность была представлена разнообразными синтаксическими моделями: *сыропъ барбарисовъ* // *сыропъ изъ соку бербериць* < лат. *sirupus Berberidis* 'сироп из сока барбариса'; *сыропъ изъ маку* // *сыропъ изъ маку краснаго* < лат. *sirupus Papaveris* 'сироп из мака'; *водка чернобыльная* // *водка изъ травы чернобыльной* < лат. *aqua Artemisiae* 'вода полыни обыкновенной'; *цвѣтъ лавендула* // *цвѣтъ лавендуловъ* // *цвѣтъ ловендуловой* < лат. *flores Lavendulae* 'цветки лаванды'; *липовъ цвѣтъ* // *цвѣтъ тилліи* < лат. *flores Tiliae* 'цветки липы'.

Одни фитонимы сохранили метафорические признаки в ином оформлении — с лексическими изменениями (свороборинник > шиповник, попутник > подорожник). Другие — приобрели новые аффиксы с новыми аффиксами: *аро* > *аронник*, *чернобыль* > *чернобыльник*; *лопушникъ* > *лопух*; *земляница* > *земляника*; *кропъ* > *укроп*.

Фитонимы с сохранением корневой морфемы, но измененной измененной синтаксической структурой: **вол-**

чьи ягоды > **волчник**; **девесилное коренье** > **девясил**; **трава чернобыльная** > **чернобыльник**; **трава золототысячи** > **золототысячник**; **солоткое коренье** > **солodka**; **очная помочъ** > **очанка**; **синеворотная трава** > **синеголовник**; **чечюня** > **горец почечуйный**.

Фитонимы с частично измененной метафоризацией: **жеребачье копыто** > **копытень европейский**.

Третья группа фитонимов формировалась по иному метафорическому сценарию с ориентацией на местный лексический материал: **пульмонария** > **медуница**; **медвежье ухо** > **толокнянка**; **чижовъ глазъ** > **пастушья сумка**; **проскурникъ** > **коровяк**; **львово копыто** > **манжетка**; **горчица дикая** > **желтушник**; **куръ зелье** > **пролесник**; **трава девичьихъ власть** > **чернушка**.

Отметим фитонимы с ориентацией на латинские образцы: **сонцева сестра** > **цикорий** (лат. *Cichorium*); **проскурник большой** > **алтей** (лат. *Althaea*); **верблюжье сено** > **андропогон** (лат. *Andropogon*); **дивий мед** > **кассия** (лат. *Cassia*); **кишнець** > **кориандр** (лат. *Coriandrum*); **бобковое дерево** > **лавр** (от лат. *Laurus*).

В период XVII века при формировании фитонимов складываются денотативно-семантические корреляции его единиц, которые происходили в результате взаимодействия русского и латинского словарного материала. Большая вариативность на всех языковых уровнях, непоследовательность номинации от экономических до громоздких наименований предоставила возможность для выбора наиболее удачных наименований. Предпочтение отдавалось фармацевтическим названиям, появившимся задолго до научной ботанической номенклатуры. Несмотря на слабую терминологичность, русская фитонимическая лексическая группа сформировалась за короткий период и стала своеобразным подготовительным материалом для научной ботанической номенклатуры. Формирование названий происходило под влиянием латинского языка. Но, несмотря на это, отбор языковых средств осуществлялся с максимальным использованием внутренних языковых ресурсов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты исторические, собранные и изданные Археологическою комиссіею. Т. 3 (1613–1645 гг.), СПб тип. Экспедиции Государственных бумаг. — С. 474–475, 479–491.
2. Алешина Е. К. Исследование наименований растений и национальная языковая картина мира: к постановке проблемы. / Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. Изд-во Новосибирского национального исследовательского государственного университета. 2009. Т. 8, вып. 2: Филология. С. 34–37
3. Анненков Н. Ботанический словарь. Санкт-Петербург: Типография императорской академии наук. 1878. — С. 646.
4. Галицына Е. Г. Особенности изучения лексической группы фитонимов (на материале фитонимов древнеанглийского языка) // Молодой ученый. — 2015. — № 10.5. — С. 36–37. — URL <https://moluch.ru/archive/90/18098/> (дата обращения: 26.10.2018).

5. Коновалова Н. И. Народная фитонимия как фрагмент языковой, картины мира: монография / Н. И. Коновалова. — Екатеринбург: Издательство Дома учителя, 2001. — С. 150.
6. Копочева В. В. Соотношение искусственной и естественной номинации (на материале названий растений): дис. ... канд. филол. наук. [Электронный ресурс]: Томск: Томский госуниверситет, 1985. 255 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/sootnoshenie-iskusstvennoi-iestestvennoi-nominatsii-na-materiale-pazvanii-rastenii> (17.06.2017). Материалы для истории медицины в России под ред. Мамонова Н. Е., вып. 4, СПб., 1885. — с. 1300
7. Летова А. М. Семантические особенности фитонимов в русском фольклоре: дис. ... канд. филол. наук. М.: Московский гос. обл. университет, 2012. — С. 198
8. Маркова Е. М. Типология семантических трансформаций праславянской лексики и ее отражение в русском языке: монография / Е. М. Маркова; Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования Московский гос. обл. ун-т. — Москва: Изд-во МГОУ, 2007. — С. 254.
9. Российский Государственный Архив Древних актов. Фонд 143. Опись 2.
10. Меркулова В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М.: Наука, 1967. — С. 25.
11. Фасмер Макс Этимологический словарь русского языка: В 4-х т.: Пер. с нем. — 3-е изд., стереотип. — М.: Азбука-Терра, 1996. — Т. 1 — С. 576. Т.2 — С. 672. Т.3 — С. 832. Т. 4 — С. 864.
12. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. — 3-изд. М.: Русский язык, 1999. — Т 1. — 623 с. Т 2. — 560
13. Шеина Н. В. История наименования трав в русском языке XI — XVII вв. (лексикографический аспект): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М.: Московский пед. университет, 1995. — С. 24

© Олехнович Ольга Георгиевна (olgaolech@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Уральский государственный медицинский университет

ЛИТЕРАТОРСКАЯ ТРАДИЦИЯ ФРАНЦУЗСКИХ СИМВОЛИСТОВ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. СОЛОГУБА

THE LITERARY TRADITION OF THE FRENCH SYMBOLISTS IN THE WORKS OF F. SOLOGUB

Tang Jing

Summary. The paper reflects the features of the work of the symbolist writer Fyodor Sologub through the prism of the influence of French literature. The article also mentions the poet's translation activity and critics' reaction to the similarity of Sologub's work with French literary traditions.

Keywords: Sologub, symbolism, literary traditions, Verlaine.

Тан Цзин

*Аспирант, Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
anfisa.tan@me.com*

Аннотация. В работе отражены особенности творчества писателя-символиста Федора Сологуба через призму влияния французской литературы. В статье также упоминается переводческая деятельность поэта и реакция критиков на сходство творчества Сологуба с французскими литературскими традициями.

Ключевые слова: Сологуб, символизм, литературские традиции, Верлен.

О существенные в хронологических рамках одного литературного течения переводы не представляют интереса с исторической, филологической или поучительной точки зрения. При этом в сравнении с последующими вариантами, они имеют ряд художественных преимуществ. Обращение к творчеству поэтов-современников, русских литераторов, символистов, в частности, пребывающего в полном единомыслии с ним, близкого ему не только по литературным пристрастиям и взглядам, но и по складу творческой личности, часто наделяло его переводческие опыты уникальными, неоспоримыми положительными качествами.

Если рассматривать переводы подобного рода через призму исследовательского интереса, то они, бесспорно, вполне могли выступать в качестве надежного материала, исследуемого с целью определения национального своеобразия различных ветвей литературного направления. Представляется, что данный материал является таким же достоверным, как и теоретические высказывания представителей определенного литературного направления. При этом выбор произведений для перевода и сложнейшая система замен, которая может осуществляться подсознательно, декларироваться программно и присутствует в каждой переводческой работе, представляют собой определенный интерес. Переводы Федора Сологуба работ французских символистов весьма показательны и являются одними из крупных явлений жизни русской литературы на рубеже XIX–XX вв., при этом можно говорить об их недостаточной изученности.

Впервые попытки провести анализ всего творчества и отдельных произведений Ф. Сологуба были предпри-

няты в 1905–1914 гг. — в период расцвета таланта автора. В общественно-политических и литературных журналах начала XX века было опубликовано множество статей и рецензий, затрагивающих творчество Ф. Сологуба. Оно рассматривалось в контексте символизма, который является одним из наиболее противоречивых и сложных литературных направлений. Официальная критика отвергала символизм и обозначала его как деградацию российской культуры. Так, писатель и педагог, автор серии работ по истории Поволжья Н. Н. Овсянников весьма негативно оценил литературные труды Ф. К. Сологуба, назвав их весьма поверхностными, лишёнными логики и в целом, очень слабыми. Оценивая творчество Ф. К. Сологуба и в целом направление символизма, Н. Н. Овсянников пишет, что «люди с незначительными литературными способностями в погоне за оригинальностью пытаются подражать дурным французским романам». Работы символистов в целом и роман Ф. Сологуба «Тяжелые сны», в частности, критик охарактеризовал как «распутный бред символистов». Литературный критик, искусствовед, балетовед А. Л. Волынский в одной из своих статей назвал символистов безграмотными, крайне эгоистичными, обвинил их в пошлости и отсутствии нравственности. О работах Ф. Сологуба он высказывается как «невыносимой вульгарности, временами застилаемой туманом тоскливых чувств и неподдельным вдохновением мрачной фантазии». Е. Карамзина-Арциховская пошла дальше: она высказала мнение, что результаты творческой деятельности Ф. Сологуба не являются художественными произведениями и предложила рассматривать их как «историю болезни» психически нездорового человека, который облакает нездоровые фантазии воспаленного мозга в поэтическую форму.

Примечательно, что, несмотря на подобную, резко негативную, критику, некоторые авторы того времени старались избежать резко негативных суждений и оценок творчества Ф. Сологуба. Они отмечают новаторский характер Ф. Сологуба и предпринимают попытку разобраться в положительных и негативных сторонах его творчества. Так, баснописец, писатель, публицист А. Е. Измайлов отмечает неоспоримые положительные качества прозаика и поэта Ф. Сологуба и называет его «отцом русского модернизма, изящным, тонким писателем, который явно нащупывает новые пути в искусстве». Нападки критиков на Ф. Сологуба А. Е. Измайлов объясняет тем, что они неверно толковали его произведения.

Представляется, что Ф. Сологуб внес весомый неоценимый вклад в русскую переводческую литературу, особенно это касается его переводов произведений одного из основоположников символизма, французского поэта Поля Верлена. Именно Сологуб и ряд других авторов смогли привить русской читающей публике любовь к П. Верлену и сформировать принципиально нового читателя, который смог бы сформировать фон для развития и завоевания позиций непосредственно русского символизма.

К девяностым годам XX века французскому символизму уже удалось выполнить миссию по решительному обновлению всех средств выразительности в поэзии. Именно к этому готовились русские поэты, которые были сгруппированы вокруг Брюсова в Москве и «Северного вестника» в Петербурге. В связи с этим, вполне целесообразным представляется тот факт, что русские писатели, поставив перед собой аналогичную цель, на начальном этапе вдохновлялись творчеством Верлена, в частности, его литературными приемами. С. А. Венгеров писал об исключительном значении Бодлера, который является непосредственным предшественником французского символизма, и Верлена на первом этапе становления русского символизма. Примечательно, что знакомство с двумя национальными вариантами одного направления в литературе позволяет удостовериться в том, что не может быть и речи о так называемом «переводном» литературном течении. Представляется, что содержание, вкладываемое в понятие «символизм», слишком неопределенно для того, чтобы имела место подобная постановка вопроса. Так, французский писатель-символист, эссеист, литературный критик Реми де Гурмон писал, что если придерживаться грамматического значения слова, то ясно, что символизм — это почти ничего. Концепция «мистической иронии» французского поэта становится более понятной, если принимать в расчет те условия, в которых зарождался интерес Сологуба к Верлену. Творчество французского символиста помогло Сологубу выстоять, и, вполне вероятно, что оно напоминало ему о его собственном существовании в условиях развра-

щенности провинциальной жизни и серой обыденности в попытках мечтательной натуры прорваться к высокой светлой духовности.

Неослабевающий интерес к французскому символизму отчасти определил появление других переводческих работ. Так Сологуб посчитал возможным опубликовать только часть «Озарений» Рембо. Пятнадцать стихотворений в прозе французского поэта вошли в 1-й сборник издания футуристов «Стрелец» 1915 г. В 1916 г. во 2-м сборнике «Стрельца» было опубликовано еще одно произведение Рембо — «Поклонение».

Такое очевидное предпочтение перед другими французскими символистами, которое отдавалось Верлену не только самим Сологубом, но и издательствами вполне объяснимо. В известном смысле Поль Верлен был всего лишь предшественником символизма, поскольку в зрелой и поздней лирике поэта нашли наиболее яркое воплощение ранних символистских веяний. При этом для России Верлен стал квинтэссенцией, средоточием нового литературного течения, его полномочным представителем, он затмил всех своих современников и последователей. Примечательно, что из всех французских поэтов символистов в России только Верлен предстает в качестве живого литературного явления. Русские символисты, как и «младшие» французские символисты, вполне осознавали то, что на поэтическую индивидуальность Рембо, который намного опередил свое время, сложно полагаться в собственных литературных поисках. Это стало причиной того, что и в России, и во Франции символисты отнеслись к творчеству Рембо довольно сдержанно, но внешне достаточно уважительно. Алгебраические формулы, магические кристаллы, алхимические реторты в которые, по словам русского поэта, переводчика, литературного критика М. А. Волошина, французский поэт Стефан Малларме замыкал свои идеи, отличались от задач, выдвигаемых перед собой русскими символистами, настолько сильно, что непрерываемость авторитета французского поэта заставляла заподозрить определенную внутреннюю отчужденность. Однако это не помешало возникновению в русской печати ярких переводов его стихов, принадлежавших перу Анненского, Волошина и Брюсова, сочувственных, достаточно прочувствованных, глубоких статей о произведениях С. Малларме.

Сологубу легче было воспринимать литературные труды своих французских современников, что обусловлено некоторой небезызвестной близостью особенностей его творческого облика и некоторых черт, присущих исключительно культуре Франции. Подобная близость была замечена современниками. Измайлов писал, что однородность литературных явлений может быть рождена в результате биения сердец в унисон, а не как

результат слепого подражания модным тенденциям. Измайлов написал о Сологубе, что если бы он был рожден во Франции, то это не вызвало бы диссонанса. Лингвист, переводчик В. В. Иванов высказал еще более прозорливое мнение, по его словам «Книга рассказов» Сологуба «русская по обаятельной прелести и живой силе языка, зачерпнутого из глубин стихии народной, русская по вещему проникновению в душу родной природы,— кажется французскою книгой по ее, новой у нас, утонченности, по мастерству ее изысканной, в своей художественной простоте, формы».

В истории воссоздания творчества поэтов Франции на русской почве велико значение переводов Сологуба работ Верлена, а также отчасти Рембо и Малларме. Его вклад трудно переоценить. Представляется, что оценка переводческих работ Сологуба в сравнении с брюсовскими и наряду с версиями О. Чюминой, А. Кублицкой-Пиоттух и других авторов как эпигонских ошибочна. Утверждение Ю. Ороховацкий, который утверждал, что «никогда не было так очевидным превосходство поэтического перевода над самой поэзией, как на рубеже минувшего и нынешнего столетий», также был неправ. Примечательно, что уровень переводов не возвышался над уровнем поэзии. При этом, уровень переводов противопоставлялся уровню поэзии и был от него оторван. Символистские переводы из Верлена превосходили пе-

реводы эпигонов предшествовавшего литературного поколения, что отчасти обусловлено масштабностью поэтических дарований и переводами символистами непосредственно символистской критики

Желание «соблюсти меру в субъективизме», принцип «золотой середины» — это тот фундамент, на котором формировалась переводческая деятельность Сологуба. При этом необходимо учитывать тот факт, что при рассмотрении не переводческих принципов, а результатов их усилий по приобщению русского читателя к лирике Верлена следует, что к той самой «золотой середине» ближе всех оказался Сологуб. Версии Брюсова больше представляются как отвечающие формальной эквивалентности, а версии Анненского — динамической. В этом отношении большинство переводов Сологуба завещано будущим поколениям русских читателей. Под впечатлением перевода Сологубом стихотворения Верлена «Синева небес над кровлей» 2 декабря 1907 г. Блок написал ему письмо, в котором говорил, что это стихотворение стало для него одним из первых ярких откровений новой поэзии, «я ношу его в памяти, ибо оно неразлучно со мною». Представляется, что не только Блок, но и многие русские читатели могли бы сказать, что переводы Сологуба из Верлена они «носят в памяти». В версии Сологуба лирика Верлена сыграла несомненную роль в «шуме» поэтического периода начала XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багно В. Е. Федор Сологуб — переводчик французских символистов. // Па рубеже XIX–XX веков. Л., 1991. С. 129–172.
2. Григорьян К. Н. «Верлен и русский символизм» // Русская литература. 1971. № 1. С. 111–120
3. Жирмунский В. М. «Литературные течения как явление международное». Жирмунский 1979: С. 137–157.
4. Мирза-Авакян М. Л. Работа В. Я. Брюсова над переводом *Romances sans paroles* Верлена // Брюсовские чтения 1966 года. С. 489–490.
5. Найда Ю. А. К науке переводить // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 118–120.
6. Ороховацкий Ю. Русские поэты-переводчики Поля Верлена // Тезисы межвузовской научно-теоретической конференции «Проблемы русской критики и поэзии XX века». С. 47.
7. Пойман Л. История русского символизма. М., 1998. С. 49–56.
8. Файн С. В. Поль Верлен и поэзия русского символизма: И. Анненский, В. Брюсов, Ф. Сологуб. / Диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук. М, 1994. Глава III. «сборник поэтических переводов «Парнасцы и проклятые».

© Тан Цзин (anfisa.tan@me.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОПЫТКИ КЛАССИФИКАЦИИ РАССКАЗОВ Ф. СОЛОГУБА

ATTEMPTS TO CLASSIFY
STORIES F. SOLOGUB

Tang Jing

Summary. This article aims to highlight the existing attempts to classify the stories of Fyodor Sologub on the example of the most striking works of his art. The paper also attempts to comprehend the reason for the complexity of the classification of the writer's stories through the prism of complex interactions of philosophical and artistic techniques and methods in his works.

Keywords: Sologub; stories classification; January story genre; tales; sentimental novel; symbolism; Russian literature.

Тан Цзин

Аспирант, Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
anfisa.tan@me.com

Аннотация. Данная статья ставит цель осветить существующие попытки классификации рассказов Федора Сологуба на примере наиболее ярких произведений его творчества. В работе также дана попытка осмыслить причину трудности классификации рассказов писателя через призму сложного взаимодействия философских и художественных приемов и методов в его творчестве.

Ключевые слова: Сологуб; классификация рассказов; январский рассказ; сказки; сентиментальная новелла; символизм; русская литература.

Федор Сологуб является одной из самых таинственных личностей в литературе. Лев Шестов, философ и современник Сологуба, охарактеризовал его творчество следующим образом: «Вся его поэзия — неподвижное, хотя и страшно напряженное созерцание одной точки». Ведущий исследователь поэзии символизма Д. Е. Максимов в 1970-х годах определил Сологуба как художника «позиции», а не художника «пути». Связано это с тем, что основные мотивы его творчества, поэтики и репертуара оставались неизменными, впрочем, как и внешность поэта.

Творчество, художественное мировоззрение и поэтическая личность Сологуба сформировались не только под влиянием новейших на то время «декадентских» явлений в искусстве, но и под воздействием биографических факторов детства и юности писателя. Первые критики творчества Сологуба акцентировали внимание на естественное для писателя декадентское мирозерцание, будто бы полученное им при рождении: «Декадентство Сологуба с ранних его веских шагов по литературному пути было ... живым внутренним процессом» (А. Волынский). Помимо этого, неоспоримым фактом является постоянное присутствие элементов автобиографии в произведениях писателя. Для наиболее глубокого понимания автора, его художественного мира, следует ознакомиться с его биографией.

Творчество Сологуба в современном литературоведении анализировали Е. Б. Тагер, В. Орлов, С. П. Ильев, З. Г. Минц, Л. А. Пермякова, Н. Г. Пустыгина, М. И. Дикман и другие.

Типология прозы Сологуба выстраивается на основе идеи синтеза различных художественных способов,

принципах воссоздания мира и человека в пределах одного произведения. Происходит сближение литературы с философией с помощью формирования особого типа стиля, образности и художественного мышления. Творчество Сологуба дает возможность говорить об экзистенциальной традиции в русской литературе XX века. Вместе с этим, экзистенциальное сознание создает универсальную эмоциональную доминанту: одиночество, кризисность, катастрофичность бытия, страх и смерть.

В настоящее время исследуются проблемы философской и мировоззренческой проблематики творчества писателя, так как это тема одинаково привлекательна как для литературоведов, так и для философов. Например, писатель и кандидат философских наук О. О. Козарезов анализирует идею мира и человека в творчестве Сологуба через призму бога и дьявола, вопроса жизни и смерти. В литературоведческом аспекте И. Ю. Соловьева, давая творческую характеристику Сологубу, исследует художественные взгляды писателя и влияние на них концепций Шопенгауэра. А. Н. Долженко отмечает воздействие на творчество Сологуба экзистенциальных идей С. Кьеркегора на примере его романа «Тяжелые сны».

Сущность творчества писателя Сологуба подразумевает его анализ с обращением к философии как основе его произведений. Писатель создает в своем творчестве единое особо философско-художественное пространство. Сологуб, как и многие символисты, соединял взгляды традиционных восточных и европейских религий и мистических учений со взглядами новейшей философии, исследуя бессознательные природные механизмы творчества, его волшебную природу, синтез разных искусств с применением его в собственном творчестве.

Многие понятия философии и эстетики Сологуба были заимствованы напрямую из философских систем. Неомифологическая природа творчества писателя заставляет выделить те культурные и философские элементы, которые оказали влияние на его философию и отражались в текстуальной форме в его творчестве.

При обращении к художественной системе писателя следует опираться и на его философскую концепцию потому, что философские категории, разрабатываемые Сологубом в его произведениях и статьях и обретающие форму различных символов таких, как имена и мифы, зачастую возникают без дополнительных пояснений и комментариев, являясь органичным звеном его творчества (например, Ананке, Айса, Лилит). А. Ханзен-Лёве отмечает: «Нередко теоретический текст представляет собой прямое продолжение поэтического, так что не без основания можно говорить о своего рода «лирическом теоретизировании», в котором теоретические термины (религиозные, научные, поэтологические и др.) становятся поэтическими символами. В этой связи иногда используется понятие термины-символы» [8]. Появляется некая отсылочная структура философских и художественных текстов, отсылающих друг к другу и иным философским системам. Атмосфера и культура времени серебряного века выковала неповторимый тип писателя-философа, который руководствовался художественными законами в процессе познания. Самонаблюдение писателя по поводу процесса своего собственного творчества позволяет связывать с ним философские его построения, что также во многом обусловлено символизмом, отличающимся особым авторским и читательским менталитетом и являющимся одним из философско-стилевых течений модернистской направленности. Символизм предполагает манифестативность как одно из средств взаимодействия. «Ты философствуешь, как поэт,» — эту цитату из писем Достоевского Сологуб использовал в качестве эпиграфа к одной из своих работ. Рассмотрение философской концепции Сологуба в качестве писателя-теоретика символизма не имеет большого смысла без обращения к его творческой практике, так как концепция не является самодостаточной. По мнению М. Бахтина: «каждый культурный акт существенно живет на границах: в этом его серьезность и значительность; отвлеченный от границ, он теряет почву, вырождается и умирает» [4].

И. Жирковой выделяются некоторые жанрово-стилевые разновидности рассказов Сологуба, объединенных в сборники. В анализе Жирковой были затронуты вопросы мировоззрения и стиля Сологуба. И. Жиркова предлагает тезис о «двумерности» рассказа со сжатой реалистической экспозицией, но с постепенно растущей из «реалистических» мотивировок символичностью в качестве одного из типов рассказов. По мнению иссле-

довательницы, концепт «роковой двуязычности мира» определяет двуплановость всех уровней художественного целого рассказов писателя: от замысла содержания и композиции до стилизованных элементов в произведениях. Сологубовский мир — мир подлинно сконструированных и взаимосвязанных антиномий. Использование термина «реалистический» в кавычках в ее работе подчеркивает специфичность его употребления.

Жанровая интерференция не позволяет дать объективные жанровые обозначения. Сам Сологуб называл новеллами и рассказами (с дополнительными определениями «сентиментальная новелла», «январский рассказ») те произведения, которые содержат в себе мотивы сказки.

Жанр таких произведений Сологуба как «Красногубая гостья» или «Венчанная» не обозначен, но жанровые интенции вырисовываются достаточно отчетливо.

Федор Сологуб обычно сам давал своим рассказам жанровое определение. «Дикий бог», «Чудо отрока Лина», «Ёлкич», «Снегурочка», «Мудрые девы» «Отравленный сад», относил к рассказам, а «Царицу поцелуев» и «Очарование печали» — к новеллам. Иногда Сологуб сопровождал жанровое определение некоторой вспомогательной характеристикой: «Ёлкич» — январский рассказ, «Очарование печали» — сентиментальная новелла.

Берегулева-Дмитриева, составитель сборников сказок и новелл серебряного века, включила вышеупомянутые произведения и «Красногубую гостью» в раздел «сказок». «Красногубая гостья» начинается стилизованным зачином («Хочу ныне рассказать о том, как спасён был в наши дни некто, хотя и мало достойный, но всё-таки брат наш, спасён от злых чар ночного волхвования словами непорочного Отрока»), сменяющимся повествованием о вполне обыденной жизни обыкновенного человека, который «бывал везде, где бывают обыкновенно все». Обыкновенная жизнь нарушается ненамеренным знакомством с девушкой, которая оборачивается «прекрасным вампиром» — Лидией Ротнгейт, представляющая себя как Лилит. Имена героев и их мотивы, а также время и место действия дают возможность отнести «Красногубую гостью» к жанру мистической или фантастической новеллы, очень популярному жанру конца XIX века.

Мотив борьбы божественных и демонических сил в душе героя смыкается с притчей. В жизнь героев Сологуба вторгается сказка, но также быстро покидает («Так в жизнь человека вошла сказка» — «Ушла из жизни сказка и не вернулась»), оставляя его жизнь в прежней обыденности, выступая в качестве вводного эпизода в произведении. В «Ёлкич» сказочный и новеллистический

сюжет развиваются самостоятельно, связываясь лишь финалом и взаимодействуют на уровне персонажа, являющегося фольклорным. Проводя попытки установить границу жанра между новеллой и сказкой символистов, можно сделать вывод, что в новелле фантастические элементы подвергаются оценке и сомнению, а в сказке они являются безусловной частью.

Сюжеты своих прозаических произведений Сологуб довольно часто связывает с важнейшими христианскими праздниками — Рождеством, Пасхой, при этом жанр рождественского и пасхального рассказа ему не свойственен. Редким исключением, имеющим счастливый финал, является рассказ «Белая мама» (1898).

Мифологическая символика рождества выравнивает жизнь и смерть, находя для человека приемлемое соотношение. В некоторых произведениях писателя рождественские мотивы выполняют организующую роль и выводят сакральное осмысление поднимаемых проблем на новый уровень. Более очевидно это прослеживается в рассказах «Рождественский мальчик», «Ёлкич» и ранее упомянутая «Красногубая гостья».

Широко используемый прием Сологуба — это помещение в центре рождественской новеллы встречу с обитателями иного мира, при которой происходит обмеривание символами, что может выражаться в подарках или пролитии крови.

ЛИТЕРАТУРА

1. Литературно-эстетические концепции в России конца ХI. -начала ХХ века. М., 1975.
2. Аблаев М. М. Межтекстовые отношения романа Ф. Сологуба «Мелкий бес»: Дискурс Священного Предания // Русская литературная критика серебряного века. Новгород, 1996. С 49–52.
3. Амроян И. Ф. Типология цепевидных структур. Тольятти. 2000.
4. Бахтин М.М. К вопросам методологии эстетики словесного творчества //Собрание сочинений, т. 1. М: Русские словари, Языки славянской культуры, 2003 (6).
5. Иванов В. Две стихии в современном символизме / По звездам. СПб., 1909.
6. Ишанова А. К. Жанровоопределяющие признаки сказки и притчи // Народная и литературная сказка. Ишим, 1992.
7. Кульяс С. К., Гофайзен М. А. Идеи Шопенгауэра в русской литературе XIX ВЕКА (тезисы научной конференции) // Литературный процесс и развитие русской культуры XVIII–XX вв. / Таллинский педагогический институт им. Э. Вильде — Таллинн, 1985.
8. Хазен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм / А. Хазен-Лёве. — М., 1999.

© Тан Цзин (anfisa.tan@me.com). Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НЕМЕЦКИХ ИДИМАТИЧЕСКИХ ВЫРАЖЕНИЙ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

FEATURES OF THE TRANSLATION OF THE GERMAN IDIOMATIC EXPRESSIONS INTO RUSSIAN

Sh. Khusikhanov

Summary. in article features of the translation of the German idiomatic expressions into Russian are considered. One of key problems determined a cultural originality of language. Methods of transfer of interjektsionny units, such as phraseological translation, tracing, not phraseological translation and others are analyzed.

Keywords: an idiom, classification, idiomatic expression, idiomatics, phraseological units, interpretation, the source language translating language, interjektsionny units.

Хусиханов Шамиль Ахмедович

*Аспирант, Ингушский государственный университет
kh.akhmed@mail.ru*

Аннотация. в статье рассматриваются особенности перевода немецких идиоматических выражений на русский язык. Одной из ключевых проблем определено культурное своеобразие языка. Анализируются приемы перевода интеръекционных единиц, такие, как фразеологический перевод, калькирование, нефразеологический перевод и другие.

Ключевые слова: идиома, классификация, идиоматическое выражение, идиоматика, фразеологизмы, толкование, исходный язык, переводящий язык, интеръекционные единицы.

Одна из проблем перевода — это культурная особенность языка. Множество немецких идиом обладают совершенно иным значением, чем русские идиомы. По этой причине нужно уметь распознавать идиомы по конкретным признакам и критериям, чтобы правильно сформировать идиоматические базы данных. Перевести идиому — непростая задача, подчас даже для вполне зрелого и опытного переводчика, и успех этого зависит от ряда лингвистических и экстралингвистических факторов или качества составленной программы по работе с идиомами.

Для обсуждения приемов перевода *интеръекционных единиц* (ИЕ), необходимо весь идиоматический состав данного языка подвергнуть классификации по одному мотивированному критерию на группы, в пределах которых функционирует какой-либо доминирующий прием, какой-либо подход к передаче ИЕ. Некоторые исследователи отправным пунктом считают лингвистические классификации, основанные, главным образом, на принципе неразложимости идиомы, неразрывности ее элементов, в зависимости от которой и от некоторых дополнительных критериев обоснования значения, (метафоричности и так далее), определяется место ИЕ в одном из следующих трех или четырех разделов: идиоматические сращения, идиоматические единства (метафорические единицы), идиоматические сочетания и идиоматические выражения.

Творческое применение подобной классификации в теории и практике перевода отразила работа Л. В. Федорова (1968) [3]. Рассмотрев главные второй полови-

ны прошлого столетия лингвистические схемы, ученый выбрал разработанную В. В. Виноградовым [1] и интерпретировал ее с позиции переводоведения. Он указал на отсутствие четких границ между отдельными группами, на разный уровень обоснованности, прозрачности внутренней формы и национальных особенностей единств, которая может потребовать от переводчика примерно такого же подхода, как идиомы. Согласно Я. И. Рецкеру [2], посчитавшему полезными в ней лишь единства и сращения, эта классификация подходит для теории и практики перевода. Ученый полагал, что в отношении этих двух групп ИЕ целесообразно использовать разные приемы перевода. Перевод идиоматического единства должен содержать образность, а перевод идиоматического сращения выполняется, главным образом, посредством приема целостного преобразования.

Подобный подход к классификации приемов перевода ИЕ имеет правильную аргументацию, потому что от уровня слитности компонентов, естественно, зависит отчасти и вероятность хорошего перевода, использование наиболее удачных приемов. Но, как отмечалось выше, ведущие исследователи теории перевода, базируясь на лингвистических схемах, дополняют их собственными выводами, делают некоторые модификации и оговорки, дополнительно вносят размежевание на образные и необразные единицы, на идиомы пословичного и не пословичного типа и так далее.

Вероятность достигнуть полноценного словарного перевода идиоматических единиц определяет уровень

соотношения единиц *исходного языка* (ИЯ) и *переводящего языка* (ПЯ):

1. ИЕ обладает в ПЯ точным, не зависящим от контекста полноценным соответствием (смысловое значение + коннотации);
2. наличие возможности передачи ИЕ на ПЯ как-либо соответствием, посредством ряда отступлений от полноценного перевода, переводится аналогичным вариантом;
3. в ПЯ отсутствуют эквивалент, аналоги ИЕ и она непереводима в словарном порядке.

Упрощая предложенную схему, напрашивается вывод, что ИЕ переводится или фразеологизмом (первые два пункта) — фразеологический перевод, или с помощью других средств (при условии отсутствия фразеологических эквивалентов и аналогов) — нефразеологический перевод.

Это, конечно, противоположные средства. Они обладают множеством промежуточных решений, от которых зависит последующая динамика рассматриваемой схемы: приемы перевода в иных аспектах — в зависимости от ряда характеристик ИЕ (образная — необразная фразеология, ИЕ пословичного — непословичного типа), перевод с учетом стиля, колорита, языка, авторства отдельных единиц и т.д. Эти дополнительные характеристики делают более ясной проблему перевода ИЕ, расширяют и облегчают подбор наиболее удачного приема.

Как правило, для перевода идиом переводчик не нуждается в создании новых устойчивых выражений. Почти всегда в языке уже есть точно такие же либо аналогичные идиоматические единицы, передающие тот же смысл. Фразеологический перевод подразумевает пользование в тексте перевода устойчивыми единицами разного уровня аналогии между единицей ИЯ и соответствующей единицей ПЯ — от полного и абсолютного эквивалента до приблизительного фразеологического соответствия.

Существуют варианты фразеологического перевода.

Фразеологическим эквивалентом именуют фразеологизм на ПЯ, по всем характеристикам тождественный переводимой единице. Обычно ему присущи те же денотативные и коннотативные значения, то есть, между соотносительными ИЕ не допускаются различия с точки зрения смыслового содержания, стилистической отнесенности, метафоричности и эмоционально-экспрессивной окраски, они должны обладать примерно одинаковым компонентным составом, набором тождественных лексико-грамматических критериев: сочетаемость (например, с точки зрения требования одушевленности/неодушевленности), принадлежность к одной грамматической ка-

тегории, употребительность, связь с контекстными словами-спутниками и отсутствием национального колорита.

Большому количеству идиом в немецком языке легко подобрать полные соответствия в русском. Так, например, немецкой идиоме — «*Es ist nicht alles Gold, was glenzt*» полностью соответствует русская: «Не все то золото, что блестит». В этом примере легко увидеть полное семантическое соответствие. Смысл, заложенный в языке оригинала, полностью совпадает при переводе. Адресат воспринимает эту идиому одинаково и на русском, и на немецком языке, то есть и у адресанта, передающего информацию, и у адресата, принимающего ее, является одна и та же предметная ситуация, одна и та же картина отражения действительности. Значит и русский, и немец, пользуясь данной идиомой, знают, что речь идет о том, что не все, что кажется красивым или правильным на самом деле является таковым.

Если говорить о грамматическом уровне, то данный пример показывает не полное соответствие. первая часть высказывания выражает настоящее время — «*Es ist nicht alles Gold*», так же, как и в русском соответствии, а во второй части возникла форма прошедшего времени — «*was glenzt*». В русском представлении идиомы обе части ее относятся к настоящему времени. Но наблюдаемые временные несоответствия никоим образом не препятствуют пониманию смысла.

На лексическом уровне идиома абсолютно эквивалента в обоих языках. И в русской, и в немецкой идиоме фигурирует нейтральная лексика, полностью соответствующая цели передачи содержания.

Для закрепления сказанного, можно рассмотреть еще варианты перевода с полным эквивалентным переводом на фразеологическом уровне.

Например, немецкой идиоме «*Auf alle Knöpfe drucken*» есть вариант перевода — «Нажать на все кнопки». Этот перевод соответствует оригиналу на всех уровнях — на лексическом, грамматическом и семантическом. Но одна отличительная черта имеется, и она заключается в порядке слов. В немецком языке инфинитиву отводится последнее место, в соответствии с правилом немецкого языка. В соответствии с грамматикой и нормами сочетаемости русского языка инфинитив занимает первое место. Помимо этого, в данном высказывании он выступает приоритетным компонентом в выражении, и согласно тема-рематическому членению высказывания выносится в начало.

Таких примеров соответствия немецкого и русского найдется значительное количество. По тому же принципу формируются следующие идиомы:

- ◆ «Auf Kohlen sitzen». — «Сидеть как на иголках»;
- ◆ «Donner und Blitz schleudern». — «Метать гром и молнию»;
- ◆ «Einen Schatten auf j-n / etw. werfen». — «Бросить тень на кого-либо/на что-либо».

Приведенные примеры показывают полное соответствие на лексическом и семантическом уровнях. Если говорить о грамматическом уровне, то, как уже отмечалось ранее, единственным различием является порядок слов в идиоме. Но, в общем, это не препятствует пониманию, потому что идиомы полностью эквивалентны.

Теперь об относительном фразеологическом эквиваленте. Он отличается от полного только тем, что он не идентичен исходной ИЕ по какому-либо критерию: прочие, порой синонимические компоненты, незначительные трансформации формы, изменение синтаксического устройства, другие морфологическая отнесенность, сочетаемость и т.п. В остальном же это полноценное соответствие переводимой ИЕ, разницу которого прикрывает контекст.

Различие часто можно наблюдать в сочетаемости. При сравнении нем. «Da lachen die Hühner!» с его русским аналогом «курам на смех», легко заметить, что при переводе необходимо русский эквивалент или «подогнать» под соответствующую немецкую единицу и сделать ее самостоятельной экспрессивной фразой: «да это же курам на смех!», или, при отсутствии возможности это сделать, подбирать другие соответствия.

Необходимо сказать, что наибольшее число идиом переводится на русский язык именно посредством относительного эквивалента. Найти такие эквиваленты не сложно.

Разумеется, без примеров таких вариантов перевода картина будет неполной. «An einem seidenen Faden hangen». (досл. — «висеть на шелковой нитке») — висеть на волоске. Здесь семантика у немецкой и русской идиомы полностью совпадает. В одной и той же предметной ситуации будет использована одна и та же идиома, лишь то, что в немецком языке выражено как- шелковая нитка, в русском идиоматическом выражении будет волоском. Но семантика у этих идиоматических выражений одинаковая. В одной и той же ситуации, используется одна и та же идиома, отличающаяся только тем, что в немецком выражении — это нитка из шелка, а в русском — волос.

Сам собой напрашивается вывод о том, что только лексические составы идиоматических единиц незначительно отличаются друг от друга. Это объясняется различием традиций в функционировании идиом.

Если обратиться к грамматике, то ситуация тождественна полностью эквивалентным идиомам. Единственное несоответствие заключается в грамматической специфике порядка слов.

Идиома — «Auseiner Mucke einen Elefant machen», — содержит в себе те же самые особенности и на семантическом, и на лексическом, и на грамматическом уровнях. Дословно эта идиома переводится как — «делать из комара слона». В русском идиоматическом корпусе в ситуации гиперболизации фигурирует похожая идиома, но вместо комара, в русской традиции, слона делают из мухи. Семантика обоих выражений одинакова. И то, и другое, применяют в одной и той же ситуации.

Совпадений рассмотрено достаточно, а следующий пример представляет уже полное различие, относительно лексического уровня: «Den Mantel nach dem Wind hangen». Дословно эта идиома звучит как — «вешать пальто по ветру». В русском языке есть эквивалент этой идиомы: «плыть по течению». В данном случае обе этих идиомы состоят из отличной друг от друга лексики.

В отношении семантики, то и в русском, и в немецком варианте она одна и та же. Человек, встретив это выражение и на русском, и на немецком языке подразумевает ситуацию, когда к чему-то не прилагается усилий, все происходит так, как есть.

Если вести речь о грамматике, то, в общем, структура сохраняется. Изменения, происшедшие в процессе перевода, так же, как и в ранее рассмотренных случаях, заключаются только в порядке инфинитива в предложении.

Практически все показанные здесь примеры обладают характеристикой, описанной выше. Это относится и лексическому, и семантическому и грамматическому уровню. Во всех примерах семантика идиом одинакова. Значение идиом на обоих языках аналогично. Лексика имеет порой существенные различия, а порой отличается лишь одним словом. В отношении грамматики следует отметить, что в ней наблюдается незначительное изменение порядка слов, а, в общем, она практически тождественна.

Большинство примеров идиом относится к частично эквивалентному фразеологическому переводу:

- ◆ «Den Teufel mit Beelzebub austreiben». — (досл.: «Изгонять дьявола с помощью Вельзевула»). — «Клин клином вышибают».
- ◆ «Die Fuhler ausstrecken». — (досл.: «Выпустить щупальце»). — «Закинуть удочку».
- ◆ «Die Spuren verwischen». — (досл.: «Стирать следы»). — «Заметать следы».

- ◆ «Die Welt ist ein Dorf». — (досл.: «Мир — деревня»). — «Мир тесен».
- ◆ «Einen Barenhunger haben». — (досл.: «Иметь медвежий голод»). — Голодный как волк.
- ◆ Etw. «wie seine Westentasche kennen». — (досл.: «Знать, как карман своей жилетки»). — «Знать, как свои пять пальцев».

Итак, существует огромное число немецких идиом, являющихся практически полными эквивалентами. И лишь или на лексическом уровне, или на грамматическом уровне им присущи некоторые отличия. В вышеперечисленных примерах, только в идиоме «Die Fuhler ausstrecken» при переводе функционирует совершенно иная лексика.

А идиома «Einen Bärenhunger haben» претерпевает в процессе перевода полную замену грамматических конструкций. Инфинитивная конструкция оригинала заменяется сравнительным выражением — «голодный, как волк».

Говоря о нефразеологическом переводе следует отметить, что он, как видно из его названия, призван передавать определенную идиоматическую единицу посредством лексических, а не фразеологических средств ПЯ. Данный перевод применяется только при условии, что ни один из фразеологических эквивалентов или аналогов применить невозможно. Подобный перевод, даже с учетом компенсационных возможностей контекста нельзя назвать полноценным, потому что всегда наблюдаются некоторые потери (образность, экспрессивность, коннотации, афористичность, оттенки значений), этот недостаток и заставляет переводчиков применять его лишь в крайних случаях.

К главным приемам нефразеологического перевода относятся калькирование и описательный перевод. Особняком стоит вопрос калькирования. Калькированию, или дословному переводу, отдается предпочтение только тогда, когда иные приемы, в частности фразеологические, не справляются с передачей ИЕ без деформации ее семантико-стилистического и экспрессивно-эмоционального значения, а по каким-либо причинам необходимо донести до адресата именно образность.

Предпосылкой для калькирования служит достаточная обоснованность значения ИЕ значениями ее компонентов. Это означает, что калькирование имеет место лишь там, где дословный перевод способен довести до адресата истинное содержание всей идиомы (а не значения составляющих ее компонентов). Это возможно, относительно образных ИЕ, в основном идиоматических единств, которые сохранили достаточно свежую метафоричность и истинных идиом — фразеологических сращений — образная основа которых почти не воспринимается, и кальки с них кажутся бессмысленными. Калькированию подлежат не-

которые пословицы и, в первую очередь, такие, у которых нет подтекста. Калькирование используется при передаче и некоторых устойчивых сравнений, но при условии правильного восприятия их носителем ПЯ.

Кальки уместны и в тех случаях, если семантический эквивалент отличен от исходной ИЕ по колориту, или необходимо «оживить» образ.

К примеру, идиома «Weisse Rabe» переводится посредством калькирования — «белая ворона». При этом данная идиома обладает позитивным значением «умный, одаренный человек», в противовес русскому варианту с негативным значением «непохожий на других». Так, грамматика и лексика этих идиом будет целиком аналогична, а вот в семантическом отношении, эти выражения имеют разные смыслы в немецком и русском языке.

Вот еще примеры перевода идиом при помощи кальки:

- ◆ «Eine schöne Geste». — «Красивый жест».
- ◆ Грамматика в оригинале полностью идентичны и в переводе: номинальная конструкция в немецком языке и соответствующая ей в русском.
- ◆ На лексическом уровне, наблюдается полное соответствие. Лексика и на исходном языке, и на переводящем языке одинакова.
- ◆ И на уровне семантики также наблюдается полное соответствие. Смысл и значение идиомы одинаковы в обоих языках.
- ◆ Точно такая же специфика на всех уровнях показана и в следующих примерах:
- ◆ «Etw. mit Stumpf und Stiel ausrotten». — «Вырвать что-то с корнем и стеблем».
- ◆ «Im siebenten Himmel sein». — «Быть на седьмом небе».

Итак, характерным признаком калькирования служит, в основном, полное уподобление лексики, грамматики и семантики идиомы.

Следует назвать и описательный перевод. Сущность описательного перевода ИЕ заключается в переводе не самой идиомы, а ее толкования, как и вообще в отношении единиц, не имеющих эквивалентов в ПЯ. Это могут быть объяснения, сравнения, описания, толкования — все средства, которые передают в максимально четкой и краткой форме содержание ИЕ, все с тем же неизменным стремлением к идиоматизации или хотя бы на коннотативные значения.

В контексте этот перевод самостоятельного значения не имеет, потому что в любом случае переводчик сделает попытку втиснуть содержание ИЕ в общее содержимое так, чтобы правильно передать все компоненты текста в целом, т.е. применить контекстуальный перевод.

Примеры описательного перевода идиом:

«Daumchen drehen». — (досл.: «Вертеть большими пальчиками»). «Ничем не заниматься. Бездельничать».

В отношении грамматического уровня данного выражения, следует отметить, что в данном случае, грамматическая структура сохраняется, т.к. в оригинале инфинитивная конструкция, и в переводе, тоже инфинитив.

Лексика, конечно, подбирается иная, отличающаяся от оригинала. Это понятно, ведь перевод описательный.

Если говорить о семантике, то здесь она сохраняется. Смысл высказывания на исходном языке сохраняется и передается на переводящий язык.

Примеры описательного перевода:

«Er kann ihm nicht das Wasser reichen». — (досл.: «Он и воды подать не сумеет»). — «Человек, который ничего не умеет делать, не справляется ни с каким делом».

Грамматика в данной идиоме полностью трансформирована. В оригинале повествовательное предложение с субъектом действия, в переводе — атрибутивная конструкция. Подобное грамматическое изменение выступает в качестве характерной особенности описательного перевода идиом.

Лексика обеих идиом, конечно, отличается друг от друга.

В отношении семантики, можно отметить, что здесь значения совпадают как в русском, так и в немецком языке. Так если речь идет о неумелом человеке, русский и немец будут оперировать этими соответственными для конкретного языка идиомами.

Те же самые особенности показывают следующие примеры: «Ein alter Hase». — (досл.: «Старый заяц»). — Человек, который многое повидал на своем веку. Опытный, бывалый».

«Hoffen und Harren macht manchen zum Narren». — (досл.: «Надежда и упорное ожидание делают иного дураком») — «Человек, который напрасно ждет чего-то».

«Er tragt sein Herz in der Hand». — (досл.: «Он носит свое сердце в руке»). — «Открытый человек. Человек с открытым сердцем, душой».

Грамматика вышеуказанных идиом полностью трансформирована. В немецком языке в основном функционируют полные предложения с подлежащим и сказуемым, в переводе же можно встретить описательные конструкции, или номинативные подлежащие.

Семантика высказываний идентична в обоих языках. И на исходном, и на переводящем языке тот, кто воспроизводит данную идиому, подразумевает одну и ту же предметную ситуацию и соотносит ее с одними и теми же событиями.

В отношении лексического уровня, можно констатировать, что почти всегда лексика в переводящем языке применяется совершенно иная.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В. В. Виноградов. М., Русский язык, 1984. 944 с.
2. Немецко-русский Фразеологический словарь / Сост. Л. Э. Бинович. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956. 768 с.
3. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М., 2010. 240 с.
4. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). / Для институтов и факультетов иностр. языков. Учеб. пособие. 5-е изд. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М., ООО «Издательский Дом «Филология три». 2002. 416 с.
5. Чернышева И. И. Фразеология современного немецкого языка. Изд. Высшая школа. М., 1970. 199 с.

© Хусиханов Шамиль Ахмедович (kh.akhmed@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОПОНИМАНИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИДИОМАТИКИ (К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПТА «ЕДА» В РУССКОЙ И НЕМЕЦКОЙ КУЛЬТУРАХ)

**PROBLEM OF CROSS-CULTURAL
MUTUAL UNDERSTANDING
FROM THE POINT SIGHT OF IDIOMATICS
(TO A QUESTION OF SPECIFICS
OF FORMATION OF A CONCEPT «FOOD»
IN THE RUSSIAN AND
GERMAN CULTURES)**

Sh. Khusikhanov

Summary. in article features of formation of a concept «food» in the Russian and German cultures are considered. The interpretation of this question in works of domestic and foreign scientists is given. Communication between language and the culture of the people in the context of the concept «food» is presented. The ratio between the concepts «mentality of the personality» and «ethnoculture» is designated. The analysis of national and cultural components of idiomatic unit is given.

Keywords: idiom, classification, idiomatic units, idiomatics, phraseological units, interpretation, ethnoculture, concept, culture, mentality.

Хусиханов Шамиль Ахмедович

Аспирант, Ингушский государственный университет
kh.akhmed@mail.ru

Аннотация. в статье рассматриваются особенности формирования концепта «еда» в русской и немецкой культурах. Дана трактовка этого вопроса в трудах отечественных и зарубежных ученых. Представлена связь между языком и культурой народов в контексте понятия «еда». Обозначено соотношение между понятиями «менталитет личности» и «этнокультура». Дан анализ национально-культурных компонентов идиоматической единицы.

Ключевые слова: идиома, классификация, идиоматические единицы, идиоматика, фразеологизмы, толкование, этнокультура, концепт, культура, менталитет.

XX век явил миру много научных открытий и размышлений, к ним относится идея о концептах. Эти неясные пока научному миру размышления таили в себе новаторство и множество тайн за семью печатями. О теме этой говорили немногие лингвисты, основная же масса ученых оставалась в стороне и с любопытством ожидала развития событий, боясь открыто поддерживать начинание первопроходцев. И лишь в 80-х годах понятие «концепт» было признано отечественной наукой как термин. Теперь статья С.А. Аскольдова-Алексеева обрела приоритетное значение из-за появления работ Ю.С. Степанова и большую роль сыграли введенные С.А. Аскольдовым-Алексеевым подходы к анализу значения концепта, углубляющие область изучения в историко-культурном отношении. Аскольдов в начале прошлого столетия исследовал характерные признаки общих понятий или концептов, а к концу этого же столетия ученые уже значительно расширили уровень восприятия и обоснования понятий и концептов. Понятие подразумевает как универсаль-

ную мысль о классе предметов, явлений, так и представление, сведение о чем-либо. Под концептом понимают не только сложную ментальную единицу, в которую включается содержание общей мысли, и индивидуального мышления, и исторического культурного опыта. Он обладает собственной структурой, наполнен духовной сущностью. Любой народ включает национальную сущность в концепт и с его помощью формирует память о себе. Исследование концептов в рамках межкультурного пространства дает возможность раскрыть ментальное содержание народов, найти общий компонентный состав, разобраться в уникальных различиях.

Лингвокультурой называется изучение национально-культурной семантики языковых единиц в совокупности их формы и содержания, наиболее тесно связанным с восприятием этих единиц носителями исследуемого языка и культуры. Лингвокультура исследует проблематику отражения национальной культуры в языке и речевой деятельности в условиях межкультурной коммуни-

кации. Культуру в данном случае следует понимать как организованную систему познания, которая призвана хранить информацию, получать новую, кодировать её и переводит коды из одной знаковой системы в другую.

Концепты, в качестве компонентов национальной лингвокультуры, исследуются многими учеными. Так как носители языка выступают и носителями культуры, то языковые знаки превращаются в средство общения и играют роль культурных знаков. В силу этого обстоятельства язык обладает способностью отображения культурно-национального сознания его носителей.

Говоря о национальной специфике концептов, следует сказать и о менталитете. Суть данного термина не имеет четкого определения. Аналогично «концепту», термин «менталитет» сформировался в конце прошлого века. Под ним понимается способность мыслить, психологический склад ума, характер народа. Это специфическая форма восприятия и понимания окружающей реальности, с присущей общностью познавательных стереотипов сознания, свойственных для определенной личности, этнической группы людей. «В душе каждого человека находится миниатюрный портрет его народа» [5, с. 27]. Менталитет отдельной личности зависит от национального, групповым менталитетом, а также факторами личного развития человека — его индивидуального образования, культуры, коммуникативного поведения, опыта восприятия и интерпретации явлений действительности.

Менталитет имеет непосредственную зависимость от культуры носителя языка. Национальным менталитетом называется способ восприятия и понимания действительности, который определяется единством когнитивных стереотипов нации. Любому национальному менталитету присуще разное восприятие одних и тех же условных ментальных единиц и предметных ситуаций. Менталитет, аналогично мировоззрению — это продукт общественного сознания, который формируется стихийно, смотря на социальные, экономические, идеологические процессы на определенном этапе общественного развития. Концепт содержит результат мировосприятия. Каким же образом формируются концепты в качестве компонентов национальной лингвокультуры? Отвечает на этот вопрос работа З.Д. Поповой, И.А. Стернина «Очерки по когнитивной лингвистике» [7, с. 30]:

1. Из его восприятия действительности органами чувств.
2. Из его предметной деятельности.
3. Из взаимодействия с другими концептами.
4. Из языкового общения.
5. Из самостоятельного познания значений языковых единиц.

Язык служит одним из способов формирования концепта в сознании. Как человек воспринимает действительность, будет зависеть от того, в какой национальной среде он воспитывался. Говоря о национальной сфере, нельзя обойти стороной такой термин, как концептосфера. Концептосферой называется сфера мысли. По словам Д.С. Лихачева, совокупность потенциалов, которые открываются, в словарном запасе отдельного индивида, как и всего языка в целом, можно назвать концептосферами [4, с. 7]. Исследование концептосферы нужно для того, чтобы понимать язык как средство общения, хранилище культуры, начиная от культуры нации и ее выражения в различных слоях населения и заканчивая отдельным индивидом. Обширность концептосферы национально-языка определяет благосостояние всей культуры нации, исторический опыт нации, национальной религии. Любой концепт понимается по-разному, исходя из культурного опыта, индивидуальности, этнической принадлежности.

Концепты в качестве элементов национальной лингвокультуры регулярно пополняются культурным опытом. Они подвержены сокращению лишь при стирании культурной памяти. Главным источником формирования концептов является познавательная деятельность личности, ее коммуникативная деятельность. В концептосфере любого народа имеются концепты, с присущей им национальной окрашенностью. Порой подобные концепты труднообъяснимы на другом языке, что служит доказательством самобытной отмеченности, ментальной неповторимости. Концепты влияют на сознание людей в отношении происходящих явлений и событий, способствуют пониманию национальных особенностей. Для адекватного осмысления речевого поведения другого народа выявление и описание содержания таких концептов является очень важным.

Национальная неповторимость концептов проявляется в двух аспектах (согласно Поповой, Стернину): в содержании концептов имеют место национальные различия, в концептосфере народа присутствуют концепты, не совпадающие по смыслу. Национальная специфика в концептах различных культур заключается в том, что сопоставимые концепты не полностью совпадают по своему содержанию, и именно несовпадения имеют значение для межкультурной коммуникации, нуждаются в глубоком изучении. Концепт, играющий важную роль для народа, тесно связанный с его жизнью, приобретает значение символа. Символами могут быть материальные предметы (предметы, связанные с родными местами человека и предметы, которые служат достоянием большого количества людей), изображения. Символы содержат в своем арсенале национальные символы, которые служат сосредоточием определенной части психического состава этноса.

Взяв в помощь мнения исследователей (З.Д. Попова, И.А. Стернин), предполагается, что национальная картина мира не тождественна языковой. Языковая картина мира входит в национальную картину мира в качестве ядерной составляющей.

Исходя из анализа концепта «Еда» в контексте диалога культур, следует брать во внимание такие важные положения. Еда является процессом не только биологическим, но и культурным. Культурные смыслы продуктов питания отличаются друг от друга в зависимости от национальных культур и мировых религий. Но им придает общность смысл культурной интеграции, осознания себя членом конкретного общества с присущими ему устоями, традициями и моралью. Стремление унифицировать процесс принятия пищи негативно влияет на выражение культурной идентичности, стирает уникальную грань между «своим» и «чужим».

Наибольшую полноту реализации концепт получает в языке. По мнению С.Г. Тер-Минасовой, язык есть основной этнообразующий признак, позволяющий хранить и передавать культурные ценности, накопленные народом: «Язык — мощное общественное орудие, формирующее людской поток в этнос, образующий нацию через хранение и передачу культуры, традиций, общественного самосознания данного речевого коллектива», — пишет автор в книге «Язык и межкультурная коммуникация» [7, с. 125].

Исследователь в той же работе четко определяет связь между языком и культурой нации: «Язык — зеркало культуры, в нем отражается не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира» [7, с. 125].

Язык есть инструмент культуры. Дети посредством изучения родного языка перенимают культурный опыт предшествующих поколений. Язык формирует культурную личность человека как носителя языка через заложенное в нем видение мира. Еще в XIX веке В. Гумбольдт в работе «Язык и философия культуры» писал, что посредством языка нам открывается все многообразие мира, и того, что мы в нем познаем, каждый язык имеет свой характер, в языке мы всегда находим «сплав исконно языкового характера с тем, что воспринято языком от характера нации» [3, с. 217].

Согласившись с исследователями по вопросу об определяющей роли языка в культуре, отметим, что именно в языке наиболее полно реализуется система концептов. Принимая во внимание положение о том, что концепт есть центральное звено системы «культура», по языко-

вой репрезентации мы можем определить уровень его внутренней формы. Согласно методикам концептуального анализа, обращение к языковым единицам, содержащим национальную компоненту, позволяет вскрыть культурные смыслы, заложенные в семантике этих единиц, тем самым, определяя содержание концепта.

Что касается собственно языка, то следует отметить, что национально-культурная специфика обнаруживается, прежде всего, в идиоматических единицах. В.А. Маслова в пособии «Лингвокультурология» пишет, что идиоматические единицы фиксируют и передают из поколения в поколение культурные установки, стереотипы, эталоны и архетипы [6, с. 221].

Интерес к образу жизни чужих народов существовал во все времена. Одним из способов такого познания является изучение идиоматического фонда того или иного языка. На его примере можно проанализировать не только образ жизни, обычаи, традиции нации, но даже и природно-географические условия жизни, основные вехи истории народа. Все эти компоненты, как правило, находят отражение в семантике идиоматических единиц.

При обращении к национально-культурной специфике идиоматических единиц следует учитывать следующие положения, предложенные Е.Ф. Арсентьевой в статье «Национально-культурная специфика идиоматических единиц» [1, с. 122–124].

1. Национальное своеобразие может проявляться в совокупном значении идиоматической единицы. Оно тесно связано с наличием в идиоме безэквивалентных или лакунарных единиц. При переводе на другой язык необходимо иметь в виду образ, который будет понятен языку — рецептуру.
2. Национальный колорит может проявляться в наличии в идиоматической единице национально маркированного компонента. Это могут быть либо определенные реалии, известные или понятные представителям данной нации, либо географические названия, топонимы и т.д., например, идиома немецкого языка *Eisbeine kriegen* (перепугаться, струсить) имеет в своем составе название традиционного блюда немецкой кухни — *Eisbein*. Это тушенная свиная ножка с кислой капустой. Данное блюдо очень любимо немцами и традиционно ассоциируется с Германией.
3. Национальная специфика идиоматической единицы может выражаться в наличии компонента, связанного с традицией, обычаем, типичным для данной нации.

Следует иметь в виду, что, стремясь анализировать национально-культурные компоненты идиоматической

единицы кажется уместным использовать известные сегодня подходы к ее описанию, которые имеют различную методологию и принципы.

Первый подход — лингвострановедческий. Он диктуется смещением акцентов в сторону безэквивалентной лексики, сосредоточением на фоновых знаниях носителей языка. В пределах данного подхода в компонентном составе идиоматических единиц анализируются языковые единицы, связанные с определенными реалиями, понятными лишь представителям этой общности.

Вторым подходом является контрастивный подход. Он базируется на сопоставлении языковых единиц исследуемых языков с целью выявить национально-культурную уникальность. Она может выражаться как в наличии определенных слов-компонентов, так и в их отсутствии, на основании чего можно сделать выводы о национальной принадлежности.

Лингвокультурологический подход ориентирован, в первую очередь, на выявление символического значения языковых единиц. В его пределах анализируются взаимоотношения идиом и знаков культуры, с помощью чего определяется их национально-культурная специфика.

В аспекте когнитивной лингвистики используется когнитивный метод исследования национального своеобразия идиоматических единиц. Он заключается в анализе полей, в которые организуются идиоматические единицы. Их взаимодействие дает ученому много информации об особенностях национального менталитета, деятельности языкового мышления.

Вероятно, наиболее полную картину национально-культурных особенностей идиоматических единиц можно получить с помощью совокупного использования всех перечисленных выше подходов.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Арсентьева Е. Ф. Национально-культурная специфика фразеологических единиц / Е. Ф. Арсентьева // III Международные Бодуэновские чтения: И. А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания: труды и материалы: в 2 т. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. Т. 2. С. 122–124.
2. Аскольдов, С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: Антология. М.: Academia, 1997. С. 267–279.
3. Гумбольдт В. Язык и философия культуры / В. Гумбольдт. — М.: Прогресс, 1985. — 448 с.
4. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Изв. РАН. Сер. лит. яз. Т. 52. 1993. № 1. С. 3–9.
5. Макаревич А. В. Мужская кулинария: Разговоры о еде и не только / А. Макаревич [коммент. Марка Гарбера]. — М.: Эксмо, 2011. — 272 с.
6. Маслова В. А. Лингвокультурология. Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. М.: Академия, 2001. — 208 с.
7. Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальная картина мира / З. Д. Попова, И. А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2003. 59 с.
8. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. М.: Слово / Slovo, 2000. 264 с.

© Хусиханов Шамиль Ахмедович (kh.akhmed@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НОВЫЕ МЕДИА РОССИИ И КИТАЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

NEW MEDIA OF RUSSIA AND CHINA AT THE MODERN STAGE

He Li

Summary. The article presents an analysis of trends in the development of new media in Russia and China at the present stage. Characterized the essence of the new media and identified their key characteristics. The key differences between new media and traditional media are recorded. The latest publications presented by Chinese and Russian scientists devoted to the study of new media are analyzed. The main trends in the development of new media in Russia and China are indicated. It is determined that Russia and China today are the leading countries in the development of information and communication technologies and new media. The state and political significance of the development of new media in Russia and China has been determined. The features of cooperation between the two countries in the development of new media are considered. According to the results of the study, the main trends in the development of new media in Russia and China are indicated. The conclusion is made about the relevance and practical significance of the development of new media in both countries. It was found that the role and importance of new media in the next few years will only increase. It is concluded that new media are a promising area of Russian-Chinese cooperation.

Keywords: new media, new media, information society, information technology, digital technology, media, information and communication technology, online media, Russian new media, Chinese new media, Internet media, Internet media, Russia, China.

Хэ Ли

Аспирант, Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
lilyhe201147@gmail.com

Аннотация. В статье представлен анализ тенденций развития новых медиа в России и Китае на современном этапе. Охарактеризована сущность новых медиа и обозначены их ключевые характеристики. Фиксируются ключевые отличия новых медиа от традиционных средств массовой информации. Анализируются последние публикации, представленные китайскими и российскими учеными, посвященные изучению новых медиа. Обозначены основные тенденции развития новых СМИ в России и Китае. Определено, что Россия и Китай на сегодняшний день являются лидирующими странами в области развития информационно-коммуникационных технологий и новых медиа. Определено государственное и политическое значение развития новых медиа в России и Китае. Рассматриваются особенности сотрудничества двух стран в области развития новых медиа. По результатам проведенного исследования обозначены основные тенденции развития новых медиа в России и Китае. Делается вывод об актуальности и практической значимости развития новых медиа в обеих странах. Выяснено, что роль и значение новых медиа в ближайшие несколько лет будет только возрастать. Делается вывод о том, что новые медиа являются перспективной областью российско-китайского сотрудничества.

Ключевые слова: новые медиа, новые СМИ, информатизация общества, информационные технологии, цифровые технологии, медиа, информационно-коммуникационные технологии, онлайн СМИ, российские новые медиа, китайские новые медиа, Интернет-СМИ, Интернет-медиа, Россия, Китай.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами

Пожалуй, одним из главных достижений человечества в XXI веке является появление глобальной информационной сети и виртуального Интернет пространства. Информационно-коммуникационные технологии затрагивают и влияют буквально на все сферы жизнедеятельности современного человека. С каждым днем приобретают все большую и большую значимость новые медиа, которые являются продуктом и результатом развития инновационных цифровых и информационных технологий. Новые медиа, или как их еще принято называть — новые средства массовой информации (далее — новые СМИ), представляют собой динамическое сетевое образование, которое занимается не только сбором, обработкой и распространением информации, но также и обеспечивают функцию удобной обратной связи между аудиторией и автором, позволяет людям

обмениваться информацией, огромным объемом данных (в рамках социальных сетей, Интернет-блогов, микро-блогов и тому подобных образований) [1].

Новые медиа — понятие относительно не новое. Впервые о новых медиа заговорили в конце XX столетия. Так, уже в то время под новыми медиа принято было понимать объединение традиционных СМИ (телевидение, радио, печатная пресса) с интерактивной властью компьютерных технологий и коммуникационных технологий Интернетом. Термин «новые медиа» используется преимущественно в качестве синонима по отношению к термину «цифровые медиа», акцентирует внимание на отличии цифровых медиа от аналоговых «старых», традиционных, а также фиксирует революционный характер перемен, которые происходили и продолжают происходить в медийной сфере [2].

На сегодняшний день к составу новых медиа принято перечислять такие ресурсы, как Интернет-версии СМИ,

а также Интернет-СМИ, как таковые, Интернет телевидение (далее — Интернет ТВ), Интернет-радио, мобильное телевидение, блогосферу, социальные сети, виртуальные сообщества, виртуальные игры и тому подобные средства, которые отличаются цифровым форматом, для которых характерна интерактивность и мультимедийность. Так, в широком смысле данного слова под новыми медиа следует понимать СМИ, которые существуют в рамках виртуального пространства, глобальной сети Интернет.

За последние несколько лет общее количество пользователей глобальной сети Интернет по всему миру выросло в несколько раз, достигнув небывалых размеров. На сегодняшний день общее количество Интернет-пользователей по всему миру составляет 4 миллиарда человека, а это больше половины от всего населения планеты — 7,6 миллиарда человек. Статистические данные свидетельствуют, что рост осуществляется примерно на 7% пользователей в год. При этом по мере развития информационно-коммуникационных технологий поведение онлайн-пользователей изменяется буквально каждый день. Интернет-пользователи становятся все более и более мобильными, веб уступает часть трафика приложениям, а социальные сети становятся все более и более значимыми для современных пользователей, их ценность повышается с каждым днем в плане ведения и реализации современного бизнеса [3, 4, 5, 6].

Странами, которые демонстрируют особо бурный скачок в развитии информационно-коммуникационных технологий, новых медиа, на сегодняшний день являются Россия и Китай. Прежде всего, следует отметить, что Китай был и остается лидирующей страной по общему числу пользователей сети Интернет. Так, по состоянию на середину 2017 года данный показатель достиг внушительных размеров и составил 53% от общего населения страны. Россия же, в соответствии с данными «Internet World Stats» занимает 7-е место в данном рейтинге среди всех стран по количеству Интернет-пользователей. Как определяют аналитические центры Россия и Китай сегодня являются двумя ведущими странами по количеству пользователей сети Интернет и по показателям развития новых медиа [7]. Обе страны обладают сходными условиями в плане развития глобальной сети, постоянного повышения спроса на медийные ресурсы со стороны промышленного сектора экономики. В обеих странах новые медиа постепенно превращаются в лидеров общественного мнения. Также следует подчеркнуть, что Россия и Китай рассматривают информатизацию, как одну из стратегических задач модернизации национальной экономики в целом. В связи с этим изучение особенностей функционирования и развития, регулирования деятельности новых медиа в современной России и Китае представляет особую актуальность и практическую ценность.

В основу настоящего исследования были положены труды таких ученых, как Цзя Лежун, который занимался изучением Интернета и китайских онлайн-СМИ, Н. В. Ткачевой, которая изучала мировую индустрию СМИ, которой были обозначены основные пути развития информационного общества в России и Китае. Также особую ценность для нас представляют результаты исследования, освещенные китайскими учеными в периодических изданиях «Журналист», «Журналистика и коммуникации». Большой интерес для нас представляют результаты исследования, полученные Ван Юе, Н. С. Гегеловой, которыми были выявлены особенности развития мобильного Интернет-СМИ в Китае, Е. Г. Малышевой, которая изучала традиционные и новые медиа в современной России.

Так, эти и многие другие публикации, материалы исследовательских центров оказали неоценимую помощь в изучении российских и китайских новых медиа [1, 2, 3, 4, 5, 6, 8, 9]. Однако, следует отметить, что на сегодняшний день в научной литературе представлено сравнительно небольшое количество исследований, посвященных особенностям развития новых медиа в России и Китае, а также тех, в которых был бы проведен анализ особенностей взаимодействия двух стран в рассматриваемой области.

В связи с этим нами было принято решение о проведении исследования, цель которого заключается в изучении основных тенденций развития новых медиа в России и Китае, а также в определении основных путей их развития.

Как уже было отмечено, Россия и Китай являются лидирующими странами по показателям информатизации и развитию информационно-коммуникационных технологий. По состоянию на сегодняшний день Россия и Китай в плане развития новых медиа реализуют ряд крупнейших проектов. Прежде всего, новые медиа в отношении сотрудничества двух стран выступают как посланники народной дружбы, мост правительственной связи, а также носители обмена по торговле и культуре. На протяжении нескольких лет в России успешно реализуются форумы «Интернет-СМИ: новые медиа. Сотрудничество молодежи». В процессе форума российские и китайские участники обмениваются мнениями относительно новых форматов и новых возможностей Интернет-СМИ, обсуждают вопросы информационной безопасности в Интернете. Главным редактором медиа-группы «China Daily» — Чжоу Шучунь в рамках церемонии открытия форума было отмечено, что в эпоху информатизации ключевые задачи и миссия китайских и российских новых медиа совпадают — необходимо рассказывать о новостях, культуре и тех фактах, которые происходят в России и Китае, непрерывно работать над

повышением международной конкурентоспособности и работать над увеличением влияния их голоса в общественном мнении посредством практического сотрудничества, расширения контактов. Представители обеих стран постоянно обмениваются опытом в плане развития и совершенствования новых медиа, что способствует наращиванию темпов инноваций. Кроме того, такое тесное сотрудничество обеспечивает более крепкую связь и российско-китайскую дружбу в целом. При этом, как отмечает заместитель министра связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (далее — РФ) — Алексей Волин, Россия и Китай сегодня сталкиваются со схожими проблемами, в связи с этим существует необходимость углубления сотрудничества в области новых медиа [10].

Для того, чтобы выявить основные тенденции развития новых медиа в России и Китае нами был проведен обширный теоретический анализ научных публикаций. В результате исследования мы можем обозначить ряд тенденций развития данной отрасли. Во-первых, фиксируется особо стремительное развитие всевозможных средств обеспечения интерактивности. Во-вторых, следует отметить тот факт, что большинство Интернет-СМИ на сегодняшний день используют возможности расширенного представления информации с помощью гиперссылок. Мультимедийность, несмотря на то, что востребована онлайн-СМИ сегодня реализуется не в полной мере. Интернет-СМИ предпочитают использовать текстовую форму представления информации, преимущественно избегая аудио- и видео-материалов.

Также мы считаем важным обозначить, что феномены информационного общества в России и Китае и новые медиа находятся в сложной многоплановой взаимосвязи. Так, современное общество с характерным для него увеличением скоростей информационного обмена и сокращения расстояний является порождающим фактором для новых моделей коммуникации, осуществляемой посредством новейших информационно-коммуникационных технологий.

На основании проведенного анализа мы можем обозначить перспективы развития новых медиа в России и Китае. Так, следует сказать о том, что дальнейшее развитие новых медиа в обеих странах будет зависеть не только от прогресса в области информационно-ком-

муникационных технологий, как таковых, но и от расширения доступа к компьютерным и мобильным технологиям для широкой аудитории. В качестве определяющих факторов здесь выступают в первую очередь государственная политика в области регулирования сферы новых СМИ, коммерческая эффективность медиа-проектов, а также интересы создателей виртуальных СМИ в медиа-сфере.

Таким образом, на основании проведенного исследования мы можем подытожить существование ряда тенденций в отношении функционирования и развития новых медиа в российском и китайском виртуальном пространстве [11, 12, 13]. Во-первых, новые СМИ несмотря на то, что начали свое существование и развитие сравнительно недавно, завоевали огромную аудиторию и продолжают увеличивать ее в настоящее время. Во-вторых, в силу последних революций и неблагоприятных событий, произошедших на востоке и многих других странах, связанных с террористическими актами, захватами, во всем мире возрастает роль компьютерных и информационных, цифровых технологий в области государственного и политического управления, Россия и Китай в этом также не являются исключением. В-третьих, за счет использования новых медиа значительно упрощается задача мобилизации населения с целью реализации ими каких-либо действий (имеется в виду организация массовых общественных выступлений, забастовок и тому подобных мероприятий). В-четвертых, по мере развития новых медиа в России и Китае, а также в ряде других стран усиливается ответственность политиков и государственных служащих за принимаемые ими решения и совершенные деяния, поскольку в случае реализации ими каких-либо неправомερных действий это обязательно повлечет за собой бурное обсуждение в сети Интернет, а в последствие может перенестись на улицы в виде общественных волнений. Кроме того, в современном мире новые медиа являются одним из воплощений принципов демократии и плюрализма в России и Китае, в частности, а также во всех остальных странах. На основании вышесказанного и проведенного анализа следует признать тот факт, что роль и значение новых медиа сегодня и в будущем будет только возрастать. В целом, можно сказать о том, что развитие индустрии новых медиа в России и Китае — актуальный вопрос, стоящий перед сообществом Интернет-пользователей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван Юе, Гегелова Н. С. Особенности развития мобильного Интернет-СМИ в Китае // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. — 2016. — № 1. — С. 199–125.
2. Давлетшина С.Р. «Новые медиа» и тенденции развития мультимедийных жанров // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. — 2017. — № 2 (25). — С. 86–90.

3. Мальшева Е. Г. Традиционные и новые медиа в современной России: теория и практика исследования // Коммуникативные исследования. — 2014. — № 1. — С. 293–299.
4. Стинс О., Ван Фухт Д. новые медиа // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. — 2008. — № 7. — С. 98–104.
5. Су Юйфан Интернет-журналистика КНР в контексте глобализации медиасреды: автореф. дисс. Канд. Филолог. Наук. Специальность: 10.01.10. — М., 2013. — 23 с.
6. Чернавский А.С. «Новые медиа» и развитие журналистики цифровой эры // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2015. — № 5. — С. 18–23.
7. Internet World Stats. — URL: <https://www.internetworldstats.com> (дата обращения 21.10.2018).
8. Карякина К. А. Актуальные формы и модели новых медиа: от понимания аудитории к созданию контента // mediascope.ru: Портал научных исследований СМИ. — 2010. — URL: <http://mediascope.ru/node/524> (дата обращения: 14.10.2018).
9. Jiang M. (2010). Spaces of authoritarian deliberation: Online public deliberation in China. In E. Leib & B. He (Eds.), In search for deliberative democracy in China (2nd ed.) (pp. 261–287). New York: Palgrave.
10. Пиковер А. В. Информатизация и электронная коммерция в Китае // Восточная аналитика. — 2017. — С. 61–68.
11. Ян Сюань. Китайские СМИ в условиях глобализации тенденции // Современные коммуникации. — 2004. — № 1. — С. 7.
12. Акопов А. И. Электронные сети как новый вид СМИ // Филологический вестник Ростовского государственного университета. — 2008. — № 3. — С. 43–51.
13. Инь Хун, Ли Бинь. Глобализация и СМИ — Конфликт, интеграция, интерактивность. — Пекин: Цинхуа дасюэ чубаншэ, 2002. — С. 3.

© Хэ Ли (lilyhe201147@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАШИ АВТОРЫ OUR AUTHORS

Abdulkhlimova R. — Dagestan State Medical University
abdulxalimova76@mail.ru

Abdulzhalilova K. — Dagestan State Medical University
abduljalilova58@mail.ru

Agayeva V. — Languages' University of Azerbaijan, Baku
city
vagayeva905@gmail.com

Aleksandrov A. — Birk branch of Bashkir State University,
Birk
alexei.a.p20@rambler.ru

Angaleva M. — PhD in philology, assistant professor of
the Russian Federation Defense Ministry
angalevama@yandex.ru

Bashilova E. — PhD of Philology, associate Professor at
the Moscow City Pedagogical University
bashiloval@mail.ru

Bazanova A. — PhD in Philological sciences, Associate
Professor, RUDN
baza89265851150@yandex.ru

Bystrova Y. — Ph.D., Associate Professor, Saratov State
Technical University
bystrovau@yandex.ru

Chochiev V. — Applicant, Gubkin Russian State University
of Oil and Gas (National Research University)
1@irs.ru

Dyakina A. — Doctor of Philological Sciences, Professor,
Yelets State University. I. A. Bunin

Dzhamaludinova A. — Dagestan State Medical
University
aishat9090@mail.ru

Efremov A. — Military Medical Academy (St. Petersburg)
efrandrew@gmail.com

Fedorov G. — Research Institute of National Schools of
the Republic of Sakha (Yakutia)
gav.fedorov@mail.ru

Gabdulkhakov R. — Birk branch of Bashkir State
University, Birk
ramzill@rambler.ru

Gruzintseva I. — Plekhanov Russian Economic University
(Moscow)
z313b@yandex.ru

He Li — Postgraduate student, Lomonosov Moscow State
University
lilyhe201147@gmail.com

Ilina A. — Candidate of Philological Sciences, Associate
Professor, RUDN

Jabrayilov G. — Linguistic's Institute named after Nasimi
of Azerbaijan National Academy of Sciences
gubad88@mail.ru

Kapustin E. — «BSU», Ulan-Ude
mr_kesport@mail.ru

Karnyushina V. — Candidate of philology BU VO «Surgut
state pedagogical university»
vkarnyushina@gmail.com

Kazambieva P. — The Federal State-Funded Educational
Institution of Higher Vocational Education "Dagestan State
Pedagogical University" (Makhachkala)
patimat-kazambieva@yandex.ru

Khusikhanov S. — Graduate student, Ingush State
University
kh.akhmed@mail.ru

Kicheeva K. — Katanov Khakass State University (Abakan)
kristi.tabakova@mail.ru

Kiselev S. — St. Petersburg State University
stak0607@list.ru

Konunov A. — Candidate of philological Sciences,
Research Institute of altaistics S.S. Surazakova, Gorno-
Altaysk
konun1974@mail.ru

Kovaleva D. — Ph.D., Associate Professor, Saratov State Technical University
dasha1109@mail.ru

Kravchenko A. — Postgraduate Student, Yelets State University. I. A. Bunin

Kupriyanova M. — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, RUDN
agi1212@mail.ru

Magomedova M. — Dagestan State Medical University
majsarat.magomedova62@mail.ru

Makarova T. — Plekhanov Russian Economic University (Moscow)
fortunatat@mail.ru

Olekhovich O. — Associate professor, Yekaterinburg, Urals State Medical University
olgaolech@yandex.ru

Ovsiannikov D. — PhD in History, Associate Professor, St. Petersburg State University
d.ovsiannikov@spbu.ru

Popova E. — PhD in Philological sciences, assistant lecturer, RUDN
e.o.popova@bk.ru

Rubina N. — Senior Lecturer, RUDN

Saginadze E. — PhD in History, senior fellow of the Saint-Petersburg State University
lelya-rus@mail.ru

Shingareva N. — Candidate of Legal Sciences, associate professor, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia V.Ya. Kikotya
shingareva@list.ru

Shorokhov V. — PhD in History, Associate Professor, St. Petersburg State University
v.shorokhov@spbu.ru

Smekalov S. — Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
slsmek@mail.ru

Soloveva N. — Associate Professor, North-Eastern Federal University named after M K Ammosov
juliasolo@rambler.ru

Song Yu — Graduate student, Moscow state University named After M. V. Lomonosov
235845291@mail.ru

Stepanov V. — Doctor of historical sciences, leading researcher, Institute of Economy of Russian Academy of Sciences (Moscow)
valerij-stepanov@mail.ru

Tang Jing — Graduate student, Moscow State University named after M.V. Lomonosov
anfisa.tan@me.com

Tutushkina V. — Candidate of pedagogical Sciences, associate Professor, Trekhgorny technological Institute branch of the National research nuclear University «MEPhI» (TTI NRNU MEPhI) in Trekhgorny
valeria.tutushkina@yandex.ru

Veremeichik A. — Candidate of historical Sciences, Senior lecturer, Belarusian state University (BSU)
arh-muz@mail.ru

Yanchenko D. — PhD in History, Associate Professor, St. Petersburg State University
yanchenko@spbu.ru

Yartsev S. — Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
s-yartsev@yandex.ru

Zapariy V. — Candidate of History, Associate Professor, Ural Federal University named after the first president of Russia BN. Yeltsin (Ekaterinburg)
pantera.zap@gmail.com

Zhevalov S. — Moscow State Pedagogical University
szhevalov@mail.ru

Zhurov A. — Candidate of historical sciences, associate professor, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia V.Ya. Kikotya
zhurov67@mail.ru

Zubarev V. — Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
parosta@mail.ru

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).

